ИНДРИК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

М. Н. Саенко

Очерки по славянской соматической лексике

Часть II

Москва
2026

УДК 81
С 14

Рецензенты:
д-р филол. наук, академик РАН А. Е. Аникин,
д-р филол. наук А. Ф. Журавлёв

Ответственный редактор
М. Н. Толстая

Саенко М. Н.

С 14 Очерки по славянской соматической лексике. Ч. II. – М.: Индрик, 2026. – 368 с.

ISBN 978-5-7576-0541-8 **DOI: 10.31168/7576-0541-8**

Книга посвящена славянским обозначениям внутренних органов – мозга, печени, лёгких, почек, селезёнки, желудка, кишок, мочевого пузыря, желёз, тестикул. Изучены также названия плоти, суставов, рта, языка, дёсен, нёба и зубов (включая резцы, клыки и коренные зубы). Реконструированы праславянские обозначения, а также составлен каталог семантических дрейфов в случае инновационных терминов. Для праславянских обозначений проведена тщательная реконструкция формы с поправкой отмеченных в существующей научной литературе неточностей, восстановлена семантика и проанализирована этимология (в ряде случаев предлагаются новые решения).

ISBN 978-5-7576-0541-8

© М. Н. Саенко, текст, 2026
© Издательство «Индрик», 2026

Оглавление

I. Введение

I.1. Проблемы реконструкции праславянской соматической лексики.... 11
I.2. Праславянский язык и его диалекты 12
I.3. Насколько точно мы можем реконструировать праславянскую соматическую лексику? 15
I.4. Родовые варианты 22
I.5. Конкуренция и мена суффиксов 25

II. Праславянское *plъtь

II.1. Реконструкции семантики *plъtь в литературе 29
II.2. Материал
II.2.1. Старославянский 29
II.2.2. Современные южнославянские языки 31
II.2.3. Западнославянские языки 32
II.2.4. Восточнославянские языки 33
II.2.5. Совокупность значений 34
II.3. Семантические сдвиги 35
II.4. Этимология 40

III. Сустав

III.1. Праславянское *čelnъ
III.1.1. Реконструкции *čelnъ в литературе 42
III.1.2. Материал 43
III.1.3. Анализ семантики континуантов *čelnъ 56
III.1.4. Этимология 62
III.2. Инновационные названия суставов
III.2.1. Дериваты от *stawiti 68
III.2.2. Дериваты от *gybati 70
III.2.3. *sъglobъ 70
III.2.4. *klǫbъ 71
III.2.5. *kľučь 72
III.2.6. Локальные инновации 72
III.2.7. Заимствования 75

IV. Рот

IV.1. Праславянское *usta 76
IV.2. Праславянское *gъtъ
IV.2.1. Реконструкции семантики *gъtъ в литературе 76
IV.2.2. Материал 77
IV.2.3. Производные 83
IV.2.4. Реконструкция семантики 84
IV.2.5. Этимология 89
IV.3. Инновационные названия рта
IV.3.1. Праславянское *pyskъ 95
IV.3.2. Польское *japa* и его «рифмы» 97
IV.3.3. Прочие инновационные названия 98
IV.3.4. Заимствования 108

V. Язык 112

VI. Десна

VI.1. Праславянское название десны
VI.1.1. Реконструкция и этимология 114
VI.1.2. Материал 115
VI.1.3. *dęsno vs. *dęslo 120
VI.1.4. Словенское *dl-* 122
VI.1.5. *dęsna vs. *dęsnь 123
VI.1.6. *dęsna vs. *dęsno 125
VI.1.7. Формы с начальным *j-* 127
VI.1.8. Проблема русского вокализма 129
VI.2. Инновационные названия десны
VI.2.1. Метонимические обозначения 130
VI.2.2. Прочие обозначения 131
VI.2.3. Заимствованные обозначения 132

VII. Зубы

VII.1. Общие обозначения зубов 133
VII.2. Обозначения резцов
VII.2.1. По функции 134
VII.2.2. По местоположению 136
VII.2.3. Прочие обозначения резцов 136
VII.2.4. Праславянское обозначение резцов 136
VII.3. Обозначения клыков
VII.3.1. Праславянское обозначение клыков 137
VII.3.2. Инновационные названия клыков 137

VII.4. Обозначения коренных зубов
VII.4.1. *černowъ(jь) zǫbъ 139
VII.4.2. *kǫtьnъ(jь) zǫbъ 155
VII.4.3. Инновационные названия коренных зубов 157
VII.4.4. Заимствованные обозначения коренных зубов 158

VIII. Нёбо
VIII.1. Праславянское обозначение нёба 160
VIII.2. Инновационные обозначения нёба 160
VIII.3. Заимствованные обозначения нёба 161

IX. Мозг
IX.1. Праславянское название мозга 162
IX.2. Инновационные и заимствованные названия мозга 165

X. Железа
X.1. Праславянское *želza
X.1.1. Семантика 167
X.1.2. Этимология 169
X.1.3. Вторичные явления в форме слова 170
X.2. Инновационные названия железы 172

XI. Сердце
XI.1. Праславянское *sьrdьce 174
XI.2. Инновационные и заимствованные названия сердца 175

XII. Парные названия лёгких и печени
XII.1. Принципы парной номинации внутренних органов 176
XII.2. Тяжёлая печень – лёгкие лёгкие 176
XII.3. Твёрдая печень – мягкие лёгкие 178
XII.4. Чёрная печень – белые лёгкие
XII.4.1. Персидский и тюркские языки 180
XII.4.2. Языки Кавказа 181
XII.4.3. Албанский, греческий, арумынский, мегленорумынский 182
XII.4.4. Болгарский, македонский, сербохорватский 183
XII.4.5. Венгерский, румынский, словацкий и украинский 185
XII.4.6. Словенский 188
XII.4.7. Романские языки (кроме балкано-романских) 189
XII.4.8. Кельтские языки 190
XII.4.9. Цыганский язык 190
XII.4.10. Лужицкие языки 191
XII.4.11. Заимствование или независимая инновация? 191

XIII. Лёгкие

XIII.1. Праславянское название лёгких
XIII.1.1. *pľuťe или *pluťe? 194
XIII.1.2. Континуанты *pľuťe и *pluťe 195
XIII.1.3. Соотношение *pľuťe и *pluťe в диахронии 203
XIII.1.4. Морфологическое членение слова *pľuťe 209
XIII.2. Инновационные и заимствованные обозначения лёгких 212

XIV. Печень

XIV.1. Праславянское *ętro 215
XIV.2. Инновационные названия печени
XIV.2.1. Континуанты *ǫtroba 217
XIV.2.2. Континуанты *drobъ 217
XIV.2.3. Континуанты *pečenь 218
XIV.2.4. Прочие названия 218
XIV.2.5. Заимствования 219

XV. Почка

XV.1. Праславянское обозначение почки 220
XV.2. Инновационные названия
XV.2.1. Дериваты от *lędwьję / *lędwьjě ‘поясница’ 221
XV.2.2. Восточнославянское *почка* 221
XV.2.3. Обозначения по форме 222
XV.2.4. «Живые» обозначения 223
XV.2.5. Прочие обозначения 224
XV.3. Заимствования 224

XVI. Селезёнка

XVI.1. Праславянское обозначение селезёнки
XVI.1.1. Имеющиеся реконструкции 228
XVI.1.2. *-en- / *-in- 229
XVI.1.3. *-en- / *-ø- 230
XVI.1.4. *-dz-* и *-dź-* 231
XVI.1.5. Прочие вторичные изменения согласных 233
XVI.1.6. Корневой вокализм 233
XVI.1.7. Формы на *-no и *-nь 236
XVI.1.8. Этимология 237
XVI.2. Инновационные и заимствованные названия селезёнки 245

XVII. Желудок

XVII.1. *želǫdъkъ и альтернативные формы
XVII.1.1. Реконструкция праформы 250
XVII.1.2. Этимология 252

XVII.2. Желудок жвачных животных 254
XVII.3. Инновационные названия желудка
XVII.3.1. Перенос с других частей тела 258
XVII.3.2. Прочие инновационные названия 260
XVII.4. Заимствования 262

XVIII. Кишка
XVIII.1. *čerwo 265
XVIII.2. *elito 266
XVIII.3. *kyšьka 268
XVIII.4. Прочие обозначения 271
XVIII.5. Заимствованные названия 275

XIX. Мочевой пузырь
XIX.1. Праславянское название мочевого пузыря:
*měxurъ или *měxyrʼь? 277
XIX.2. Инновационные названия
XIX.2.1. Дериваты на *-yrʼь 283
XIX.2.2. Прочие обозначения 285
XIX.2.3. Заимствованные названия 286

XX. Тестикулы
XX.1. Праславянское название тестикул 287
XX.2. Инновационные названия
XX.2.1. Перенос с других частей тела 292
XX.2.2. Перенос с круглых предметов 295
XX.2.3. Связь с деторождением 298
XX.2.4. Перенос с названий частей одежды 298
XX.2.5. Звукосимволические обозначения 298
XX.2.6. Прочие обозначения 299
XX.2.7. Кальки и заимствования 300

XXI. Заключение 301

SUMMARY 314

Библиография 318

Принятые сокращения 344

Регистр семантических дрейфов и дериватов 346

Словоуказатели
Праславянский 358
Праиндоевропейский 364
Прабалтийский; прагерманский; пракельтский; праностратический; пратюркский; прауральский 366

I. ВВЕДЕНИЕ[1]

I.1. Проблемы реконструкции праславянской соматической лексики

Настоящая книга является продолжением монографии, вышедшей четыре года назад ([Саенко 2022а])[2]. Первая часть была посвящена обозначениям частей туловища и ног. В данной работе мы сосредоточимся на названиях внутренних органов, а также мягких тканей, суставов, рта, языка, дёсен, нёба и зубов (включая резцы, клыки и коренные зубы)[3].

Реконструкция праславянской соматической лексики ставит перед исследователем следующие проблемы:

а) Состав лексико-семантической группы. Необходимо определить, названия каких частей тела можно восстановить для праславянского языка, а каких нет.

б) Реконструкция фонетического облика. Хотя фонетика большинства праславянских соматизмов восстанавливается без особого труда, некоторые случаи довольно проблематичны. В настоящей работе подробно обсуждаются сложности, связанные с названиями лёгких и селезёнки.

---

[1] Автор благодарит А. Е. Аникина, С. Г. Гаджиеву, В. С. Ефимову, А. Ф. Журавлёва, С. Л. Николаева, Г. П. Пилипенко, Е. А. Смирнову, А. Н. Соболева и Е. С. Узенёву за многочисленные ценные замечания и дополнения, позволившие значительно улучшить данную книгу. Особую благодарность автор выражает А. Р. Анютиной и В. В. Матвееву за прекрасные иллюстрации.

[2] Часть текста, вошедшего в данную монографию, была опубликована нами ранее в виде статей (см. [Саенко 2022б; Саенко 2023а; Саенко 2024б; Саенко 2024в; Саенко 2024а; Саенко 2019а; Саенко 2022в; Саенко 2023б]). Здесь этот материал представлен в дополненном и доработанном виде.

[3] Обозначения внутренних органов как в праславянскую эпоху, так и позже относились в первую очередь к анатомии животных, которых необходимо было регулярно разделывать. Однако в большинстве случаев обозначения рассматриваемых в книге частей тела у человека и у животных не различаются, хотя, конечно, есть и исключения. В связи с этим мы лишь в отдельных случаях оговариваем, к человеческой или животной анатомии относится то или иное слово.

в) Реконструкция морфологии. Для одних соматизмов затруднение вызывает определение рода и/или типа склонения праславянского слова (например, десна, селезёнка), для других – реконструкция суффикса (десна, желудок, мочевой пузырь).

г) Реконструкция семантики. Хотя некоторые слова являются достоверно праславянскими (*plъtь, *čelnъ, *gъtъ), значения их потомков в современных языках уже довольно значительно разошлись, и восстановление исходной семантики является нетривиальной задачей.

д) Этимологизация. Происхождение или детали происхождения многих соматизмов (*plъtь, *čelnъ, *gъtъ) по-прежнему недостаточно хорошо исследованы. Большинство словарей описывает этимологию слов лапидарно, чаще всего без разбора аргументов в пользу той или иной версии.

Существенное значение также имеет изучение соматической лексики современных славянских языков и говоров. Анализ распространённых способов номинации частей тела и выявление наиболее частотных направлений семантических переходов (см. регистр семантических дрейфов и дериватов в конце книги) не только вносит существенный вклад в семантическую типологию, но и способствует углубленному пониманию истории значений праславянских соматизмов, что немаловажно помимо прочего для этимологии.

I.2. Праславянский язык и его диалекты

В рецензии на первую часть настоящей работы Л. В. Куркина поставила нам в укор описание праславянского языка как некоего монолита, а не сложного, диалектно расчленённого образования [Куркина 2025: 356–357]. Действительно, именно так предстаёт перед читателем праславянская лексика как в первой, так и во второй частях наших «Очерков». Однако такое упрощение вызвано не нашим незнанием достижений лингвистики XX века, но является во многом вынужденным.

В лекции, прочитанной ещё в 1924 г., выдающийся нидерландский славист Н. ван Вейк обращал особое внимание на роль конвергенции при процессах переселения и колонизации. Известны случаи (верхненемецкие языковые острова в окрестностях городов Клеве и Гох, а также в западной Пруссии; язык африкаанс; английский язык в США и Канаде), когда некая территория была заселена носителями родственных, но отличающихся друг от друга говоров. В результате взаимодействия этих говоров рождался идиом, не имеющий наиболее ха-

рактерных черт родительских говоров. Подобные идиомы утрачивают старое диалектное членение, на место которого приходит новое, выработавшееся уже после переселения. Именно этим, по мнению ван Вейка, объясняется отсутствие старых праславянских диалектных различий [van Wijk 1927][4].

Трудно не согласиться с ван Вейком: если бы мы обладали данными только африкаанса, американского английского и латиноамериканского испанского, то мы бы никогда не смогли восстановить структуры диалектного членения нидерландского, английского и испанского языков в Европе.

Разумеется, переселение может происходить по-разному. В каких-то случаях носители разных говоров селятся несколько обособленно друг от друга, и смешение населения происходит постепенно, не приводя к быстрому затиранию старых диалектных различий. Однако если мы говорим о славянской ситуации, то нужно помнить, что практически все древнейшие известные нам фонетические и морфологические изоглоссы славянских языков возникли уже во время или после фазы активного расселения славян (V–VI вв.), то есть относятся не к праславянскому периоду, а общеславянскому, хоть такое деление и условно[5]. Таким образом, если мы реконструируем практически монолитный в фонетическом и морфологическом отношении праславянский язык для момента, непосредственно предшествующего распаду этого праязыка (а именно такова праславянская реконструкция в большинстве славистических работ, даже если в методологическом отношении авторами заявляется иное), то вряд ли следует ожидать, что лексика позволит нам восстановить картину древнейшего праславянского членения.

---

[4] К сожалению, аргументы ван Вейка не были услышаны мейнстримной славистикой XX века, см. обзор в [Saenko 2022].

[5] Любопытно, что Л. В. Куркина, не соглашаясь с такой временной отсечкой и возвращаясь к идее Трубецкого о том, что праславянская эпоха закончилась с падением редуцированных, одновременно обвиняет нас в отождествлении старославянского языка с праславянским [Куркина 2025: 356, 359]. Однако именно при широком понимании праславянской хронологии древнейшие старославянские памятники придётся объявить праславянскими. Мы же, определяя условный конец праславянской эпохи V–VI вв., можем провести чёткую границу между восстанавливаемым нами праязыковым состоянием и тем, что засвидетельствовано в письменных памятниках. При этом, конечно, древние письменные памятники в среднем ближе к праязыковому состоянию, чем современные языки и говоры, хотя есть и исключения (см. таблицу 1 ниже).

Исходя из этого мы считаем методологически правильным реконструировать праславянский язык как монолитный не потому, что он не делился на диалекты (почти все живые языки делятся, значит делился и праславянский), а потому, что в ходе взрывного расселения славян старые диалектные границы были затёрты и, скорее всего, мы никогда не сможем их правильно реконструировать. Так, вероятно, диссимиляция губных в слове *swoboda > *sloboda произошла только в части праславянских говоров, однако в реально засвидетельствованном материале мы видим почти повсеместное распространение континуантов обеих форм (см. таблицу 18 ниже), и вряд ли можем понять, каково было изначальное распределение форм без диссимиляции и с оной.

Более того, ограничения самой методики реконструкции праязыков почти наверняка не позволят нам восстановить лексическую систему праславянского языка на момент его распада со стопроцентной точностью. Какие-то слова утрачены для нас навсегда, поскольку не сохранились ни в одном языке-потомке, а какие-то случаи мы будем ошибочно архаизировать из-за параллельных послепраславянских процессов в отдельных славянских языках (гомоплазия).

Разумеется, это не значит, что не нужно даже и пытаться выйти за рамки монолитной модели праславянского языка. Если материал позволяет, то делать это необходимо. Так, в соматической лексике мы можем наблюдать, как, вероятно, ещё в праславянскую эпоху началось вытеснение одного слова другим, например, в случае названий шеи (*wъja > *šьja) и губы (*bъrna > *gǫba). Речь скорее о том, что монолитная модель – это модель по умолчанию, а все отклонения от неё надо тщательно доказывать, в противном случае мы получим сложную дифференцированную и полидиалектную картину праславянского языка, но при этом абсолютно ложную.

В рамках данной работы нам регулярно приходится отвечать на вопрос, являются ли те или иные слова либо их значения праславянскими, или же они возникли уже в отдельных языках независимо. Мы полагаем, что для того, чтобы слово считалось праславянским, желательно, чтобы его потомки были засвидетельствованы во всех трёх ветвях (южной, западной и восточной) славянских языков. Наличие слова в древнейших письменных памятниках также увеличивает его шансы на «праславянскость». Соответственно, праславянским значением (или значениями) будет скорее то, которое распространено

наиболее широко, хотя из этого правила существует и множество исключений.

Кроме того, слово следует считать праславянским, если у него есть внешние когнаты, то есть родственники за пределами славянских языков: вышеупомянутое *bъrna сохранилось только как болг. диал. *бъ́рна* ‘губа животного’, однако наличие литовского *burnà* ‘рот’ указывает на архаичность этого слова. В случае семантики более древним будет скорее то значение, у которого есть внешние параллели.

Наконец, слово с архаичной структурой имеет более высокие шансы быть праславянским, чем слово, образованное по продуктивной модели. Семантический дрейф по распространённой модели имеет более высокие шансы осуществиться независимо в отдельных языках-потомках, чем дрейф по редкой модели.

I.3. Насколько точно мы можем реконструировать праславянскую соматическую лексику?

Несомненно, представления древних славян об анатомии человека и животных по степени своей детализации были далеки от современного учебника анатомии. Тем не менее, как мы полагаем, они были довольно подробными и конкретными. Это несколько затруднительно проверить при помощи древнейших старославянских текстов (X–XI вв.), которые хоть и отстоят от времени начала распада праславянского языка (V–VI вв.) всего на несколько столетий, но в силу своей тематической ограниченности просто не содержат достаточного количества соматизмов. Здесь нам на помощь приходит «Шестоднев» Иоанна экзарха (864/865–927), созданный в начале X века в Болгарии. Сопоставление рукописи древнейшей редакции (сербская; ГИМ, Син. 345, 1263 г.) с рукописью ранней русской редакции (РГБ, МДА 145, XV в., по изданию [Баранкова, Мильков 2001]), протограф которой попал на Русь в XI в., может дать представление о языке протографа[6].

[6] Словарик анатомических терминов Иоанна экзарха по Шестодневу и «Богословию» представлен в статье М. Георгиева [Георгиев 1990], однако он неполон, и мы самостоятельно осуществили выборку соматизмов из текста Шестоднева.

Таблица 1

Праславянские соматизмы в сопоставлении со старославянскими[7]

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
общие обозначения			
*tělo ‘тело’	тѣло ‘тело’	тѣло ‘тело’	σῶμα ‘тело’
*udъ ‘часть тела’	оудъ ‘часть тела’	оудъ ‘часть тела’	μέλος ‘часть тела’
*koža ‘кожа’	кожа ‘кожа’	кожа ‘кожа’	δέρμα ‘кожа’
*plъtь ‘мягкие ткани’	плъть ‘мягкие ткани’	плъть ‘мягкие ткани’	σάρξ ‘мясо, плоть’
*tukъ ‘жир’	–	тоукъ ‘жир’	στέαρ ‘сало, жир’
*žila ‘сухожилие; кровеносный сосуд’	жила ‘сухожилие; кровеносный сосуд’	жила ‘сухожилие’	ἶς ‘сухожилие; кровеносный сосуд’ νεῦρον ‘сухожилие’
*členъ ‘сустав’	члѣнъ ‘сустав’	члѣнъ ‘сустав’	ἄρθρον ‘сустав’ ἁρμός/ἁρμονία ‘связь, скрепа; скрепление’
*kъlkъ ‘тазобедренный сустав’	–	–	–
голова			
*golwa ‘голова’	глава ‘голова’	глава ‘голова’	κεφαλή ‘голова’
*čelo ‘лоб’	чело ‘лоб’	чело ‘лоб’	μέτωπον ‘лоб’
*těmę ‘темя’	тѣмѧ ‘темя’	тѣмѧ ‘темя’	βρέγμα ‘темя’
*tylъ ‘затылок’	тълъ ‘затылок’	–	–
*skornь ‘висок’	скрания ‘висок’	кротафъ ‘висок’	κρόταφος ‘висок’
*lice ‘лицо’	лице ‘лицо’	лице ‘лицо’	πρόσωπον ‘лицо’
*olnita ‘щека’	–	ланита ‘щека’	σιαγών ‘челюсть, щека’
*čelьustь ‘челюсть’	челюсть ‘челюсть’	челюсть ‘челюсть’	σιαγών ‘челюсть, щека’
*oko ‘глаз’	око ‘глаз’	око ‘глаз’	ὀφθαλμός ‘глаз’

[7] Формы из Шестоднева приведены к стандартизованной старославянской записи. Предполагаемый греческий оригинал дан согласно изданию Айцетмюллера [Aitzetmüller 1–7].

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
*wěko ‘веко’	вѣжда ‘веко’	вѣко ‘веко’ вѣжда ‘веко’	βλέφαρον ‘веко’
*zěnica ‘зрачок’	зѣница ‘зрачок’	зѣница ‘зрачок’	κόρη ‘зрачок’
*nosъ ‘нос’	носъ ‘нос’	носъ ‘нос’	ῥίς ‘нос’
*nozdri ‘ноздри’	ноздри ‘ноздри’	ноздри ‘ноздри’	ῥίς ‘нос’ μυκτήρ ‘ноздря’
*uxo ‘ухо’	оухо ‘ухо’	оухо ‘ухо’	οὖς ‘ухо’
*usta ‘рот’	оуста ‘рот’	оуста ‘рот’	στόμα ‘рот’
*gǫba ‘губа’	оустьна ‘губа’	оустьна ‘губа’	χεῖλος ‘губа’
*ęzykъ ‘язык’	ѩзъкъ ‘язык’	ѩзъкъ ‘язык’	γλῶσσα ‘язык’
*nebo ‘нёбо’	нєбо ‘нёбо’	–	–
*dęsna ‘десна’	–	дѧснꙑ ‘дёсны’	–
*zǫbъ ‘зуб’	зѫбъ ‘зуб’	зѫбъ ‘зуб’	ὀδούς ‘зуб’
*kъlъ ‘клык’	–	–	–
шея			
*wъja ‘шея’ *šьja ‘шея’	вꙑа ‘шея’ шиа ‘шея’ (серб.)	вꙑа ‘шея’ шиа ‘шея’	τράχηλος ‘шея’ αὐχήν ‘шея’
*gъrdlo ‘горло’	–	–	–
*gъrtanь ‘гортань’	грътань ‘гортань’	грътань ‘гортань’	λάρυγξ ‘гортань’
*kъrkъ ‘шейные позвонки’	–	–	–
туловище			
*pьrsi ‘грудь’	пръси ‘грудь’	пръси ‘грудь’	στῆθος ‘грудь’
*sъsъ ‘сосок’	съсъ ‘сосок’ (серб.) съсьць (рус.)	съсъ ‘сосок’	μαστός ‘женская грудь, сосок’ θηλή ‘сосок’
*čerwo ‘живот’ *br’uxo ‘живот’	чрѣво ‘живот’	чрѣво ‘живот’	κοιλία ‘живот, внутренности, желудок’ γαστήρ ‘желудок, живот’
*pǫpъ ‘пупок’	пѫпъ ‘пупок’[8]	–	ὀμφαλός ‘пупок’

[8] В тексте русской рукописи искажение – поутъ (л. 241б) [Баранкова, Мильков 2001: 608].

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
*xrъbьtъ ‘спина’	хрьбьтъ / хрибьтъ ‘спина’	хрьбьтъ / хрибьтъ ‘спина’	νῶτος ‘спина’ ῥάχις ‘спина, позвоночник’
*plet’e ‘верхняя часть спины, лопатка’	плещи ‘плечо, спина’	плещи ‘плечо, спина’	ὦμος ‘плечо’ νῶτος ‘спина’
*lędwьję / *lędwьjě ‘поясница’	–	лѧдвиꙗ ‘поясница’	ψύαι ‘поясница’
*pazuxa ‘подмышка’	–	пазоуха ‘подмышка’	μασχάλη ‘подмышка’
*bokъ ‘бок’	бокъ ‘лоно матери’	–	–
*čersla ‘пах’	чрѣсла ‘пах’	чрѣсла ‘пах’	ὀσφύς ‘бёдра, бока, поясница’
*rity ‘ягодицы’	–	–	–
руки			
*rǫka ‘рука’	рѫка ‘рука’	рѫка ‘рука’	χείρ ‘рука’
*desnica ‘правая рука’	десница ‘правая рука’	десница ‘правая рука’	δεξιά ‘правая рука’
*šujьca ‘левая рука’	–	шоуица ‘левая рука’	ἀριστερά ‘левая рука’
*ormo ‘плечо’	рамо ‘плечо’	рамо ‘плечо’	ὦμος ‘плечо’
*olkъtь ‘локоть’	–[9]	лакъть ‘локоть’	ἀγκών ‘локоть’
*zapęstьje ‘запястье’	–	–	–
*pęstь ‘кулак, кисть’	–	пѧсть ‘кулак’	–
*dolnь ‘ладонь’	–	длань ‘ладонь’	παλάμη ‘ладонь’
*pьrstъ ‘палец’	прьстъ ‘палец’	прьстъ ‘палец’	δάκτυλος ‘палец’
*palьcь ‘большой палец’	–	–	–
*mězinьcь ‘мизинец’	–	–	–
*nogъtь ‘ноготь’	ногъть ‘ноготь’	ногъть ‘ноготь’	ὄνυξ ‘ноготь’

[9] Слово лакъть в тексте Шестоднева присутствует, но только как обозначение меры длины.

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
ноги			
*noga ‘нога’	нога ‘нога’	нога ‘нога’	πούς ‘нога’
*bedra ‘боковая поверхность таза’	ведра ‘боковая поверхность таза’	ведра ‘боковая поверхность таза’	μηρός ‘бедро, тазобедренный сустав’ ὀσφύς ‘бедро; бок; тазобедренный сустав; поясница’
*stegno ‘бедро’	–	стегно ‘бедро’	σκέλος ‘бедро; голень; нога’ μηρός ‘бедро, тазобедренный сустав’
*kolěno ‘колено’	колѣно ‘колено’	колѣно ‘колено’	γόνυ ‘колено’
*lysty, *lytъka ‘голень’	–	лъисть ‘голень’	κνήμη ‘голень’
*golěnь ‘передняя часть голени’	–	голѣнь ‘голень’	σκέλος ‘бедро; голень; нога’ κνήμη ‘голень’
*jьkro ‘икра’	–	–	–
*gleznъ ‘щиколотка’	глезнъ ‘щиколотка’ (серб.)	глезнъ ‘щиколотка’	ἀστράγαλος ‘щиколотка’
*stopa ‘стопа’	–	стопа ‘стопа’	ἴχνος ‘стопа’
*plesno ‘подъём’	–	плесно ‘стопа, подошва’	ἴχνος ‘стопа’
*pęta ‘пятка’	–	пѧта ‘пятка’	πτέρνα ‘пятка’
внутренние органы			
*ǫtroba ‘внутренности’	жтроба ‘внутренности’	жтроба ‘внутренности, живот’	ἔγκατα ‘внутренности’ σπλάγχνα ‘внутренности’ γαστήρ ‘желудок, живот’
*mozgъ ‘головной мозг; костный мозг’	мозгъ / мозъкъ / мождени ‘головной мозг’	мозгъ ‘головной мозг; костный мозг’	ἐγκέφαλος ‘головной мозг’
*plʹuťe ‘лёгкое’	плюща ‘лёгкие’	плюща ‘лёгкие’	πνεύμων ‘лёгкие’
*sьrdьce ‘сердце’	срьдьце ‘сердце’	срьдьце ‘сердце’	καρδία ‘сердце’
*ętro ‘печень’	ѩтра ‘печень’	–	ἧπαρ ‘печень’

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
*jьsto ‘почка’	исто ‘почка’	исто ‘почка’	νεφρός ‘почка’
*selzena ‘селезёнка’	слѣзена ‘селезёнка’	–	σπλήν ‘селезёнка’
*želǫdъkъ ‘желудок’	стомахъ ‘желудок’ сърище ‘желудок’	стомахъ ‘желудок’ сърище ‘желудок’	στόμαχος ‘желудок’
*želza ‘лимфоузел’	–	–	–
*měχyr’ъ ‘мочевой пузырь’	–	–	–
*elito ‘кишка’	подъчрѣвиѥ ‘кишки’	–	–
репродуктивная система			
*xujь ‘мужской половой орган’	–	–	–
*mǫdo ‘яичко’	–	–	–
*pizda ‘женский половой орган’	–	–	–
*ložesno ‘матка’	–	ложесна ‘матка’	μήτρα ‘матка’
скелет			
*kostь ‘кость’	кость ‘кость’	кость ‘кость’	ὀστέον ‘кость’
*lъbъ ‘череп’	лъвъ ‘череп’	–	–
*grǫdь ‘грудина’	грѫдь ‘грудина’	–	–
*rebro ‘ребро’	ребро ‘ребро’	ребро ‘ребро’	πλευρόν ‘ребро’
телесные жидкости			
*kry ‘кровь’	кръвь ‘кровь’	кры[10] ‘кровь’	αἷμα ‘кровь’
*slьza ‘слеза’	сльза ‘слеза’	сльза ‘слеза’	δάκρυον ‘слеза’
*slina ‘слюна’	–	слина ‘слюна’	–
*sьčь ‘моча’ *moča ‘моча’	–	–	–
*potъ ‘пот’	потъ ‘пот’	потъ ‘пот’	ἱδρώς ‘пот’
*zьlčь ‘желчь’	кржчина ‘желчь’	зльчь / жльчь ‘желчь’	χολή ‘желчь’

[10] Древняя форма nom. sg., позднее вытесненная acc. sg. кръвь, отмечена в медицинском трактате, содержащемся в рукописи Псалтыри Димитрия Синайского (Монастырь св. Екатерины, Cod. Sin. slav. 3/N, XI в.), л. 141ar1 [PDS 2: 481].

праславянский	Шестоднев	другие ст.-сл. памятники	основные греческие соответствия
волосяной покров			
*wolsъ ‘волос’	власъ ‘волос’	власъ ‘волос’	θρίξ ‘волос’
*bry ‘бровь’	бръвь ‘бровь’	бръвь ‘бровь’	βλέφαρον ‘веко’
*ręsa ‘ресница’	рѧснъ ‘ресница’	–	βλεφαρίς ‘ресница’
*ǫsъ ‘ус’	усъ ‘ус’	_	γένειον ‘верхняя челюсть’
*borda ‘подбородок; борода’	брада ‘подбородок; борода’	брада ‘борода’	πώγων ‘борода’ γένυς ‘нижняя челюсть’

Из 100 праславянских терминов, представленных в таблице (а этот список, безусловно, не является исчерпывающим[11]), в рукописях, включённых в корпус чешского Slovníku jazyka staroslověnského, своими континуантами представлены 69. В Шестодневе, в свою очередь, 61[12]. В совокупности, однако, это даёт 80 континуантов из 100, причём отсутствие остальных вызвано тематической ограниченностью текстов. Таким образом, тело человека по-праславянски и старославянски могло быть описано сравнительно полно и точно, а праславянская реконструкция ожидаемо отличается от старославянских текстов лишь в деталях.

К прямым грецизмам у Иоанна экзарха относятся: корѵфи < κορυφή ‘макушка’ (пояснено как врьхъ); инию < ἰνίον ‘затылок’ (пояснено как тълъ); ловоса < λοβός ‘мочка уха’ (пояснено как краи оушесе); артирига < ἀρτηρία ‘трахея’; торак(с)ъ < θώραξ ‘грудная клетка’; исофагъ < οἰσοφάγος ‘пищевод’; стомахъ < στόμαχος ‘отверстие желудка’; итронъ < ἦτρον ‘нижняя часть живота’; френесъ < φρένες ‘диафрагма; мышление’ (пояснено как мъысли).

[11] Альтернативные перечни праславянской соматической лексики см. в Boryś 2020 и Ligorio 2022. Список может быть значительно расширен за счёт обозначений частей тела животных, которые в Шестодневе также представлены: вльна, въıмѧ, длака, жѧло, крило, перо, рогъ, роүно, рълo, слѣзъ, чешоүга и т. д. Кроме того, у Иоанна экзарха можно найти такие термины, как хрѧставъкъ ‘хрящ’ и очочие ‘глазница’.

[12] Ещё в нескольких случаях у Иоанна экзарха мы находим инновации: вѣжда ‘веко’, оүстьна ‘губа’, сѣрище ‘желудок’, подъчрѣвие ‘кишки’, кржчина ‘желчь’.

В некоторых случаях Иоанн экзарх прибег к калькированию, чаще всего при переводе фрагментов «Истории животных» Аристотеля: πόρος ‘канал, нерв’ – **кродъ**; ἐγκέφαλος ‘головной мозг’ – **главьникъ**; παρεγκεφαλίς ‘мозжечок’ – **приглавьница**; οὐρανίσκος ‘нёбо’ – **небесьникъ**; ὑπερῴα ‘нёбо’ – **горьница**; ἐπιγλωττίς ‘надгортанник’ – **приꙗзычьница**; σταφυλή ‘нёбный язычок’ – **листъ**[13]; ἐπωμίς ‘тыльная часть шеи’ – **оплещиѥ**; κοιλία ‘желудочек сердца’ – **чрѣво**; διάζωμα ‘диафрагма’ – **прѣпоꙗсаниѥ** (пояснено как **прѣграда торачьскаꙗ**).

В связи с неоднозначностью славянского **жила** греческое φλέψ ‘вена’ в Шестодневе передаётся коллокацией **кръвавааꙗ жила** или универбатом **кръвавица**.

Не всегда заимствование или калькирование вызвано нехваткой соответствующего славянского термина, однако в ряде случаев это действительно так. Например, для праславянского не восстанавливается название пищевода, а современные языки демонстрируют поздние и довольно разнообразные его обозначения: болг. *хранопровóд*, мак. *хранопровод*, схр. *jêdnjāk*, слвн. *požirâlnik*, чеш. *jícen*, слвц. *pažerák*, в.-луж. *jědnica*, н.-луж. *póžerawa*, пол. *przełyk*, бел. *стрававóд*, укр. *стравохíд*, рус. *пищевóд*. То же можно сказать о мочке уха, ср.: болг. *висýлка*, мак. *ресичка*, схр. *rèsica*, слвн. *mẹ́čica*, чеш. *lalůček*, слвц. *lalôčik*, в.-луж., н.-луж. *lapka*, пол. *płat*, бел., укр., рус. *мóчка*.

I.4. Родовые варианты

Проблема родовых вариантов неодушевлённых существительных и обоснованность их реконструкции для праславянского языка уже обсуждалась в [Саенко 2022а: 20–22], однако, как мы полагаем, этот вопрос требует дополнительного комментария.

Хотя в рамках одного языка, диалекта или даже говора могут синхронно сосуществовать родовые варианты одного и того же слова, это, как правило, не массовое явление[14]. В то же время только в одном

[13] Возможно, изначально в протографе здесь было **кысть** [Aitzetmüller 6: 221].

[14] На первый взгляд, необычайно много дублетов, если говорить о частях тела, представлено в латыни. Это *calx* f. ~ m. ‘пятка’, *collus* ~ *collum* ‘шея’, *corius* ~ *corium* ‘кожа, шкура’, *cubitus* ~ *cubitum* ‘локоть’, *dorsus* ~ *dorsum* ‘спина’, *frōns* f.~m. ‘лоб’, *labium* ~ *labia* ‘губа’, *nāsus* ~ *nāsum* ‘нос’, *uterus* ~ *uterum* ‘живот, брюшная полость’. Однако часть примеров может объясняться употреблением аккузатива в качестве подлежащего в определённых функциях и вызванным этим явлением диахронным переходом существительного из мужского рода в средний [Rovai 2012: 96–100]. Часть объясняется иначе, см. ниже.

8-м томе Этимологического словаря славянских языков можно найти следующие реконструкции: *xala / *xalъ; *xarъka / *xarъkъ; *xlupъ / *xlupь; *xodъ / *xoda; *xormъ / *xorma; *xorolupa / *xoroluръ; *xręstъkъ / *xręstъka; *xripota / *xripotъ; *xъbъzъ / *xъbъza; *xъbъtъ / *xъbъta; *xъrbelъ / *xъrbelь; *xъrbъ / *xъrba; *xyba / *xybъ; *xyma / *xymъ; *xyzъ / *xyza; *jagla / *jaglo / *jaglъ; *jaro / *jara / *jarъ; *jato / *jata / *jatъ; *jat(ъ)va / *jat(ъ)vo; *jugъ / *jugo / *juga; *jurikъ / *jurica; *južina / *južinъ; *jьgъla / *jьgъlo / *jьgъlъ; *jьkra / *jьkro; *jьlъ / *jьlo / *jьla; *jьmъ / *jьmь; *jьnьjь / *jьnьje / *jьnьja; *jьverъ / *jьvero.

Вряд ли праславянский был типологическим отклонением, в рамках которого дублетность была не редкостью, но нормой. Скорее дело в том, что не все формы современных языков и говоров следует напрямую транслировать в праславянскую древность, поскольку, как нам известно по множеству примеров, смена рода у отдельных слов регулярно наблюдалась в истории славянских языков.

Сомнительно, что кто-либо решится на основе болгарской диалектной формы *ˈkoncə* (f.) (пункт ОЛА 852) [ОЛА БМ 2013: 152], представленной только в одном пункте Общеславянского лингвистического атласа из 830, реконструировать для праславянского *konьcь ‘конец’ дублет женского рода. Также вряд ли формы *mè:s* (m.) (44a)[15] и *m’ęsa* (f.) (266) [ОЛА ФГ 2a/10] могут служить основой для реконструкций, альтернативных *męso ‘мясо’. То же в случае 3 пунктов из 830: *dę́:ł* (m.) (8), *dę́:u̯* (m.) (9), *dé:ł* (m.) (16) при среднем роде (*dělo) во всех остальных [ОЛА ФГ 1/20] или *cepa* (f.) (245, 250, 269) при *cěръ в остальных [ОЛА ФГ 1/10]. Но где проходит граница? Хватит ли 4 пунктов, как в случае *tì:st* (m.) ‘тесто’ (44a–46, 57) [ОЛА ФГ 1/6]? Или 5, как в случаях *koˈli:na* (f.) (19), *ˈko̯lina* (f.) (44a), *kólena* (f.) (55), *koˈlęna* (f.) (149), *kolana* / *kulana* (f.) (266) ‘колено’ [ОЛА ФГ 1/26] и *vim* (m.) (44a), *ˈvьmen* (m.) (149), *vymiń* (m.) (320, 321), *vym’ona* (f.) (238) ‘вымя’ [ОЛА ФГ 2a/41]? Может быть, десяти, как в случае *łakto* (96, 101), *ˈłakto* (103, 105), *łako* (99, 106), *ˈłako* (107, 109, 110), *ˈla:kto* (147a) ‘локоть’ [ОЛА ФГ 4a/17]?

Единичными формами всё не исчерпывается. Инновации могут получать и широкое распространение. Так, значительную центральную часть словенских говоров занимает форма *čel* (m.) ‘лоб’ при находящихся на периферии ареалах форм *čela* (f.) и *čelo* (n.) [SLA 1/11], что выглядит как классический пример инновации в центре и архаиз-

[15] В молизскохорватском говоре пункта 44a (коммуна Круч / Аккуавива-Коллекроче) средний род под итальянским влиянием исчез.

ма на периферии, то есть уже даже сами словенские данные говорят о вторичности форм *čel* и *čela*, не говоря уже о том, что формы всех остальных славянских говоров восходят к *čelo [ОЛА ФГ 6/61].

Плечо в большинстве словенских говоров (а также в литературном языке) обозначается формой женского рода – *rama*. Только в части приморских говоров сохранилась старое *ramo*, восходящее напрямую к праславянскому *ormo. Ещё в нескольких островках на периферии словенского ареала представлен вариант *rame* [SLA 1/29].

В некоторых русских говорах слово *се́рдце* может быть мужского рода [СРНГ 37: 189].

Ещё более поучительна история слова *bedra ‘бедро’, континуанты которого в древнейших памятниках письменности относятся к женскому роду, однако во всех современных литературных языках, где это слово сохранилось, обнаруживаются только формы среднего рода [Саенко, Szeptyński 2022].

Феномен смены рода в славянских языках связан со следующими факторами:

а) Совпадение ауслаута разных типов склонения в результате фонетических изменений. Так, благодаря аканью в русском появилась диалектная форма ˈ*t’eła* (f.) ‘тело’ (пункты 525, 805) [ОЛА ФГ 1/5], а в ряде говоров действует тенденция к распадению среднего рода [Пожарицкая 2005: 106–109]. Благодаря отвердению мягких согласных в болгарском стал возможен переход ряда существительных из женского рода в мужской (*печат*, *площад*) или наоборот, из мужского в женский (*вар* ‘известь’, *вечер*, *възраст*, *жар*, *кал* ‘грязь’, *пепел*, *пот*, *прах* ‘пыль’). В торлакском говоре села Каменица в мужской род перешли существительные, оканчивающиеся на согласный: *кр́в*, *жа́л*, *спа́с*, *ми́лос*, *ма́з*, *со́л*, *вла́с*, *по́моћ* [Јовановић 2004: 13].

б) Выстраивание корреляции между родом и типом склонения, что особо ярко проявилось в праславянский период: исчезновение *-o-основ женского рода, *-u-основ среднего и женского родов, *-ū- основ мужского рода, *-i-основ среднего рода [Саенко 2019г: 115–116]. В позднем праславянском стали исчезать также *-i-основы мужского рода, которые обычно переходили в *-jo-склонение, сохраняя род. Однако известны и примеры сохранения склонения при смене рода: рус. диал. *путь* (f.) и чеш. *pouť* (f.) ‘ярмарка’. Нечто подобное можно было наблюдать и в латыни. Так, *diēs* ‘день’ было единственным словом мужского рода 5-го склонения, и со временем стало переходить в женский, уподобляясь остальным существительным этого склонения.

в) Наличие в парадигмах амбивалентных форм, например, в случае *-ā-основ женского рода и *-o-основ среднего это loc. sg. *-ě, nom.-acc.-voc. du. *-ě, gen.-loc. du. *-u, gen. pl. *-ъ. Форма nom. sg. f. *-a могла переосмысляться как nom. pl. n. (или наоборот), что было характерно и для латыни [Rovai 2012: 101–105]. Частое употребление слова в какой-либо из этих форм могло приводить к тому, что новые поколения носителей «неправильно» достраивали парадигму и, соответственно, род слова. Этот механизм, конечно, работает и по сей день. Так, по свидетельству С. А. Бурлак, некий ребёнок старшего дошкольного возраста считал, что следует говорить не *овёс*, а *овсó*, по-видимому, достроив эту форму к gen. sg. *овса*, а также дериватам *овсяный* и *овсянка* [Бурлак 2021: 183].

г) Влияние семантически близких слов, например, *stegno на *bedra или *usta на *dęsna (f. > n. в части славянских языков). Такой фактор мог работать и за пределами славянских языков. Например, для смены рода *labia* > *labium* ‘губа’ в латыни Ф. Роваи предполагает влияние других парных частей тела, у которых на *-a* заканчивается nom. pl. среднего рода (*brachia* ‘предплечья, руки’, *calcanea* ‘пятки’, *cilia* ‘веки’, *genua* ‘колени’) [Rovai 2012: 106–107].

д) Влияние фонетически близко оканчивающихся слов, например, *prędeno, *pьšeno, *werteno, *zweno на континуанты *selzena (см. раздел XVI.1.7).

Кажется, что в такой ситуации разумно считать наличие родовых дублетов в праславянском скорее исключением, чем правилом, а также исходить из презумпции монолитности праславянского языка, то есть придерживаться подхода, при котором расхождения между родовыми вариантами современных славянских языков не переносятся на праславянский уровень автоматически, а по умолчанию считаются вторичными и лишь при наличии веских доказательств могут трактоваться как праславянские.

«Минимальными требованиями» для того, чтобы считать родовые варианты праславянскими, на наш взгляд, является наличие родовой вариативности во всех трёх ветвях славянских языков, а также присутствие этого явления в древнейших письменных памятниках.

I.5. Конкуренция и мена суффиксов

Восстановление точного облика праславянских слов затрудняют такие явления, как конкуренция и мена суффиксов.

Конкуренция заключается в возможности выражения одного и того же значения при деривации разными суффиксами (или сочетаниями суффиксов). Особенно ярко это видно при образовании диминутивов, например, рус. *волосы* > *волоски*, *волосики*; *голова* > *головка*, *головушка*; *нога* > *ножка*, *ноженька*; *рот* > *роток*, *ротик*; *рука* > *ручка*, *рученька*. Чаще всего такие дублеты различаются стилистикой и/или частотностью. Иногда параллельные дериваты дифференцируются семантически, ср. *глаз* > *глазок* – *глазик*; *лоб* > *лобок* – *лобик*; *нос* > *носок* – *носик*; *зуб* > *зубок* – *зубец*. Что немаловажно, такие дериваты могут появляться неодновременно. Так, *глазок*, согласно данным Национального корпуса русского языка, появляется уже во второй половине XVIII в. (И. И. Лепехин. Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году (1768–1769)), в то время как *глазик* – на полтора века позже (Андрей Белый. Москва (1926)) [НКРЯ]. Вероятно, необходимость в новом диминутиве была вызвана тем, что за формой *глазок* уже закрепилось несколько переносных значений[16]. Аналогичным образом формы *носок* и *лобок* старше новых диминутивов *носик* и *лобик*.

В чешском языке суффиксы *-och* и *-ouš* конкурируют при образовании существительных от прилагательных: *starý* ‘старый’ > *staroch* ‘старик’, *starouš* ‘старик’ (редк.); *tlustý* ‘толстый’ > *tlusťoch* ‘толстяк’, *tlusťouš* ‘толстяк’ (редк.). В других случаях значения дифференцированы: *bílý* ‘белый’ > *běloch* ‘белый человек’, *bělouš* ‘белая лошадь’; *černý* ‘чёрный’ > *černoch* ‘негр’, *černouš* ‘вороная лошадь’. При этом диминутивы обычно образованы от *-ouš*, а не *-och*, таким образом, со словом *černoch* ‘негр’ соотносится *černoušek* ‘негритёнок’.

Проблема мены суффиксов уже обсуждалась в [Саенко 2022а: 22–23], однако количество представленных примеров следует расширить, чтобы продемонстрировать масштаб явления. Как правило, мена осуществляется в случае фонетически сходных суффиксов.

На основании ст.-сл. **молитва**, болг. *моли́тва*, мак. *молитва*, схр. *mòlitva*, слвн. *molîtev*, в.-луж. *modlitwa*, н.-луж. *módlitwa*, пол. *modlitwa*, бел. *малі́тва*, укр. *моли́тва*, рус. *моли́тва* без труда реконструируется *modlitwa ‘молитва’. Из этого ряда выбиваются чеш. и слвц. *modlitba*, а также схр. гапакс *molitba* [RHiSJ 6: 912]. Как показывает древнечешское *modlitva*, а также факт изолированности сербохорватской формы,

[16] Во множественном числе дифференциация была проведена при помощи ударения: *гла́зки* – *глазки́*.

мы имеем дело с меной исконного *-tva* на *-tba* по ассоциации с такими существительными, как (в случае чешского) *plemenitba* ‘разведение племенного скота’, *setba* ‘сев’, *ženitba* ‘женитьба’ и т. д.

То же в случае континуантов *gonitwa, сохранившихся в слвн. *gonîtev* ‘погоня’, в.-луж. *hońtwa* ‘охота’, н.-луж. *góńtwa* ‘id’, пол. *gonitwa* ‘погоня’, укр. *гони́тва* ‘id’, однако видоизменённых в случае болг. *гони́тба* ‘погоня’, схр. устар. *gònidba* ‘id’ [RHiSJ 3: 208], чеш. *honitba* ‘травля, охота’ (при др.-чеш. *honitva*).

Аналогичен пример праслав. *klętwa, сохранившегося в ст.-сл. клѧтва ‘клятва; проклятие’, болг. *кле́тва* ‘id’, мак. *клетва* ‘id’, схр. *klêtva* ‘проклятие’, слвн. *klẹ̑tev* ‘id’, пол. *klątwa* ‘id’, бел., укр., рус. *кля́тва*, но давшего чеш. *kletba* ‘проклятие’, слвц. *kliatba* ‘id’, а также слвн. *klêtba* ‘id’ (только у Плетершника).

Праславянский дериват от *kura ‘курица’ – *kury (gen.sg. *kurъwe) ‘meretrix’ – хорошо сохранился в современных языках (с переходом в *-ā-основы): болг. *ку́рва*, мак. *курва*, чеш., слвц. *kurva*, в.-луж., пол. *kurwa*, бел., укр. *ку́рва*. Однако в сербохорватском и словенском наряду с *kûrva* присутствует и *kûrba*, что объясняется влиянием существительных на *-ьba, например, слвн. *glâsba* ‘музыка’, *stâvba* ‘здание’, *tvọ̑rba* ‘форма, фигура’ и т. д.

Праславянское *motyka видоизменилось в *моты́га* в современном русском под влиянием таких слов, как *булды́га*, *булы́га*, *мостолы́га*, *чапы́га*, *прощелы́га*, *сквалы́га*, *топты́га*, *торопы́га* и т. д.

Древнечешское *sěkyra* ‘топор’ отразилось в современном чешском как *sekyra* (реже) / *sekera* (чаще), возможно, под влиянием таких слов, как *mezera* ‘пробел, промежуток’, *kučera* ‘кудряшка’, *chuděra* (реже *chudera*) ‘бедняжка’[17]. Следует сказать, что, как будет показано в разделе XIX.1, среди суффиксов, содержащих *-r-*, феномен мены очень распространён.

[17] То же применимо и к словацкому *sekera* (впрочем, Л. Кралик объясняет эту форму межслоговой ассимиляцией гласных *e–y* > *e–e* [Králik 2015: 524]), но не к польскому *siekiera*, где *-e-* возник фонетически закономерно, ср. переход *i* и *y* в положении перед *r*/*ř*: пол. *cztery* ‘четыре’, *pożerać* ‘пожирать’, *sierota* ‘сирота’, *szeroki* ‘широкий’, *umierać* ‘умирать’, *zabierać* ‘забирать’, *nietoperz* ‘летучая мышь’, *perz* ‘пырей’. Лужицким языкам, для которых характерна форма *sekera*, это явление тоже известно, хотя, в отличие от польского, только для *i*: в.-луж. *měr* ‘мир’, *póžěrać* ‘пожирать’, *šěroki* ‘широкий’, *wotebĕrać* ‘отбирать’, *wuměrać* ‘умирать’; н.-луж. *měr* ‘мир’, *póžeraś* ‘пожирать’, *wótebĕraś* ‘отбирать’, *wuměraś* ‘умирать’, но в.-луж. *štyri* ‘четыре’, *njetopyr* ‘летучая мышь’, н.-луж. *styri* ‘четыре’, *njetopyŕ* ‘летучая мышь’. Белорусское *сякéра* может объясняться польским влиянием.

Наконец, отметим, что мене подвержены не только суффиксы, но и приставки. Так, для южнославянских языков характерна утрата приставки *wy- в пользу *jьz-, а для западнославянских наоборот. Префикс *pro- был утрачен в пользу *per- в польском (*prze-*), словацком (*pre-*) и словенском (*pre-*).

II. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *PLЪТЬ

II.1. Реконструкции семантики *plъть в литературе

Слово *plъть[1] является без сомнения праславянским. Однако семантика его континуантов в языках-потомках серьёзно разнится, и реконструкция истории дрейфов этих значений является отдельной задачей, решить которую мы постараемся далее.

В литературе можно найти следующие определения слова *plъть:

- ‘тело, кожа’ из первоначального ‘наплыв, наплывшее, натёк’ [Трубачёв 1: 545];
- ‘о человеческом теле и его гладкой коже’ (‘o ciele ludzkim i jego gładkiej skórze’) [Bańkowski 2: 623];
- ‘тело, кожа’ (‘тіло, шкіра’) [ЕСУМ 4: 454];
- ‘человеческая кожа, цвет кожи, кожа лица’ (‘skóra ludzka, barwa skóry, cera’) [Boryś 2005: 444];
- ‘кожа’ (‘koža’) [Snoj 2016: 566; Šekli 2018: 123].

Кроме того, А. Баньковский предполагал, что более древним значением могло быть ‘мешок из шкуры, использующийся при переправах через реку’ [Bańkowski 2: 623].

В свою очередь А. К. Шапошников утверждал, что «развитие значения шло от “истечение (семени)” и “наплыв, натёк” к “вылитый родитель, воплощение” и далее к “тело”» [Шапошников 2: 140].

II.2. Материал

II.2.1. Старославянский

Основные словари старославянского языка дают слову **плъть** следующие определения:

---

[1] Что касается ударения, схр. *pȕt* (gen. sg. *pȕti*) и слвн. *pọ̑lt* (gen. sg. *poltî*) указывают на краткий циркумфлекс в праславянском – *plъ̑ть. В древнерусском слово изначально относилось к а. п. *c* [Зализняк 2019: 669]. Авторы «Этимологического словаря хорватского языка» реконструируют *plъ̀ть (краткий ударный слог) и а. п. *c* [ERHJ 2: 258].

• ‘Fleisch (des Menschen)’ [Sadnik, Aitzetmüller 1955: 87];
• ‘tělo, maso; тело, мясо, плоть; Körper, Leib, Fleisch; tělesná žádost; плотское желание; fleischliche Gelüste’ [Gorazd];
• ‘тело tělo; перен. живое существо stvoření; перен. плотское желание; tělesná žádost’ [СтСл 1994: 451];
• ‘плът, тяло, месо; прен. плътско, сладострастно желание; похот’ [СР 2: 220].

В старославянских памятниках **плъть** чаще всего переводит греческое σάρξ ‘мясо, плоть, тело’[2], в то время как **тѣло** – σῶμα ‘тело, труп’, а **мясо** – κρέας ‘мясо’.

Попробуем определить семантику слова **плъть**. Для начала отметим, что **тѣло** является гиперонимом по отношению к **плъть**:

а) κατατριβῶσιν σάρκες σώματος σου – **истрѧтъ сѧ плъти тѣла твоего** (Паремейник Григоровича, XII–XIII вв., юж.-сл.) [Gorazd], в Синодальном переводе: «плоть твоя и тело твое будут истощены» (Притчи 5:11);

б) μηδὲ ἐπιδιαμένουσαν μετὰ τὴν τῆς σαρκὸς διάλυσιν [Aitzetmüller 5: 120] – **ꙗ҆ко се разорить плъть тѣлесе того** (Шестоднев, ГИМ, Син. 345, л. 184г), **ꙗ҆ко же сѧ разо́рить плѣ́ть тѣлесе того̀** (ГИМ, Син. 35, л. 128а), **ꙗко сѧ разорить плоть телесе того** (РГБ, МДА 145, л. 180а) «даже когда разрушится плоть этого тела» [Баранкова, Мильков 2001: 530, 769].

Часто **плъть** противопоставляется духу или душе, с одной стороны, и крови и костям – с другой:

а) τὸ μὲν πνεῦμα πρόθυμον, ἡ δὲ σάρξ ἀσθενής – **д҃хъ бо бѣдръ · а плъть немоштьна** (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие) [Gorazd] «дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26:41);

б) πνεῦμα σάρκα καὶ ὀστέα οὐκ ἔχει – **д҃хъ плъти и кости не имать҃ъ** (Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие) [Gorazd] «дух плоти и костей не имеет» (Лук 24:39);

в) **чл҃ка бо д҃ша въдоуновена творьцемъ · а скотиꙗ и҃ птица кръвь и҃ плъть ѥ҆сть ѿ землѧ · и ѿ воды** (Шестоднев, ГИМ, Син. 345, л. 210в), **чл҃ча бѡ д҃ша. въдоуновена творцемъ. а скотьꙗ, и пътичьꙗ, плоть, и кровь есть. ѿ землѧ, и ѿ воды** (РГБ, МДА 145, л. 213а) «Ведь Творец вдунул

[2] Единственный найденный нами случай, когда σάρξ переведено не как **плъть**: Ἐπὶ τοσοῦτον δὲ ἐξέσθη ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ μάρτυς, ἕως οὗ αἱ σάρκες αὐτοῦ πᾶσαι κατέπεσον εἰς τὸ ἔδαφος – **толико же стрѣганъ бꙑстъ сⷮ҃тꙑи ѥ҃жии мѫченикъ · дондеже мдса ѥмоу падоша вьса на земи** (Супрасльская рукопись 149, 21) [Codex Suprasliensis].

душу в человека, а душа животного и птицы есть плоть и кровь, [взятая] от земли и от воды» [Баранкова, Мильков 2001: 572, 788].

Также **плъть** выступает в качестве гиперонима к мышцам и жилам: **і в҃сѣкомоу неджгоу · ходѧщюмоу по плъти · і сковѣ мѧса · по жиламъ вънѫтрьнимъ** (Синайский евхологий 42a16) [Gorazd].

При этом **плъть** может быть не только человеческой: Οὐ πᾶσα σὰρξ, ἡ αὐτὴ σάρξ, ἀλλὰ ἄλλη μὲν σὰρξ ἀνθρώπων, ἄλλη δὲ σὰρξ κτηνῶν, ἄλλη δὲ ἰχθύων, ἄλλη δὲ πτηνῶν – **не вса҃ка плъть та же плъть, нъ ина оубо ч҃лкомъ, ина же плъть скотомъ, ина же птицамъ, ина же рꙑбамъ** (Христинопольский апостол, Охридский апостол, Слепченский апостол, все XII в.) [Gorazd] «Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц» (1Кор. 15:39).

Также **плъть** калькирует греческое обозначение крайней плоти: ὃς οὐ περιτμηθήσεται τὴν σάρκα τῆς ἀκροβυστίας αὐτοῦ – **иже не wбрѣзаетъ плъты акровьствиа своего** (Паремейник Лобковича), **плътию не wбрѣзаниа вашего** (Захариинский паремейник) [Gorazd] «который не обрежет крайней плоти своей» (Быт. 17:14).

В составе оборота **вьсѧ** / **вьсѧка плъть** искомое слово повторяет греческое πᾶσα σάρξ = ‘человечество’ [Gorazd].

Наконец, отметим, что **плъть** входит также в ряд словосложений-ка́лек: ἀσώματος – **бесплътьнъ**; φιλόσαρκος – **плътолюбивъ**, **плътолюбьнъ**; σαρκοφάγος – **плътоꙗдивъ** [Gorazd].

Таким образом, слово **плъть** в старославянском обозначало, по-видимому, мягкие ткани (не кости и не кровь) человека и животного. Противопоставление духа и плоти, скорее всего, возникло под влиянием христианства.

II.2.2. Современные южнославянские языки

В литературном болгарском существует слово *плът* (f.), значение которого соответствует старославянскому: ‘мясистая часть тела человека или животного; человеческое тело как целое, тленное, человеческая сущность; человеческое тело как источник чувственных, сексуальных желаний’ [РБЕ]. Почти то же мы находим в литературном македонском: *плот* (f.) ‘человеческое тело в значении его внешних физических свойств и чувственности’ [ОДРМЈ]. По всей видимости, оба этих слова попали в соответствующие литературные языки книжным путем.

В то же время имеется болг. диал. *плѣ́ти* ‘труп человека или животного’ (pl.) (Биримирци, Софийско) [БЕР 5: 373].

В сербохорватском засвидетельствовано слово *пӳт* (gen. sg. *пӳти*) ‘мясо, тело; кожа, цвет кожи; пол, половой орган; кровное родство’ [RHiSJ 12: 783–788].

В чакавском говоре деревни Орлец записана также форма *pêlt* (gen. sg. *peltȉ*) ‘цвет лица (complexion)’ [Houtzagers 1985: 319].

В современном литературном словенском *pôlt* (gen. sg. *poltî*) значит ‘цвет (человеческой) кожи; поверхность (человеческой) кожи, особенно на лице’ [SSKJ]. М. Плетершник приводил также значения ‘подложка расписанной ткани (der Boden eines geblümten Zeuges)’, ‘чувственность (die Sinnlichkeit)’[3] и ‘пол (spol)’. Последнее значение фигурирует у *polt* (m.) в составе выражения *moškega polta* ‘мужского пола’ в Постиле С. Креля [Pleteršnik 2: 133–134].

II.2.3. Западнославянские языки

Древнечешское *pleť* (gen. sg. *plti*) обозначало кожу на голове, как об этом недвусмысленно свидетельствуют источники:

а) kuože tlustá a chlupatá […]. A ta kuože jestiť tvrdá a sloveť pleť (Saličetova Ranná lékařství) [Erben 1867: 198–199] «кожа толстая и волосатая […]. И эта кожа тверда и называется *pleť*».

б) Přirozenie na leb málo masa jest přiložilo, protož v plti nemohú býti rány hluboké (Rhazesovo Ranné lékařství) [StčTB] «Природа на череп положила мало мяса, поэтому в *plti* раны не могут быть глубокими».

То же значение сохраняется у слова *pleť*[4] и в современном чешском (‘povrch lidské kůže (zvl. na obličeji)’). Как устаревшее отмечается значение ‘пол, особенно женский’ [SSJČ], однако, вероятно, это полонизм эпохи национального возрождения, которому не удалось закрепиться в чешском.

То же мы находим и в литературном словацком: *pleť* ‘povrch kože, najmä na tvári, pokožka na tele’ [SSJ 3: 90].

Нижнелужицкое *pleś* известно в значениях ‘цвет лица; страстное желание’ [Schuster-Šewc 15: 1101].

В древнепольских памятниках *płeć* (gen. sg. *płci*) известно только в значениях ‘тело (только человеческое); создание, живое существо;

[3] Со ссылкой на словарь У. Ярника [Jarnik 1832: 173].

[4] В современном чешском это слово склоняется уже с выровненной основой: *pleť – pleti*.

кожа; cerebellum’ (последнее значение помечено в словаре как dubium) [SStp 6: 166].

В словаре польского языка XVI в. мы находим уже более абстрактные определения: ‘1. Комплекс существенных черт, определяющий принадлежность к определённой категории; природа, свойства, склонности, тип; также индивидуумы, обладающие этими свойствами (обычно собирательно); 2. Комплекс черт, отличающих мужчин и женщин; также индивидуумы данного вида (главным образом собирательно); 3. Поверхность человеческого тела, кожа (особенно лица), а также её внешний вид, цвет и т. д.’ [SPXVI 24: 404–406].

В современном литературном польском *płeć* сохраняет только второе значение, ‘пол’. Однако в говорах представлено и ‘цвет человеческой кожи’ (Янки-Млоде, Остролэнкский повет) [Картотека SGP].

II.2.4. Восточнославянские языки

«Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» даёт слову **плъть** следующие основные определения: ‘плоть, тело, внешний вид, поверхность тела; крайняя плоть; живое существо; человеческая природа, плотское, земное начало в человеке (в противоположность духовному); навоз, кал’ [СДЯ 6: 435–437]. Однако, конечно, значительное количество процитированных памятников носит церковный характер и, следовательно, не обязательно отражает значения, характерные для живого древнерусского языка.

Следует особо оговорить выделение для **плъть** значения ‘навоз, кал’. В словаре это сделано на основании одного контекста: **цр҃ви же тиридадоу истоупльшю оума и плъть свою ѣдоущю** (Житие Григория Просветителя; Пролог 1313 г., ГИМ Син. 239, 41а). В Юрьевском прологе (XIV в., РГАДА Син. 153) вместо **плъть** читается **мотъıла** [СДЯ 6: 437], что и позволило авторам словаря сделать вывод о синонимии этих слов (контекстуальной, поскольку авторы снабдили значение ‘навоз, кал’ пометкой «зд.»). Однако мы полагаем, что здесь следует видеть не простую замену одного синонима другим, но смысловую разницу между версиями жития: в одной безумный царь ел свой кал, в другой – свою плоть. Выяснение того, какой вариант первичен, а также того, каковы были причины внесения правки, выходит за рамки данной работы. Для нас важно лишь то, что слово **плъть**, очевидно, не имело значения ‘кал’ в древнерусском.

Литературное белорусское *плоць* (f.) определяется как ‘тело живых созданий, главным образом человека (как противоположность

психики, духовного начала); тело как источник чувства, чувственности' [ТСБМ 4: 276]. Кроме того, у отдельных авторов и в диалектах отмечены значения 'пол', 'половые органы', 'перхоть', 'сперма' [ЭСБМ 9: 212–213], 'тело' [ТС 4: 62].

Определение, абсолютно аналогичное белорусскому, получило и украинское *плоть* [СУМ 6: 593].

И в русском литературном значение слова *плоть* довольно сильно схоже с тем, что мы находим в старославянском, – это мягкие ткани, тело, как правило, в противопоставлении духу. По всей вероятности, книжным влиянием оно во всех трёх литературных восточнославянских языках и обусловлено.

В русских говорах мы находим иную картину. Наиболее широко представлено значение 'перхоть' [СРНГ 27: 156; ВС 5: 122; СОГ 9: 119; СПГ 2: 107; СРГС 3: 256; СРГСУ 4: 36; БТСДК 2003: 370; Ванюшечкин 1: 53; НОС 2010: 829; Малеча 3: 203; СРГБ 2008: 252].

Другие засвидетельствованные значения – 'кожа на голове' [ОЛА ЛС 9/22], 'мужские половые клетки', 'икра, молока рыбы' [СРНГ 27: 156], 'сперма человека и животных' [Моисеев 2010: 126], 'цвет, тон' [СРГС 3: 256], 'тело, чувственность, половая страсть' [Малеча 3: 203]. Отметим также выражения *кото́ва плоть* 'менструация', *плотно́е* 'менструация' [ЯОС 5: 80; ЯОС 8: 9] и *(быть) во плоти* 'быть физически крепким, здоровым'[5] [СРГК 4: 550; НОС 2010: 829].

Значение 'кожа на голове', отмечаемое в СРНГ для пинежских говоров, сомнительно, поскольку приводимый контекст его совершенно не подтверждает и говорит скорее в пользу 'перхоть': «до плоти дочесала на голове-то гребнем частым» [СРНГ 27: 156].

II.2.5. Совокупность значений

Таким образом континуантам *plъtь в славянском мире присущи следующие основные значения:

- мягкие ткани, тело;
- чувственность;
- труп;
- кожа (на голове);
- цвет кожи (лица);
- пол;

[5] Это объясняет сдвиг значения у русского производного прилагательного *плотный*, ср. ст.-сл. **плътьнъ** 'телесный, плотский'.

- мужской половой орган;
- живое существо;
- перхоть;
- сперма;
- рыбья икра.

Таблица 2

Наиболее распространенные значения континуантов *plъtь

	мягкие ткани	чувст-венность	кожа (на лице, голове)	цвет кожи (лица)	пол	мужской половой орган	живое существо	перхоть
ст.-сл.	+	+					+	
болг.	+	+						
мак.	+	+						
схр.	+		+	+	+	+		
слвн.		+	+	+	+			
др.-чеш.			+					
чеш.			+		(+)			
слвц.			+					
н.-луж.		+		+				
др.-пол.	+		+				+	
пол.				+	+			
др.-рус.	(+)	(+)					+	
бел.	(+)	(+)			+	+		+
укр.	(+)	(+)						
рус.	(+)	(+)						+

II.3. Семантические сдвиги

Попробуем установить схему семантических дрейфов, приведших к вышеописанной картине. Первый из сдвигов – это ‘мягкие ткани’ > ‘цвет кожи’.

Уже в «Шестодневе» обнаруживается, что **плъть** обозначает тело в контексте цвета кожи: <…> **и̑ трⷴпⷮливи · родет се · кротьци и бⷮли плътию̑** <…> **тⷳцивы гнⷮѣвливы чрьны плътию̑** (ГИМ Син. 345, л. 130в–г); <…> **и терпⷮливи, и кротⷱци, и бⷮли плотью** <…> **тщивы, гнⷮѣвливы, черны плотьм** «<…> и терпеливые, кроткие, белые плотью <…> тщеславными,

скорыми на гнев, черными плотью» (РГБ, МДА 145, л. 119а) [Баранкова, Мильков 2001: 453, 733].

Параллель этому легко обнаруживается в русском фольклорном обороте *тело белое*: Полоште в имерек ее уста сахарные, в ее главу буйную, в ее очи ясные, в ее тело белое (Заговор на любовь (1688–1689)) [НКРЯ]; Снесите и донесите, вложите и положите въ рабицу Божію (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть [Майков 1869: 7].

Переосмысление выражения вроде *белый плотью* как «белый кожей» вместо «белый телом» вполне понятно и даже очевидно.

Аналогичные сдвиги семантики предоставляют в наше распоряжение французское *chair* и английское *flesh*.

Французское *chair*, продолжающее латинское *carō* ‘мясо’, означает в первую очередь ‘плоть, тело’ (основное обозначение мяса в современном французском – *viande*), однако может употребляться и в «цветовых» контекстах, схожих с вышеописанными [TLFI]. Например: <…> une splendide jeune fille aux yeux noirs, à la chair de magnolia <…> «<…> прелестную девушку с черными глазами, с кожей цвета магнолии <…>» (Gérard Genette. Figures III (1972) | Жерар Женетт. Фигуры III (Е. Васильева, Е. Гальцова, Е. Гречаная, И. Иткин, С. Зенкин, 1998)) [НКРЯ].

Английское *flesh* также означает ‘тело, плоть’ (ср. нем. *Fleisch* ‘мясо’) и может употребляться в «цветовых» контекстах для обозначения кожи. Например: Down one side of his face the flesh was darkening «Одна сторона лица у него уже темнела» (George Orwell. Nineteen Eighty-Four (1949) | Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989)) [НКРЯ].

Отметим, что телесный цвет, т. е. цвет кожи (а не мяса), во французском и английском обозначается именно как *couleur de chair* и *flesh colour* соответственно.

Латинское *carnātiō*, производное от вышеупомянутого *carō* ‘мясо’, дало итальянское *carnagione* ‘цвет кожи (лица)’, а также было заимствовано во французский как *carnation* ‘телесный цвет’. Из французского перенято польское *karnacja* ‘цвет кожи (лица)’.

Таким образом, сдвиг ‘мягкие ткани’ > ‘цвет кожи’ хорошо подтверждается типологическими данными. Следующий шаг в эту сторону – метонимия ‘цвет кожи’ > ‘кожа (лица, головы)’. Так, чешское *pleť* часто используется в «цветовых» контекстах, например, *bílá pleť* ‘белая кожа (лица)’, *snědá pleť* ‘смуглая кожа (лица)’, но не ограничено ими, ср. *suchá pleť* ‘сухая кожа (лица)’.

По всей вероятности, отправной точкой для значения ‘перхоть’ было именно ‘кожа (лица, головы)’. В русском диалектном материале оно представлено маргинально, мы нашли лишь одну фиксацию в говоре села Койда (Архангельская область; пункт Общеславянского лингвистического атласа 528) [ОЛА ЛС 9/22], однако вполне можно себе представить, что раньше это значение было распространено шире, со временем уступив место более новому ‘перхоть’. Дополнительно в пользу этого свидетельствует значение ‘цвет, тон’, также отмеченное в русском диалектном материале [СРГС 3: 256]. Помимо очевидности перехода ‘кожа лица, головы’ > ‘перхоть’ в качестве типологической параллели стоит указать на французское *pellicule* ‘кожица, пленка; перхоть’ (по происхождению это латинизм).

Значение ‘живое существо’, как было описано выше, представлено в старославянском и древнепольском материале. В обоих случаях мы имеем дело с калькой. Старославянское **вьсꙗ** / **вьсꙗка плъть** копирует греческое πᾶσα σάρξ, а древнепольское *płeć* (*człowiecza*) – латинское *genus* (*humanum*).

Христианское противопоставление плоти духу объясняет появление значения ‘желание, чувственность’ в старославянском и русских говорах, хотя нельзя не отметить, что оно представлено и в нижнелужицком. Вероятно, это следует трактовать как аргумент в пользу того, что нижнелужицкое *pleś* ранее также обозначало плоть, мягкие ткани тела.

Значение ‘труп’, представленное в болгарских диалектах, легко объясняется на основании коллокации вида *‘мертвая плоть’.

Для понимания возникновения «половой» семантики, с нашей точки зрения, важным является старопольское слово *nåpletek*[6] ‘крайняя плоть’ [SPXVI 16: 100–101]. Поскольку крайняя плоть является особой кожей, было бы заманчиво видеть здесь перенос ‘кожа’ > ‘крайняя плоть’ (ср. лат. *pellicula* ‘шкурка, крайняя плоть’, англ. *foreskin* и нем. *Vorhaut*[7]), особенно в свете засвидетельствованного *płeć konieczna* ‘крайняя плоть’ [SPXVI 24: 406]. Однако другие старопольские существительные, образованные по модели na-R-ek от названий частей тела, являются обозначениями того, что находится или носится поверх искомой части тела: *nabiodrek* ‘набедренная повязка’ [SPXVI

[6] В современном литературном польском это слово имеет вторичную форму *napletek* с *-l-* вместо *-ł-*, которая возникла, вероятно, из-за народно-этимологической ассоциации этого слова с гнездом глагола *pleść* ‘плести’ [Boryś 2005: 351].

[7] Очевидной калькой с немецкого являются чеш. *předkožka* и слвц. *predkožka*.

15: 305]; *nåczołek* ‘украшение, носимое на лбу; часть конской упряжи’ [SPXVI 15: 416]; *någłowek* ‘узда; украшение жреческого платья’ [SPXVI 15: 522]; *nałokietek*/*nałoktek* ‘налокотник (доспеха)’ [SPXVI 15: 643]; *nåparstek* ‘напёрсток; наперстянка’ [SPXVI 16: 45]; *nåpiętek* ‘задник обуви’ [SPXVI 16: 73]; *nåplecek* ‘скапулярий’ [SPXVI 16: 99]; *nåramionek*/*naramionek* ‘облачение еврейского священника; амикт’ [SPXVI 16: 159]. Таким образом, верной следует признать версию В. Борыся, согласно которой *nåpłetek* – это то, что *na płci* [Boryś 2005: 351].

В таком случае в польском *płeć* когда-то должно было обозначать в том числе мужской половой орган. Совмещение значений ‘половой орган’ и ‘пол’ в одном слове хорошо известно, в частности, оно характерно для чешского *pohlaví*, латинского *sexus*, немецкого *Geschlecht*.

Мы знаем, что в старопольских текстах слово *płeć* часто использовалось в устойчивых коллокациях: *męska płeć* ‘мужчина; мужество’, *niewieścia*/*żeńska płeć* ‘женщина; женственность’ [SPXVI 24: 405]. Логично предположить для *męska płeć* следующий семантический дрейф: ‘мужская плоть (= половой орган)’ > ‘мужественность’ (ср. совр. пол. *męskość* ‘мужественность; мужской половой орган’) > ‘мужской пол’. Возможно, что введение промежуточной ступени ‘мужественность’ здесь даже не обязательно.

Близкие значения, обнаруживаемые в белорусских и русских говорах, а именно ‘сперма’ и ‘икра, молока рыбы’, вероятно, возникли независимо от польского, но отправной точкой разумно также полагать какую-нибудь коллокацию вроде **мужская плоть* (ср. оборот *срамная плоть*).

Особый интерес представляют выражения *котóва плоть* ‘менструация’[8] и *плотнóе* ‘менструация’[9] в ярославских говорах [ЯОС 5:

[8] Такое название, возможно, было дано в связи с сопоставлением менструации с выделениями у кошки во время течки (М. В. Ясинская, письменное сообщение, 28.05.2022). Альтернативная возможность, заслуживающая внимания, – это приписываемое коту сладострастие (ср. обозначение похотливого мужчины как *кота* в разговорном русском или чешское *kocour* в том же значении). Однако корреляция менструации и сладострастия в славянском мире представлена широко, в то время как *котова плоть* – узколокальное наименование.

[9] Нельзя не отметить сходство этого наименования с распространенным в русских говорах обозначением месячных – *платнóе*, *платянóе* от *платнóй*, *платянóй* ‘относящийся к платью’ [Агапкина 1996: 105]. На первый взгляд, близость этих слов случайна, в пользу чего говорит разница в вокализме корня, а поскольку ярославские говоры окающие, вряд ли стоит предполагать в случае *плотнóе* ошибку записи. Однако ударение в форме *плотнóе* (при деривации от слова *плоть*

80; ЯОС 8: 9]. Ранее в том же регионе было записано следующее: «Мужчина сладострастный и часто имеющий с женой сношение, слывет у женщин за мужика, у которого в крови есть так называемая у простонародья “котóва плоть”. – “Беда, бабы, жить с таким мужиком, у которого есь – в ём – котова плоть”» [Костоловский 1913: 250]. В славянской народной традиции известна связь между менструацией и либидо: согласно мазовецким поверьям, мальчик, зачатый во время менструации, будет ужасно похотлив; широко, в том числе в России, распространено использование менструальной крови для приворотов и повышения влечения у мужчин [Агапкина 1996: 119, 137–138].

Отдельным сюжетом является вопрос о наличии взаимосвязи между континуантами *plъtь и рус. арх. *плоть* ‘вранье, враки’ [СРНГ 27: 156]. Т. В. Шалаева полагает, что такая взаимосвязь есть и произошёл сдвиг ‘перхоть’ > ‘враньё’. В качестве параллелей приводятся такие случаи, как рус. *шелуха* ‘внешняя оболочка плодов, овощей; кожура семян’ > ‘нечто внешнее, ненужное, наносное’; **чепа* ‘щепа’ > ‘чепуха’; *вздор* ‘сор, рваньё, хлам’ > ‘вздор’; диал. *áвия* ‘отходы при веянии зерна’ > ‘что-либо негодное’ > ‘отбросы’ > ‘чепуха’ [Шалаева 2021: 124–125]. Несмотря на эти аргументы, мы полагаем, что омонимия *плоть* ‘перхоть’ и *плоть* ‘враньё, враки’ всё же случайна. Следует обратить внимание на форму *плот*, которая помимо значений ‘забор, изгородь’, ‘рыболовное заграждение с мережами, вершами’, ‘настил на дне реки из веток или бревен, на котором крепятся жерди для перегораживания реки’, ‘приспособление из связанных жердей, которым придавливают мокнущий лён’ и т. п. в тех же самых архангельских говорах, а также в Сибири записано в значении ‘сплетни, кривотолки’ [СРНГ 27: 148]. По всей вероятности, *плот* ‘сплетня’, так же, как и *плот* ‘забор’, является дериватом от глагола *плести* (ср. *сплетня* и *плетень*). В польском и чешском наблюдается схожая деривация от *pleść*/*plést* ‘плести’ – *płot*/*plot* ‘забор’ и *plotka*/*pletka* ‘сплетня’, при этом разнесенная по времени (*plotъ с качественным аблаутным чередованием явно древнéе, чем *pletъka без оного). Таким образом, мы считаем *плоть* ‘враньё, враки’ словообразовательным вариантом *плот* ‘сплетня’ и обе эти формы дериватами от *плести*.

ожидалось бы **плóтное*; мы благодарим И. А. Седакову, которая обратила наше внимание на данный факт) говорит в пользу наличия связи. Мы полагаем, что *плотнóе* можно рассматривать как *платнóе*, видоизменившееся под влиянием выражения *котóва плоть*, распространённого в тех же ярославских говорах.

Попробуем свести вышеописанные семантические сдвиги в схему.

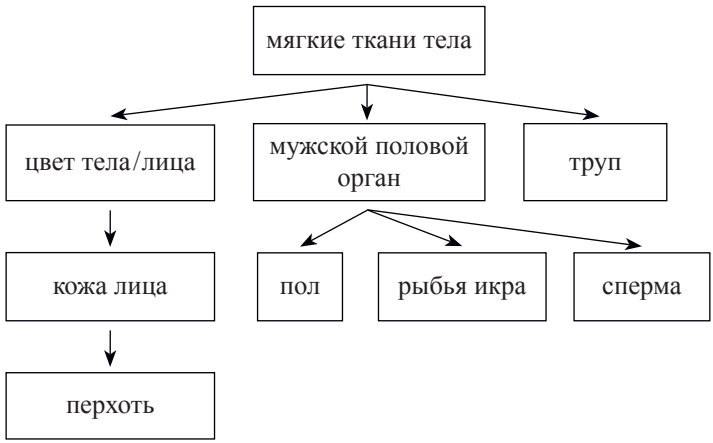

Рис. 1. Дрейф семантики континуантов *plъtь

Резюмируя всё вышеизложенное, можно сказать следующее: праславянское слово *plъtь, по всей видимости, обозначало в первую очередь мягкие ткани тела (мышцы, жир, кожу) человека и животных, будучи противопоставленным крови (*kry) и кости (*kostь). На основе исходного значения последовательно развился ряд новых, в первую очередь ‘цвет (тела, лица)’, ‘кожа (лица)’, ‘перхоть’, ‘половой орган’, ‘пол’, ‘рыбья икра’, ‘сперма’ и ‘труп’. На праславянскую древность может претендовать переход ‘мягкие ткани’ > ‘цвет (тела, лица)’ > ‘кожа (лица)’, представленный во всех трёх группах славянских языков. Все прочие сдвиги уже послепраславянской эпохи и произошли в отдельных славянских языках. Многие из переходов, приведших к такой картине, встречаются и за пределами славянских языков.

II.4. Этимология

С представленной картиной очень хорошо коррелируют значения балтийских когнатов славянских слов: лит. *plutà* ‘хлебная корка; корка вообще; пленка’ [LKŽ], лтш. *pluta* ‘мясо’, *plutas* (pl.) ‘голая (нежная, мягкая) кожа, кожа головы; яркая пленка, моховое образование на железистой воде; внутренности’ [Mühlenbachs 3: 359].

Существуют две основные этимологии интересующего нас слова. Первая связывает его с лат. *pellis* ‘шкура, кожа’, др.-англ. *fell* ‘шкура, кожа’, нем. *Fell* ‘мех, шкура, кожа’ и другими, возводя к п.-и.-е. *pelH- ‘шкура, кожа’. Вторая – с п.-и.-е. *pleu̯- ‘плыть’ [ESJS 11: 664]. В этимологической литературе более популярна первая, однако она обладает одним неустранимым недостатком: корень *pelH- на ступени редукции дал бы праславянское **pьl- или **pъl-. Так что при всей семантической привлекательности этой версии её следует оставить в пользу второй, фонетически и морфологически безукоризненной. Если предположить, что первоначально балтославянское слово *plut- обозначало плавающую корку, корочку, например, на поверхности болота или молока, то и в семантическом отношении данная версия становится довольно привлекательной. При этом хотя априори мы бы скорее ожидали сдвиг ‘корка’ > ‘кожа’, приведённые выше параллели из неславянских языков, а также тот факт, что континуанты *plъtь обозначают не всякую кожу, а кожу головы или лица, говорят в пользу реконструкции дрейфа ‘корка’ > ‘мягкие ткани тела, плоть’ > ‘кожа головы, лица’. Первая стадия представлена в литовском, вторая и третья – в латышском и славянских языках.

III. СУСТАВ

III.1. Праславянское *čelnъ

III.1.1. Реконструкции *čelnъ в литературе

Для праславянского довольно надёжно восстанавливается слово *čelnъ, а также его диминутив *čelnъkъ. Почти нет сомнения в том, что оно было частью праславянской соматической терминологии. Однако его семантика и этимологическое значение восстанавливаются учёными по-разному. Приведем некоторые реконструкции:

- ‘нечто торчащее’ (‘coś, co wystaje’, ‘coś wystającego’) [Doroszewski 1931: 426];
- ‘часть тела’ (‘úd’) [Holub, Kopečný 1952: 94];
- ‘выросшее’ > ‘часть тела, член тела’ [Трубачёв 3: 219–220];
- ‘сустав в теле человека или животного; узел на стебле растения’, ‘часть тела между двумя суставами; часть стебля между двумя узлами’ (‘przegub w ciele ludzkim lub zwierzęcym; kolanko na źdźble rośliny’, ‘część ciała między dwoma przegubami, stawami; część łodygi między dwoma kolankami’) [SP 2: 125];
- ‘отколотое, выросшее’ > ‘часть тела, особенно фаланга пальца’ (‘Abgespaltenes, Gewachsenes’ > ‘Glied am Körper bzw. am Finger oder an der Zehe’) [Schuster-Šewc 2: 120];
- ‘сустав’ (‘kloub’) [ESJS 2: 109];
- ‘часть тела, сустав’ (‘ud, član’) [Gluhak 1993: 180];
- ‘то, что вращается’ > ‘сустав’ (‘kar se obrača, vrti’ > ‘členek, sklep’) [Snoj 2016: 118];
- ‘нечто подвижное’ > ‘подвижная часть тела с собственной костью, соединенной с другой костью суставом’ (‘coś ruchomego’ > ‘ruchoma część ciała o własnej kości, połączonej z inną stawem’) [Bańkowski 1: 232];
- ‘сустав, часть тела’ (‘kloub, úd’) [Rejzek 2001: 118];
- ‘составная часть, часть тела, сустав’ (‘člen, ud, sklep’) [SLA 1.2: 120], ‘ud, sklep’ [SLA 1.2: 171];

- ‘член’ [ЕСУМ 6: 333];
- ‘сустав’ > ‘часть тела’ > ‘часть целого, член чего-либо и т. д.’ (‘kĺb’ > ‘časť tela, úd’ > ‘časť celku, príslušník niečoho ap.’) [Králik 2015: 106];
- ‘часть тела, часть некоего целого, сустав’ (‘ud, dio neke cjeline, zglob’) [ERHJ 1: 133].

Восстановление корректного празначения слова чрезвычайно важно помимо прочего для его этимологии, поэтому ниже мы попробуем реконструировать семантику праславянских лексем *čelnъ и *čelnъkъ с опорой на весь доступный нам материал.

III.1.2. Материал

III.1.2.1. Старославянский и церковнославянский

Слова **члѣнъ** нет в древнейших старославянских рукописях, однако оно представлено в памятниках XII–XIV вв. (Христинопольском, Слепченском, Шишатовацком Апостолах, Паремейниках Григоровича и Лобковича), где переводит греческие ἁρμός и ἁρμονία ‘связь, скрепа; скрепление, нагромождение; паз, щель; колышек’, а также συναρμολογέω ‘составляю, складываю’ в контекстах человеческого тела:

а) καὶ προσήγαγε τὰ ὀστᾶ ἑκάτερον πρὸς τὴν ἁρμονίαν αὐτοῦ – **и сложи кости · костъ къ кости · кѫждо къ члѣноу своемѹ** (Паремейник Григоровича) [Gorazd] «и стали сближаться кости, кость с костью своею» (Иез 37:7);

б) ἐξ οὗ πᾶν τὸ σῶμα συναρμολογούμενον – **иж нѥго же все тѣло члѣнъми съставлѩемо** (Христинопольский Апостол) [Gorazd] «из Которого все тело, составляемое» (Еф 4:16);

в) καὶ διϊκνούμενος ἄχρι μερισμοῦ ψυχῆς τε καὶ πνεύματος, ἁρμῶν τε καὶ μυελῶν – **и прѣходѧ до раздѣлениꙗ доуши и д‹оу›ха, челономъ же и мозгомъ** (Христинопольский Апостол) [Gorazd] «оно [слово Божие] проникает до разделения души и духа, составов и мозгов» (Евр 4:12).

На основании этих контекстов сложно сделать какие-либо определённые выводы о семантике слова **члѣнъ**, однако похоже, что во всех трёх случаях для переводчика оно означало только ‘сочленение, сустав’. Мы не можем согласиться с глоссированием **члѣнъ** как ‘сустав, кость’ [Gorazd], поскольку **кѫждо къ члѣноу своемѹ** из первого контекста среди приведённых выше с учётом греческого оригинала логичнее читать как ‘каждую к своему суставу’, и, таким образом, значение ‘кость’ для слова **члѣнъ** характерно не было.

Отметим, что помимо ins. pl. *-u-склонения **члѣнъми** в древнерусском Христинопольском апостоле (XII в.) имеется форма dat. pl. **челомъ** с восточнославянским отражением группы *TelT (ср. **шеломъ**). В свою очередь, в сербском Шишатовацком апостоле обнаруживается **-ла-** (dat. pl. **членомь**, ins. pl. **чьланьми**) [Gorazd], характерное и для современного сербского.

Обратимся к Шестодневу Иоанна экзарха. Сравнивались сербская рукопись древнейшей редакции ГИМ, Син. 345, 1263 г., русская ранней русской редакции РГБ, МДА 145, XV в. (по изданию [Баранкова, Мильков 2001]) и болгарская ГИМ, Син. 35[1], XV в. Всего нам удалось насчитать 11 вхождений слова **члѣнъ** и его производных. Представим их в виде таблицы.

Таблица 3

Слово **члѣнъ** в тексте Шестоднева

ГИМ, Син. 345		РГБ, МДА 145		ГИМ, Син. 35		греческий оригинал	семантика
форма	лист	форма	лист	форма	лист		
члѣнныими[2]	82г	**цлєнѣми**	81б	**члѣнныими**	63а		узлы на стебле
члѣны	84в-г	**члѣнъмїи**	83б	**члѣнъı**	64а		узлы на стебле пшеницы
члѣны	98а	**члѣны**	94а	**члѣними**	74а	διαρθρου-μένων	узлы на стебле
члѣны	101а	**члѣньми**	97а	**члѣними**	76б	γόνασι	узлы на стебле пшеницы
члѣны	101б	**члѣнъми**	97а	**члѣны**	76б	σύνδεσμοις	узлы на стебле пшеницы
члѣноу	203а	**члѣноу**	204б	**члѣнꙋ**	145а	ἄρθρον	тема[3]

[1] По классификации Г. С. Баранковой, эта единственная болгарская рукопись Шестоднева относится к группе второй болгарской редакции (Барсовской группе) Белозёрско-Барсовской ветви списков [Баранкова 1998: 15–17].

[2] Вместо **члѣнъми** протографа. По данным, представленным в таблице, хорошо видно, что в протографе слово **члѣнъ** последовательно изменялось по *-u-склонению.

[3] В данном случае это неудачная окказиональная калька с греческого ἄρθρον в значении ‘статья, глава, тема’ [Баранкова, Мильков 2001: 933].

ГИМ, Син. 345		РГБ, МДА 145		ГИМ, Син. 35		греческий оригинал	семантика
форма	лист	форма	лист	форма	лист		
вечлѣнно	241в	вечлѣнꙗно	250б	весчлѣнно	174б	ἀδιάρθρω-τον	суставы медведя
члѣновъ	245г	–	–	члѣновь	178б	ἀδιάρθρω-τοι	суставы слона
члѣнове	246а	–	–	колѣннїи оудове	178б	ἄρθρων	суставы слона
члѣна	246а	–	–	члѣна	178б	διήρθρωται	суставы слона
члѣновныѥ	246а	–	–	члѣновны	178б	ἄρθρων	суставы слона

Как видно из таблицы, чаще всего **члѣнъ** переводит греческое ἄρθρον ‘член тела; сустав; орган; (pl.) половые органы’ и его производные. При этом в значении ‘часть тела’ в Шестодневе обычно используется слово **оудъ** (ГИМ, Син. 345, листы 12б – ×2; 13в; 70г; 173а; 181б – ×2; 226г; 227а – ×2; 228в; 229а; 233в; 245б; 246а; 253г; 265а), часто в соответствии с греческим μέλος ‘часть тела’.

Довольно показателен следующий контекст, излагающий легенду об отсутствии у слона коленного и бедренного суставов. Четырежды сустав обозначен словом **члѣнъ** и **члѣновьныи** (ГИМ, Син. 345, л. 245г–246а):

> нъ и ѥ члѣновъ ѥмоу ноз҃ѣ иноплошь · акы стлпи нѣкаци тежьсть подъпьреще · аще бо бише слаби оудове подъложени · то често бише колѣннии члѣнове състоупали · лещи хотещю и в҃стати · въздвигноути тежесть не могоущемъ · нынѣ же тежек҃ѣ глезнъ подъложїтъ под҃ ногою слоноу · а не въ бедрѣ иматъ члѣна нї въ колѣнѣ ни иноплошь чьства ю҃ нога · не бо виш҃ могли тръпѣти члѣновныѥ плъзости · дебельства того живота · вельми штывша и свепещоуща се

Но его ноги полностью без **суставов**, подобно столбам они несут вес. Если бы под ним находились слабые части тела, то **коленные суставы** часто бы подламливались. Если бы он хотел лечь и встать, то не смог бы поднять вес. Под ногой у слона находится тяжёлая[4] щиколотка, и ни **в бедре нет сустава**, ни в колене, но полностью тверда нога. Неустойчи-

[4] В этом месте Иоанн экзарх ошибся, приняв в греческом оригинале βραχύς ‘короткий’ за βαρύς ‘тяжелый’ [Aitzetmüller 6: 326].

вость **суставов** не позволила бы выдержать тучности этого животного, очень объёмной и трясущейся.

Ещё более интересно использование слова **члѣнъ** в значении ‘узел на стебле растения’. Характерный пример: πῶς γόνασι διαζώννυται ἡ καλάμη τοῦ σίτου – **како се стъвло пьшеничноѥ прѣпоꙗшетъ члѣны** (ГИМ, Син. 345, л. 101а) «стебель пшеницы опоясывается коленцами» [Aitzetmüller 3: 238; Баранкова, Мильков 2001: 719].

Как видно из таблицы 3, слово **члѣнъ** в этом значении употреблено Иоанном экзархом пять раз, причём оно не имеет единого греческого эквивалента, то есть мы можем быть почти полностью уверены, что в родном для Иоанна экзарха идиоме слово **члѣнъ** имело значение ‘узел на стебле растения’.

III.1.2.2. Болгарский и македонский

Болгарское литературное *член* (вместо ожидаемого *члян) ‘член (общества); член тела; параграф; член (в математике); мужской половой орган; артикль’ [РБЕ] является заимствованием из русского.

В то же время в словаре Н. Герова фигурируют формы *член* и *члян* ‘сук дерева’ [Геров 5: 557, 558], правда, без указания источника. Учитывая наличие формы *чл’ан* ‘древесный сук’ из области Сере (Эгейская Македония) [ЭССЯ 4: 44], взяты они могли быть как раз из македонских говоров. Более интересны формы *шля́нец* ‘сустав пальца’ и *шля́нък* ‘щиколотка’ из того же источника [Геров 5: 585]. В этом случае мы располагаем подтверждающей фиксацией из Кюстендилской области – *шл’а́нок* ‘щиколотка’ [Умленски 1965: 271].

Значения слова *член* в литературном македонском в целом соответствуют вышеперечисленным в болгарском [ОДРМЈ]. Однако в говорах континуанты *čelnъ и *čelnъkъ широко представлены в значении ‘сустав’ (*члан*, *чклан*, *чкљан*, *чкланец*, *чланче*, *шланче*, *шленок*) [Дрвошанов 2005: 175], ‘сустав пальца’ (*žgłanovi*, *čk’ła:ńe*[5] – pl.) [ОЛА ЛС 9/40], ‘щиколотка’ (*члан*, *чљан*, *чкљан*, *шкљан*, *жгљан*, *џгл’ан*, *џглањ*, *чал*ˈ*ан*, *чӑл*ˈ*ан*, *ч*ʷ*л*ˈ*ан*, *чикл*ˈ*ан*, *чланак*, *шланок*, *шл’анок*, *шленок*, *шлан*ᵃ*ӑк*, *чкланец*)[6]

[5] Пункты ОЛА 95 и 102 соответственно. При этом в самом атласе эти формы выводятся из Sъ-glaB-ov-i и čik-ъl-an-j-e. Однако в свете перечисленных родственных македонских форм становится ясно, что это ошибка, и мы имеем дело с континуантами *čelnъ.

[6] Возможно, сюда же следует добавить мак. диал. *џоглан*, *џогла́н*, *жоглан*, *жогла́н* ‘сустав’ вопреки гипотезе Дрвошанова о родстве с схр. диал. *čȍgljan* ‘го-

[Дрвошанов 2005: 156; Бојковска 2003: 234] и ‘запястье’ (*član*) [ОЛА ЛС 9/41]. Из несоматических значений известно ‘ручка ножа’ (*чклен*, *член*) [Шклифов 1977: 325].

III.1.2.3. Сербохорватский и словенский

Сербские церковнославянские рукописи предоставляют в наше распоряжение следующие значения:

а) ‘звено цепи’ – **членъ верижьнь** (Грачаничский пролог, XVI в., сербский) [Miklosich 1977: 1119];

б) ‘сустав пальца’ – **малаго прьста членькь** (Стишной Пролог, сентябрь – январь, XV в., сербский; ONB Cod. slav. 53); **члѣнькь** (Патерик XIV в., сербский); **малааго прьста члѣнькь** (Стишной Пролог, декабрь – февраль, 1370 г., сербский) [Miklosich 1977: 1119].

Многотомный «Словарь хорватского или сербского языка» даёт следующие определения: *člân* (в памятниках также *čljan*, *čkljan*, *člen*)[7] ‘сустав или часть тела от сустава до сустава либо от сустава до края; щиколотка; у растений (тростника, виноградной лозы и т. д.) узел на побеге или междоузлие; упряжь, в которую запрягаются два вола; побег виноградной лозы; статья; член (сообщества)’; *člának* (в памятниках также *čljanak*, *članjak*, *členak*)[8] ‘сустав или часть тела от сустава до сустава либо от сустава до края; сустав пальца; щиколотка; у растений (тростника, виноградной лозы и т. д.) узел на побеге или междоузлие; упряжь, в которую запрягаются два вола; статья, артикль’; *člên* ‘ручка инструмента’ [RHiSJ 2: 53–54].

лая кость, отсечённая от четверти забитого животного, за которую эта четверть подвешивается; крючковатая палка’ и *čóga* ‘короткая кость, которую в детской игре гоняют палками; мыльнянка лекарственная’, которое далее сопоставляют с перс. چوگان (čōgān) ‘палка для игры в мяч’ [Дрвошанов 2005: 175; Skok 1: 332–333]. Слабостью этой этимологии является отсутствие промежуточного звена в турецком. По всей вероятности, македонское слово следует также сравнивать с болг. диал. *джолáн* ‘нижняя часть коровьей ноги’, *джóглáн* ‘толстая кость’, *джоглон* ‘сук’, *джглян* ‘id’ [БЕР 1: 366]. В случае *-o-* можно видеть вставной гласный, разбивающий сложный кластер согласных. Нельзя также исключать обратного заимствования из рум. *ciolan* (см. ниже).

[7] Говорам в Боснии и Герцеговине известны также фонетические варианты *šl̀è:n*, *čl̀è:n*, *člìjen*, *člìje:n*, *šl̀ù:n* [BLA 1/143].

[8] Говорам в Боснии и Герцеговине известны также фонетические варианты *čl̀á:nak*, *čl̀à:nak*, *člá:ńak*, *člàńak*, *člànak*, *člà:nak*, *čvá:ńak*, *člą́nak*, *ćlá:nak*, *ćlà:nak*, *ćlá:ńak*, *ćlańak*, *ćiĺą́nᵉk*, *šlá:nak*, *šl̀á:ńak*, *šl̀á:nak*, *šl̀á:nǫk*, *šklá:nak*, *šl̀ą́ńak*, *šlą́nak* [BLA 1/143].

В диалектных сербохорватских словарях у континуантов *čelnъ можно найти такие определения:

а) ‘устав (članak)’ – *čjôn* [Dulčić, Dulčić 1985: 425];

б) ‘узел, сук, наплыв на дереве’ – *čljeñ* [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 71], *чкл'ā̄н* [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 445];

в) ‘рукоять инструмента’ – *člin* / *člinak* [Jakšić 2015: 104];

г) ‘клин, крюк, вешалка’ – *člin* / *člinak* [Jakšić 2015: 104];

д) ‘доска забора’ – *član* / *članka* [Jakšić 2015: 104];

е) ‘часть поля, сада или виноградника’ – *član* / *članka* [Jakšić 2015: 104];

ж) ‘поколение’ – *čjeñ* [Houtzagers 1985: 225];

з) ‘член объединения’ – *člôn* [Šimunović 2009: 163], *čl'an* [Lipljin 2013: 151], *чкл'ā̄н* [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 445];

и) ‘статья (закона)’ – *čl'an* [Lipljin 2013: 151].

Семантика континуантов изначально диминутивного *čelnъkъ выглядит следующим образом:

а) ‘устав’ – *článjak* [Japunčić 1998: 30], *чкла̄н'а^{e}к* [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 445], *чкла́нāк* / *шкла́нāк* [Стијовић 2014: 682, 687];

б) ‘устав (на руке или ноге), обычно щиколотка’ – *чла́нак* [Зобеница 2016: 822]; ‘устав, щиколотка’ – *člinak* / *čiljanak* / *čelanjak* / *čeljanjak* / *članka* / *členak* / *čljanak* [Jakšić 2015: 104–105], ‘щиколотка или запястье’ – *čjōnȁk* / *šćōnȁk* [Dulčić, Dulčić 1985: 425];

в) ‘щиколотка’ – *шкља́нак* [Бојанић, Тривунац 2002: 449], *čijōnȁk* [Barbić 2011: 85];

г) ‘устав на руке и пальцах’ – *ć̨l̨ę̑ńek* [Maresic 2010: 47];

д) ‘устав пальца’ – *čjẽnek* / *šćẽnek* [Houtzagers 1985: 225], *ć̨l̃ı̀nę̑k* [Maresić, Miholek 2011: 110], в pl. – *ć̨'lenki* (пункт ОЛА 26), *ć̨'lę:nki* (32), *čĺ̨:ńci* (33), *ć̨l̃:jnki* (35), *ć̨lá:nci* (40), *ć̨lẽ:nki* (41), *člá:ńci* (45, 46, 48, 50, 68), *ćélè:nci* (52), *člá:nci* (53, 58, 61, 83), *č'la:nci* (73); *šĺá:nak*, *čĺá:nak* (70) [ОЛА ЛС 9/40];

е) ‘устав на пальце, внешняя сторона устава пальца, фаланга пальца’ – *чља́нак* [Динић 2008: 892];

ж) ‘фаланга пальца’ – *škljēnâc* [Vranić, Oštarić 2016: 664];

з) ‘мерная единица размером с фалангу большого пальца’ – *чла́нак* [Зобеница 2016: 822];

и) ‘запястье’ – *ć̨'lenək* (пункт ОЛА 26), *čla:nȁk* (39), *ć̨'lenak* (41), *člá:ńak* (45, 48), *ćlá:ńak* (47), *člá:nak* (50, 51, 53, 58, 83, 152), *člának* (62), *čla'nq̨k* (73), *ć'l'anək* (84), *č'lanak* (87), *čelę̀:nak* (151) [ОЛА ЛС 9/41];

к) ‘узел на стебле, часть стебля между двумя узлами’ – *чъ́нак* [Динић 2008: 892];

л) ‘часть чего-то’ – *članak* / *čiljanak* / *čelanjak* / *čeljanjak* / *članka* / *členak* / *čljanak* [Jakšić 2015: 104–105].

Литературному словенскому известны формы *člán*, *člânek*, *člę̑n*, *člę̑nek*. Слова *člán* ‘член (организации)’ и *člânek* ‘статья’ [SSKJ] являются заимствованиями из сербохорватского [Snoj 2016: 118].

Другие две формы глоссируются в «Словаре словенского литературного языка» следующим образом: *člę̑n* ‘звено (цепи); статья (закона); [устар.] сустав; [устар.] колено (степень родства); фаланга пальца; часть стебля между коленьями; член ноги членистоногого; артикль’ и т. д. [SSKJ]; *člę̑nek* ‘сустав, чаще всего пальца; щиколотка; звено (цепи); артикль; часть стебля между коленьями’ [SSKJ].

В говорах континуанты *čelnъ и *čelnъkъ широко распространены в значениях ‘сустав пальца’ и ‘щиколотка’ [ОЛА ЛС 9/40; SLA 1/41, 1/66], нередко в рамках одних и тех же населённых пунктов. В значении ‘тазобедренный сустав’ представлена также коллокация вида *ledni členek* [SLA 1/61].

Диалектные словари хорошо фиксируют значение ‘щиколотка’: *člîəń* [Tominec 1964: 79], *člì:n* [Ivančič Kutin 2007: 34], *člejn* [Razpet 2006: 27], *čɛlè:n* [Karničar 1986: 134], *čˈlejn* [Čujec-Stres 1: 121]. Также представлены значения ‘фаланга пальца’ – *čɛlè:n* [Karničar 1986: 134], ‘сустав пальца’ – *čˈlejnk* [Čujec-Stres 1: 121], *čˈle:ŋk* [Weiss 1998: 143] и ‘запястье’ – *čˈl̥ienek* (пункт ОЛА 19) [ОЛА 9/41]. Кроме того, известны формы *čˈlejn* ‘hallux valgus; колено (степень родства)’ и *čˈlejnk* ‘колено стебля’ [Čujec-Stres 1: 121].

III.1.2.4. Чешский и словацкий

Для древнечешского словари приводят целый ряд форм – *člen*, *členec*, *článec*, *členek*, *článek* [VW], однако лишь последние две обнаруживаются в Древнечешском текстовом банке [StčTB].

Колебания в вокализме объясняются переходом *e* > *a* после шипящих и перед *l* (ср. также *žláza* ‘железá’, *žlab* / *žleb* ‘желоб’, *žalud* ‘желудь’, *žaludek* ‘желудок’ и т. д.), довольно рано осуществившимся в части чешских диалектов [Komárek 1969: 91].

Форма *článek* (*czlanek*) дважды появляется в словариках Кларета, оба раза передавая латинское *articulus*. Однако в Богемарии оно окружено названиями частей руки [Flajšhans 1: 54] и, видимо, обозначает сустав пальца руки. В Глоссарии оно вписано в более разнообразный

контекст: *Czlanek* articulus, cor *srdcze* sit, *vdecz* artus [Flajšhans 1: 154] и, вероятно, означает сустав вообще.

В Вульгате слово *articulus* встречается четырежды. Первый раз в несоматическом значении – in articulo diei illius, что чешский переводчик передал как na úsvitě toho dne «на рассвете того дня». Три остальных примера относятся к Книге пророка Даниила, где *articulus manus* использовано в значении ‘кисть руки’. Чешский переводчик, видимо, понял это как ‘сустав руки’, на что указывает использование в качестве эквивалента не только *článek*, но и *přieheb* ‘сустав’. Примечательно, что в первопечатной Пражской библии (1488 г., 4-я редакция древнечешского перевода) в последнем случае *přieheb* был исправлен на *článek*.

Таблица 4

Передача латинского *articulus*
в чешских Дрезденской, Оломоуцкой[9] и Пражской библиях

	масор.	Вульгата	Дрезд.	Олом.	Праж.
Быт. 7:13		in articulo diei illius		na úsvitě toho dne	przy poczatku dne toho
Дан. 5:5	פַּס יָדָה ‘кисть руки’	articulos manus	czlanky ruky	články ruky	cžlanky ruky
Дан. 5:24	פַּסָּא דִי יְדָא ‘кисть руки’	articulus manus	czlanek ruczni	článek ruční	ċlanek ruky
Дан. 10:10	כַּפּוֹת יָדָי ‘кисть руки’	articulos manuum	prziehbi ruku muu	přiehbi rukú mú	cžlanky ruku mych

В ряде других древнечешских словариков *článek* / *člének* обозначает конкретный сустав – щиколотку [VW].

В одном древнечешском памятнике («O rodu» в составе юридического сборника Крамериуса, 1448 г., Knihovna Národního muzea; V C 9) *článek* обозначает фалангу пальца. Человеческие поколения в нём сравниваются с частями тела: Potom těch bratraňat dětí děti počínají čtvrté pokolenie, a ty také stojí na čtvrtém údě, to jest ten úd, kdežto se prostřední prst s dlaní schází. Páté děti stojie na pátém údě, to jest druhý článek prostřednieho prstu. Šesté děti stojie na šestém údě, to jest třetie článek toho prostřednieho prstu [StčTB] «Потом дети детей этих двоюродных

[9] Фрагменты цитируются в соответствии с изданием В. Киаса [Kyas 1–5].

братьев начинают четвёртое поколение, и они же стоят на четвёртой части тела, это та часть тела, где средний палец встречается с ладонью. Дети пятого поколения стоят на пятой части тела, это вторая фаланга среднего пальца. Дети шестого поколения стоят на шестой части тела, это третья фаланга среднего пальца».

В «Клементинском маммотректе» народнолатинское *canilla* (ср. исп. *canilla* ‘берцовая кость’) в списке растений глоссируется как *nozny czlenek* [Flajšhans 1893: 220]. Практически то же – canilla nožný článek – в Страговском травнике (Rostlinář strahovský, 1-я половина XV в., Královská kanonie premonstrátů na Strahově, DC III 3) [VW]. Предположительно, этим растением является коричник китайский (Cinnamomum cassia), куски коры которого могут напоминать берцовую кость [VW].

Значения ‘раздел’, ‘статья’, ‘статья веры (часть Символа веры)’ [VW] без сомнения являются калькой с латинского *articulus*.

В интервале 1500–1780 гг. мы находим преимущественно *článek* (реже *člének*) с тем же набором значений: ‘сустав’, ‘щиколотка’, ‘сустав пальца’, однако появляются и неизвестные по дошедшим памятникам древнечешского периода – ‘звено цепи’ (Венецианская библия, 1506), ‘узел на стебле растения’ (Pietro Andrea Mattioli – Herbář aneb Bylinář, 1596), ‘часть тела’ (Bartoloměj Paprocký z Hlohol – Zrcadlo slavného markrabství moravského, 1593), ‘составная часть’ (Zikmund Winter – Přepych uměleckého průmyslu v měšťanských domech XVI. věku), ‘челнок (ткацкий)’[10] (Kašpar Zachariáš Vusín – Třijazyčný slovník česko-latinsko-německý, 1700) [LDHBČ][11]. В словаре Росы наряду с *článek* впервые появляется бессуффиксная форма *član*, причём только в значении ‘фаланга пальца’ [Rosa].

Й. Юнгман в своём словаре в качестве вокабулы вынес форму *člen*, хотя из приведённых примеров она встречается только в одном – строке из перевода «Потерянного рая» Мильтона [Jungmann 1: 305–306], выполненного Юнгманом же. Известно, что Юнгман в своей работе опирался на русский перевод Петрова [Лилич 2016: 47], так что, по всей вероятности, это можно считать русизмом. Юнгман приводит довольно широкий спектр значений слова *článek*: ‘сустав; сустав пальца; щиколотка; позвонок; звено цепи; задвижка (двери, ярма); узел на

[10] Вероятно, это результат смешения с *člunek* ‘челнок’.

[11] Автор выражает искреннюю благодарность П. Неедлому за предоставление доступа к базе данных.

стебле растения; зубчик чеснока; кожаный ремешок; часть тела; фаланга пальца; мужской половой орган; член (организации); шеренга солдат; член предложения; степень; статья; статья веры’ [Jungmann 1: 305–306].

В современном литературном чешском *člen* означает ‘член (организации)’ [SSJČ]. В том же значении оно отмечается и в диалектах [SNČJ]. Однако, учитывая отсутствие этой формы в чешском вплоть до эпохи национального возрождения, следует признать её русизмом.

В противовес этому *článek* сохраняет часть старых значений. Словарь современного литературного чешского языка определяет его следующим образом: ‘часть целого (в том числе звено цепи); кость пальца; часть стебля между двумя листьями; определённая деталь в архитектуре; статья; (гальванический) элемент’.

Диалектные словари фиксируют *član* (вариант – *član*) ‘короткий толстый кусок древесины, служащий для укрепления балок забора’ [SNČJ]. Возможно, это вторичный аугментатив от *článek*. Само же *článek* (с фонетическими вариантами: *článek*, *članek*, *článeк*, *članek*, *čuánek*, *čláňek*, *člaňek*, *čláňek*, *člaňek*, *členek*, *čleňek*, *členk*, *čluňek*, *člunek*) имеет следующие значения: ‘фаланга пальца; костяшка пальца; щиколотка; позвонок; звено цепи; соединительный элемент; задвижка двери; пружинная чека колеса; отделение на полке; религиозная догма, часть Символа веры; статья’ [SNČJ]. Широко (преимущественно в Моравии) это слово известно в значении ‘сустав пальца’ [ОЛА ЛС 9/40].

Значения слов *člen* и *článok* в литературном словацком соответствуют тому, что мы видим в литературном чешском. По мнению Л. Кралика, *-á-* в *článok* указывает на то, что это, возможно, богемизм [Králik 2015: 106], однако словацкий вполне разделяет с чешским переход *e* > *a* после шипящих перед *l*: *žaluď* ‘желудь’, *žalúdok* ‘желудок’, *žľab* ‘желоб’, *žľaza* ‘железа’.

Как и в случае чешского, историческим памятникам форма *člen* неизвестна. Зато они знают *článek*[12] ‘сустав; фаланга пальца; узел на стебле растения; звено цепи; половой орган (в коллокациях с *ženský*, *haňebny*, *stydliwy*); щиколотка; глава книги; принцип, тезис (учения)’. В значениях ‘щиколотка’ и ‘принцип’ известны также формы *členok*, *členek*, *člienok* [HSSJ 1: 220].

[12] По формам косвенных падежей нельзя понять, отражают ли они *článek* или *článok*, однако все примеры nom.-acc. sg. в словаре – это именно *článek*. Нельзя особо не отметить форму с феминизацией – *článka*: ktera čzlanka o woganskem stawe gest (Vojenské predpisy, 1760 г.) [HSSJ 1: 220].

Часть этих значений подтверждается современным диалектным материалом: *článek* ‘фаланга пальца’; *člonok*, *članok*, *čeľenko*, *čľenek*, *čľinok*, *čeľenek*, *čeľenok*, *čeľienko*, *čeľinko* ‘сустав пальца’; *článek*, *članek*, *čľenok*, *šlenok*, *čelenok*, *čeľinok*, *čeľenok* ‘щиколотка’ [SSN 1: 269–270; ОЛА ЛС 9/40].

Представленное в диалектах *člen*, *čľen* ‘член организации’ [SSN 1: 270], предположительно, проникло в них из литературного языка, где, как и в чешском, оно является русизмом.

III.1.2.5. Лужицкие языки

В лужицких языках, по-видимому, ситуация соответствует чешской и словацкой: сохранились только континуанты *čelnъkъ – в.-луж. *člónk* ‘фаланга пальца; сустав пальца’, н.-луж. *cłonk* ‘часть тела’, диал. *cłonko* ‘фаланга пальца’, в то время как в.-луж. *člon*, *člón*, *člónk* ‘член общества’, н.-луж. *cłonk* ‘член общества’ – новообразования, возникшие под влиянием других литературных славянских языков [Schuster-Šewc 2: 120].

III.1.2.6. Лехитские языки

В древнепольском и старопольском мы также находим только *członek*, но не *człon*. Древнепольский словарь глоссирует *członek* следующим образом: ‘часть тела; фаланга пальца; крайняя плоть (в составе коллокации *posromny członek*); компонент психики; пункт, параграф, статья’ [SStp 1: 386–387].

В XVI веке фиксируется более широкий спектр значений: ‘часть тела человека или животного, явно обособленная и выполняющая определённые функции, в том числе душа как обособленная часть человека; часть части тела (в том числе сустав пальца); тело (во мн. ч.); конечности; сустав; фаланга пальца; орган; половой орган (преимущественно мужской); член (общества); звено цепи; кусок (вообще); часть высказывания, составляющая осмысленное целое; статья веры; одна из десяти заповедей; пункт договора или закона; узел на стебле растения; место разветвления ветвей или побегов растения; часть растения между двумя узлами или разветвлениями’ [SPXVI 4: 193–199].

Современному литературному польскому уже известно и *człon* ‘одна из ряда похожих или идентичных единиц, составляющих большее целое’. При этом *członek* означает следующее: ‘член (организации); часть тела, особенно конечность; мужской половой орган’ [SJP].

В диалектах мы находим *čy̯ön* ‘кусок (мяса)’, которое по хронологическим причинам вполне может быть обратным дериватом от *członek* [Boryś 2005: 99]; *čloṇčḱi* ‘ногти’ [SGP 13: 133] и *członek* (с различными фонетическими вариантами) ‘член общества; часть тела, в определённой степени образующая отдельное целое; конечность; сустав пальца; фаланга пальца; составная часть инструмента; стебель соломы, используемый для плетения шляп; утолщение на стебле’ [SGP 13: 133–134; ОЛА ЛС 9/40], ‘запястье’ (пункт ОЛА 280) [ОЛА ЛС 9/41], ‘сустав’ [AJŚ 4/637; AJŚ 4-2: 37].

Кашубское *człon* ‘часть тела’, отмеченное у Рамулта [Ramułt 1893: 22], является гапаксом, так что это вполне может быть искусственное образование или заимствование из литературного польского [Boryś 2005: 99].

В словинском было записано слово *člǫ́unk* ‘сустав’ (‘Glied, Gelenk’) [Lorentz 1: 145].

III.1.2.7. Восточнославянские языки

В древнерусских памятниках восточнославянские континуанты *čelnъ и *čelnъkъ попадаются крайне редко. Помимо формы **челонъ** из Христинопольского Апостола (см. выше), мы снова встречаемся с фрагментом Иез 37:7, который в Троицком I паремейнике (РГБ, Тр. 4, втор. пол. XIV в., л. 92б) звучит следующим образом: **сложи кости костемъ · кую когождо къ членку своєму** «и стали сближаться кости, кость с костью своею»[13, 14].

В одном из списков Паренесиса Ефрема Сирина также представлена диминутивная форма с полногласием: **и ищеть членковъ своихъ** (БАН 31.7.2, 1377 г., л. 115б), в других списках – **членовъ** и **члѣновъ** [Жолобов 2011: 373].

В рутенском сборнике XV в. (РНБ Q.I.391, л. 76б) имеется словосочетание *в челонцех вѣры* [ГСБМ 36: 330] (калька с *articulus fidei* / *członek wiary*).

По всей видимости, довольно рано исконная форма была вытеснена церковнославянским заимствованием **члѣнъ**, использовавшимся в значении ‘часть тела’ [Срезневский 3: 1536; ГСБМ 36: 428] и в форме

[13] Контекст найден при помощи портала «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/).

[14] Двоякое развитие группы *TelT на восточнославянской почве неоднократно пытались объяснить, см.: Torbiörnsson 1901: 49; Lehr-Spławiński 1957: 222; Shevelov 1964: 401–405; Shevelov 1979: 94–95; Jakobson 1971: 640; Минлос 2002; Антропов 2020.

член известным всем трём современным восточнославянским литературным языкам. Поскольку идентичен в них и набор основных значений: ‘член организации; составная часть целого; часть тела (чаще всего конечность или мужской половой орган)’ [СУМ 11: 344; ТСБМ 5-2: 313], можно полагать, что в украинском и белорусском представлен русизм.

В свою очередь, в рутенских памятниках известны полонизмы: *члонъ* ‘статья веры’, *члонокъ*, *чланокъ*, *членокъ*, *члунокъ* ‘часть тела, орган; сустав; мужской половой орган (в составе коллокаций); часть целого; кусок; статья веры’ в старобелорусских памятниках [ГСБМ 36: 426–428]; *члонъ* ‘пункт юридического документа’, *члонокъ* (редко *члѣнокъ*) ‘часть тела; пункт юридического документа; происшествие’ в староукраинских [СУМ XIV–XV 2: 545].

Сохранились эти полонизмы также и в белорусских говорах: *члу́нкі*, *чло́нкі*, *шлу́нкі* ‘суставы пальцев’ [ЧТС 2006: 196; AGWB 5-1/23], *члу́нкі* ‘запястье’ [ЧТС 2006: 192], *шлу́нкі* ‘внутренности’ [ЧТС 2006: 162][15].

Однако в восточнославянских диалектах есть и непосредственные континуанты *čelnъ и *čelnъkъ. В белорусских говорах известны формы *чу́чаланкі*, *чы́чалінкі* ‘суставы пальцев’ [ЧТС 2006: 196] с редкими префиксами[16]. В лемковских, бойковских и надсанских украинских говорах потомки *čelnъkъ представлены в значении ‘фаланга пальца’ [AJDŁ 6/260] и ‘сустав пальца’ [AGB 3/164; AUGN 2/99][17].

В этимологической литературе можно также найти украинскую форму *челе́н* ‘член’ [Trautmann 125; Pokorny 640; SP 2: 125; ESJS 2: 109; ЕСУМ 6: 333], почерпнутую в словарях Желеховского [Желехівський 2: 1063] и Пискунова [Пискунов 1882: 285]. Желеховский указал, что форма эта вошла в словарь из произведений М. П. Старицкого, кото-

[15] Формы *ч́ляс* и *чале́ц* ‘член’ в словаре Ластовского [Ластоўскі 1924: 746], как будто бы имеющие восточнославянскую огласовку и усечённую основу, не находят никакого подтверждения в иных источниках, подобно *салозіца* и *салозаўка* ‘селезёнка’ [Ластоўскі 1924: 654] из того же словаря. Вероятно, мы имеем дело с выдумкой автора.

[16] Подробнее о *чу-* и *чи-* в контексте других подобных префиксов см. Петлева 1996; Журавлев 2022.

[17] Всё это западные украинские говоры с большим количеством западнославянских заимствований, что позволило Ю. Шевелёву трактовать такие формы как заимствованные из словацкого или польского с фонетическим пересчетом [Shevelov 1979: 95]. Хотя заимствованный характер некоторых украинских форм очевиден, всё их разнообразие объяснить как пересчет довольно сложно.

рые были также среди источников словаря Пискунова. Однако отсутствие этой формы в других текстах заставляет сомневаться в её аутентичности, тем более что Старицкий известен как автор целого ряда неологизмов [Статєєва 2004: 639].

В русских говорах нам не удалось обнаружить потомков *čelnъ в соматических значениях, зато представлен ряд инновационных несоматических:

а) ‘секция плота’ – *че́лен*, *челена́*, *челе́но́*, *челёно*, *черено́*, *челе́нье*, *челёнье* [АС 6: 171], ‘звено брёвен в плоту’ – *челено́* [СПГ 2: 524];

б) ‘вид плота при сплаве леса’ – *челёньи* [Мызников 2005: 456];

в) ‘связки срубленных деревьев’ – *челе́нья* [СРГС 5: 270];

г) ‘три ряда нижних брёвен сруба’ – *челено́* [СПГ 2: 524];

д) ‘звено изгороди между двумя парами кольев’ – *челено́* [ЯОС 10: 50].

III.1.2.8. Румынский

В румынском известен славизм *ciolan* ‘кость, особенно длинная кость конечности; часть обода колеса; игральная кость’, заимствованный из какого-то славянского источника. В XIX веке из русского было также заимствованно слово *cilen* ‘член трибунала’ [Cioranescu 1966: 188].

Обратным заимствованием из румынского является гуцульское *czołan*, *czioł'an* ‘часть обода колеса’ [Janów 2001: 34].

III.1.3. Анализ семантики континуантов *čelnъ

При анализе семантики мы не будем учитывать случаи заимствований между отдельными славянскими языками. Кроме того, как упоминалось ранее, континуанты *čelnъ и *čelnъkъ в славянских языках неоднократно калькировали значения др.-греч. ἄρθρον ‘часть тела; сустав; половые органы; артикль’, лат. *articulus* ‘сустав; часть тела, узел, колено; уступ; часть, раздел речи, часть предложения; артикль; момент (подходящий, решающий или поворотный); часть, раздел, стадия или ступень; пункт, момент, (главное) обстоятельство; случай, положение; артикул, статья, параграф’, *membrum* ‘часть тела, тело; часть; раздел; участник’, нем. *Glied* ‘часть тела; конечность; сустав; звено (цепи); этап; член (сообщества); поколение, колено; строй; колонна; шеренга’. При реконструкции праславянского значения *čelnъ и *čelnъkъ мы такие случаи учитывать, разумеется, не будем. Однако, если для значений ‘член сообщества’, ‘статья’, ‘артикль’ и ряда дру-

гих сомнений в калькировании не возникает, под вопросом остается, насколько независимо от нем. *Glied* в славянских языках появилось значение ‘звено (цепи)’, распространённое преимущественно в языках, испытавших сильное немецкое влияние (словенский, чешский, польский). Тем не менее сербохорватские данные, а также типологическая параллель в виде татарского *буын* ‘сустав, сочленение; узел, сочленение, колено, утолщение (у растений); сочленение, сегмент (у насекомых и червей); сочленение, звено, колено (трубопровода, водосточной трубы), звено цепи; поколение’ [18] говорят о том, что оно могло возникнуть и независимо от немецкого.

Ситуация серьёзно осложняется тем, что в восточнославянских языках исконные континуанты интересующих нас слов по большей части исчезли, а в западнославянских языках почти повсеместно потомки *čelnъ были утрачены в пользу *čelnъkъ (немногочисленные примеры на *čelnъ могут быть обратными дериватами).

Перечислим значения континуантов *čelnъ и внесём наиболее распространённые значения в таблицу:

- сустав (ст.-сл., мак., схр., слвн.);
- сустав пальца (мак., слвн.);
- фаланга пальца (слвн., чеш.);
- щиколотка (мак., схр., слвн.);
- запястье (мак., слвн.);
- часть тела (схр.);
- узел на стебле растения (ст.-сл., схр.);
- узел, сук, наплыв на дереве (схр.);
- междоузлие (схр., слвн.);
- побег виноградной лозы (схр.);
- ручка ножа или другого инструмента (мак., схр.);
- упряжь, в которую запрягаются два вола (схр.);
- клин, крюк, вешалка (схр.);
- доска забора (схр.);
- часть поля, сада или виноградника (схр.);
- поколение (схр.);
- колено (степень родства) (слвн.);
- звено (цепи) (схр., слвн.);

[18] Ещё одной параллелью является лтш. *locītava* ‘сустав’ / *loceklis* ‘член (сообщества); часть тела; звено цепи’ < *locīt* ‘гнуть, сгибать; складывать’, однако здесь с полным основанием можно подозревать кальку с немецкого.

• hallux valgus (слвн.);
• короткий толстый кусок древесины, служащий для укрепления балок забора (чеш.);
• кусок (мяса) (пол.);
• секция плота (рус.);
• вид плота при сплаве леса (рус.);
• связки срубленных деревьев (рус.);
• три ряда нижних брёвен сруба (рус.);
• звено изгороди между двумя парами кольев (рус.).

Таблица 5

Основные значения континуантов *čelnъ

	сустав	сустав пальца	фаланга пальца	щиколотка	запястье	узел на стебле	междо-узлие	звено цепи
ст.-сл.	+					+		
мак.	+	+		+	+			
схр.	+			+		+	+	+
слвн.	+	+	+	+	+		+	+
чеш.			+					

Перейдём к значениям континуантов *čelnъkъ:
• сустав (мак., схр., слвн., др.-чеш., чеш., слвц., пол., словин.);
• сустав пальца (болг., схр., слвн., чеш., слвц., в.-луж., пол., бел., укр.);
• фаланга пальца (схр., др.-чеш., чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., др.-пол., пол., укр.);
• мерная единица размером с фалангу большого пальца (схр.);
• ноготь (пол.);
• щиколотка (болг., мак., схр., слвн., др.-чеш., чеш., слвц.);
• запястье (схр., пол.);
• позвонок (чеш.);
• часть тела (схр., чеш., н.-луж., др.-пол., пол.);
• конечность (пол.);
• орган (пол.);
• (мужской или женский) половой орган (чеш., слвц., пол.);
• крайняя плоть (др.-пол.);
• тело (пол.);
• узел на стебле растения (схр., слвн., чеш., слвц., пол.);

- междоузлие (схр., слвн., чеш., пол.);
- стебель соломы, используемый для плетения шляп (пол.);
- упряжь, в которую запрягаются два вола (схр.);
- часть чего-либо (схр., чеш.);
- кусок (вообще) (пол.);
- звено (цепи) (слвн., чеш., слвц., пол.);
- челнок (ткацкий) (чеш.);
- задвижка (двери, ярма) (чеш.);
- зубчик чеснока (чеш.);
- пружинная чека колеса (чеш.);
- отделение на полке (чеш.);
- составная часть инструмента (пол.).

Таблица 6

Основные значения континуантов *čelnъkъ

	сустав	сустав пальца	фаланга пальца	щиколотка	запястье	часть тела	узел стебля	междоузлие
болг.		+		+				
мак.	+			+				
схр.	+	+	+	+	+	+	+	+
слвн.	+	+		+			+	+
др.-чеш.	+		+	+				
чеш.	+	+	+	+		+	+	+
слвц.	+	+	+	+			+	
в.-луж		+	+					
н.-луж.			+			+		
др.-пол.			+			+		
пол.	+	+	+		+	+	+	+
словин.	+							
бел.		+						
укр.		+	+					

Добавим также, что русские значения ‘связки срубленных деревьев’, ‘три ряда нижних брёвен сруба’, ‘секция плота’, ‘звено изгороди между двумя парами кольев’, вероятно, развились на основе сравнения нескольких параллельно лежащих стволов дерева в составе связки, сруба, изгороди или плота с фалангами пальцев, сомкнутых в кулак.

Слова *čelnъ и *čelnъkъ вряд ли могли быть основными обозначениями щиколотки и запястья в праславянском: в этих ролях довольно надёжно восстанавливаются *gleznъ и *zapęstьje. При этом известно, что дрейф ‘сустав (пальца)’ > ‘щиколотка’ распространён в славянских языках, хотя встречаются и обратные примеры [Саенко 2022а: 192–193, 186]. В случае запястья это может быть перенос ‘сустав (пальца)’ > ‘запястье’ или ‘щиколотка’ > ‘запястье’ [ОЛА ЛС 9/41].

В соотношениях ‘сустав’ : ‘часть тела’, ‘сустав пальца’ : ‘фаланга пальца’ и ‘узел стебля’ : ‘междоузлие’ мы, по всей видимости, имеем дело с метонимическим переносом названия с сустава на соседствующую с ним часть тела и с узла на междоузлие. Подобные случаи хорошо известны в славянских языках, ср. случаи дрейфа ‘(тазобедренный) сустав’ > ‘бедро’, ‘щиколотка’ > ‘голень’, ‘большеберцовая кость’, ‘стопа’ [Саенко 2022а: 133, 137–138, 183, 186, 207], а также слвн. *laket* ‘локоть’ > ‘предплечье’. Параллели предоставляют и другие языки. Древнегреческое ἄρθρον, образованное от ἀραρίσκω ‘класть вплотную, смыкать, прилаживать’ (< *$h_2$er-), первоначально обозначало ‘сустав’, однако распространило свою семантику также на ‘часть тела’ и ‘половые органы’. Латинское *artus*, в конечном счете восходящее к тому же индоевропейскому корню (*$h_2$er- > *h_2r̥tos ‘соединение’), означало ‘сочленение, сустав’, но впоследствии также ‘часть тела’.

Таким образом, мы склонны считать самыми древними (видимо, ещё праславянскими) значениями *čelnъ и *čelnъkъ следующие: ‘сустав’, ‘сустав пальца’, ‘узел стебля’.

Соотношение *čelnъ : *čelnъkъ наводит на мысль, что первое слово могло обозначать любой сустав, а диминутив применялся в основном к суставам пальцев. В качестве параллели можно привести многочисленные диминутивы от *sǫstawъ в значении ‘сустав пальца’ в восточнославянских говорах [ОЛА ЛС 9/40].

Остается вопрос, что первично: ‘сустав (пальца)’ или ‘узел стебля’? Типологические параллели из других языков показывают, что возможны оба варианта.

Дрейф ‘узел стебля’ > ‘сустав (пальца)’ можно обнаружить в случае лат. *nōdus* ‘узел’ > исп. *nudo* ‘узел; сучок; нарост (на кости); сочленение’ > *nudillo* ‘сустав пальца’. Китайское 節 (jié) ‘коленце (бамбука); колено (трубы), секция, звено; членик, сегмент; отрезок; обрубок (дерева), сук; узел, стык; сочленение, сустав; утолщение (например, столба), капитель (колонны); уплотнение, нарост (например, на дереве); раздел, отрывок; выдержка (например, из документа); параграф,

абзац; куплет’ [БКРС 2: 769] в сочетании с 指 (zhǐ) ‘палец’ даёт 指節 (zhǐjié) ‘суставы пальца, фаланги’ [БКРС 2: 585].

Среди примеров семантического дрейфа в противоположном направлении – п.-и.-е. *$h_2r̥tos$ ‘соединение’ > лат. *artus* ‘сочленение, сустав; член, тело’ > *articulus* ‘сустав; часть тела; узел, колено (растения)’. Пратюркское *bogum ‘сустав’ (< *bog- ‘связывать, затягивать’) в ряде языков потомков получило значение ‘узел на стебле растения’ [ЭСТЯ 2: 170–171][19]. Рус. диал. *суста́вчик* означает ‘узел на стебле соломины’ [СРНГ 42: 309]. Словацкое *stavec* ‘позвонок; сустав’ значит также ‘узел на стебле растения’ [SSJ 4: 238].

Таким образом, при этимологизации *čelnъ допустимо отталкиваться как от празначения ‘сустав (пальца)’, так и ‘узел стебля’.

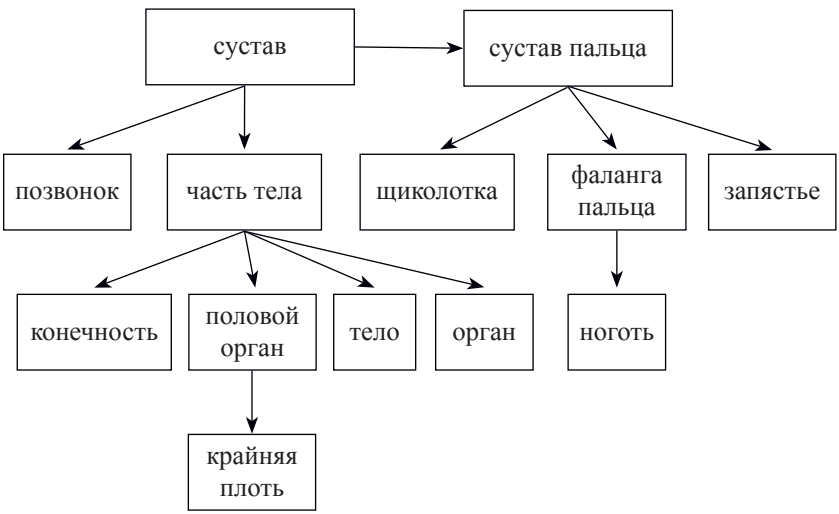

Рис. 2. Дрейф семантики континуантов *čelnъ(kъ) (соматические значения)

[19] Согласно альтернативному мнению, значения ‘сустав в теле’ и ‘узел на стебле растения’ могут реконструироваться уже для пратюркского [СИГТЯ 2001: 260].

III.1.4. Этимология

III.1.4.1. Суффикс

По всей вероятности, в праславянском *čelnъ (< *kelnus) являлось *-u-основой. Об этом говорит, как было указано выше, почти последовательная *-u-основность **члѣнъ** в Шестодневе, а также наличие там же *-ow- производного **члѣновьнъ**. Кроме того, диминутивное *čelnъkъ (< *kelnukos) демонстрирует наращение уменьшительного суффикса *-k- на тематический *-u- (что в дальнейшем после переразложения привело к вычленению нового суффикса *-ъk-). То же мы наблюдаем в парах *synъ ‘сын’ > *synъkъ и *stanъ ‘стоянка’ > *stanъkъ[20].

В этом случае вполне логично в *čelnъ (< *kelnus) вычленять суффикс *-nu- > *-nъ-. По поводу прочих дериватов с тем же суффиксом в науке велась дискуссия. А. Мейе называл следующие[21]: *synŭ* ‘сын’, *česnŭkŭ* ‘чеснок’, *činŭ* ‘порядок’, *členŭ* ‘член’, *groznŭ* ‘гроздь’, *oprěsnŭkŭ* ‘опреснок’, *stanŭ* ‘лагерь’, *synŭ* ‘башня’ [Meillet 2: 453–454]. А. Вайан отбросил *synŭ* ‘башня’ как заимствование[22], *činŭ* – как девербатив от *činiti, а *oprěsnŭkŭ* как дериват от *prěsk-nŭ ‘пресный’, и высказал сомнения по поводу *stanŭ*. Напротив, к *synŭ*, **česnŭ*, *groznŭ*, названным в работе Мейе, Вайан добавил *trěsnŭ ‘бахрома’, *černŭ ‘коренной зуб’, *trŭnŭ* ‘терн’ [Vaillant 4: 579–580]. Р. Эккерт среди дериватов на *-nu- называл *česnъkъ, *činъ, *groznъ, *tьrnъ, *stanъ, *synъ [Эккерт 1963: 51–68]. Несколько шире список Ф. Славского: *čelnъ ‘член’, *černъ ‘челюсть, коренной зуб’, *česnъ ‘чеснок’, *čînъ ‘порядок, обряд; орудие, оружие; действие’, *stânъ ‘стоянка, лагерь’, *sy̑nъ ‘сын’ [SP 1: 115].

Суффикс *-nu- был унаследован праславянским от праиндоевропейского и встречается в других индоевропейских языках, хоть и не слишком часто. В литовском есть только одно существительное с

---

[20] Последний аргумент является не слишком надежным, поскольку продуктивность суффикса *-ъk- уже в послепраславянскую эпоху породила в языках-потомках ряд дериватов, заканчивающихся на *-nъkъ, но образованных не от *-u-основ, например, *bliznъkъ ‘близнец’ при более распространенном *bliznьcь, *gъrnъkъ ‘горшок’ при *gъrnьcь, *čьlnъkъ ‘челнок’ при значительно более редком *čьlnьcь, а также *o(b)prěsnъkъ ‘опреснок’.

[21] Здесь мы оставляем оригинальное написание Мейе, не различающее реконструированные праславянские и засвидетельствованные старославянские формы.

[22] А. Вайан считал это слово германизмом [Vaillant 1: 80], но в настоящее время оно признается булгарским заимствованием в старославянском [ESJS 15: 916].

этим формантом – *sūnus* ‘сын’, зато *-nus* образует целый ряд прилагательных [Otrębski 2: 172–173]. В ведийском санскрите список дериватов-существительных также не очень велик: *bhānúḥ* (m.) ‘луч’, *kṣepnúḥ* (m.) ‘натягивание тетивы’, *reṇúḥ* (m.) ‘пыль’, *sthāṇúḥ* (m.) ‘ствол дерева, пень, столб’, *sūnúḥ* (m.) ‘сын’, *vagnúḥ* (m.) ‘звук’, *dhenúḥ* (f.) ‘дойная корова’, *dā́nu* (n.) / *dā́nuḥ* ‘влага, роса’ (m. и f. также как имя демонов)[23] [Елизаренкова 1982: 146; Lubotsky 1992: 261]. К. Бругман относил к дериватам на *-nu- также лат. *manus* (f.) ‘рука’, *cornū* / *cornūs* ‘рог’, др.-греч. гомеровское θρῆνυς ‘скамеечка (для ног); корабельная скамья’ и λιγνύς ‘дым, копоть; пламя’, др.-ирл. *lín* (m., n.) ‘(полное) число’, *orgun* ‘убийство’, гот. *sunus* (m.) ‘сын’, *þaurnus* (m.) ‘терн’, *asiluqairnus* (f.) ‘жернов’ [Brugmann 2-1: 302]. Однако в современной индоевропеистике часть этих слов рассматривается иначе: в *manus* *-n- является частью основы, *cornū*, вероятно, перешло в *-u-склонение вторично [de Vaan 2008: 136–137, 363–364], а греческие слова могут быть субстратными заимствованиями [Beekes, van Beek 2010: 552, 861]. Готское *þaurnus* также, скорее всего, вторично перешло в *-u-основы из *-o-склонения [Kroonen 2013: 552–553].

Ранее были высказаны точки зрения, что *-nu- – это «суффикс отглагольных образований пассивного залога» или суффикс, образующий абстрактные отглагольные существительные [Эккерт 1963: 54–55], но на основе столь скромной выборки сложно сделать какие-либо выводы об изначальных значении и функции *-nu-, хотя стоит отметить, что в санскрите мы действительно имеем дело преимущественно с отглагольными дериватами: *bhā́ti* ‘светит’ > *bhānúḥ* (m.) ‘луч’, *kṣípyati* ‘бросает’ > *kṣepnúḥ* (m.) ‘натягивание тетивы’, *rī́yate* ‘избавляет, освобождает; разъединяет’ > *reṇúḥ* (m.) ‘пыль’, *tíṣthati* ‘стои́т’ > *sthāṇúḥ* (m.) ‘ствол дерева, пень, столб’, *sūté* ‘рожает’ > *sūnúḥ* (m.) ‘сын’, *vákti* ‘говорит’ > *vagnúḥ* (m.) ‘звук’, *dháyati* ‘сосет’ > *dhenúḥ* (f.) ‘дойная корова’.

Для праславянского в первую очередь следует решить вопрос о составе группы дериватов на *-nu-. Попробуем кратко рассмотреть группу основных кандидатов на эту роль в свете четырёх критериев: наличия *-u-основных родственников в других индоевропейских языках; наличия форм *-u-склонения в старославянских памятниках; наличия производных с формантом *-ow-; наличия диминутива на *-nъkъ. Ни один из из критериев не является решающим, однако их совокупность позволяет высказываться уже несколько более определённо.

[23] Подробнее об этимологии этого слова см. [Mayrhoffer 1: 719–720].

Таблица 7

Оценка *-u-основности потенциальных дериватов на *-nu-

	внешние *-u-основные когнаты	*-u-склонение в старославянских памятниках	*-ow-дериваты	диминутив на *-nъkъ
*čelnъ	–	+	+	+
*černъ	–		+	+
*česnъ	–		+	+
*činъ	–	+	+	–
*groznъ	–	–	+	–
*stanъ	+	+	+	+
*synъ	+	+	+	+
*tьrnъ	±		+	–

Историю данной группы в праславянском можно описать следующим образом: ещё к праиндоевропейской эпохе относится *synъ, чьи когнаты хорошо представлены за пределами славянских языков (см. выше). У слов *stanъ и *tьrnъ, как было указано, есть *-u-основные родственники за пределами славянских языков, но *stanъ нужно в первую очередь сравнивать не с санскр. *sthāṇúḥ* ‘ствол дерева, пень, столб’, а с семантически более близким *sthā́nam* ‘стояние, расположение’. Возможно, в праславянском *stanъ перешло в *-u-склонение вторично. В случае *tьrnъ готское *þaurnus* оказывается в изоляции: не только формы прочих германских языков, но и санскр. *tŕ̥ṇam* ‘трава, стебель, соломинка’ указывают на *-o-склонение. Наличия только *-ow-дериватов (см. обзор в [Эккерт 1963: 53–54]) недостаточно, чтобы уверенно относить это слово к *-u-склонению, если учесть высокую продуктивность формантов, содержащих *-ow- и после распада праславянского языка. Следует также учесть наличие у *tьrnъ многочисленных дериватов без *-ow- (см. обзор в [Babik 2012: 195–207]).

Суффикс *-nu- можно выделять в составе праславянских слов *čelnъ, *černъ, *česnъ и *činъ. Нельзя не обратить внимание на схожесть корней этих слов, отличающихся, по сути, лишь последним согласным: *kel-nu-s, *ker-nu-s, *kes-nu-s и *kei̯-nu-s. Возможно, при выборе суффикса играли роль некие эвфонические критерии, ср. важность последнего согласного основы при деривации с помощью форманта *-ъtь [Саенко 2019в].

Что касается *groznъ, как и в случае с *tьrnъ, мы склонны полагать, что одних только *-ow-дериватов недостаточно, чтобы считать это слово частью *-u-склонения, и соглашаемся в этом вопросе со Славским, а не с Эккертом.

Опираясь на группу в составе *čelnъ, *černъ, *česnъ, *činъ, *stanъ, и *synъ, можно высказать следующие наблюдения:

а) если не учитывать этимологически уже непрозрачного в праславянском *synъ, в трёх случаях мы имеем дело с отглагольными дериватами: *stati > *stanъ; *česati > *česnъ[24]; *k^{w}ei̯- ‘укладывать (рядами, слоями)’ > *činъ. Слово *černъ ‘рукоять (инструмента)’, вероятно, является производным от *k^{w}er- ‘отрезать, вырезать’ (см. раздел VII.4.1).

б) только в древнейшем деривате (*synъ) корень находится на нулевой ступени, в новых это всегда *-e*-ступень. Примерно то же было характерно и для санскрита.

в) в отличие от санскрита, где суффикс *-nú-* почти всегда ударен (вероятно, вторичное обобщение), в праславянском он может быть как ударным, так и безударным: *sȳnъ (а. п. *c*), *stânъ (*c*), *čînъ (*c*), *čeĩnъ (*c*), но *česnъ̀ (*b*)[25]. Даже если слово образовано от корня, оканчивающегося на ларингал (*synъ, *stanъ), праславянское слово имеет циркумфлекс на основе и относится к парадигме *c*.

Слово *čelnъ очень хорошо укладывается в эту схему. В плане ударения неубедительна реконструкция *čẽ́lnъ М. Сноя с акутом на корне [Snoj 2016: 118]. Схр. *člân*, слвн. *člẹ̑n*, рус. диал. *че́лен* (формы *челена́*, *челе́но́* со сменой рода непоказательны) указывают на *čel̃nъ с циркумфлексом, что прекрасно соответствует вышеописанной картине. Старорусские акцентуированные памятники не дают форм с полногласием, но предоставляют в наше распоряжение gen.pl. *члѣно́в* и nom.pl. *члены̀* [Зализняк 2019: 593]. Если предположить, что церковнославянизм ударялся так же, как исконное слово, это вполне может быть отражением а. п. *c*[26].

---

[24] Такова традиционная этимология слова *česnъ. Гипотезу Р. Матасовича о субстратном происхождении этого слова [Matasović 2013: 89] мы считаем необоснованной.

[25] См. реконструкции: *česnъ̃ (краткий циркумфлекс) [Snoj 2016: 114], *česnъ̀ (краткий ударный слог), а. п. *b* [ERHJ 1: 127]. Что характерно, *česnъ является в данной группе единственным словом, обладающим корнем, на котором не может находиться долгий циркумфлекс.

[26] Для nom. pl. (по происхождению acc. pl.) *члены́* ср. acc. pl. *станы́*, *чины́*, *сыны́* [Зализняк 2019: 592, 597, 601].

III.1.4.2. Корень

Корень, от которого было образовано слово *čelnъ, разными учеными определяется по-разному:

- *(s)kel- ‘колоть’ [Persson 1895: 288; Schuster-Šewc 2: 120];
- *k^{w}el- ‘вращать(ся)’ [Pokorny 1959: 639–640; Snoj 2016: 118], в современной реконструкции *k^{w}elh$_1$- ‘eine Drehung machen, sich umdrehen, sich (um-, zu-)wenden’ [LIV 2001: 386–388][27];
- *k^{w}el- ‘происходить; расти’ [Трубачёв 3: 219–220], в настоящее время такого корня для праиндоевропейского не восстанавливается;
- *kel- ‘подниматься’ [Gluhak 1993: 180], в современной реконструкции *kelH- ‘aufragen, hochragen’ [LIV 2001: 349].

Внутри праславянского языка на роль родственников *čelnъ выдвигали *koléno и *kъlkъ [Meillet 1907: 375], *čelo [Doroszewski 1931: 425], *čeľadь [Holub, Kopečný 1952: 94], *čьlnъ [ЭССЯ 4: 45].

За пределами славянских языков среди когнатов называли др.-греч. κῶλον ‘часть тела, преимущественно конечность; ветвь, сук; сторона, бок’, κωλῆ ‘бедро, окорок; membrum virile’, санскр. *kaṭiḥ* ‘бедро’ [Persson 1895: 288], лит. *kẽlis* ‘колено’, *kenklẽ* ‘подколенная впадина’, *kùlšė* ‘бедро (диал.); тазобедренный сустав, поясница’, др.-греч. σκέλος ‘бедро, голень, нога’, κώληψ ‘подколенная впадина’, д.-в.-н. *scultarra* ‘плечо’ [Meillet 1907: 375], лтш. *ķelna* ‘куриная нога’ [Osten-Sacken 1909: 245][28], др.-греч. σκολιός ‘кривой’, лат. *scelus* ‘преступление’, др.-англ. *sculdor* ‘плечо’ [Berneker 1924: 139], лат. *celsus* ‘высокий’, *collis* ‘холм’, *columen*, *culmen* ‘вершина’, др.-греч. κολωνός ‘высота, холм’, лит. *kálnas* ‘гора’ [Doroszewski 1931: 425–426], нем. *Gelenk* ‘сустав’, англ. *link* ‘звено’ [Machek 1968: 105], др.-греч. πόλος ‘ось’ [Bańkowski 1: 232]. Бóльшая часть этих слов восходит к вышеназванным глагольным корням.

Для успешной этимологизации *čelnъ необходимо ответить на вопрос, может ли это слово быть отыменным дериватом, или же только отглагольным.

Как было указано выше, *synъ, *stanъ, *činъ, *černъ и *česnъ являются девербативами. В таком случае все дериваты с суффиксом *-nu- оказываются отглагольными, и логично видеть девербатив и в

[27] Вероятно, этот же корень А. Баньковский имел в виду под *kel- ‘двигаться’ [Bańkowski 1: 232].

[28] Ср. также *ķelnas* ‘штаны’ и *ķelene* ‘нога’ [Mühlenbachs 2: 362–363]. Судя по отсутствию перехода *k* > *c*, все эти формы являются литуанизмами.

слове *čelnъ. Чисто фонетически *čelnъ могло быть образовано от следующих корней: *kel- ‘погонять’, *kelH- ‘торчать’, *kelh$_2$- ‘бить’, *k^{w}elh$_1$- ‘вращаться’, *(s)kel- ‘провиниться’, *(s)kel- ‘колоть’, *(s)kelh$_1$- ‘засыхать’ [LIV 2001: 348–350, 386–388, 552–553]. Если отталкиваться от восстанавливаемых нами для *čelnъ значений ‘сустав (пальца)’ и ‘узел на стебле’, то наиболее подходящим кандидатом оказывается уже предлагавшийся ранее на эту роль корень *k^{w}elh$_1$- ‘вращаться’, среди дериватов которого в праславянском – *kolo ‘колесо’ и *koľěno ‘колено’. Обозначение сустава как вращающейся части тела находит частичные параллели в таких случаях, как ст.-рус. *вертлюг* ‘тазобедренный сустав’ [СлРЯ XI–XVII 2: 99], рус. диал. *ве́тлюг* ‘коленный сустав’ [СРНГ 4: 195] < *вертеться*; англ. *wrist* ‘запястье’ < *writhe* ‘скручивать, сплетать’ (аналогично в других германских языках), др.-греч. καρπός ‘запястье’ < *k^{w}erpH- ‘вращаться’ [Beekes, van Beek 2010: 649].

Если не списывать со счетов возможность отыменного происхождения *čelnъ, то в первую очередь внимания заслуживает идея о связи этого слова с *koľěno. Существуют примеры дрейфа ‘колено’ > ‘сустав пальца’. Он отмечен в различных словенских говорах у слова *koleno* и его диминутивов [SLA 1/41], у форм *kolẹ̀:nca* (пункт ОЛА 28), *koliẽ:ncạ* (29), *kolì:nca* (42) в хорватских говорах [ОЛА ЛС 9/40], у диминутивов *koľ'inca* (pl.) [AJDŁ 6/260], *kȍl'inća*, *kȍl'iŋka* (pl.) [AGB 3/164], *kuľ'iŋka*, *kuľ'ińća*, *koľ'ińćita* (pl.) [AUGN 1: 37] в украинских, *ka'l'encы* в русском (ОЛА 692) [ОЛА ЛС 9/40], *кале́нцы* в белорусских говорах [ЛАБНГ 3/94].

Латинское *genu* ‘колено; узел на стебле растения’, греческое γόνυ ‘колено; узел на стебле растения; междоузлие’, литовское *kẽlis* и собственно русское *колено* (а также многочисленные формы других славянских языков) являются примерами дрейфа ‘колено’ > ‘узел на стебле растения’.

Таким образом, ‘колено’ легко могло быть отправной точкой для двух из основных значений *čelnъ(kъ). В этом отношении было бы очень заманчиво считать *kelnus (> *čelnъ) дериватом от прабалтославянского *kelis ‘колено’ (лит. *kẽlis*, лтш. *celis* ‘колено’), однако если не будет показано, что в праславянском суффикс *-nu- мог образовывать дериваты и от существительных, предпочтение следует отдавать отглагольной версии.

III.2. Инновационные названия уставов

III.2.1. Дериваты от *stawiti

Одним из наиболее распространённых обозначений устава вообще являются дериваты от глагола *stawiti ‘ставить’ и его приставочного производного *sǫstawiti / *sъstawiti ‘составить’.

Форма *става* обозначает устав в литературном болгарском. Кроме того, засвидетельствовано диалектное (Странджа) *състафџе* (pl.) ‘скелет; суставы’ [Станчев 1999: 249].

Разнообразные варианты известны сербохорватским говорам: *stav*, *stava*, *stavica* ‘устав’ [Boryś 1999: 46], *став ~ стау* ‘устав’ [Томић 1984: 219–220].

В словенских говорах имеются аналогичные обозначения устава пальца: *sˈtaːvẻca* (пункт SLA 282), *stâva* (392), *stå̑va* (394), *sˈtå̑ːava* (395) [SLA 1/41].

В древнечешском переводе Библии *stávek* встречается как обозначение устава в соответствии с латинским *iunctura* ‘устав’. В первом случае тексты Дрезденской и Оломоуцкой библий идентичны:

ſtawek twych bedr yakozto zapony vkowane ruku rzemeſlnykowu (Дрезд., Песнь песней 7:1) [Kyas 4: 434]

Stávek tvých bedr jakožto zápony ukované rukú řemeslníkovú (Олом.) [Kyas 4: 435]

iunctura feminum tuorum sicut monilia quae fabricata sunt manu artificis (Вульгата)

Во втором случае слову *stávek* в Дрезденской библии соответствует *klúb* в Оломоуцкой:

kdiz wſſeczko tielo ſrazzeno a ſwazano wſſiemi **sſtawki** w ſluzzenye podle diela (Дрезд., Ефес 4:16) [Kyas 2: 148]

z něhožto všecko tělo spojeno a svázáno po všech **klúbiech** přisluhovanie podle dělánie (Олом.) [Kyas 2: 149]

ex quo totum corpus conpactum et conexum per omnem **iuncturam** subministrationis secundum operationem in mensuram (Вульгата)

Один раз *stávek* переводит *coniunctio*:

z niežto všecko tělo svazky a **stávky** spojeno (Олом., Колос. 2:19) [Kyas 2: 167]

ex quo totum corpus per nexus et **coniunctiones** subministratum (Вульгата).

В старословацких памятниках XVII–XVIII вв. встречаются формы *stav* и *stavec* ‘сустав; коленце растения’ [HSSJ]. Эта форма известна и современному литературному словацкому: *stavec* [SSJ 4: 238].

В верхнелужицком *staw* помимо прочего имеет широкое значение ‘часть тела’, а диминутив *stawčk* значит ‘фаланга пальца’ [Schuster-Šewc 18: 1357–1358].

Древнепольское *staw* уже в XV в. обозначало как ‘сустав’, так и ‘часть тела’ [SStp 8: 431–432]. Это же слово является обозначением сустава в современном польском, а также отмечено в диалектах с вариантами *stofḱi* (pl.), *stavítka* (pl.) [AJŚ 4/637].

Древнерусскому наряду с **сѫставъ** ‘часть тела, член, орган; сустав, фаланга пальца’ [СлРЯ XI–XVII 29: 63–64] был известен также вариант **съставъ** с крайне широким спектром значений ‘сустав, сочленение; соединение, связь’ [СлРЯ XI–XVII 26: 198–201].

В литературном белорусском сустав – *сустáў*, в говорах есть форма и женского рода, *сустáва* ‘сустав’ [СПЗБ 5: 22].

В украинских закарпатских говорах известны многочисленные суффиксальные и приставочно-суффиксальные производные: *стáвчик*, *остáвчик*, *ставúц’*, *ставóк*, *устáвчик*, *сустáвиц’* ‘сустав’ [Дзендзелівський 3/308].

В русских говорах помимо формы *сустáв*, аналогичной литературной, имеется вариант женского рода *сустáва* ‘сустав’ [СРНГ 42: 307]. Диминутив *сустáвец* может означать ‘фаланга пальца’ [СРНГ 42: 308]. Кроме того, в говорах слово *сустáв* развивает вторичные значения: ‘голень, лапа животного’, ‘кость животного, употребляемая для игры в бабки; (во мн.) игра в бабки’, ‘часть членистого стебля хвоща’, ‘единица измерения величины ячеи рыболовной сети по суставам пальцев руки’, ‘годовое кольцо на срезе ствола дерева’, ‘цветная полоска на домотканом холсте’, ‘неполное веретено пряжи’, ‘отрезок, участок поля, пашни, угодья и т. п.’, ‘излучина реки’, ‘укладка из 10 снопов’, ‘повторяющаяся часть сказки’ [СРНГ 42: 307].

На первый взгляд, широкая география этих слов позволяет видеть здесь праславянское обозначение сустава. В. Борысь даже реконструировал праслав. *stava / *stavъ ‘przegub, staw’ [Boryś 1999: 46]. Однако следует обратить внимание на то, что мы имеем дело с образованиями от распространённого глагола, который не утрачивал своей продуктивности в отдельных славянских языках, ср. пол. *staw* ‘пруд’, *zestaw* ‘состав, набор’ и чеш. *stav* ‘состояние; сословие; ткацкий станок’, *soustava* ‘система’, *sestava* ‘состав, набор’. Кроме того, вариативность

приставки в *staw- / *sъstaw- / *sǫstaw- указывает на то, что эти образования могли появиться в разное время (хотя нельзя исключать и вторичного влияния глагола на девербатив, как в рус. *сосед* вместо более старого *сусед*). Ситуация во многом схожа с тем, что мы наблюдаем у дериватов от *gybati (см. ниже), которые заведомо нельзя проецировать на праславянский уровень. Таким образом, мы полагаем, что нельзя быть уверенным в праславянской древности соматического значения дериватов *stawiti.

III.2.2. Дериваты от *gybati

Помимо форм литературных языков, слвц. *zhyb*; в.-луж. *zhibadło*, *zhibowadło*; н.-луж. *zgibadło*, говорам известен целый ряд дериватов от *gybati и его приставочных производных: болг. диал. *пре́гиба* (Смолянско) [БЕР 5: 630], схр. диал. *згӣ̂б* [РСКНЈ 6: 696], *prȅgīb*, *pregiba*, *prègibak*, *pregìbalo*, *prȅgībao* [RHiSJ 11: 513], *prȉgiba* [Vranić, Oštarić 2016: 553], пол. диал. *ǵibaduą* (pl.), *pšeǵiby*, *př̨eǵiby*, *př̨ehiby*, *pšegubʲa*, *ǵipki*, *zǵiby* (pl.), *zǵyńća*, *zǵińća* (pl.), *zǵinaduǫ*, *zǵinańy* (sg.) [AJŚ 4/637], укр. диал. *згы́нан'а*, *згѝнан'а*, *згы́нан'е*, *згы́нанка*, *згы́н'анка*, *загы́нанка*, *загѝнанка*, *за́гинка*, *за́гынка*, *изгы́нан'а*, *згы́нач* [Дзендзелівський 3/308], рус. ц.-сл. **гъвєжь** [СДЯ 2: 406]. Сюда можно также добавить слвн. *pregîb* ‘впадина с обратной стороны сустава’, *zgîb* ‘тело рядом с суставом’ [SSKJ], а также рус. яросл. *сгибь* (m.) ‘голеностопный сустав’ [СРНГ 37: 16] с более конкретным значением.

III.2.3. *sъglobъ

В случае *sъglobъ можно говорить об общеюжнославянской инновации. К его потомкам относятся болг. *сглоб*, *сглаб* ‘сустав’, мак. *зглоб* ‘сустав’ с фонетическими вариантами *зглоᴗ̆*, *зглоп*, *зглобут*, *згуоп*, *жглоп*, *џглоп*, *џг(к)лоп*, *злоп*, *жлоп*, *глоп*, *зглап*, *злап*, *глап*, *гўап*, а также словообразовательными вариантами *зглобец*, *зглобʲец*, *глобец*, *зглопче*, *разглоп*, *разлоп*, *разлуп* ‘сустав’ [Дрвошанов 2005: 173–174], схр. *zglȍb* ‘сустав’, диал. *глóбље* (собир.) ‘суставы’ [РСКНЈ 3: 353], слвн. *zglȍb* ‘сустав’. К южнославянским обозначениям примыкают укр. *суглóб* ‘сустав’ и рус. диал. *суглóбый* ‘горбатый; сгорбленный, с согнутой спиной (о человеке, фигуре человека)’ [СРНГ 42: 146], отличающиеся приставкой более архаичного вида и, вероятно, образованные от того же глагольного корня независимо.

В этимологическом отношении *sъglobъ и *sǫglobъ являются дериватами от *globiti, первое значение которого Słownik Prasłowiański

восстанавливает следующим образом: ‘сдавливать, скреплять, соединять части чего-либо при помощи клина; вбивать клин для укрепления, закрепления, заглушения чего-либо’ (‘ściskać, spajać, łączyć części czegoś za pomocą klina; wbijać klin w celu umocnienia, zamocowania, zaczopowania czegoś’) [SP 7: 117].

В диалектах значение этого слова может сужаться до обозначения конкретного сустава, так, в македонских говорах известны значения ‘щиколотка’ и ‘ладонь’ [Дрвошанов 2005: 156, 120], в словенских – ‘щиколотка’ (пункты SLA 409, 410) [SLA 1/66] и ‘сустав пальца’ (51, 340, 410[29]) [SLA 1/41].

Вероятно, сюда же примыкают схр. *зглáвак* ‘сустав’ [РСКНЈ 6: 697], диал. *жглáбак ~ жглáвак ~ жлáвак* ‘id’ [Петровић, Капустина 2011: 88], мак. диал. *зглавец* ‘id’ [Дрвошанов 2005: 175], возникшие из *зглоб* в результате народно-этимологического влияния слова *глава* ‘голова’, ср. *головка кости*.

III.2.4. *klǫbъ

Сербохорватским говорам известна форма *клȗба* ‘тазобедренный сустав’ [РСКНЈ 9: 634]. В литературных чешском и словацком сустав обозначается континуантами *klǫbъ: чеш. *kloub*; слвц. *kĺb*. В части чешских говоров *kloub*, *kloubek* значит ‘щиколотка’ [ČJA 1/57]. В словацких говорах *kĺb*, *klbo*, *gĺb, kúb, klúb, klubo* означают ‘сустав; часть свиной ноги над бедром; два куска дерева, соединённые шипом; короткая нижняя юбка’ [SSN 1: 775]. Пол. силезск. *kłymby*, *kłymba*, *kłuby*, *kłuba* (pl.) также значит ‘суставы’ [AJŚ 4/637]. В польском литературном *kłąb* – ‘холка (лошади, быка и т. д.)’. Укр. закарпат. *клуб* – ‘сустав’, *клубы* – ‘бёдра (бока)’, *клубámi пéрсты* ‘пальцы с большими суставами’ [Керча 1: 414]. В карпатоукраинских говорах *klub* (в говорах, оглушающих конечные согласные, – *klup*) значит ‘тазобедренный сустав’ [Николаев 2025: 119]. В двух русских памятниках XVII века *клубъ* – это ‘соединение лопатки и плечевой кости, головка плечевой кости’ [СлРЯ XI–XVII 7: 180]. Значение ‘бедро’ представлено в говорах всех западнославянских, украинского и белорусского языков, а также в литературном украинском [ЭССЯ 10: 74; ОЛА 9/44; СУМ 4: 190]. В белорусском *клуб* – ‘внешний бок верхней части бедра’ [ТСБМ 2: 701].

[29] То, что это слово в одном и том же говоре обозначает щиколотку, сустав пальца, а также тазобедренный сустав [SLA 1/61], наводит на мысль, что информация была записана собирателем некорректно, и информант трижды сообщил гипероним вместо ожидаемых гипонимов.

Здесь мог произойти дрейф ‘клубок’ > ‘сустав’ [Саенко 2022а: 137] либо реализоваться семантика родственного глагола *klǫbiti sę ‘собираться клубком’ (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 24.02.2026). При этом, в силу ареальной ограниченности соматических значений у континуантов *klǫbъ и лёгкости переноса подобных обозначений на части тела, мы сомневаемся, что *klǫbъ имело какое-либо соматическое значение уже в праславянскую эпоху.

III.2.5. *kľučь

К праслав. *kľučь восходят болг. диал. *ключ* ‘сустав; щиколотка; коленный сустав’ [БЕР 2: 489], мак. диал. *клуч*, *кл’уч*, *кључ* ‘сустав’ (известно также в значении ‘щиколотка’) [Дрвошанов 2005: 174], схр. диал. *кључ* ‘верхний сустав на задней ноге коня или быка; сустав вообще’ [РСКНЈ 9: 651], укр. диал. *кл’уч* ‘сустав’ [Дзендзелівський 3/308]. Возможно, промежуточным звеном между исходным значением ‘изогнутая палка; ключ’ и конечным ‘сустав’ было обозначение какой-то кости, например, заплюсневой кости лошади. В качестве параллели к первой части сдвига может служить лат. *clavicula* (и скалькированное с него рус. *ключи́ца*).

III.2.6. Локальные инновации

Нередки случая расширения значения у обозначений конкретных суставов и перенос их на сустав вообще. В первую очередь сюда относятся обозначения щиколотки: мак. диал. *глезйн*, *глездењ* ‘щиколотка’ > ‘сустав’ [Дрвошанов 2005: 175], мак. диал. *кокйлче* ‘сустав’ [Дрвошанов 2005: 175] с дрейфом ‘кость’ > ‘щиколотка’ > ‘сустав вообще’, мак. диал. *глужд*, *глужд̭*, *глуж*, *глуш*^{ж}, *глуш*, *глуџ*, *гл’уж*, *гл’уч*, *гљуж*, *гљуш*, *гључ* [Дрвошанов 2005: 174] со сдвигами ‘сучок’ > ‘щиколотка’ > ‘сустав вообще’, схр. *глёжањ* ‘щиколотка’ > диал. ‘сустав вообще’ [РСКНЈ 3: 342][30].

В случае рус. диал. *хо́лка* [СРНГ 51: 164], вероятно, также следует подозревать расширение значения ‘щиколотка’ > ‘сустав вообще’.

Ещё один крупный сустав – коленный, отсюда мак. диал. *кул'ено* ‘сустав’ [Дрвошанов 2005: 175], укр. диал. *кол’інце* ‘сустав’ [Дзендзелівський 3/308].

[30] Заманчиво было бы включить в этот список рус. диал. *лоды́жка*, глоссируемое как ‘сустав’ [СРНГ 17: 107], однако приводимый контекст вызывает сомнение, что диалектное значение шире литературного: *в лодыжках ноги болят*.

Рус. диал. *забои́* ‘суставы’ [СРНГ 9: 261] А. Е. Аникин справедливо связывает с *завóй* ‘запястье’ [Аникин 17: 138]. Звук *-б-* вместо *-в-* (если, конечно, он не является результатом некорректной записи) может объясняться народно-этимологическим влиянием глагола *забúть*[31].

В русских говорах представлено слово *ходúло* в значениях ‘сустав, коленный сустав, тазобедренный сустав; заплечная кость, лопатка; бедро, бедренная или лопаточная часть туши животного, окорок; вяленое, сушеное баранье бедро’ [СРНГ 51: 30–31]. Не вполне понятно, является ли исходным значением ‘стопа’, как в ряде других славянских языков [Саенко 2022а: 205], или речь идёт о независимой деривации от глагола *ходить* сразу в применении к какому-либо из суставов ноги.

В болгарском говоре села Плевня (Драмско, Греция) слово *зáколак* стало обозначать сустав, при том, что у *зáкол*, *зáколак* шире распространены значения ‘место на шее, в которое вбивается нож при забое животного’ и ‘место между позвонками, где отрезается голова животного при забое’ [БЕР 2: 564].

Рус. диал. *у́зóг* ‘угол, край, конец; сустав’ [СРНГ 47: 31] восходит к праслав. *ǫzgъ, деривату от того же корня, что и в *węzati ‘вязать’ и *ǫzъkъ(jь) ‘узкий’ [ЭССЯ 40: 100–101]. Возможно, исконным является значение ‘уголок рта’, представленное в старославянском и древнерусском [SJS 4: 1013; СлРЯ XI–XVII 31: 259][32]. Оно хорошо стыкуется с этимологией слова, и из него легко выводятся как ‘угол’ (расширение значения), так и ‘сустав’ (через дрейф ‘уголок рта’ > ‘стык’ > ‘сустав’). Рус. диал. вариант *узкóк* ‘край, конец; член, сустав’ [СРНГ

[31] По мнению А. Ф. Журавлёва, народно-этимологическое влияние в данном случае предполагать необязательно в связи с тем, что мена *-б-*/*-в-* широко распространена в русских говорах: *баландаться* ‘возиться; слоняться’ : *валандаться*, *баловать* : *валовать* ‘id’, *барахло* : *ворохло* ‘id’, *бутор* ‘пожитки’ : *вутор* ‘id’, *забякать* : *завякать* (о лае, блеянье), *набузыкать* ‘подзадорить, настроить кого-либо против кого-либо’ : *навузыкнуться* ‘напасть на кого-либо с бранью’ (письменное сообщение, 24.02.2026).

[32] SJS относится к этому слову с некоторым сомнением, давая следующую помету: occurit in Bon, nisi error quidam inest (появляется в Болонской псалтыри, если не является ошибкой). Действительно, фрагменту διανοίξουσιν χαλινοὺς αὐτῶν ὡς ἔσθων πτωχὸς λάθρᾳ (Авв. 3:14), переведённому в Болонской псалтыри как **разврѣзжтъ жзгы своѫ ꙗко ꙗдѧ нищии таи**, в других памятниках соответствует **оꙋзы**, **оꙋздъı**, **оꙋсга** [SJS 4: 1013]. Однако греческое χαλινός обозначает как уздечку, так и уголок рта лошади [Liddel, Scott 1996: 1972], а замена редкого **жзгы** на более распространённое **оꙋздъı** вполне объяснима, в отличие от обратной замены.

47: 25] является результатом народно-этимологического влияния на *узóг* глагола *скакáть*.

Торлакское *глогáњ* демонстрирует сдвиг от ‘большая кость животного без мяса’ к ‘сустав на руке или ноге человека’ [Жугић 2005: 54; Стојановић 2010: 132], ср. рус. *мосóл* – как ‘большая кость животного без мяса’, так и ‘выпирающая из-под кожи кость’. В этимологическом отношении данное слово образовано от *глог* ‘боярышник’, ср. болг. диал. (Трын) *глогáк* ~ *глогáн* ‘кость или нечто окостеневшее’, *глóга* (Ботевградско) ‘сук дерева’ и *глог* ‘боярышник; человек, убивающий вампиров колом из боярышника’ [БЕР 1: 250].

Мак. диал. *јаболко* ‘сустав’ [Дрвошанов 2005: 175] – результат переноса по внешнему сходству.

Пол. диал. *zovásy*, *zvʲiᵘᵒzy*, *zåvásy* (pl.) [AJŚ 4/637] демонстрирует переход ‘петля (двери)’ > ‘сустав’.

Пол. диал. *tap* связано с оборотом *na*/*w cap*/*capy*, обозначающим способ соединения деревянных элементов [SGP 8: 337]. Слово *зáмок* ‘сустав’ в украинских буковинских говорах [СБГ 2005: 136–137], видимо, является примером переноса со слова *замок* в значении ‘вид соединения брёвен или досок’.

Рус. диал. *козвонóк* ‘сустав пальца (руки)’ [СРНГ 14: 58], *квозонóк* ‘сустав пальца и пясти руки’ [СРНГ 13: 168], *кóзóн* ‘сустав, суставчик пальца; кисть руки, запястье; большая бабка, бабка-битка; игра в бабки’ [СРНГ 14: 72], *козонóк*, *козанóк* ‘сустав пальца, в особенности когда рука сжата в кулак; конечный сустав пальца; средний сустав пальца; выступающая со стороны мизинца кость запястья; кисть руки, запястье; пясть руки; позвонок; игральная кость, бабка; маленькая бабка; большая бабка, бабка-битка; бабка, употребляемая вместо денег при игре в карты; игра в бабки’ [СРНГ 14: 72–73], *козунóк* сустав пальца; бабка-свинчатка’ [СРНГ 14: 75], *кóзенка* ~ *козёнка* ‘сустав пальцев; сгиб суставов; нарост на пальцах ноги; игральная кость, бабка’, *козенóк* ‘сустав пальцев на руках и ногах; игральная кость, бабка’ [СРНГ 14: 63], *кóзинок* ‘сустав’ [СРНГ 14: 65] и др. объясняются как дериваты от *звенó* с приставкой *ко-* с реконструкцией *kozvonъ(kъ) [ЭССЯ 12: 26]. Однако мы бы не исключали народно-этимологической контаминации слова *позвонóк* с *кóзень* ‘кости надкопытных суставов у животных; кость домашнего животного; игральная кость, бабка; крупная бабка, которая ценится в игре дороже других; меньшая бабка; бабка-свинчатка; игра в бабки’ [СРНГ 14: 63], дериватом от названия

животного, козы. В пользу этого говорит наличие значения ‘игральная кость, бабка’ у многих вышеперечисленных обозначений сустава.

Ряд обозначений образован от глаголов со значением ‘связывать’ или ‘соединять’. Сюда относятся слвн. *sklȅp* ‘сустав’ (в говорах также ‘щиколотка’ [SLA 1/66] и ‘сустав пальца’ [SLA 1/41]) от *sklȇpati* ‘склепать, соединить’; слвн. устар. *sklênek* ‘сустав’ [Pleteršnik 2: 488] от *sklenīti* ‘соединить’, производного от *sklȇpati*; рус. диал. *связь* ‘сустав (руки, ноги человека, лапы животного)’ [СРНГ 36: 341] от *связать*; рус. диал. *спай* ‘сустав’ [СРНГ 40: 107] и *спой* ‘id’ [СРНГ 40: 199] от *спаять*.

III.2.7. Заимствования

Болг. диал. *ек*, *йек* ‘сустав’ заимствовано из тур. *ek* ‘придаток’ [БЕР 1: 484; 2: 99]. Мак. диал. *ашик*, *јашик* ‘сустав’ также является турцизмом, ср. тур. *aşık* ‘астрагал, таранная кость; бабка’. Мак. диал. *билизик* ‘сустав’ из тур. *bilezik* ‘браслет’ [Дрвошанов 2005: 175].

Мак. диал. *жур* из греч. γύρος ‘круглый’ [Дрвошанов 2005: 175]. Схр. диал. *кȍндил* [РСКНЈ 10: 115], *кондȉл* [Динић 2008: 347] заимствовано из греч. κόνδυλος ‘сустав’.

Слвн. диал. *gl'ide* (pl.) [Malnar 2008: 113], пол. диал. *gyliŋka*, *gylyŋka*, *gelʸ̊ŋka*, *ǵeľyŋki* (pl.), *gelyŋḱi* (pl.), *ľėŋḱi* (pl.) [AJŚ 4/637], в.-луж. разг. *lenk* заимствованы из нем. *Gelenk* ‘сустав’.

В польских говорах отмечено восточнославянское заимствование *sustaw* ~ *sustawa* [Karłowicz 5: 265].

Укр. диал. *ко́тик* ‘сустав’ [СБГ 2005: 227], по-видимому, заимствовано из словацкого диалектного *kotník* ~ *kotík* ‘щиколотка’ [SSN 1: 845], которое либо является германизмом (< ср.-н.-нем. *kote* ‘щиколотка’), либо восходит к *kotъ, отглагольному производному от *kotiti ‘катить’ [Саенко 2022а: 194–195].

IV. РОТ

IV.1. Праславянское *usta

Рот в праславянском языке обозначало существительное, унаследованное от праиндоевропейского – *ustá (n. pl. t.; а. п. *b*). Оно является основным обозначением рта в большинстве литературных языков (болг. *устá*, мак. *уста*, схр. *ústa*, слвн. *ústa*, чеш., слвц. *ústa*, пол. *usta*), в целом доминирует в южнославянских диалектах, несколько уступило свои позиции в западнославянских говорах и лишь остаточно представлено в восточнославянских говорах [ОЛА ЛС 9/16][1].

Слово *usta наряду с прус. *austo* ‘рот’[2], санскр. *óṣṭhaḥ* ‘губа’, ав. *aošta* ‘губы’, вероятно, продолжает п.-и.-е. *$h_3$óu̯sto- ‘рот, губа’, часто соотносимое с *h_3óh_1s ‘рот’, однако с последним согласны не все индоевропеисты [NIL 2008: 390–391]. Возможно, в прабалтославянском произошёл дрейф ‘губы’ > ‘рот’, что хорошо согласуется с тем, что *usta является plurale tantum.

IV.2. Праславянское *rъtъ

IV.2.1. Реконструкции семантики *rъtъ в литературе

В научных работах можно найти следующие реконструкции семантики и этимологического значения праславянского *rъtъ[3]:

---

[1] Сюда следует добавить также суффиксальное производное – рус. диал. *устнá* (pl.) ‘рот, губы’ [СРНГ 48: 108].

[2] В. Смочиньский считает прусское слово полонизмом [Smoczyński 2007: 37].

[3] Что касается ударения, в литературе можно столкнуться с отнесением этого слова к подвижной акцентной парадигме: *rъ̀tъ (краткая нисходящая интонация), а. п. *c* [Скляренко 1998: 110], *rъ̀tъ (краткий ударный слог), а. п. *c* [ERHJ 2: 308]. Однако согласно древнерусским данным слово *rъtъ относилось к акцентной парадигме *b* или *d*, если соглашаться с выделением такой парадигмы. Так же себя ведут слова со схожей структурой – *plъtъ, *krъtъ и *sъtъ [Зализняк 2019: 621–622]. Вероятно, в связи с этим фактом М. Сной реконструирует форму *rъtъ̀ [Snoj 2016: 655]. С. Л. Николаев восстанавливает *rъ̀tъ, gen. sg. *rъtà, а. п. *b*, и считает, что следов праславянской нисходящей интонации а. п. *c* в материале не обнаруживается (письменное сообщение, 03.03.2026). З. Бабик в рамках своей концепции

• ‘орудие, которым роют или рвут’ [Преображенский 2: 217];
• ‘выступ’ (‘projection’) [Lane 1933: 64];
• ‘лыжа’ (‘narta, Schneeschuh’) [Sławski 2011: 501];
• ‘острый конец, остриё; мыс; клюв; возвышение местности’ (‘szpic, ostrze; cypel, przylądek; dziób; wzniesienie terenu’) [Sławski 2011: 502];
• ‘выступающая часть предмета’ [Куркина 2021: 606];
• ‘выступ, острое возвышение’ > ‘клюв, губа, рот’ / ‘возвышенная часть местности (мыс, вершина горы)’ (‘Hervorragendes, spitz Emporstehendes’ > ‘Schnabel, Lippe, Mund’ / ‘emporstehender Teil im Gelände (Landzuge, Bergspitze)’) [Schuster-Šewc 3: 208];
• ‘рот (первоначально, очевидно, ‘рот’ у животных)’ (‘рот (первісно, очевидно, ‘рот’ у тварин)’) [Німчук 1992: 310];
• ‘то, что возвышено, возвышенное место’ (‘kar je dvignjeno, dvignjeno mesto’) [Snoj 2016: 655];
• ‘то, что возвышено’ > ‘вершина, верхушка, нос (корабля)’ > ‘клюв’ > ‘рот, губа’ (‘co je zvednuto, vyvýšeno’ > ‘vrchol, špička, příď’ > ‘zobák’ > ‘ústa, ret’) [Rejzek 2001: 538];
• ‘нечто выдвинутое вперёд или вверх; острый кончик, верхушка чего-нибудь’ (‘coś wysuniętego ku przodowi lub ku górze, ostre zakończenie, ostry szpic, czubek czegoś’) [Boryś 2005: 352], (‘нешта высунатае наперад ці ўверх; вострае заканчэнне, вяршыня чаго-нібудзь’) [ЭСБМ 11: 191–192];
• ‘рот; клюв’ (‘рот; дзьоб’) [ЕСУМ 5: 127];
• ‘остриё, клюв’ (‘ostrze, dziób’) [Waniakowa 2008: 126];
• ‘острый конец, клюв, морда, острая вершина’ (‘szpic, dziób, ryj, ostry wierzchołek’) [Bańkowski 3: 54];
• ‘выпуклость, остриё’ (‘izbočina, oštrica’) [ERHJ 2: 308].

Далее мы попробуем определить, какие из этих гипотез находят наибольшую поддержку в материале.

IV.2.2. Материал

IV.2.2.1. Старославянский и церковнославянский

В «узком» каноне старославянских памятников присутствует лишь одна форма, которую часть исследователей идентифицирует как не-

относит *гъtъ к группе дериватов на *-to-, сохраняющих праиндоевропейскую окситонезу, характерную для nomina agentis (против баритонезы у nomina actionis, как в др.-греч. τομός ‘режущий, острый’ vs. τόμος ‘ломтик, кусок’) [Babik 2012: 364–365].

посредственный континуант *гъ̀тъ. Речь идет о ѓеть из Супрасльской рукописи (400, 16) в гомилии Иоанна Златоуста на Мф 12:14.

Весь контекст звучит так: **твоꙗ ѫ́жа сѫтъ грѣховѣ́нии съѫ́зи· твоѧ плениц҃а сѫтъ ѕависти· и̑ корабѣ́чиѧ вѣ́си· весла лѣ́сти· ѓеть̀· лицемѣ́рьство· прѣ́кладъı ѕавистѣ́ливии· ѡ̑ корабѣ́ тѣ́мами ѕъ́ла плѣ́нъ**. Греческий оригинал выглядит следующим образом: σὰ σχοινίσματά εἰσι αἱ τῶν ἁμαρτημάτων σειραί, σοὶ ἐπιβάται εἰσὶν οἱ φθονεροί, ναῦται οἱ δαίμονες, κῶπαι οἱ δόλοι, αὐχὴν ἡ ὑπόκρισις, παρασγαρῖται οἱ φθονεροί. Ὢ πλοῖον μυρίων κακῶν! [Codex Suprasliensis].

По мнению ряда исследователей, перевод αὐχὴν ἡ ὑπόκρισις как **ѓеть лицемѣ́рьство** ошибочен, поскольку переводчик не понял, что αὐχήν в данном контексте обозначает рукоятку кормила (см. набор значений греческого слова в [Liddel, Scott 1996: 285]) и вставил в текст свою версию.

Ф. Миклошич посчитал, что **ѓеть** в данном случае стоит вместо **ръ̀тъ**, включил данный контекст в соответствующую словарную статью под значение ‘prora’ (‘нос корабля’) и глоссировал греческим αὐχήν и ‘sedes prorae edita’ из латинского перевода этого места Иоанна Златоуста [Miklosich 1977: 809]. В рамках логики этого решения переводчик опирался на то, что первое значение αὐχήν – ‘шея’, и подумал, что речь идет о носе корабля. Для перевода он выбрал слово **ръ̀тъ**, которое в некоторых более поздних памятниках действительно обозначает нос судна. Переписчик Супрасльской рукописи якобы неверно понял текст и исправил ***весла лѣсти· ръ̀тъ· лицемѣ́рьство** «весла – хитрости, нос корабля – лицемерие» на **весла лѣсти· ѓеть̀· лицемѣ́рьство** «весла – хитрости, распря, лицемерие».

Такая версия была принята в словаре Садник и Айцетмюллера, где на основе приведённого выше контекста даётся вокабула **ѓьть** (f.) ‘der erhöhte vordere bzw. rückwärtige Teil des Schiffes (αὐχήν)’ [Sadnik, Aitzetmüller 1955: 115]. Совершенно то же самое мы находим в современном «Древнеболгарском словаре» – **ѓьть** ‘издигната предна [задна] част на кораб [образно]’ [СР 2: 630]. Близкая, хотя не идентичная словарная статья обнаруживается в пражском «Словаре старославянского языка»: **ръ̀тъ** ‘нос (корабля)’ [SJS 3: 655].

Иначе трактовал эту ситуацию А. Лескин. Он полагал, что слово **ѓеть** изначально возникло в переводе потому, что переводчик спутал αὐχήν с αὔχη ‘хвастовство, гордыня’ [Leskien 1910: 12]. Отметим, что само это существительное в греческих текстах довольно редко, хотя

переводчик мог знать глагол, от которого оно произведено, – αὐχέω ‘хвастаюсь’. Если учесть, что чуть ранее он ошибочно перевел ἐπιβάται ‘пассажиры’ как **плѣница** ‘цепи’, такая путаница вполне вероятна. Однако старославянское **рѣть** значило не ‘хвастовство, гордыня’, но ‘рвение, усердие; соревнование; распря’ [SJS 3: 632][4].

Р. М. Цейтлин также полагала, что **рѣть** из Супрасльской рукописи не следует отделять от других двух случаев, когда в старославянских памятниках встречается форма **рѣть** в значении ‘раздор, распря, спор; состязание, соревнование’ (Зографские листки, 2а, 22; Супр. 321, 1) [Цейтлин 1979; СтСл 1994: 580].

Наконец, Т. А. Иванова указала на то, что это же место из гомилии Иоанна Златоуста в Успенском сборнике XII–XIII в. звучит как **рать лицемѣрьство** (л. 199в, 25) [УС 1971: 333] и предположила, что Успенский сборник лучше отражает протограф. Слово **рать**, по мнению исследовательницы, обозначало румпель кормила, шире вообще ‘шест, рукоятка’, и сравнивать его следует с русскими историческими и диалектными обозначениями древка или рукоятки – **ратовище**, **ратище**, **ратаище**, **ратовье** [Иванова 1992: 76–77]. Слабым местом этой версии является то, что, кажется, ни в одном славянском языке не встречается бессуффиксных обозначений рукоятки, соответствующих **рать** из Успенского сборника (см. [Фасмер 3: 448; ЕСУМ 5: 30–31]).

Хотя гипотеза Ивановой не безукоризненна, необходимо признать, что форма **рать** из Успенского сборника существенно ослабляет позиции версии Миклошича, которая предлагает видеть в протографе **рътъ**. Если встать на сторону Миклошича, нужно постулировать два независимых исправления, выполненных переписчиками: **рътъ** на **рѣть** в Супрасльской рукописи и **рътъ** на **рать** в Успенском сборнике.

Таким образом, наличие в старославянском ***рътъ** ‘нос корабля’ весьма сомнительно. Однако слово **рътъ** как соматизм в старославянском было. Об этом свидетельствует словосочетание **рътъ гръкавъ**[5] ‘загнутый клюв’, использованное при описании хищных птиц в Шестодневе Иоанна экзарха (сербский список, ГИМ, Син. 345, 1263 г., л. 186б) в соответствии с греческим χεῖλος ἀγκύλον в оригинале [Aitzetmüller 5: 131]. То же самое – **рътъ гр҃кавъ** мы находим и в русском списке этого памятника [Баранкова, Мильков 2001: 533], в

[4] О семантике слова **рѣть** смотри также статью [Мирчева 2017].

[5] Следует отметить *-о-*вокализм этого слова. О македонских по происхождению формах с *-о-* из *ъ в сербских и хорватских рукописях см. [Вайан 2007: 47].

то время как в болгарском списке ГИМ, Син 35 это место подверглось порче – **рѡ́дь гръкавь** (л. 129б).

В одном из восточнославянских списков «Хроники Георгия Амартола» XVI в. греческое ἀκρόπολις скалькировано как **ръть града**: πλησίον οὔσης τῆς ἀκροπόλεως – **сѫщи искрь на рть̀ града** [Miklosich 1977: 808; Срезневский 3: 207].

В некоем сербском сборнике XVI века Ф. Миклошич встретил значение ‘rostrum’, то есть ‘клюв’ [Miklosich 1977: 808]. В двух южнославянских рукописях (болгарский Номоканон XIII в., Пентатевх, сербская редакция, XVI в.) Миклошич также отметил значение ‘ōs’ (‘рот’) [Miklosich 1977: 808–809], однако без более подробных сведений эту информацию проверить затруднительно. Впрочем, как минимум в значении ‘рот свиньи’ это подтверждается следующим контекстом: **акы златъ оусѣкѫзь свинии въ рть̀** (Слово св. Козмы Пресвитера на еретики, л. 509а; рукопись 1494 г., русский список) [Попруженко 1936: 25].

В некоторых сербско-церковнославянских списках Пролога **ръть** употреблено в значении ‘нос корабля’ [Miklosich 1977: 809; Срезневский 3: 207], однако без более подробной информации сложно верифицировать эти сведения.

В «Беседах на книгу Бытия» Иоанна Златоуста (XV в., ГИМ, Син. 36–37) при цитировании Быт 14:23 в качестве соответствия греч. ἕως σφαιρωτῆρος ὑποδήματος фигурирует **до единого ръта сапожнаго**[6], на основе чего И. И. Срезневский приписал слову **ръть** значение ‘ремень (?)’ [Срезневский 3: 207], однако на базе только греческого соответствия нельзя быть уверенным, что переводчик в данном случае вкладывал в **ръть** именно такое значение, а не понял контекст по-своему, например, как ‘голенище сапога’.

IV.2.2.2. Болгарский и македонский

Литературное болгарское *рът* значит ‘продолговатый холм’ (‘продълговат хълм; рид, бърдо, ртлина’) [РБЕ]. Однако в юго-западных диалектах представлен и соматизм – *рот* ‘морда свиньи’ [БЕР 6: 329].

Македонское литературное *ꞌрт* означает ‘мыс’ (‘тесен, истурен дел од копно што се дига во висина и се пружа во море и сл.’) [ОДРМЈ], в говорах мы находим также *рот* ‘мыс’ (Пештани) [Stieber 1958: 285],

[6] В церковнославянских списках книги Бытия можно найти следующие варианты: **до възвоузы** / **встуги** / **сьоузы** / **свѣзы** / **звѧзы сапожныа** [Вілкул, Ніколаєв 2020: 174].

рот ‘лицо’ (Корчанско, Костурско, Кичевско) [Дрвошанов 2005: 22; Шклифов 1977: 304].

IV.2.2.3. Сербохорватский и словенский

«Словарь хорватского или сербского языка» определяет слова *rât* и *ŕt* как ‘остриё, кончик; мыс’ [RHiSJ 13: 397–398; 14: 203–204]. Те же или близкие значения находим в говорах: *p̏m* / *p̂m* ‘продолговатый холм’ [Стијовић 2014: 594]; *p̀m* ‘продолговатый холм с крутыми склонами’ [Богдановић 2008: 477]; *ṕm* ‘холм, невысокий склон’ [Златковић 2017: 880]; *p̏m* (gen. sg. *p̂ma*) ‘мыс, холм’ [Томић 1989: 131]; *ṕm* (в составе топонимов также *pám*) ‘мыс’ [Динић 2008: 721, 723]; *ŕt* (gen. sg. *ŕta*) ‘остриё иглы’ [Kalsbeek 1998: 541]; *rt* ‘верхушка кучи зерна’ [Gusić 2004: 403].

Близкий набор значений находим в материалах ОЛА: ‘верх’ – *r̥t* / *vr̥t*[7] (пункт 22, Жминь, Хорватия), *rə̀:t* (44, Врбань, Хорватия), *r̥̀:t* (68, Паковраче, Сербия), ‘лезвие, клинок (ножа)’ – *r̥̀t* (33, Бринье, Хорватия), ‘мыс’ – *rà:t* (43, Трогир, Хорватия), *rą̀:t* (56, Ластово, Хорватия; 65, Цавтат, Хорватия) [ОЛА ФГ 4б: 132].

Наконец, в окрестностях Лики засвидетельствован дериват *ȑtve* ‘лыжи’ [RHiSJ 14: 206].

Словарём современного словенского языка слово *ŕt* (gen. sg. *ŕta*) глоссируется как ‘мыс’, устар. ‘остриё (копья)’ [SSKJ]. По мнению М. Сноя, значение ‘мыс’ скалькировано из сербохорватского [Snoj 2016: 655].

Словенско-немецкий словарь М. Плетершника конца XIX в. даёт несколько более широкий набор значений: ‘остриё (ножа, меча); вершина (скалы, горы); мыс; нос или корма корабля (в словаре Мегизера)’ [Pleteršnik 2: 441].

В костельском говоре ˈr̥t зафиксировано в значении ‘холмик’ [Gregorič 2014: 389], однако это значение, по всей вероятности, возникло под хорватским влиянием.

В словенских говорах слово *rte*, или, чаще, в диминутивной форме *rtiče*, известно в значении ‘сани’ – *ú:ərte* (SLA 020), *ərtíčə̀* (016), *ərtîč* (195), *ərtíče* (198), *ərtîče* (206) [Jakop 2020: 111, 116–117].

IV.2.2.4. Западнославянские языки

В древнечешских текстах слово *ret* фиксируется начиная с XIV века в значении ‘губа’, причём известны формы и двойственного числа: Aj toť sem sě dotekl tiemto rtú tvú «Вот я коснулся этим губ тво-

[7] Данная форма, вероятно, объясняется как результат контаминации с *vrh*.

их» (Proroci rožmberští, рубеж XIVи XV вв., Národní knihovna České republiky, рукопись XVII D 33; Ис. 6:7) [StčTB].

В современном литературном чешском *ret* используется в том же значении, хотя в диалектах в значении ‘губа’ в настоящее время преобладает слово *pysk* [ОЛА ЛС 9/17].

В словацких памятниках засвидетельствовано слово *ret* ‘губа’ [HSSJ 5: 54], которое, судя по фонетике, является богемизмом. Словарь словацкого литературного языка даёт *ret* ‘губа’ с пометкой «поэтическое» [SSJ 3: 731].

Собственно словацкий семантический дрейф представлен в случае слвц. диал. *rata* (f. sg.), *raty* (f. pl.) и *reta* ‘изогнутый конец полозьев саней’ [SSN 3: 541].

Верхнелужицкое *ert* означает ‘рот’. В нижнелужицком слово не сохранилось [Schuster-Šewc 3: 208].

В польских говорах форма *arty* записана в значении ‘лыжи’ (при *narty* в литературном языке) [SGP 2: 168].

Полабское *råt* глоссируется как ‘рот, морда (животного, о человеке пейоративно), нос (пейоративно)’ [SEJDP 4: 631].

Кашубское *retk* значит ‘мыс на озере’, локально и вторично также ‘перешеек между двумя озерами’, ‘песчаная отмель’, ‘провал в дне водоёма’, *retka* ‘углубление, вымытое волнами’ [Stieber 1958: 284; SEK 4: 179].

IV.2.2.5. Восточнославянские языки

В древнерусском уже в довольно ранних рукописях **ꙑрътъ** имеет современное значение – ‘рот (человека и животного)’ [СДЯ 10: 503–504]. В более поздних памятниках известен более широкий набор значений, включающий в себя ‘клюв’ (XV в.), ‘пасть крокодила’ (XVII в.), ‘мыс, коса’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII 22: 220]. Во множественном числе слово *рты* значило ‘лыжи’ [СлРЯ XI–XVII 22: 224].

Слово *рот* является основным обозначением рта во всех трёх современных литературных восточнославянских языках, а также преобладает в диалектах этих языков. Это яркая инновация, почти полностью совпадающая с восточно-западнославянской границей [ОЛА ЛС 9/16].

Отдельный интерес с точки зрения семантики представляет рус. диал. *рты* ‘губы’ (тул.) [СРНГ 35: 204].

В белорусских говорах можно найти форму *і́рты* ‘лыжи’ [Касьпяровіч 2011: 146; Бялькевіч 1970: 215] с характерным для белорусского протетическим *і-* перед консонантным кластером. Сюда же примыкает рус. орлов. *и́рты* ‘лыжи’ [СРНГ 12: 210].

IV.2.2.6. Румынский

Интересующее нас слово было заимствовано из какого-то славянского языка (вероятнее всего, болгарского) в румынский в виде *rât* ‘морда свиньи’.

IV.2.3. Производные

*IV.2.3.1. *obrъtь*

В Хиландарских листках (1bα 5) обнаруживается глагол **обрѫтити сѧ** (φιμόω) ‘замолчать’, в Супрасльской рукописи он же ошибочно переправлен – вместо **обрѫти сѧ** мы находим **обрати сѧ** (384, 3) [СтСл 1994: 398] в пассаже **и̑ рече҇ши о҆ꙋмлѣ́кни о҆́брати сѧ** в соответствии с греческим καὶ ἐρεῖς, Σιώπα, πεφίμωσο [Codex Suprasliensis]. Косвенно это может указывать на то, что в языке писца Супрасльской рукописи слово **рѫтъ** и производные от него уже были утрачены.

Глагол **обрѫтити сѧ**, а также невозвратную форму **обрѫтити** ‘обвязать морду животного’, которая встречается в памятниках «широкого» канона[8] [SJS 2: 490], сопоставляют с русским диалектным *оброти́ть* ‘надеть на лошадь узду, обротать’ и производят от *obrъtь ‘узда’, которое в свою очередь является дериватом от *гъtъ [ЭССЯ 29: 129, 131–132]. Континуанты *obrъtь сохранились преимущественно в восточнославянских языках, а отнесение к потомкам этого слова чешского *oprať* и старословацкого *oprat* ‘поводок’, а также польского диалектного *obryć* ‘узда, уздечка’, как справедливо отмечает Ж. Ж. Варбот, весьма сомнительно [ЭССЯ 29: 131–132]. Однако старославянский глагол **обрѫтити сѧ**, а также польское диалектное *obretka* ‘узда, уздечка’ [ЭССЯ 29: 130] свидетельствуют о том, что *obrъtь ‘узда’ является словом праславянской древности.

IV.2.3.2. Артачиться

Русскому литературному языку известен глагол *арта́читься* ‘не повиноваться наезднику; упрямиться’, в говорах также *рта́читься*. А. Е. Аникин восстанавливает в данном случае следующую цепочку:

[8] Христинопольский Апостол, XII век, русский извод; Слепченский Апостол, XII век, болгарский извод; Шишатовацкий Апостол, XIV век, сербский извод. При этом **нє обрѫтиши** исправлено на **нє wбратиши** в Охридском Апостоле (XII век, болгарский извод) и **нє wбратиши** в Струмицком Апостоле (XII век, болгарский извод) [SJS 2: 490], что хорошо коррелирует с тем, что сказано выше о языке писца Супрасльской рукописи.

(о)ртáчить(ся) < *ръта́чити ся < *ръта́чь ‘непослушный конь’ < *ръ-тати или *ръти́ти, которое соотносится со схр. *àrtati (se)* ‘лягаться, бросаться’ [Аникин 1: 295].

*IV.2.3.3. *narъtъ*

На праславянскую древность может претендовать производное *narъtъ, среди потомков которого слвн. *nârt* ‘подъём ноги’, схр. *nàratak* ‘часть обуви, покрывающая переднюю часть, верх ступни; вязаная часть обуви, надеваемая поверх чулка; вид носков’ [РСКНЈ 14: 335], диал. *nàradak* ‘нижняя часть чулка, покрывающая стопу’ [РСКНЈ 14: 327], диал. *nàratka* ‘вид носков’ [РСКНЈ 14: 336], чеш. *nárt* ‘подъём ноги’, слвц. диал. *nárt* ‘подъём ноги; верхняя часть обуви; нижняя часть поля’ [SSN], в.-луж. *narć* ‘подъём ноги; верхняя часть обуви, голенище’, н.-луж. *narś* ‘верхняя часть обуви’ [Schuster-Šewc 13: 990], др.-пол. *narty* (pl.t.) ‘союзки (нашивки на носок и подъём сапога) или ремни, которыми привязывают обувь к ногам; долина, поросшая лесом’ [SStp 5: 92], польск. *narta* ‘лыжа’, бел. *на́рты* ‘нарты’, диал. ‘лыжи’ [СПЗБ 3: 176; Сцяшковіч 1972: 307], укр. *на́рти* ‘нарты’, рус. *на́рты*.

Ф. Славский полагал, что лыжи получили такое название в связи со своими острыми носками [Sławski 2011: 502].

Развитие значения Х. Шустер-Шевц восстанавливал следующим образом: ‘Hervorstehendes, Erhebung, spitz’ > ‘Bergspitze; Oberfuß’ > ‘das auf dem Oberfuß befindliche Schuhleder, Verderschuh’ > ‘Schnürsohle, Sandalen’ > ‘Skier’ [Schuster-Šewc 13: 990]. Почти в том же виде это представлено в ЭССЯ: ‘остриё, верх’ > ‘верх горы’ > ‘верх ноги’ > ‘зашнурованная нога, сандалия’ > ‘лыжи’ [ЭССЯ 23: 21–22].

IV.2.4. Реконструкция семантики

Попробуем проанализировать распределение соматических значений континуантов *гъть в славянских языках (см. таблицу 8).

Часть из этих значений узколокальна, потенциально на праславянскую древность могут претендовать только ‘морда животного’, ‘клюв’ и ‘рот’. Более широкую первоначальную распространённость значения ‘морда животного’ подтверждает наличие дериватов, в первую очередь *obrъtь.

Учитывая, что основным праславянским обозначением рта человека было слово *usta, вряд ли *гъть использовалось в этом значении как нейтральное обозначение, но вполне могло применяться пейоративно.

Таблица 8

Соматические значения континуантов *гъtъ

	клюв	морда животного	лицо	губа	рот
ст.-сл.	+	+			
ц.-сл.	+	+			
болг.		+			
мак.			+		
др.-чеш.				+	
чеш.				+	
в.-луж.					+
полаб.		+			+
др.-р.	+				+
бел.					+
укр.					+
рус.				+	+

Таблица 9

Несоматические значения континуантов *гъtъ

	нос или корма корабля	сани	конец полозьев	лыжи	мыс	верх холма, холм
ц.-сл.	+					
болг.						+
мак.					+	
схр.					+	+
слвн.	+	+			+	+
слвц.			+			
пол.				+		
каш.					+	
др.-р.				+		
бел.				+		
рус.				+		

Значение ‘холм’, вероятно, является вторичным, поскольку в болгарском и сербском континуанты *гъ̀ть обозначают холм, как правило, продолговатый, что заставляет видеть здесь перенос ‘мыс’ > ‘холм’. По всей вероятности, эта инновация ограничена Южной Славией и нехарактерна для западно- и восточнославянских языков. Параллелью для такого дрейфа является непосредственно русское слово *мыс*, которое в говорах принимает также значения ‘возвышенность с очень крутыми склонами’, ‘горный отрог, пологий и невысокий’, ‘небольшая горка’, ‘вершина горы’, ‘возвышенное место, не покрытое лесом’ [СРНГ 19: 60][9].

Единственным указанием на потенциально более широкое распространение значения ‘холм’ является топонимия: чешское *Rtyně*, словинское *Rtȕǫ̑* [Lorentz 2: 1517] / немецкое *Rotten*[10] в Померании, русское *Свинорт* [Куркина 2021: 606]. В Польше имеется деревня *Retki* (Ловичский повет, Лодзинское воеводство) и *Retkinia* (в настоящее время часть Лодзи) [Stieber 1958: 285]. Однако неясно, насколько здесь следует доверять свидетельствам топонимии: деревня Роттен (Ретово) расположена на берегу озера Гардно, нет уверенности, что название связано именно с холмом, а не с мысом. Польские *Retki*, *Retkinia*, а также *Retkowo* могут происходить от имени собственного *Ratek* (< *Racibor*) с диалектным переходом *ra-* > *re-* [Bańkowski 3: 54]. В случае новгородского топонима *Свинорт* первичной может быть форма *Свинорд*, возможно, скандинавского происхождения [Васильев 2012: 30]. Для чешского *Rtyně* (три населённых пункта в северной Чехии) связь с холмом также неочевидна, как неочевидна она и для приводимых А. Баньковским древнепольских топонимов *Rcielino*, *Rcieliny*, *Rciechowo* и *Rcieszewo* [Bańkowski 3: 54], поскольку нельзя исключать деривации от имени собственного, ср. чеш. *Hubov* от прозвища *Huba* (дословно ‘морда’) или пол. *Gębarzewo* от прозвища *Gębarz* (< *gęba* ‘морда’).

Значение ‘мыс’ распространено несколько шире, но и оно представлено всего в двух ареалах: словенско-сербохорватском и кашубском. В этом случае можно предположить перенос с одного из представленных выше соматических значений. Аналогичные семантиче-

[9] Теоретически возможен дрейф и в обратную сторону, ср. др.-греч. ἄκρον ‘вершина’, вторично также ‘мыс’.

[10] После отхождения этой территории к Польше топоним был полонизирован в *Retowo*.

ские дрейфы представлены в англ. *headland* ‘мыс’, ит. *capo* ‘голова’ > ‘мыс’, тур. *burun* ‘нос, клюв’ > ‘мыс’[11].

Словенское ‘сани’, вероятно, является результатом расширения значения ‘изогнутый конец полозьев саней’, зафиксированного в словацком, ср. близкие примеры в русских говорах: терск. *полозья́* ‘санки с высокими ручками для катания с горы’ [СРНГ 29: 104], смол. *полозки́* ‘легкие санки’ [СРНГ 29: 105].

Здесь можно постулировать перенос с соматического значения, например, ‘морда’ > ‘передний (изогнутый) конец полозьев саней’, ср. параллельные примеры русского диалектного *голова* ‘передняя часть саней, передок’, ‘передняя изогнутая часть полоза саней’ [СРНГ 6: 300] и чешского диалектного *piski* ‘морды’ > ‘передние концы полозьев’ [ČJA 3/151][12].

Значение ‘нос или корма корабля’ также крайне ограничено ареально и, видимо, возникло в результате переноса соматизма, что является распространенным сценарием, ср. рус. *нос* (у человека и у корабля), рус. псков. *жóна* ‘корма лодки’ [СРНГ 9: 215], пол. *dziób* ‘клюв’ > ‘нос корабля’, слвц. *čelo* ‘лоб’ > ‘нос корабля’, слвц. устар. *pysk* ‘морда’ > ‘нос корабля’ [HSSJ], лат. *rōstrum* ‘клюв, морда, рыло’ > ‘нос корабля’, тур. *burun* ‘нос’ > ‘нос корабля’, тур. *kıç* ‘задница’ > ‘корма’[13].

Сложнее ситуация с «лыжными» значениями. Нам кажется, что в данном случае правильнее всего будет отталкиваться от *narъ̀ть, которое, похоже, первоначально обозначало подъём ноги и/или часть обуви или одежды, покрывающую подъём ноги, что хорошо сохраняется в большинстве славянских языков. Если предположить, что слово *гъ̀ть могло обозначать носок обуви с семантическим дрейфом из

[11] Бывают, конечно, дрейфы и в обратную сторону, например, бел. *мыса* ‘морда’ и рус. диал. *мыс* ‘рыбий нос со лбом, голова рыбы’, ‘голова палтуса’ [СРНГ 19: 60]. Близкий случай – литовское *žam̃bas* ‘край, угол’ и *žamba* ‘морда’ [LKŽ].

[12] В целом, как свидетельствует чеш. *sanice* ‘полоз саней’ > ‘нижняя челюсть’, возможен и обратный перенос, с части саней в сферу соматической лексики, но распределение значений у потомков праславянского *гъ̀ть говорит о том, что «санные» значения скорее вторичны по отношению к соматическим.

[13] Справедливости ради упомянем, что бывают и переносы в обратную сторону, например, рус. *корма* ‘задняя часть корабля’ > ‘задница человека (пейоративно)’, англ. *stern* ‘корма’ > ‘задница’, ‘хвост’, но, кажется, это всё же больше характерно для кормы корабля, чем для носа.

исходного значения ‘морда животного’[14], то *nаrъtъ вполне логично объясняется как часть обуви над носком. На основании этого значения вполне мог состояться метонимический перенос на ремни, которыми привязывались к обуви лыжи, или крепления для этих ремней. Затем в рамках этой гипотезы в польском и восточнославянских языках произошел перенос на сами лыжи, в результате чего континуанты *nаrъtъ вступили в конкурентные отношения с потомками слова *lyža. В русском языке *нарты* не выдержали конкуренции, и значение этого слова специализировалось: оно начало обозначать особые сани для езды на собаках или оленях. В польском возникла обратная ситуация: именно слово *narty* стало основным обозначением лыж, в то время как слово *łyżwy* сменило значение на ‘коньки’.

Этой схеме, казалось бы, противоречит то, что и непосредственные континуанты *гъtъ могут обозначать лыжи в том же ареале: польский и восточнославянские языки. Однако, как кажется, такие формы представлены скорее маргинально по сравнению с широко распространенными *нарты* / *narty*. Для возникновения у потомков *гъtъ значения ‘лыжа’ можно предложить следующий сценарий: иногда значение деривата переносится на производящее слово в дополнение к его исконному значению или же вместо него. В качестве примеров можно привести слвн. диал. *obisti* ‘почки’ со внутренней формой ‘место вокруг почек’ (см. раздел XV.1), слвн. диал. *meh* ‘мочевой пузырь’, получившее значение от деривата *mehir* (см. раздел XIX.1), рус. диал. *перст* / *перс* ‘напёрсток’ [СРНГ 26: 290], рус. разг. *уши* ‘наушники’ и *каблук* ‘подкаблучник’.

Таким образом, древнейшим значением *гъtъ, вероятно, было ‘морда животного’, а производные *obrъtь и *гъtati (sę) указывают на то, что не в последнюю очередь *гъtъ применялось к морде лошади.

Попробуем представить все вышеописанные гипотезы в виде схемы.

[14] В качестве частичных параллелей можно привести рус. *носок* (обуви), слвц. устар. *pysky* ‘морды’ > ‘носки обуви’ [HSSJ], нидерл. *neus* ‘нос’ > ‘носок обуви’ [HPC 1987: 462–463], порт. *bico* ‘клюв; остриё; рот (разг.)’ > *biqueira* ‘носок чулка или обуви’. Возможен, конечно, и дрейф из иной исходной точки, ср. рус. *мысок* (ботинка), но, кажется, в случае *гъtъ «обувное» значение древне́е «географического».

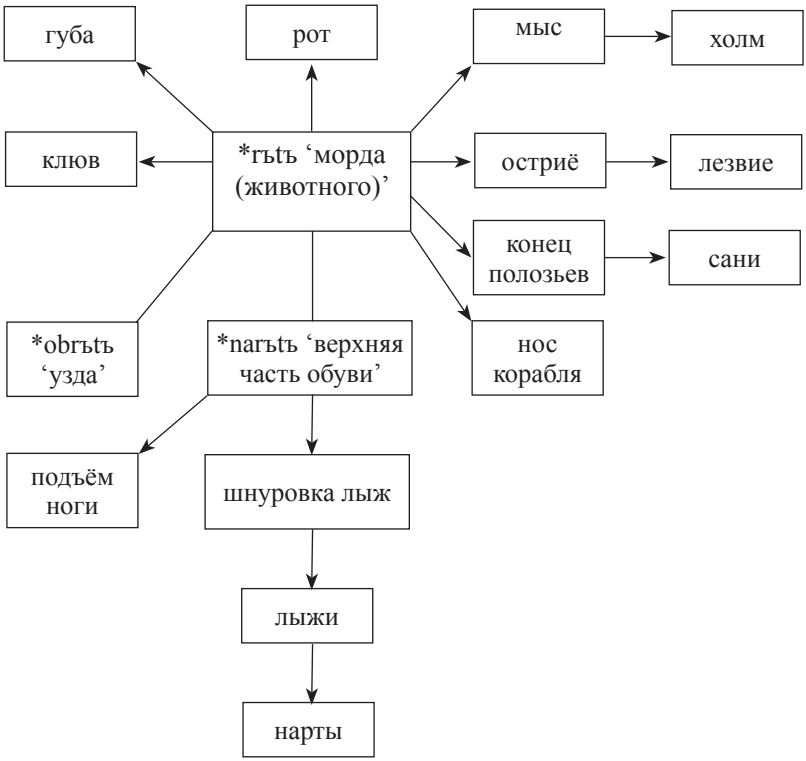

Рис. 3. Дрейф семантики потомков *гъть

IV.2.5. Этимология

IV.2.5.1. Обзор имеющихся версий

А. Матценауэр считал, что ѓътъ восходит к праформе *artŭ, и далее связывал с древнеперсидским *arta-*, которому чешский ученый приписывал значение ‘высокий’ [Matzenauer 1890: 199–200]. Такая реконструкция, конечно, противоречит современным представлениям об исторической фонетике.

А. Брюкнер пытался связать *гьтъ с польским *rota* ‘присяга на суде’ [Brückner 1985: 463–464], что тоже невозможно с фонетической точки зрения.

Й. Миккола выводил *гьтъ из *rŭpt-, сопоставляя со схр. *rȕpa*, слвн. *rúpa* ‘яма, провал’, чеш. *rýpat* ‘рыть’ и лат. *rumpō* ‘рву’ [Mikkola 3: 25].

В. Махек предложил сопоставление славянского слова с немецким *Rüssel* ‘рыло (свиньи)’ [Machek 1968: 513]; это, однако, противоречит тому, что немецкое слово выводят из корня *wrōt-a- ‘рыть’ [Kluge 1989: 610].

Согласно старой и широко принятой версии, *гъть следует сравнивать с глаголом *ryti ‘рыть’ [Miklosich 1886: 285] и *гъwati ‘рвать’ с этимологическим значением ‘орудие, которым роют или рвут’ [Преображенский 2: 217]. Однако можно возразить, что *ryti восходит к корню с ларингалом – *ruH-, таким образом, при деривации от этого корня ожидалась бы форма **rytь, а не *гъть [ERHJ 2: 308].

Я. Эндзелином было осторожно предложено сопоставление с лтш. *rutulis* ‘круглый чурбак’ [Mühlenbachs 3: 565]. Однако латышское слово родственно лит. *rutulỹs* ‘шар, ядро’, которое, в свою очередь, сложно отделять от *ritulỹs* ‘сверток, клубок, шар’, производного от глагола *rìsti* ‘вращать’. В. Смочиньский предложил видеть здесь нулевую ступень *r̥t- > *rut- [Smoczyński 2007: 517], однако *r̥ в балтийских языках давал всё же *ir / *ur. Возможно, логичнее считать это случаем межслоговой ассимиляции гласных *ritulỹs* > *rutulỹs*, тем более что такие примеры в балтийских языках есть: прабалт. *duu̯ai̯ > лтш. *duwi > *divi* ‘два’; прабалт. *žuu̯is > лтш. *zuwis > *zivs* ‘рыба’; прабалт. *suu̯- > лтш. *sivēns* ‘поросенок’; прабалт. *u̯ekeras > лит. *vãkaras* ‘вечер’, лтш. *vakars* ‘id’; прабалт. *u̯eserā > лит. *vãsara* ‘лето’, лтш. *vasara* ‘id’; лит. *mẽdšarkė* и с ассимиляцией *mẽdšerkė* ‘сорокопут’. Таким образом, если *rutulỹs* действительно связано с *ritulỹs*, оно вряд ли может быть родственно праславянскому *гъть.

Дж. Лейн предложил деривацию от индоевропейского глагольного корня *er- (в современной реконструкции корня *$h_3$er- ‘двигаться’) [Lane 1933: 64]. Эта версия была поддержана М. Сноем, который восстанавливает этимологическое значение ‘то, что поднято, возвышенное место’ [Snoj 2016: 655]. К недостаткам этой версии можно отнести то, что данный корень не сохранился в праславянском (а *гъть, по всей видимости, следует признать собственно славянским дериватом), его значение не очень хорошо соответствует восстанавливаемой для *гъть исходной семантике, а также то, что формант *-ъть крайне редок в праславянском; кажется, единственным надежным примером является *osъtъ ‘осот’[15].

[15] Иногда этот формант выделяют и в случае слова *krъtъ ‘крот’, у которого, однако, есть и альтернативная этимология, связывающая его с лит. *krutùs* ‘неповоседливый’.

IV.2.5.2. *rъtъ как ‘рыло’

Кажется, самыми привлекательными с точки зрения семантики являются версии, связывающие *rъtъ с *ryti ‘рыть’ и *rypati, поскольку есть славянские обозначения морд животных, которые восходят именно к этим глаголам: *ryti > рус. *ры́ло* ‘морда животного, чаще всего свиньи’, укр. *ри́ло* ‘id’, бел. *ры́ла* ‘id’, болг. *ри́ло*, *ри́лка* ‘id’, мак. *рило*, *рилка* ‘id’, схр. *rȉlo* ‘id’, слвн. *rîlec* ‘id’; пол. *ryj* ‘рыло’; пол. диал. *ryl* ‘морда свиньи’ [MSGP 2010: 246]; чеш. *rýpat* ‘рыть’ > *rypák* ‘рыло’; рус. диал. *ры́пало* ‘лицо, морда’ [СРНГ 35: 313]. Аналогичные сдвиги можно наблюдать в случае исп. *hocicar* ‘рыть’ > *hocico* ‘рыло’, а также, как уже упоминалось выше, нем. *Rüssel* ‘рыло (свиньи)’.

IV.2.5.3. *rъtъ как производное от *ryti

Конечно, серьезным аргументом против деривации от *ryti служит краткость гласного в корне слова *rъtъ. Действительно, производные на *-t-* от корней, когда-то заканчивавшихся на ларингал, долготу обычно сохраняют: *byti > *bytъ [ЭССЯ 3: 155–156], *myti > *mytъ [ЭССЯ 21: 83–84][16].

Ещё А. Вайан пытался снять это возражение, указывая на санскритское причастие *rutáḥ* от глагола *rávate* (перфект – *ruruvé*) ‘он ломается’, а также латинское причастие *dīrutus* от глагола *dīruō*, *dīruī* ‘разрушать’ [Vaillant 4: 681]. Однако санскритскую краткость иногда считают вторичной [LIV 2001: 510], а П. Схрейвер предпочитает видеть в латыни два корня: *HruH- в *rūta (et) caesa* ‘вырытое и срубленное (минеральные и лесные богатства)’ и *Hru- непосредственно в глаголе *ruō*, *ruī*, *rutum* ‘рушиться, обрушиваться, валиться’ [Schrijver 1991: 24, 234, 236]. Идея разделения двух *ruō* со взаимовлиянием в вокализме их дериватов поддержана в [de Vaan 2008: 530–531]. Подробный обзор мнений на этот счет см. в [Seldeslachts 2001: 120–133].

Если согласиться с идеей разделения праиндоевропейских корней *HruH- и *Hru-, то праславянское *rъtъ фонетически может восходить только ко второму из них, однако этот корень в праславянском не сохранился, следовательно слово *rъtъ должно быть достаточно древним реликтом. Впрочем, это не означает, что от идеи о родстве *rъtъ и *HruH- > *ryti следует автоматически отказаться.

[16] Стоит, однако, помнить о литовском *bùtas* ‘квартира’, производном от *bū́ti* ‘быть’ [Smoczyński 2007: 82].

Разница в вокализме между *ryti и *rъtъ в некоторой степени напоминает ситуацию с другим глаголом – праслав. *plyti и его производных: *plъtъ ‘плот’, *plъtь ‘плоть’ и *plъty ‘плавник’ наряду с *pl̓ut̓a ‘легкие’ и *pluta ‘поплавок’, см. разделы II.4 и XIII.1. Для того чтобы объяснить эту разницу, а также схожие колебания в других индоевропейских языках, исследователям приходится прибегать к различным ухищрениям, ср., например, [Fecht 2007].

Можно предположить, что по модели *plyti: *plъtъ в праславянском было построено и соотношение *ryti : *rъtъ.

Альтернативный сценарий – переразложение производного от *ryti глагола *rъwati как *rъ-wa-ti и использование для деривации получившейся новой формы корня *rъ-. Тем не менее, данное предположение противоречит тому факту, что другие производные с корнем *rъ-, по-видимому, неизвестны.

Наконец, можно упомянуть о неясных случаях вторичного сокращения или удлинения гласного *u, в частности, *kъznь [ЭССЯ 13: 249] при *kyznь [ЭССЯ 13: 285], *lyžьka [ЭССЯ 17: 62–63] при *lъžьka [ЭССЯ 17: 7–8], *lъtъka при *lytъka [Саенко 2022а: 151], однако, в отличие от достоверно праславянского *rъtъ, эти случаи распространены лишь локально и могут быть вторичными новообразованиями.

*IV.2.5.4. *rъtъ как производное от *rypati*

Вышеупомянутая этимология Микколы незаслуженно обойдена вниманием в научной литературе, и, думается, её следует обсудить особо. Праславянский глагол *rypati восстанавливается на основе следующих форм: болг. *рúпам* ‘прыгаю, подпрыгиваю’, схр. диал. *rípati* ‘id’ [Skok 3: 145–146], чеш. *rýpat* ‘ковырять, рыть; тыкать, толкать; задевать (словами)’ [SSJČ], слвц. *rýpať* ‘id’, в.-луж. *rypać*, н.-луж. *rypaś* ‘рыть (о свинье), ковырять’ [Schuster-Šewc 17: 1259], пол. разг. *rypać* ‘сильно бить, бросать; делать что-то с большим усилием; сказать открыто, напрямую; удивить чем-нибудь неприятным; совершать половой акт с женщиной’, *rypać się* ‘ошибаться; больно удариться; совершать половой акт’ [SJP], пол. диал. *rypać* ‘сбивать глину или штукатурку со стены’, *rypnąć* ‘упасть, опрокинуться’ [MSGP 2010: 246], рус. диал. *ры́пать* ‘вести себя нагло, заносчиво, куражиться; ломаться, проявлять несговорчивость’, *ры́паться* ‘ходить взад-вперед, открывая и закрывая при этом двери; слоняться без дела’, *ры́пнуться* ‘рвануться пойти куда-либо, сделать что-либо’ [СРНГ 35: 313–314], укр. *ри́патися* ‘часто отворять (дверь); часто ходить; шататься; пы-

таться предпринять что-нибудь; рыпаться’, бел. *ры́паццца* ‘рыпаться’. Несмотря на частичное сходство семантики с континуантами *ryti, кажется, что слово *rypati всё же обозначало некоторое интенсивное действие.

Далее *rypati сравнивают с лит. *raũpti* ‘долбить’, *rūpė́ti* ‘заботиться’, лат. *rumpō* ‘рву, ломаю’, *ruptus* ‘разорванный, сломанный’, санскр. *lumpáti* ‘он разрушает’, *rúpyati* ‘он ломает’, др.-сканд. *reyfa* ‘рвать’, все из п.-и.-е. *reu̯p- ‘ломать, рвать’ [LIV 2010: 510–511]. Альтернативная гипотеза, согласно которой, *rypati образовано от *rў̆ti при помощи суффикса *-p-* [Фасмер 3: 530; Schrijver 1991: 236; БЕР 6: 263] менее вероятна, поскольку литовский циркумфлекс в *raũpti* говорит скорее против этого[17]. Ещё менее состоятельны гипотезы об ономатопеическом происхождении *rypati [Schuster-Šewc 17: 1259; БЕР 6: 263].

Конечно, производной непосредственно от *rypati форма *rъtъ быть не могла, поскольку формант *-tъ обычно образовывал имена от глаголов с атематическим инфинитивом на *-ti, см. [SP 2: 35–38]. Однако определённую параллель можно найти в случае *pěstъ – *pьxati, где *pьxati – вторичная форма, образованная от старого атематического глагола, ср. лит. *pìsti* ‘coire’. Ещё одна потенциальная параллель – возможная деривация *sъtъ (а. п. *b*) ‘соты’ от *suti, *sypati ‘сыпать’ < п.-и.-е. *seu̯p- (ср. лит. *sùpti* ‘качать’)[18] [ESJS 15: 932].

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о наличии корня *гър- на ступени редукции в позднем праславянском. Известно несколько попыток такой реконструкции. Первая была сделана Ж. Ж. Варбот с опорой на болгарское диалектное (село Смолско) *ръ́пам* (несовершенный вид) / *ръ́пна* (совершенный вид) [Варбот 2012: 342]. Однако этот глагол значит не просто ‘резать тупыми или выщербленными ножницами или серпом, резать плохо, неровно, с трудом из-за неумения или из-за плохих ножниц’, как его глоссирует Ж. Ж. Варбот, но, как эксплицитно указано в словаре говора села Смолско, на который опирается исследовательница, резать таким инструментом, который заедает и издаёт звук ‘хрп’ (1. режа с изхабени или ощърбени ножици, с подобен сърп, които издават звук ‘хрп’ и запъват. 2. не реже

[17] Славянский акут в производном от *rypati схр. *rȕpa* ‘дыра, яма’, слвн. *rúpa* ‘небольшая карстовая пещера’ непоказателен, ср. слвн. *gúba* ‘складка’ от *gybati < *g(u̯)eu̯bʰ- [LIV 2001: 188].

[18] Альтернативная гипотеза о связи *sъtъ с *sytъ ‘сытый’ [ESJS 15: 932; Куркина 2021: 25] менее вероятна по фонетическим причинам, если, конечно, принимать для *sytъ реконструкцию *suHtos.

добре, а запъва и издава звук ‘хрп’ (за изхабени ножици или сърп). 3. стрижа неравно поради неумение или по вина на ножиците’) [Кънчев 1968: 140]. Если учесть также то, что в данном говоре звук *x* выпадал в положении перед гласным или сонорным согласным [Кънчев 1968: 16–17], звукоподражательное происхождение глагола *рѣпам* / *рѣпна* становится очевидным.

Не убеждает также реконструкция глагола *šagърati ‘рвать, драть’[19] с приставкой *ša- [Варбот 2012: 342; Куркина 2021: 476; Orel 2: 776]. Этот глагол засвидетельствован лишь весьма ограниченным ареалом: пол. *szarpać*, чеш. диал. *šarpat*, слвц. *šarpať*, а также укр. *шáрпати*, бел. *шáрпаць*, рус. диал. *шáрпать*, причём в восточнославянских языках это может быть полонизмом. Куда более вероятно его звукосимволическое происхождение, ср. *шаркать*, *шоркать*, *шорох* и т. д. [ЕСУМ 6: 385–386][20].

Ещё одна попытка реконструкции *гър- принадлежит Л. В. Куркиной, которая опирается на слвн. *repèč* (= *ripèč*, *rupèč*) ‘о глазах бешеного пса’, ст.-хорв. *repečiti* ‘гримасничать’ и сев.-чак. *repečiti* ‘надуваться; хвастать; важничать’ [Куркина 2021: 214]. Однако разнообразие вокализма первого слога в словенском *repèč* / *ripèč* / *rupèč*, а также в однокоренных *repečíca* / *ripečíca* и *repečína* / *ripečína* / *rupečína* [Pleteršnik 2: 418] наводит на мысль, что первое *-e-* в *repèč* может и не быть континуантом праславянского *ъ, а объясняться как-либо иначе, межслоговой ассимиляцией гласных или диалектной редукцией. Форма *repèč*, судя по пометке «ogr.-C.», почерпнута Плетершником у Цафа и относится к какому-то прекмурскому говору. К сожалению, неясно, к какому именно, но редукция кратких *i* и *u* в предударном слоге некоторым прекмурским говорам известна, ср. *sẹ̑rõ̯uta* и *držĩna* в деревне Град (пункт SLA 398) [SLA 1/122, 100] при слвн. литер. *sirôta* ‘сирота’ и *družína* ‘семья’. Что касается хорватского *repečiti*, его сравнивают скорее со словенским *repẹ́nčiti se* ‘вести себя высокомерно; злиться’ [Bezlaj 3: 171–172].

Наконец, третья гипотеза предлагает видеть *гър- в украинском глаголе *пóрпатися* ‘рыться, копаться; ковыряться; возиться’ [ЭСБМ 11: 240]. Однако для этого нужно отказаться от куда более надёжной

[19] М. Фурлан вычленяет в этом глаголе, как и в *гurati, суффикс *-ра-* [Bezlaj 4: 11], совершенно, на наш взгляд, безосновательно.

[20] Внимания заслуживает также гипотеза В. Н. Топорова, который видел в слове *шарпать* балтизм [Топоров 4: 383–384].

этимологии, выводящей данное слово из праславянского *ръгрati [Варбот 2012: 404; Boryś 2007: 687–688].

Таким образом, непосредственно в виде *гър- рассматриваемый корень в позднем праславянском, как кажется, не фигурировал.

*IV.2.5.5. Выводы об этимологии слова *rъtъ*

Итак, наиболее заслуживающими внимания являются следующие гипотезы:

а) *гътъ восходит к праиндоевропейскому *rutós, причастию от глагола *ruH- (> праслав. *ryti);

б) *гътъ является собственно праславянским дериватом от *ryti ‘рыть’, построенным по образцу модели *plyti ‘плыть’ : plъtь ‘плот’;

в) *гътъ родственно глаголу *rypati.

К сожалению, опираясь исключительно на фонетику, сложно отдать предпочтение какой-либо из гипотез. Но на помощь нам приходит то соображение, что в качестве обозначения морды животного ожидалось бы скорее nomen instrumenti (‘то, чем роют’), чем nomen actionis (‘то, что вырыто’), так что из первой и второй гипотез предпочтение следует отдать второй.

Что касается родства с *rypati, то следует отметить, что обе приведённые выше параллели всё же не являются полными: слово *sъtъ ‘соты’ не nomen instrumenti, а *pěstъ, хоть и является самым настоящим nomen instrumenti, но имеет корень на полной ступени вокализма, в отличие от нулевой в *гътъ. Таким образом, вероятнее всего, праславянское слово *гътъ ‘морда животного’ является производным от *ryti ‘рыть’.

IV.3. Инновационные названия рта

IV.3.1. Праславянское *pyskъ

Континуанты *pyskъ обозначают рот в полосе украинских говоров, протянувшейся от границы с Польшей почти до Днепра. Сюда относятся следующие формы и пункты ОЛА: ˈ*рыsuk* (412), ˈ*pysǫk* (413, 473), ˈ*pysok* (414, 419, 429, 430, 451, 472, 489, 498–500, 506, 524), ˈ*pysuk* (420, 421), ˈ*pəsok* (471, 497), ˈ*pusok* (490). В части пунктов эти формы записаны наряду с *rot*. Кроме того, украинизм *pysęk* фиксируется в говоре деревни Лигота-Пенкна (268) у переселенцев из деревни Тулиголово (пол. Tuligłowy) в Львовской области. В одном чешском говоре (197) *pysk* обозначает рот наряду с *huba* [ОЛА ЛС 9/16].

Кроме того, потомки *pyskъ известны в смежных значениях: мак. диал. (Тиквеш) *писки* (pl.) ‘толстые губы’ [БЕР 5: 260]; слвн. устар. *piski* (m. pl.) ‘половые губы’[21] (М. Похлин, Tu malu besedishe treh jesikov, 1781 г.) [SPJ]; др.-чеш. *pysk* ‘губа’[22]; чеш. разг. *pysk* ‘губа человека; подвижная часть морды животного, закрывающая спереди челюсть; (устар.) клюв’, в сочетании *stydké pysky* значит ‘половые губы’ [SSJČ], чеш. диал. *piski* ‘передние концы полозьев саней’ (пункты Чешского языкового атласа 730, 731, 735, 757) [ČJA 3/151]; слвц. *pysk* ‘морда животного; (разг.), рот, губы человека; (диал.) носки обуви (во мн.ч.); (разг.) клюв; (диал.) канавка на кувшине; половые губы’ [SSJ 3: 675–676]; в.-луж. и н.-луж. *pysk* ‘клюв; свиное рыло’; др.-пол. *pysk* ‘морда животного’ [SStp 7: 411]; совр. пол. *pysk* ‘морда; пасть’; бел. *пы́са* ‘морда’ (в говорах также вторичные варианты *пі́ка*, *пы́ка*, *пы́ца* в том же значении [ЧТС 2006: 171]); укр. *пи́сок* ‘лицо; морда (у животного); рот; глотка, горло’; рус. диал. брянск. *пы́са*, *пы́сок* ‘лицо человека (бранно); морда животного; нижняя часть морды животного’, смол. *пы́са* ‘выступающая часть лица (нос, губы)’ [СРНГ 33: 200]. Отметим, что в русских говорах это слово отмечается только на западе, в непосредственном соседстве с белорусскими.

М. Фасмер считал, что рус. смол. *пы́ска* ‘мужской половой орган (у детей)’ также является континуантом *pyskъ, видоизменившимся под влиянием *пы́сать* ‘мочиться’ [Фасмер 3: 421]. Однако нет никаких причин не выводить *пы́ска* от *пы́сать* напрямую.

Славизмом являются рум. *pisc* ‘вершина горы; нос лодки; часть телеги или саней, к которой крепится дышло’.

Набор потомков праслав. *pyskъ говорит о том, что, скорее всего, изначально это было обозначение морды животного. Не вполне понятно, отличалось ли оно чем-либо от *rъtъ, – это возможно, но не обязательно, поскольку для таких соматизмов, имеющих экспрессивный оттенок, синонимия более чем характерна.

---

[21] Сам Похлин перевёл это слово на немецкий как *Mutterlefzen*, а на латынь как *alæ matricis*.

[22] Не вполне понятно, насколько это слово отличалось от *ret*. В одних источниках различие проводится: Labia pyskové, ženští rty | Labrum mužští rtové (Latinsko-české slovníky z rukopisu ostřihomského, 2-я половина XV в.; Esztergomi Főszékesegyházi Könyvtár, Эстергом, Венгрия, Ms. II 8; л. 88); в других – нет: Ktož má rty tenké u malých úst a jest svrchní pysk nad zpodní vysědl, smělého a silného znamená (Hvězdářství krále Jana, середина XV в.; Knihovna Národního muzea v Praze; II F 14; л. 65v) [StčTB].

В этимологическом отношении *pyskъ является девербативом с суффиксом *-k- от *pyxati, давшего болг. *пúхам* ‘едва дышать’, слвн. *píhati* ‘дуть’, др.-чеш. *pýchati* ‘гордиться’, рус. *пы́хать* и соотносящегося с *puxnǫti ‘пухнуть’. Сам глагольный корень восходит к п.-и.-е. *$h_3$peu̯s- ‘увеличиваться’ [LIV 2001: 303] либо же имеет звукоподражательное происхождение. Выделение суффикса *-sk- на славянской почве, что можно иногда встретить в этимологической литературе (ср. [Boryś 2005: 506]), является неправомерным, поскольку редкий суффикс *-sk- в праславянском был характерен только для девербативов (*blěskъ, *luska) и перенесён непосредственно из глаголов. Сравнение с лит. диал. *pùškas ~ pũ̃škas* ‘прыщ’ и *puškėti* ‘булькать’ довольно перспективно, однако, скорее на уровне глагольного корня, *pyskъ и *pũ̃škas* являются, вероятно, параллельными образованиями, особенно если считать праславянский и литовский глаголы звукоподражательными.

Л. В. Куркина пытается реконструировать для *pyskъ вариант с корнем на нулевой ступени аблаута (*pъsk-) на основе слвн. диал. (Истра) *peski* ‘молодые побеги чеснока’, слвн. диал. (Бела Краина) *pasek* ‘пупок (у коровы), хорв. диал. *pȁsək* ‘сердцевина луковицы; пупок животного’, чеш. *peskovat* ‘бранить’ и диал. *pesky dělati* ‘ухмыляться, насмехаться’ из Котта [Куркина 2012: 184]. Однако *peskovat* куда лучше выводится из *peský* ‘собачий, жалкий’ [Rejzek 2001: 463], ср. рус. *собачиться* в качестве параллели. Далее, форма *pesky* у Котта, видимо, базируется на диалектном *peske* ‘морда’, которое можно почерпнуть из другого словаря Котта [Kott 1910: 76], с переходом *i* > *e*. А одной лишь словенско-хорватской изоглоссы, да ещё и столь далёкой в семантическом отношении от *pyskъ, для реконструкции варианта *pъskъ явно недостаточно. Ещё более сомнительно выдвинутое Л. В. Куркиной сближение *pyskъ с континуантами *pъťъka ‘косточка плода’, сталкивающееся с трудностями фонетического и словообразовательного характера.

IV.3.2. Польское *japa* и его «рифмы»

Польское *japa* является разговорным обозначением рта или лица. В говорах оно означает также ‘лицо (пейор.); морда животного; большое отверстие, большая дыра; несообразительный, невнимательный человек’ [SGP 34: 484]. Было выдвинуто несколько версий этимологии этого слова:

а) это заимствование из немецкого *jappen* ‘хватать воздух ртом; с трудом переводить дыхание’ [SJP 2: 135; Bańkowski 1: 571];

б) вместе с бел. диал. *я́па* ‘рот’ оно происходит от праслав. **ěpa*, реконструированного в [ЭССЯ 6: 49–50], наряду с укр. полесск. *я́па* ‘нарост на дереве; рубец, полоса на шкуре животного от сильного удара палкой’, ‘опухоль на теле; нарост на стволе дерева’, бел. диал. *я́па* ‘грыжа у скота’, ‘нарост на березе, ольхе, клене и ясене’, укр. диал. *я́пина* ‘наросты на дереве’, схр. *jápiti* быть открытой, зиять (о двери, ране)’ [Szymański 1983];

в) Ф. Славский отделял польское и белорусское обозначения рта от **ěpa* и считал соматизмы восходящими к «детской речи» [SP 6: 132];

г) А. Фаловский считает пол. *japa* рутенизмом и вторичной формой по отношению к *ziapa*, появившейся в результате переразложения приставочного глагола **роззяпити [Fałowski 2023].

Мы полагаем, что при решении этого вопроса следует обратить особое внимание на большое количество «рифм» к слову *japa*, также обозначающих рот: пол. диал. *hapa* ~ *ɣapa* [SGP 9: 452], *chałapa* [SGP 8: 439], *dziapa* [Karłowicz 2: 232], *ziapa* [Karłowicz 6: 379], бел. диал. *ля́па*[23], *хля́па*, *ця́па*, *зя́па, ха́ліпа* [ЧТС 2006: 189], рус. калуж. *зя́па*[24] [СРНГ 12: 50], смол. *тя́па* [СРНГ 46: 93]. Возможно, сюда же примыкают рус. смол. *ха́липа* [СРНГ 49: 259], новг. *ля́ма* [СРНГ 17: 274] и укр. бойк. *дзя́ма* [Матіїв 2013: 123].

Сходство их структуры вместе с невозможностью выделить здесь некий суффикс *-па* заставляют согласиться с Ф. Славским и видеть в них звукосимволические образования.

Ещё один пример таких схожих образований, вероятно, основывающихся на передаче звука поцелуя в щёку, – это пол. разг. *buzia* ‘рот; лицо’, а также каш. *buszka* [SGP 7: 152], пол. силезск. *gusia*, *guśka* [SGP 30: 419, 422], рус. петерб. *му́зя* ‘рот, губы; поцелуй’ [СРНГ 18: 338] и многие другие, подробнее о которых см. в разделе IV.3.4.

IV.3.3. Прочие инновационные названия

IV.3.3.1. Перенос обозначений других частей тела

В кайкавском наречии, а также в переселенческих хорватских говорах рот стал обозначаться континуантами слова **zǫbi* ‘зубы’ (пункты ОЛА 27, 28, 29, 30, 32, 35, 146a, 147a, 150, 153) [ОЛА ЛС 9/16].

---

[23] Вероятно, сюда же относится бел. диал. *ля́паўка* [ЧТС 2006: 189], в случае которого, правда, можно подозревать и девербатив от *ляпаць* ‘ляпать, брякать (говорить необдуманно)’.

[24] Форма *зя́па́ло* [СРНГ 12: 50], видимо, основана на *зяпа* с формантом *-ло* по образцу множества других пейоративных обозначений рта, см. ниже.

Для западнославянских языков характерно употребление в значении ‘рот’ слова *gǫba, изначально ‘губа’. Это основное название рта в лужицких языках (в.-луж. *huba*, н.-луж. *guba*); в польском (*gęba*), чешском и словацком (*huba*) оно является пейоративным обозначением как рта, так и лица вообще. Тем не менее, это основное слово для рта в подавляющем большинстве чешских, части словацких и большинстве польских говоров. Видимо, польским влиянием объясняются белорусские и украинские диалектные формы *γuˈba* ~ ˈ*γuba* (ОЛА 332), ˈ*γuba* (337, 344–345), ˈ*huba* (432)[25] [ОЛА ЛС 9/16].

В словенском слово *gǫ̑bec*, производное от *gǫba, стало значить ‘морда животного’, а в разговорном языке также выступает как пейоративное обозначение лица и рта человека. Как основное обозначение рта оно засвидетельствовано в ряде каринтийских говоров: *hȍ:bəc* (SLA 014, 020), *hǫ̑ƀəc* (SLA 016), *hǫ̑bəc* (SLA 018), *hǫ̑bəc* (SLA 019), *hó:pc*, *hó:bəc* (SLA 023) [SLA 1/23]. Единичное слвн. диал. *tˈrụ̑ə:bəc* (SLA 156), соотносимое со слвн. литер. *trǭbec* ‘хобот’ (< *trǫ́ba* ‘труба’), скорее всего, можно расценивать как своего рода «рифму» к *gǫ̑bec*, ср. ниже синонимичность многочисленных русских девербативов на *-ло*.

Бел. диал. *хабо́тня* ‘рот с зубами’ [ЧТС 2006: 189] также, вероятно, не основывается непосредственно на сравнении с хоботом слона, а является результатом переноса с *хабо́тня ~ хабатня́* ‘прудовая рыболовная ловушка, сплетённая обычно из ивовых прутов, в виде круглой корзины с лейкоподобным входом’ [СПЗБ 5: 274].

Дрейф ‘губы’ > ‘рот’ также представлен в польских говорах у слова *varʼgʼi* (пункт ОЛА 259), *vargʼi* (ОЛА 270, 277, 295, 302, 314, 315, 322) [ОЛА ЛС 9/16].

В одном македонском говоре (Жидилово) слово *бу́за*, в большинстве говоров означающее ‘губа’, встретилось в значении ‘рот’ [Дрвошанов 2005: 30].

Бел. полесск. *вы́лыцʼи* (pl.) ‘рот, пасть’ сопоставлялось Н. И. Толстым с укр. карп. *вилиця* ‘челюсть’ и схр. *vȉlica* ‘челюсть’ [Толстой 1968: 14]. Аналогичным образом рус. вят. *ви́лы* ‘рот, пасть’ [СРНГ 4: 283], по предположению А. Е. Аникина, отражает дрейф ‘вилы’ > ‘челюсть’ > ‘рот’ [Аникин 7: 172].

---

[25] Ударение на первом слоге может быть, но не непременно является результатом польского влияния, поскольку в старорусских текстах старше форма *гу́ба* ‘губа’ [Зализняк 2019: 163], она же, в значении ‘губа’, характерна и для ряда современных белорусских говоров [ЧТС 2006: 189].

Близка ситуация слвц. диал. *škraňa ~ žgraňa* ‘рот’ [Palkovič 1972: 242] при слвц. литер. *škraňa* ‘нижняя челюсть’ из праслав. *skornь ‘висок’.

В русских говорах слово *кады́к* известно в значениях ‘рот, горло’ (пейор.) [СРНГ 12: 302][26]. В значении ‘рот’ оно отмечено в пунктах ОЛА 689, 691, 744 [ОЛА ЛС 9/16]. Хотя это слово этимологически обычно выводят из тат. *каты* ‘твёрдый, жёсткий’, как изначальное соматическое значение, так и дрейф ‘кадык’ > ‘рот’ являются уже собственно русскими инновациями.

В сербохорватском говоре деревни Душнок (Венгрия, ОЛА 151) у слова *gȕ.lo* засвидетельствован переход ‘горло’ > ‘рот’ [ОЛА ЛС 9/16]. То же в одном резьянском словенском говоре: *hə̑rlo* (Осояни, SLA 058) [SLA 1/23]. Сюда же относится бел. диал. *го́рла* [ЧТС 2006: 189] и пол. диал. *garu̯o* [Kucała 1957: 166].

Рус. диал. *зев ~ зёв* ‘рот; пасть (у животных); клюв’ [СРНГ 11: 242], вероятно, вторично по отношению к значению литературного слова *зев* – ‘отверстие, соединяющее полость рта с глоткой’.

Для рус. диал *жёрло* ‘рот (бранно)’ [СРНГ 9: 142] А. Е. Аникин восстанавливает схему дрейфа следующим образом: ‘горло, глотка’ > ‘пасть, горловина, устье, пропасть’, ‘источник, родник’ [Аникин 16: 271–272].

Встречаются случаи переноса на рот человека обозначений морды животного или её части, как правило, с пейоративной окраской. Таковы случаи схр. диал. *гу̏бӌца* ‘морда животного; рот человека’ [Зобеница 2016: 750], чеш. и слвц. *tlama* ‘пасть животного; рот человека (пейор.)’[27].

---

[26] Приводимые в СРНГ контексты не позволяют понимать *кадык* как ‘рот, горло’ непосредственно в анатомическом смысле: *кадык продолбленный*, *широкий кадык* ‘крикливый человек’, в отличие от значения ‘брюхо, живот’: «Набил бы ты кадык-то щам» [СРНГ 12: 302]. Однако другие словари подтверждают, что так могут обозначаться рот и горло именно как части тела: «Закрой кадык, помолчи немного»; «В кадыке у меня кость застряла в обед» [ОСВГ 5: 12]. Словарь вологодских говоров даёт так же значение ‘шея’ с контекстом «Кады́к у меня́ шшо́-то не повора́чивается» [СВГ 3: 31].

[27] Слвц. диал. *gľama* ‘рот’ (пейор.) [SSN 1: 493], видимо, является фонетическим вариантом *tlama*, прошедшим через диссимиляцию *tl* > *kl* и озвончение первого согласного перед сонорным (ср. слвц. диал. *klej* > *glej* ‘столярный клей’ [SSN 1: 494], *kĺb* > *gĺb* ‘сустав’ [SSN 1: 775] и то же явление в чешских моравских говорах [Саенко 2020: 42]). Альтернативной возможностью является деривация от *klamať* ‘врать’.

В русских говорах *ры́ло* имеет также значения ‘подбородок; часть лица над верхней губой; рот; губа’ [СРНГ 35: 309]. То же в случае укр. диал. *ри́йка* ‘рыло свиньи; рот (пейор.)’ [ГГ 1997: 163; СБГ 2005: 455].

Слвц. зап. *chráp* демонстрирует сдвиг ‘ноздри, морда животного’ > ‘рот человека’ (пейор.) [SSN 1: 683]. То же в случае рус. смол. *хра́на* ‘рот лошади; рот человека (пейор.)’ < *хра́на* ‘морда у животного; морда лошади’ [СРНГ 52: 18].

Сюда же относятся обозначения клювов: схр. диал. *кљуни́ца* ‘клюв; нос; рот’ [Динић 2008: 338], чеш. и слвц. *zobák* ‘клюв; рот (пейор.)’, слвц. диал. *pizák* ‘id’ [SSN 2: 809], пол. *dziób* ‘id’, укр. диал. *дзю́бок* ‘id’ [ГГ 1997: 59], *дзю́бок ~ дзьо́бок* ‘id’ [Негрич 2008: 62].

Пол. диал. *ciuka* означает ‘корова; морда коровы или собаки; рот (пейор.)’ [SGP 11: 431]. По всей вероятности, именно в таком порядке и шло развитие значений этого слова, изначально восходящего к «детской речи».

Перенос ‘жабры’ > ‘рот’ (пейор.) наблюдается в случае укр. диал. *дзя́бри* [Громик 2023: 127].

Чеш. морав. *paščeka* (ОЛА 200, 206) [ОЛА ЛС 9/16], слвц. диал. *paščeka* [SSN 2: 749], укр. диал. *пащéка* [Шило 2008: 196] восходят к праслав. *paščeka, потомки которого означают также ‘пасть животного’ (чеш. диал., пол. диал., словин., укр. диал.), ‘челюсть’ (слвц. диал., рус. диал., бел. диал.) [ЭССЯ 41: 223–224]. Слово *paščeka является прозрачным дериватом от *ščeka ‘щека’. Из возможных значений префикса *pa- (расположение рядом; меньший размер; ответвление; схожесть; пейоративизация) Ж. Ж. Варбот считает предпочтительными для данного случая уподобление по схожести или же пейоративизацию [Варбот 2012: 399].

Слвн. диал. *ˈlą̑mpe* (ОЛА 149) [ОЛА 9/16]; *lâmpe*, *ˈla:mpe* (SLA 404), *ˈlå̑mpe* (SLA 387, 392), *ˈlå:mpe* (SLA 402, 405), *lå̑mpe* (SLA 391), *lå̑mpę* (SLA 399), *lå̑mpa* (SLA 403), *v lå̑mpaị* (SLA 390), *lǫ̑mpe* (SLA 389, 400), *lǫ̑mpę*, *lǫ̑̃mpe* (SLA 388), *ˈlompe* (SLA 401), *ˈlǫ:mpe* (SLA 397) [SLA 1/23] соотносится со слвн. литер. *vȃmp* ‘рубец (часть желудка жвачных); живот животного; живот человека (пейоративно)’, заимствованным из ср.-нем. диал. *wamp* ‘живот; подгрудок’ [Bezlaj 4: 279][28]. Дрейф ‘живот’ > ‘рот’ довольно необычен и, по-видимому, осуществился уже на словенской почве. Возможно, в качестве про-

[28] *l-* в этих формах объясняется диссимиляцией губных [Саенко 2025а].

межуточного звена послужило значение ‘подгрудок’. Однако, на наш взгляд, вероятнее другой сценарий: перенос через выражения вроде ‘набить живот / рот’, где семантика обозначений живота и рта пересекается, и слово может быть перенесено с одной части тела на другую.

Чеш. разг. *dršťka* является пейоративным обозначением рта или лица человека, а в форме множественного числа также означает части говяжьего желудка, употребляемые в пищу [SSJČ]. Древнечешские данные говорят, что первичным является последнее значение [Gebauer 1903: 840]. Эта ситуация является хорошей параллелью к вышеописанному слвн. диал. *lampe*. Также в современном чешском существует форма *drška* (с орфографическим вариантом *držka*). Возможно, её появлению способствовала народная этимология, а конкретнее влияние глагола *držet* ‘держать’ в связи с употребительным выражением *drž hubu* ‘заткнись’[29].

Отдельно следует оговорить боснийскую форму *hràĺe*, записанную в Шпионице (ОЛА 50) [ОЛА 9/16]. Я. Ванякова рассматривает её как дериват от глагола *grati ‘издавать звуки (например, каркать), шуметь (особенно о больших птицах’ [Waniakowa 2008: 128]. Однако звонкого звука *h* (МФА [ɦ]) в данном говоре нет [FO 1981: 431]. Как показывает просмотр всех записей данного говора [MBP 2: 947–1131], собиратель просто использовал символ *h* для глухого велярного спиранта, как в сербохорватской орфографии, вместо полагающегося, согласно транскрипции ОЛА, [x]. В «Фонологических описаниях» во всех примерах из говора Шпионицы буква *h* была заменена на *x* [FO 1981: 431–436]. Таким образом, *hràĺe* следует читать не как [ɦrâʌe], а как [xrâʌe], и ни к какому *grati оно восходить не может. Это слово – непосредственный родственник литературного схр. *rälje* (f. pl.) ‘морда’. В говоре Шпионицы отмечены случаи неэтимологического *x*-: *xastà:l* ‘стол’, *xló:pov* ‘вор’ [FO 1981: 433]. Сюда можно добавить также *xi̯že:* ‘ржёт’, *xòro:z* ‘петух’, *xi̯ʒ́a* ‘ржавчина’, *xi̯vo: se* ‘боролся’, *xudóvac* ‘вдовец’, *xolú:ja* ‘гроза’, *xì:m* ‘им’ [MBP 2: 954, 960, 986, 988, 1029, 1059, 1077] при схр. литер. *rže*, *oroz*, *rđa*, *rvao se*, *udovac*, *oluja*, *im*. По всей видимости, это гиперкорректное добавление *x*-, связанное с утратой данного звука во многих сербохорватских говорах.

[29] Просто фонетическое упрощение здесь сложно видеть из-за наличия слова *tloušťka* ‘толщина’ с кластером *-šť-*.

IV.3.3.2. Девербативы

Предсказуемо чаще всего в роли производящих основ для обозначений рта (почти всегда пейоративных) выступают verba edendi и verba dicendi.

Болг. разг. *плюва́лник* образовано от *плю́вам* ‘плюю’.

Схр. разг. *žvȁla* – дериват от *žьwati ‘жевать’.

Слвн. диал. *hȁmę*, *hȁ:mi* (SLA 033) [SLA 1/23] образовано от *hamati* ‘есть’ (в «детской речи»). Аналогично пол. диал. *ham* от *hamać* ‘есть’ [SGP 31: 563].

Чеш. разг. и слвц. диал. *klapačka* [SSN 1: 772] – производное от звукоподражательного *klapat* ‘стучать, щёлкать, хлопать’. По всей видимости, мы имеем дело с универбатом выражения *klapat hubou* ‘попусту болтать’.

Слвц. диал. *bľabotačka* от *bľabotať* ~ *bľabotiť* ‘бормотать; много болтать; нести чушь’ [SSN 1: 124]; *ľapotačka* от *ľapotať* ‘нести чушь; много болтать’ [SSN 2: 30–31]; *chlapajzeň* [SSN 1: 658] от *chliapať* ‘громко и жадно есть; неумеренно пить; болтать [SSN 1: 661]; *chňapta* от *chniapať* ‘жадно есть, жрать; грызть; нести чушь’ [SSN 1: 668]; *mlatoveň* [SSN 2: 173] – универбат выражения *mlátiť hubou* ‘попусту болтать, молоть языком’; *povedačka* [SSN 2: 1053] от *povedať* ‘сказать’; *papuľa* от *papať* ‘есть (в «детской речи»)’; *kapčica*, вероятно, от *kapčovať sa* ‘закрываться’ или *kapča*, обозначающего ряд застёжек [SSN 1: 756].

Н.-луж. диал. *prampa* ‘рот’ (пункты SSA 23, 25, 26) [SSA 6/15] является девербативом от глагола *prampaś* ‘мять (одежду)’, *plampaś* ‘разевать рот; болтать’ звукоподражательного происхождения [Schuster-Šewc 15: 1150].

Пол. диал. *jadaczka*, *jadaka*, *jadło* ‘рот’ [SGP 34: 364, 365, 368] – дериваты от *jeść* ‘есть, питаться’.

В русских говорах можно обнаружить целый ряд отглагольных обозначений рта, как правило, пейоративных: *едáло* ‘рот; лицо’ и *éжево* ‘еда, пища; рот’ [СРНГ 8: 319, 326] от *есть*; *жрáло* ‘рот’ [СРНГ 9: 218] от *жрать*; *хáвало*, *хáвалка*, *хáвальник*[30], *хáвело*, *хáвка* [СРНГ 49: 225, 226] от *хавать*; *хам*, *хáмник* [СРНГ 49: 274, 282] от *хáмать* ‘издавать какие-либо звуки; лаять; есть; жевать; есть с жадностью, чавкая; зевать, испытывая желание спать’ [СРНГ 49: 277]; *хлебáло*, *хлебáлка*,

[30] Сложно отделять от этого слова нижегор. *ховáльник* [СРНГ 50: 330], возможно, вторично видоизменившееся под влиянием глагола *ховáть* ‘прятать’.

хлеба́льник, *хлеба́вня*, *хле́бово*, *хле́бово* ‘рот’ [СРНГ 50: 170, 171, 192] от *хлебать*; *базло́* ‘горло, глотка, широкое горло, рот (бранно)’ [СРНГ 2: 50] от *базла́ть* ‘громко кричать; говорить; врать; говорить дурно, плохо о ком-либо или о чем-либо, хаять; зевать; проводить, коротать время; мыкать горе, испытывать нужду; прятать, засовывать куда-нибудь’ [СРНГ 2: 50]; *пазло́* ‘большой, широкий рот’ от *пазла́ть* ‘кричать, орать; реветь (о животных)’ [СРНГ 25: 146]; *га́йло́* ‘широкое горло; большая пасть, рот’ [СРНГ 6: 98] от *га́ять* ‘открывать рот; говорить; кричать, шуметь’ [СРНГ 6: 156]; *хайло́*[31], *ха́йка*, *ха́йна* [СРНГ 49: 240, 238, 243] от *хаять*; *зева́ло* ~ *зе́вало*, *зевло́* от *зева́ть* в значениях ‘кричать, орать, горланить; очень громко говорить, петь, плакать; кричать на кого-либо, ругать, бранить; говорить’ [СРНГ 11: 242–244]; *зепло́* от *зе́пать* ~ *зёпать* ‘кричать, орать во все горло; вопить, плакать; зевать; глотать’ [СРНГ 11: 264]; *трепа́ло* [СРНГ 45: 37] от *трепать(ся)*; *ха́зина* от *ха́зить* ‘громко кричать, орать; громко плакать, кричать; реветь (о животном); осуждать, ругать; придираться’ [СРНГ 49: 232–233]; *халда́* ‘рот человека’ от *халдать* ‘ругать, бранить’ [СРНГ 49: 254]; *ха́лка* от *ха́лкать* ‘вести себя нагло, нахально; кричать, ругаться’ или *ха́лкать* ‘жадно, залпом пить; пить спиртные напитки, выпивать; есть с жадностью, не прожевывая, в больших количествах; есть медленно, не спеша’ [СРНГ 49: 260–261]; *халя́ва*, *халя́вка* от *халя́вить* ‘кричать; громко ссориться, браниться; громко, с плачем причитать, жаловаться; шумно вести себя, безобразничать; грязнить, пачкать’ [СРНГ 49: 271, 272][32]; *разга́й* от *разга́ивать*, *разга́ять* ‘раскрывать’ (*разга́ять* рот ‘засмотреться, заглядеться, проявить рассеянность, невнимательность’) [СРНГ 33: 299]; *расхлебе́ня* от *расхлебе́нить* ‘открыть, распахнуть; широко открыть рот’ [СРНГ 34: 294, 293]; *у́рево* ‘рот; лицо, рожа’, *у́ревь* ‘рот’ (f.) от *уреве́ться* ‘наплакаться’ [СРНГ 47: 325, 324]; *про́тка* ‘горло, рот, глотка, пасть’ [СРНГ 33: 8] от *проткнуть*. Отметим особую распространённость модели «глагольная основа + *-ло*», причём синонимичные глаголы являются взаимозаменяемыми. Глядя на такие ряды, сложно избавиться от впечатления, что бóльшее значение для семантики слова имеет суффикс, а не корень.

[31] Форму *харло́* ‘пасть, зев, рот; горло’ [СРНГ 49: 326] Фасмер считал результатом контаминации *хайло* и *горло* или *харя* и *горло* [Фасмер 4: 224].

[32] Бел. *холя́ва* ‘рот’ из словаря Носовича [Носович 1870: 682], не подтверждаемое современными диалектными словарями, видимо, является русизмом в силу отсутствия в белорусских говорах аналогичного глагола. Вряд ли мы имеем дело со сравнением рта с голенищем сапога.

К этой модели следует отнести также слова *ха́ба́ло* и *ха́бальник* [СРНГ 49: 214–215], которые формально выглядят как производные от *ха́ба́ть* ‘присваивать себе чужое; портить’ [СРНГ 49: 221], но их семантика скорее указывает на связь с производными от этого глагола *хаба́л* ‘грубый, крикливый, наглый, бранчливый человек; озорник, хулиган, буян; бойкий человек’ и *хаба́лить* ‘ругаться, буянить, озорничать; вести себя непристойно, грубо; часто и беспричинно смеяться’ [СРНГ 49: 213].

Сюда же примыкает укр. диал. *chawk'a* [Janów 2001: 25], *ха́вка* [ГГ 1997: 199; СБГ 2005: 608; Лесюк 2008: 124; Негрич 2008: 178], сопоставимое с вышеупомянутыми рус. *ха́вало*, *ха́валка*, *ха́вальник*, *ха́вело*, *ха́вка.*

Особо прокомментируем рус. разг. и диал. *мурло́* ‘морда животного; рот’ [СРНГ 18: 356], в случае которого был выдвинут целый ряд этимологий:

а) Оно сопоставлялось с параллельным *мурно́* ‘морда’ и считалось заимствованием из якобы татарского *мурун* ‘нос’[33], *-ло* объяснялось влиянием слова *рыло* [Преображенский 2: 38].

б) М. Фасмер сравнивал с глаголом *мурлы́кать* ~ *мурны́кать* и считал звукоподражательным по происхождению [Фасмер 3: 13].

г) В. В. Виноградов считал производным от ст.-рус. *муринъ* ‘негр’ [Виноградов 1999: 331–332]. Отметим, однако, что слово это книжное и в русских говорах не встречается.

д) О. Н. Трубачёв выводил *мурло́* из праслав. *mura наряду с рус. диал. *мура́* ‘хлеб, крошеный с квасом; тюря; кушанье из воды, масла, хлеба, лука и соли; тюря; дребедень, обноски, отрепье’, *мурла́* ‘кушанье из кваса, постного масла и хлеба’, схр. диал. *му́ра* ‘грязь, раскисшая земля; вид глины; осадок, подонки’, каш. *mërma* ‘губа у скотины, морда’, *mërmë* ‘labia pudendi’, укр. *мурми́ло* ‘мурло’ и далее сопоставлял с лит. *máuras* ‘грязь, тина’ [ЭССЯ 20: 191–192]. Семантически такая связь, не подкреплённая никакими параллелями, выглядит довольно сомнительно.

е) В. Э. Орёл считал *мурло́* девербативом от *muriti (> слвн. *múriti* ‘опускать голову’, укр. диал. *мури́цца* ‘жмуриться’, бел. диал. *мурыцца* ‘id’), связанным с вышеупомянутым *mura [Orel 2: 719]. Нельзя не отметить, что в русских говорах этого глагола нет, кроме того, в

[33] По-татарски нос называется *борын*, вероятно, имелось в виду башкирское *морон* ‘id’.

свете прочих потенциальных его континуантов (см. [ЭССЯ 20: 194]) похоже, что его первичным значением было ‘пачкать, мутить воду’. В то же время украинский и белорусский глаголы больше похожи на результат упрощения группы согласных в *жмуритися* / *жмурыцца*, чем на континуанты *muriti.

В свете указанных слабостей большинства версий версия Фасмера всё же кажется наименее ненадёжной.

Рус. диал. (волог., перм., вят., яросл., киров.) *ад* ‘пасть, горло, глотка, рот’ [СРНГ 1: 203] и *а́ду́ще* ‘ненасытный человек, обжора; рот’ [СРНГ 1: 207] А. Е. Аникин связывает непосредственно с *ад* (загробный мир) [Аникин 1: 97]. Однако такой сдвиг семантики выглядит, как минимум, необычно. Мы полагаем, что, возможно, следует обратить особое внимание на глаголы *ада́ть* ‘кричать’ (яросл., волог.) [СРНГ 1: 206], *а́ду́ть* ‘кричать’ (яросл., волог.) [СРНГ 1: 207], поскольку как раз они могут быть связующим звеном между двумя существительными, то есть *ад* (загробный мир) > *ада́ть* / *а́ду́ть* ‘кричать’ > *ад* ‘пасть, горло, глотка, рот’. Образование глагола может зиждиться на коллокациях вроде *адский крик* или *адский шум* (ср. также англ. *to raise hell* ‘поднять шум, начать буянить, скандалить’). В свою очередь, как было показано выше, образование названий рта от глагола со значением ‘кричать’ является обычным делом для русских говоров.

А. Ф. Журавлёв, не соглашаясь с нами, считает, что в случае слова *ад* ‘пасть, горло, глотка, рот’ семантика ‘пожирания, поглощения’ более предпочтительна (письменное сообщение, 24.02.2026).

Среди прочих названий рта довольно необычно смотрится рус. диал. *жа́ба* ‘рот, пасть’ [СРНГ 9: 49]. Е. Л. Березович довольно аргументированно выводит его непосредственно от названия животного [Березович 2003: 113–116]. Но, на наш взгляд, следует учесть возможность и другого сценария. Так, необходимо обратить внимание на диалектный глагол *жаба́ть* ‘есть, жрать (о животных); много, часто курить’ [СРНГ 9: 49], который пытались связать с *жа́ба* ‘отверстие в мельничном жернове’ или непосредственно с названием животного [Аникин 16: 95], однако ударение на втором слоге глагола говорит против этого, поскольку при деривации от существительного а. п. *а* ожидалось бы накоренное ударение и в глаголе, ср. *ла́па* > *ла́пать*. Мы полагаем, что *жаба́ть* уместнее сравнивать с распространённым глаголом *зоба́ть*, которое обозначает различные способы употребления пищи, в том числе ‘есть (о животных)’, ‘жадно, торопливо есть’, ‘жадно и много пить (водки, вина); много курить’ [СРНГ 11: 321–322].

В свете полного совпадения семантики и значительного соответствия фонетики, включая ударение, можно предположить, что *жабáть* – результат народно-этимологического изменения первого согласного *зобáть* под влиянием слова *жáба* (животное)[34]. В таком случае *жáба* ‘рот’ могло бы быть дериватом уже от *жабáть*.

IV.3.3.3. Метафорические переносы

Встречаются также случаи переноса на рот обозначений различных предметов, чаще всего на основе внешнего сходства.

Схр. диал. *плéвња* ‘сарай; рот’ [Динић 2008: 575], по-видимому, сравнивает рот с дверьми сарая.

Метафорический перенос демонстрирует рус. диал. *мя́лица* ‘станок для мятья льна, конопли вручную; рот’, *мя́лка* ‘палка, которой мнут лён; приспособление для мятья лык при плетении лаптей; станок, на котором мнут кожи при выделке; деревянная колотушка для лущения орехов из кедровых шишек; рот, глотка, горло, челюсти’ [СРНГ 19: 83]. К нему примыкает бел. диал. *мя́лка* [ЧТС 2006: 189]. В этом случае рот сравнивают со станком для мятья, две части которого смыкаются так же, как смыкаются челюсти.

На внешнем сходстве основываются также укр. диал. *піддувáйло* ‘поддувало печи; рот (пейор.)’ [СБГ 2005: 418], *вéрша* ‘верша; рот’ [Ужченко, Ужченко 2013: 89].

Слвц. *pekáče* (m. pl.) с переносом ‘противень; форма для запекания’ > ‘рот ребёнка’ [SSN 2: 765], видимо, сравнивает рот не с плоским противнем, а с открывающейся и закрывающейся формой для запекания с крышкой.

Пол. диал. *jama* [SGP 34: 477] (ср. также литературное *jama ustna* ‘ротовая полость’) показывает перенос ‘яма’ > ‘рот’.

Слвц. диал. *pavka* [SSN 2: 753], возможно, соотносится с *pávka* ~ *pálka* ‘пространство между двумя рядками растений’ [SSN 2: 753–754, 707][35].

Слвц. диал. *gépľe* (m.pl.) [SSN 1: 489], *gáfľe* (f.pl.) [SSN 1: 472], видимо, от *gepeľ* ~ *gápeľ* ‘конный ворот’ (< нем. *Göpel* ‘id’). Возможно,

[34] В случае пары *жабри́ть* ‘жадно есть, пожирать’ [СРНГ 9: 53] – *зе́брить* ‘жевать, жамкать, суслить, муслить, слюнить; быстро жевать’ [СРНГ 11: 242] А. Е. Аникин считает первичным *жабри́ть* [Аникин 16: 99].

[35] Заманчиво было бы связывать *pavka* ‘рот’ (пейор.) и *pavka* ‘веко’ (по-видимому, вторичная форма по отношению к *paviečka* ‘веко’) [SSN 2: 753], но такой семантический сдвиг был бы очень необычным.

в основе лежит сравнение языка с вращающимся воротом, ср. слвц. *mlátiť hubou* ‘молоть языком’.

Бел. диал. *ю́ха*, *ю́шка* ‘задвижка дымохода; рот’ [ТС 5: 357–358] также является случаем переноса обозначения предмета на рот по принципу схожести. Слово *ю́шка* в данном случае сложно отделять от *лю́шка* ‘печная задвижка; задвижка дымохода’ [ТС 3: 56], в котором видят контаминацию *ве́шка* ‘пучок соломы’ и заимствованного из немецкого через польское посредство *люхт* ‘дымоход печи; задвижка дымохода’ якобы в связи с тем, что раньше дымоход затыкали пучком соломы [ЭСБМ 6: 103–104] (ср. также рус. *вью́шка* ‘задвижка дымохода’ [Аникин 9: 231]).

Чеш. разг. *chlebárna* и слвц. разг. *chlebáreň* (в диалектах также *chlebárňa* и *chlebovňa* [SSN 1: 660, 661]) образованы от *chléb* / *chlieb*, вероятно, в качестве шутливой аналогии к модели *cukr* ‘сахар’ > *cukrárna* ‘кондитерская’, *mléko* ‘молоко’ > *mlékárna* ‘молочный магазин’, *víno* ‘вино’ > *vinárna* ‘винный погребок’ и т. д.

Пол. диал. *butla* [SGP 7: 162] демонстрирует дрейф ‘бутылка’ > ‘рот; лицо’, возможно, на основе сравнения рта с горлышком бутылки.

IV.3.4. Заимствования

Заимствование из греч. μουτσούνα ‘маска; рыло, рожа’ известно в Эгейской Македонии как *му́цка* [ОЛА ЛС 9/16; Дрвошанов 2005: 30]. То же отмечено в юго-западной Болгарии: *му́цка* ‘рот человека; морда животного’ (Лештен, Благоевградская область), ‘морда животного’ (Самоков и окрестности Ихтимана, Софийская область), ‘свиное рыло’ (окрестности Гоце-Делчева), а также в болг. литер. *муцу́на* ‘морда животного; рот или лицо человека (пейор.)’ [БЕР 4: 358–359].

В резьянских словенских говорах рот обозначается заимствованием из фриульского *bocje* ‘рот’: ˈ*bǫ́ća* (Солбица, ОЛА 001) [ОЛА 9/16], *bôt’a*, *bǫ̂t’a* (Солбица, SLA 059) [SLA 1/23], *bǫ̂t’ą̈*, *bôt’a* (Била, SLA 056) [SLA 1/23], *bɔ́ća* (Била) [Steenwijk 1992: 242], *bǫ̂t’a*, *bǫ̂t’a* (Ньива, SLA 057) [SLA 1/23].

Словенское диалектное *ṣuǫ̂ba* (SLA 160), ˈ*šǫ:pce* (SLA 412), ˈ*čǫbe* (SLA 367, 392), *čǫ̑be* (SLA 390, 392), *čǫ̑ba* (SLA 392), *čǫ̑bä* (SLA 393), *čǫ̑bę* (SLA 394, 396), *čǫ̑bå* (SLA 398) [SLA 1/23], ˈ*čobe* (ОЛА 21) и хорв. диал. ˈ*čube* (ОЛА 146а) [ОЛА ЛС 9/16] соотносится со словенской литературной формой *šǫ́ba* (f.) ‘надутые губы’, которую М. Сной выводит из праслав. *čьnòba ‘надутые губы’ и далее связывает с глаголом

*čьněti ‘торчать’, отрицая возможность заимствования этого слова, а также устар. *šnǫ̑bec* ‘морда, рот’ из немецкого [Bezlaj 4: 88, 89; Snoj 2016: 756]. Однако ряд фактов заставляет нас всё же отказаться от этой остроумной версии: 1) глагол *čьněti реконструируется только на основании чеш. *čnít* ‘торчать’, и его праславянская древность находится под большим вопросом; 2) слвн. диал. *šnǫ́ba* ‘надутые губы’, приводимое самим Сноем, непосредственно *šnǫ̑bec* ‘морда, рот’ и *šnǫ̑brc* ‘удар по носу’ фонетически и семантически очень близки к нем. *Schnabel* ‘клюв; нос; рот (разг.)’; 3) среди словенских диалектных названий губ наряду с *šobe* присутствует и *žnable*, явное заимствование из нем. *Schnabel*, иногда даже в одном и том же пункте, например, *ˈšu̯ǝbe* и *ˈžnǫ:bli* (пункт ОЛА 13) [ОЛА ЛС 9/17]; 4) разнобой *š-* и *č-* в словенских и хорватских говорах вполне может быть результатом заимствования из разных немецких говоров, нечто подобное имеется даже в рамках собственно словенского, ср. *čápa* ‘вид посуды для молока’ из тирол. диал. *tschapfe* ‘разновидность ведра’ при австр. *Schapfe* ‘черпак, ковш’ [Bezlaj 1: 73] или *čêrba* ‘вид посуды для молока’ из ср.-бав. *schirbe*, *schërbe* ‘плохая глиняная посуда’ [Bezlaj 1: 79]. Таким образом, сценарий заимствования из нем. *Schnabel* нам кажется более правдоподобным, чем версия Сноя. Фонетические расхождения в случае заимствования не являются чем-то необычным, особенно при заимствовании из разных диалектов и/или в разные эпохи.

Чеш. *pusa* ‘рот (разг., ласк.); поцелуй’ в силу поздней фиксации (это слово отсутствует даже в словаре Юнгманна), скорее всего, является заимствованием из нем. диал. *Buss* ‘поцелуй’ (при нем. литер. *Bussel* ‘id’) звукоподражательного происхождения [Rejzek 2001: 520]. С таким же южнонемецким *b- > p-*[36] заимствованы схр. *pȕsa* ‘поцелуй’ и венг. *puszi* ‘id’.

Существует некоторая возможность, что в чешском может быть и независимое от немецкого позднее звукоподражание, основанное на имитации звука поцелуя в щёку, поскольку фонетически и семантически близкие слова ономатопеического происхождения широко представлены в других языках, например, слвц. *bozkať* ‘целовать’, пол. *buzia* ‘ротик; личико’, каш. *buszka* ‘рот’ (детск.) [SGP 7: 152], рус. смол.

[36] Это явление довольно часто встречается в чешских германизмах, ср. формы современного литературного немецкого и заимствований в чешский: *Bagatelle* ‘мелочь, пустяк’ – *pakatel* ‘мелкая сумма денег’, *Brezel* ‘крендель’ – *preclík* ‘id’, *Bundschuh* ‘крестьянский башмак’ – *punčocha* ‘чулок’, *Büchse* ‘жестянка; ружьё’ – *puška* ‘id’, *Bürgermeister* ‘бургомистр’ – *purkmistr* ‘id’.

бу́ся ‘поцелуй’ [СРНГ 3: 308], рус. диал. (Литва, Латвия) *бу́сить(ся)* ‘целовать(ся)’ [СРНГ 3: 305], рус. петерб. *му́зя* ‘рот, губы; поцелуй’ [СРНГ 18: 338], бел. *бу́ся* ‘поцелуй’, укр. диал. *бу́зя* ‘рот; лицо; поцелуй’, болг. *бу́за* ‘щека’, мак. диал. *бу́за* ‘губа’, рум. *buză* ‘id’ и алб. *buzë* ‘id’, лтш. *buča* ‘поцелуй’, лит. *bučiúoti* ‘целовать’, англ. устар. *buss* ‘поцелуй’, швед. *puss* ‘id’, лат. *bāsium* ‘id’[37], исп. *buz* ‘поцелуй признательности; губа’, фр. *bisou* ‘поцелуй’, ирл. *pus* ‘лицо; надутые губы; морда’, перс. *bus* ‘поцелуй’, тур. *buse* ‘id’, араб. *būsa* ‘id’, эст. *musu* ‘id’, баскск. *musu* ‘поцелуй; лицо; губа’, пол. силезск. *gusia*, *guśka* ‘рот; поцелуй’ (детск.) [SGP 30: 419, 422] и т. д.

По всей вероятности, часть этих форм является заимствованиями. И. А. Калужская полагает, что не только чешское, но также словацкое и польское слова заимствованы из немецкого, а украинское и белорусское – полонизмы, справедливо указывая на то, что в восточнославянских языках представлены конструкции, идентичные пол. *dać buzi* ‘поцеловать’. Южнославянские обозначения исследовательница трактует как заимствования из албанского, арумынского или фракийского субстрата [Калужская 2001: 108, 115–116]. Эта позиция, в том числе в отношении рус. смол. *бу́ся* как полонизма, была поддержана А. Е. Аникиным [Аникин 5: 211–212; Аникин 2021: 191].

Мы полагаем, что восточнославянские формы могут быть признаны полонизмами, однако само пол. *buzia* вряд ли является германизмом, на что указывает фонетика: *-ź-* практически не встречается в польских германизмах (можно вспомнить только пол. *tuzin* ‘дюжина’, в случае которого сыграло роль посредство др.-чеш. *tuzin*, а также пол. *nazista* ‘нацист’, где *-ź-* имеет графическое происхождение). В то же время начальный звук чеш. *pusa* свидетельствует в пользу немецкого происхождения слова.

Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о нескольких независимых друг от друга очагах возникновения ономатопеического названия поцелуя (а затем и губы, рта, лица), причём из этих очагов такие обозначения активно заимствовались в соседние языки.

В лужицких языках известен германизм *mula* (пункт ОЛА 235; пункты SSA 24–26, 66–70, 100–102) [SSA 6/15], источником которого является ср.-в.-нем. *mūl* (> совр. нем. *Maul* ‘морда; рот (разг.)’).

Слвц. диал. *mindža* [SSN 2: 165], по всей вероятности, заимствовано из цыганского *mindž* ‘cunnus’.

[37] Латинское слово рассматривается М. де Ваном как кельтское заимствование [de Vaan 2008: 69].

Слвц. диал. *gamba ~ gámba ~ gemba* [SSN 1: 477], укр. диал. *ґе́мба ~ ґе́мба* [СБГ 2005: 82], *ґе́мба ~ ґя́мба* [Лесюк 2008: 96], *ґьи́мба* [Неґрич 2008: 59] и бел. диал. *гэ́мба*, *ге́нба* [ЧТС 2006: 189] заимствованы из пол. *gęba* ‘морда; рот (пейор.)’.

Слвц. диал. *gavura ~ gaura* ‘яма; рот (пейор.); хам, грубиян’ [SSN 1: 483–484] и укр. диал. *ґа́вра* ‘дыра; рот, пасть’ [СБГ 2005: 79] заимствованы из рум. *gaură* ‘дыра’ [ЕСУМ 1: 447].

Рус. диал. *ва́рга* ‘рот, горло, глотка, пасть’ [СРНГ 4: 46] и *варя́га* ‘рот’ (пейор.) [СРНГ 4: 64], вероятно, заимствованы из пол. *warga* ‘губа’ [Аникин 6: 75–76].

V. ЯЗЫК

Праславянский сохранил праиндоевропейское название языка, реконструируемое как *d(é)nǵʰ-uh₂, gen.sg. *dnǵʰ-ueh₂-s [Kroonen 2013: 527] на основании лит. *liežùvis*, прус. *insuwis*, гот. *tuggo*, др.-ирл. *tengae*, архаич. лат. *dingua* [de Vaan 2008: 343], лат. *lingua*, арм. *lezu*, санскр. *juhū́*, *jihvā́*, авест. *hizuuā*, тох. A *käntu*, тох. B *kantwo* (все со значением ‘язык (мышечный орган во рту)’).

История данного слова в отдельных ветвях исключительно богата на нерегулярные фонетические изменения. Начальное *l-* в литовском, латыни и армянском объясняется ассоциацией с глаголом ‘лизать’ (лит. *liẽžti*, лат. *lingō*, арм. *lizem*). То же самое произошло в случае рус. диал. *лязы́к* [СРНГ 17: 272]. В пракельтском начальное *t (вместо *d) – результат дистантной ассимиляции [Matasović 2009: 368]. В праиндоиранском, вероятно, произошла ассимиляция (*d–jʰ > *jʰ–jʰ), а затем в индоарийской и иранской ветвях – разная диссимиляция (*jʰ–jʰ > *j–jʰ в праиндоарийском и *jʰ–jʰ > *jʰ–j в праиранском). В части чакавских диалектов произошла метатеза *jazik* > *zajik* [ОЛА ФГ 2а/1]. В прабалтославянском языке по не вполне понятным причинам начальное *d- было утрачено: *dn̥ǵʰuh₂ > *inźū.

Имеются попытки вычленить в праиндоевропейском названии языка отдельные составляющие и заодно объяснить нестандартные фонетические соответствия между отдельными языками. О. Н. Трубачёв выделял предлог-приставку *en ‘в’ и корень *ǵʰeu̯- ‘звать’. Й. Хилмарссон во второй части слова видел *gʰū- ‘рыба’, а в первой результат редупликации (индоиранские языки), префикс *n̥ (балтославянские языки) или корень *dn̥t- ‘зуб’ (все остальные языки). В. Винтер выделял компоненты *n̥dʰ- ‘под’ и *ǵʰeAw- ‘нёбо’ [ESJS 5: 293].

Уже в праславянском на основу *ęzy был наращён суффикс *-k-, что было распространённым способом перевода из непродуктивных типов склонения в продуктивные. Так была получена позднепраславянская форма *ęzýkъ (а. п. *a*), к которой восходят формы современных языков. Аналогичные дериваты мы находим у существительных мужского рода на *-my: *ęčьmy ‘ячмень’ > *ęčьmykъ [ЭССЯ 6: 64], *kremy ‘кремень’ > *kremykъ [ЭССЯ 12: 123], *kamy ‘камень’ >

*kamykъ [ЭССЯ 9: 140], *polmy ‘пламя’ > *polmykъ, *remy ‘ремень’ > *remykъ.

Существуют и альтернативы вышеизложенной традиционной этимологии слова *ęzykъ. Так, В. Махек связывал праславянское название языка с *ǫzъkъ(jь) ‘узкий’, указывая на то, что по-чешски словом *jazyk* обозначаются узкие полоски кожи, ткани или земли [Machek 1968: 218–219]. Эта этимология боле чем проблематична в фонетическом (разница в вокализме первых двух слогов между *ęzykъ и *ǫzъkъ(jь)) и семантическом отношениях: то, что названия языка могут переноситься на различные вытянутые объекты, как правило, закреплённые только одной стороной (ср. рус. *язык колокола*, *язык пламени*, *язычок замка*, *язычок ботинка*, *язычок гобоя*), не значит, что обозначение языка можно выводить от слова ‘узкий’.

П. Я. Черных считал, что первичным в данном случае было не соматическое значение (мышечный орган во рту), а ‘речь’. Пытаясь произвести *ęzykъ от глагола *v-ęz-a-ti ‘вязать’, Черных постулировал этимологическое значение ‘то, что связывает людей, соединяет их в народ, в племя’ > ‘народ’, ‘племя’ [Черных 2: 467–468]. Данная точка зрения была отброшена в научной литературе, не в последнюю очередь потому, что такая история семантики типологически необычна, в отличие от широко представленного в языках мира перехода ‘язык (орган)’ > ‘язык (речь)’[1]. Значение ‘народ’ у континуантов *ęzykъ в некоторых славянских языках и вовсе является калькой с др.-греч. γλῶσσα и лат. *lingua*, которые, в свою очередь, калькируют ивр. לָשׁוֹן /lashon/ или арам. לשנא в переводах Библии [ESJS 5: 293]. Например, арам. נפלין כל עממיא אמיא ולשניא «пали все народы, племена и языки» (Дан. 3:7) > др.-греч. πίπτοντες πάντες οἱ λαοί, φυλαί, γλῶσσαι > ст.-сл. **падаѭще вѣси людие племена и ѧзъıци** (Паремейник Григоровича) [Gorazd]; лат. cadentes omnes populi et tribus et linguae > др.-чеш. padagycz wſſiczkny lidee a narodowee a yazici (Дрезденская Библия) [Kyas 5-1: 490].

[1] Показательно, что в тех языках, где разграничение проводится (полностью или частично), при помощи нового деривата или заимствования обозначается ‘язык (речь)’, в то время как старый термин продолжает означать ‘язык (орган)’, ср. укр. *язи́к – мо́ва*; бел. *язы́к – мо́ва*; лит. *liežùvis – kalbà*; англ. *tongue – language*; нем. *Zunge – Sprache*.

VI. ДЕСНА

VI.1. Праславянское название десны

VI.1.1. Реконструкция и этимология

Большинство славянских языков сохранило древнее обозначение десны, ср. формы литературных языков: схр. *dêsni* (pl. t.), слвн. *dlẹ̑sen*, чеш. *dáseň*, слвц. *ďasno*, в.-луж. *dźasna* (pl. t.), н.-луж. *źěsna* (pl. t.), пол. *dziąsło*, бел. *дзясна́*, укр. *я́сна* (pl. t.), рус. *десна́*.

Эти формы явно восходят к одному праславянскому слову, но значительно отличаются друг от друга в деталях, что получило отражение в разнобое реконструкций в научной литературе:

- *dęsna [Berneker 1924: 190; SEJDP 1: 140–141; Boryś 2005: 139; Boryś 2020: 13];
- *dęt-snь (-sna), *dęt-slo [Holub, Kopečný 1952: 96];
- *dęslo, *dęsna [Sławski 1: 191; Bezlaj 1: 104; ЕСУМ 6: 557]; *dęsla (pl.), *dęsny (pl.) [Bańkowski 1: 323];
- *dęsno, *dęsna, *dęslo [Machek 1968: 111; ЭССЯ 5: 26; Gluhak 1993: 192; Rejzek 2001: 122; Derksen 2008: 106; Ligorio 2022];
- *dęsna (f.), *dęsnь (f.) [SP 3: 98; Snoj 2016: 143; ERHJ 1: 158];
- *dęsna, *dęsno [Черных 1: 245; Шапошников 1: 219];
- *jasno, *jasna, *dęslo, *dǫslo, *dęsno, *dǫsna [Eckert 1979: 20–21];
- *dęsna ~ *dęsno, *dęslo ~ *dęsla [Orel 1: 315];
- *dęsno [Супрун 1989: 170; Králik 2015: 111];
- *dę̑sьni [Kapović 2015: 212].

Праславянское слово обладает консенсусной этимологией, связывающей его с праиндоевропейским названием зуба – *$h_1$donts и выделяющей суффикс *-sn-[1]. Есть и отброшенные гипотезы, например сопоставление с др.-греч. δέχομαι ‘принимаю, получаю’, гот. *tēkan* и другими подобными формами [Горяев 1896: 90]. По современным

[1] Только В. Махек видел здесь не суффикс, а сокращенное *moksna (тот же корень, что в *mošьna и его балтских родственниках) [Machek 1968: 111], что, конечно, является чистой фантазией.

представлениям, греческое слово восходит к п.-и.-е. *deḱ- [Beekes, van Beek 1: 320–321], а готское – к п.-и.-е. *teh$_2$g- (хоть и не без фонетических трудностей) [Kroonen 2013: 507].

Также была предложена связь с санскр. *dáśati* ‘кусает’ [Брандт 1889: 217; Bičovský 2: 148], которую уже Миклошич считал ошибочной [Miklosich 1886: 43]. Эта идея была реанимирована и скрещена с традиционной версией Э. Хэмпом, который реконструировал *denḱ-tlo-m, сопоставляемое с санскр. *dáṃṣṭraḥ* ‘клык’, и *(H$_e$)dn̥t-ni- (f.) от праиндоевропейского названия зуба. Первое, согласно гипотезе Хэмпа, дало *dęslo, а второе – *dęsnь [Hamp 1985]. Эта идея неудачна во всех отношениях: во-первых, *dęslo не может фонетически выводиться из *denḱtlom (в западнославянских языках, где группа *-tl- сохранялась очень хорошо, мы не находим никаких её следов в названиях десны), более того, в праславянском суффикс *-tlo был утрачен и вытеснен близким по форме и значению *-dlo; во-вторых, в своей лапидарной заметке Хэмп никак не пояснил, как два параллельных и фонетически близких обозначения десны могли продолжительное время сосуществовать в праславянском и не смешиваться; в-третьих, эта версия не объясняет значительной части славянского материала (см. ниже).

VI.1.2. Материал

Обозначение десны включено в вопросник «Общеславянского лингвистического атласа» (вопрос № 1393), однако, к сожалению, карта на основе собранных материалов не вошла ни в выпуск 2а фонетико-грамматической серии («Рефлексы *ę»), ни в выпуск 9 лексико-словообразовательной («Человек»). К счастью, белорусские данные были включены в комментарий к соответствующей карте ЛАБНГ, боснийские материалы ОЛА были полностью опубликованы в печатном виде, а доступ к словенским и русским материалам нам удалось получить благодаря помощи коллег.

VI.1.2.1. Старославянский

Интересующее нас слово отсутствует во всех основных словарях старославянского языка. Однако в одной из старославянских рукописей оно всё же имеется. Речь о Псалтыри Димитрия Синайского (Монастырь св. Екатерины, Cod. Sin. slav. 3/N, XI в.). В конце рукописи после собственно Псалтыри идет небольшой медицинский трактат, содержащий следующую фразу: **егда дѧсны гнѣѥтъ: то ѹѫврѣно коренъѥ съ тѣръ насыпаи** (л. 141bv) [PDS 1: 299; PDS 2: 484]. Здесь мы

видим nom.pl. от дѧсна (f.). Предполагается, что писец медицинского трактата происходил из Истрии, однако текст трактата содержит болгаризмы, указывающие на наличие болгарского протографа [PDS 1: 138], таким образом, сложно сказать, какую именно фонетическую ситуацию, древнеболгарскую или древнесербохорватскую, отражает форма дѧснъı. Мы полагаем, что, скорее всего, и ту, и другую.

VI.1.2.2. Болгаро-македонский ареал

В болгарском и македонском языках старое название десны было в значительной степени вытеснено инновационным *венéц*, однако в болгарских говорах известны формы *дéсни* (pl.) (Кюлевча, Смядово), *дъ́сни* (pl.) (Трынчовица) [ИДРБЕ 1: 382], *дъснь́*, *деснь́*, *дъ́сна* (f.) (Банат) [Стойков 1968: 76].

VI.1.2.3. Сербохорватско-словенский ареал

Для современного литературного сербохорватского характерна форма *dêsni* (f.pl.t.) [RHiSJ 2: 356; РСКНЈ 4: 238], однако старые словари (Вранчич, Делла Белла, Стулич) дают также вариант *-ā-склонения *dêsna* (f.) [RHiSJ 2: 355–356], что подтверждается также чакавскими диалектными данными: *dẽsna* (обычно в pl.) [Jurišić 2: 43], *dẽsne* (f. pl. t.) [Šimunović 2009: 180].

Наряду с этим в чакавских говорах представлены формы и среднего рода: *dę̃sna* (n. pl. t.) [Šimunović 2009: 180; Barbić 2011: 91], *dẽsna* (n. pl. t.) [Dulčić, Dulčić 1985: 432].

В двух чакавских памятниках (перевод Quaresimale in volgare Роберто Караччоло – Korizmenjak, 1508 г., Сень; перевод Bogoljubna razmišljanja svrhu muke Isuskrstove… Микеланджело Венецианца, XVII в.) отмечена форма *dlesna* (f.) [RHiSJ 2: 472].

В черногорских говорах засвидетельствована форма *dêšli*[2] (f. pl. t.) [RHiSJ 2: 360; РСКНЈ 4: 265].

Боснийские материалы ОЛА в значительной мере подтверждают эти данные. Наиболее распространена форма, аналогичная литературной, – *dè:sni* (пункты 38, 47, 48, 50, 60, 61), реже *dè:sne* (49 и 51), *dè:sna* (58) и *dè:šni* (59) [МВР 1–4].

---

[2] По-видимому, здесь мы имеем дело с переходом *sli* > *šli*, характерным для некоторых черногорских говоров (см. [Милетић 1940: 351]), таким образом предложенная Скоком параллель в виде *sliva* > *šljiva* (см. [Skok 1: 395]) не до конца корректна, поскольку в случае *šljiva* на *s* влияет палатальный *ĺ*, а не зубной *l*.

Литературному словенскому наряду с более распространенной формой *dlę̑sen* (f.) известны также *dlésna* и *dlésno* (все три слова обычно используются во множественном числе) [SSKJ]. Все эти формы присутствуют и в диалектных словарях: *dˀlè:sən* (f.), *gˈlè:sən* (f.) (устар., редк.) [Weiss 1998: 166, 230], *dlèsni* (f. pl.) [Novak 1996: 33], *lé:sne* (f. pl.) [TSVK 2: 171], *ˈliesna* (n.pl.) [Čujec Stres 1: 137], а также *glę̑sna* (пункт SLA 392), *dlę̑sna*; *dˈlẹ:sna*; *dˈlẹ:sna* (404) ‘нёбо’ [SLA 1/24].

Материалы ОЛА дополняют эти данные[3]: *dˈliẹ̯:sən* / *dˈliẹ̯:snu* (пункт 005), *dlé:sna* (009), *dę̑slå* (n. pl.) (011), *dlá̯isnə* / *dlá̯isne* (014), *dlé:sən* (016), *gˈliəŋ̯ca* (017), *gˈlɛ:sl̥* (m.) / *gˈlɛ:sl̥ni* (018)[4], *dli̯ę̑sna* (019), *dˈlẹ:sna* (pl.) (020), *gˈlẹ:snạ* (021), *dlę́:snə* // *lẹ́snə* (147), *u̯á:sni̯a* (148), *gˈlẹ:sna* (149).

VI.1.2.4. Чешско-словацкий ареал

В древнечешском находим преимущественно форму *dásně* (f.), реже *dáseň* (f.) и *dásno* (n.) [Synková 2017: 177]. В современном литературном чешском победила форма *dáseň*. В говорах можно также найти ходское (юго-западно-чешская подгруппа говоров) *dásno* (n.) [Hruška 1907: 20], славковско-бучовицкое (южно-центральноморавская подгруппа) *jásna* (n. pl. t.) [Gregor 1959: 70], мистршицкое *jásno* (восточноморавская подгруппа) [Malina 1946: 40], дольское (восточноморавская подгруппа) *dásna*, *dásňa*, *jásna*, *jásňa* (n. pl. t.) [Bělič 1954: 99, 116], опавское (западносилезская подгруппа) *dźisno* [Bartoš 1906: 75], френштатское (южносилезская подгруппа) *ďasno*, *jasno* [Horečka 1941: 87, 104], студенкское (переходное между западносилезскими и восточносилезскими говорами) *žisno* [Sochová 2001: 196].

В словацком литературном представлена форма *ďasno* (n.), в диалектах также *ďásno*, *džasno*, *ďaslo*, *džaslo*, *džaňslo*[5], *zásno*, *jasno*, *jejsno*, как правило во мн. ч., а также *jaselka* (pl.) [SSN 1: 295].

---

[3] За доступ к материалам ОЛА мы сердечно благодарим Йожицу Шкофиц из Института словенского языка Франа Рамовша.

[4] Эта необычная диалектная форма требует особого объяснения. Вероятно, второй *-l-* возник в результате дистантной ассимиляции *l–n* > *l–l*, возможно, только в части форм, например, там, где *-n* был слоговым (*gˈlɛ:sn̥* – *gˈlɛ:sni* > *gˈlɛ:sl̥* – *gˈlɛ:sni*), а затем *-l-* и *-n-* были совмещены в рамках одной парадигмы (*gˈlɛ:sl̥* – *gˈlɛ:sl̥ni*), аналогично имеющимся в словенском случаям *nagelj* ‘гвоздика’ – *nageljni* ‘гвоздики’, *datelj* ‘финик’ – *dateljni* ‘финики’ и *Francelj* – *Franceljna* (gen. sg.). С этим, видимо, также связана смена рода на мужской.

[5] Безусловный полонизм.

VI.1.2.5. Лужицкий ареал

В верхнелужицком литературном используется форма *dźasna* (pl.t.), в нижнелужицком – *źěsna* (pl.t.). Атласные данные позволяют добавить к ним также диалектные *źěsna*, *źěsnɔ*, *źɛsna*, *z'ěsna*, *z'ěsyna* / *z'ɛsyna*, *z'ąsna*, *z'ąsnɔ*, *ǯěsnɔ*, *ǯasna*, *dńąsna*, *ž̌asna*, *ąsna*, *ąsnɔ* [SSA 6/21]. ОЛА отмечает также в.-луж. диал. *z'ąsnɔ* 'нёбо' (пункт 237, Радибор) [ОЛА ЛС 9/21]. В словаре Муки имеется форма *źěsla* (в которой, правда, можно заподозрить полонизм), а у Хойнана *schießni* (в современной орфографии *źěsny*) [Schuster-Šewc 3: 193].

VI.1.2.6. Лехитский ареал

Древнепольский материал предоставляет в наше распоряжение формы *dąsna*, *dzyagną*, *daszna*, *dząsla*, *dzøøsla*, *dzøsla* [SStp 2: 44, 265]. В XVI в. фиксируются *dziąsna* (n. pl. t.) и *dziąsła* (n. pl. t.) [SPXVI 6: 329]. В современном литературном польском был кодифицирован вариант *dziąsło* (n.). Говорам известны формы как среднего рода – *dziąsło*, *dziąsło*, *dziosło*, *dzięsło*, *dziącło*, *wdziąsło*, *zdziąsło*, *ździąsło*, *dziąstwo*, *dziątsło*, *dziąsno*, *dziązgno*, *dziosno*, *wdziącno*, *ziąsło*, *ziąsno*, *dząsło*, *drząstwo*, *zdrząstwo*, *drzosło*, *dąsło*, *dąsno*, *dęsno*, *dącno*, *jąsło*, *jasło*, *jasno*, *gasło*, *związło* (n.) обычно во мн.ч., так и женского – *dziąsła*, *dziąsna*, *dąsła*, *dąsna*, *dąsnia* (f.) обычно во мн.ч. [SGP 21: 168–169; MAGP 7/302; AJŚ 4/619].

Такое разнообразие не может быть объяснено исключительно фонетически, в ряде случаев в игру вступал такой фактор, как народная этимология, например форма *związło* объясняется влиянием глагола *związać* 'связать'. В других случаях мы имеем дело с меной суффиксов, так объясняется форма *dziąstwo*, попавшая под влияние большой и продуктивной группы существительных на *-stwo*.

В полабском дёсны обозначались словом *ďǫ̀snə*, однако, к сожалению, невозможно установить, что это – f. sg. или n. pl. [SEJDP 1: 140–141].

VI.1.2.7. Восточнославянские языки

Фонетически древнерусское обозначение десны появляется в амбивалентной форме gen. pl. **дяснъ** в церковнославянском тексте Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха болгарского (кон. XII – нач. XIII в., ГИМ, Син. 108, л. 377) [СлРЯ XI–XVII 12: 57][6].

[6] В более позднем списке текста, вошедшем в Великие Четьи-Минеи, представлена форма gen. sg. f. *десны* [СлРЯ XI–XVII 12: 314].

Старобелорусским текстам известны формы *дясна* и *десна* [ГСБМ 8: 61–62]. В современном литературном белорусском десна обозначается как *дзяснá* (pl. *дзя́сны*). В подавляющем большинстве говоров мы находим то же, иногда с накоренным ударением – *дзя́сна*, очевидно по образцу множественного числа. Редки варианты среднего рода – *дзя́сно* (пункт ЛАБНГ 29А), *дзя́сна* (pl.; пункт 66А). В части говоров представлены формы с иным корневым вокализмом – *дзёсны* (pl.), *дзёсна* (pl.), *дзеснá* (f. sg.), *деснá* (f. sg.), *дзісна* (f. sg.). Наиболее часты они на севере Белоруссии, в Витебской области, а также в пограничье со Смоленской и Брянской областями [ЛАБНГ 3/53]. Как минимум часть этих форм объясняется перестройкой соотношения *дзяснá* : *дзя́сны* по образцу модели *вяснá* : *вёсны* с яканьем, ср. вторичный вокализм в случае русского *звездá* : *звёзды* вместо исконного *звездá* : *звéзды*.

Форма *дзяслы* (pl.) засвидетельствована лишь в нескольких населённых пунктах – ЛАБНГ 40, 42, 83 в пограничье со Смоленой областью и 23 в Минской области. Особняком стоит дериват *дзя́сліна* (23А) [ЛАБНГ 3/53].

Форма *я́сна* (pl.) концентрируется исключительно в Брестской области. Вариант *я́сны* (pl.) точечно представлен в Гродненской (пункт 49) и Витебской (15) областях. Брестскими говорами также ограничены формы *я́сла* (pl.) и *е́сла* (pl.). Вариант *я́слі* (pl.) помимо Брестской области (пункт 94а) также известен в одном пункте в Витебской области (13). Форма *я́лка* (sg.), *я́лкі* (pl.) записана только в Витебской области [ЛАБНГ 3/53].

В украинской письменности XVII в. засвидетельствована форма *дясъла*, однако следует учесть, что стоит она в высокой степени полонизированном тексте: «тело небожъчиковъское, барзо трутизною попсованое, и языкъ и губа поторгана, дясъла и поднебенъе все выпало» [СУМ XVI–XVII 9: 29].

Название дёсен в литературном украинском – *я́сна* (pl. t.). Ту же или близкую форму можно найти в части говоров: бойк. *я́сна* (pl.) [Онишкевич 2: 405], закарп. *jasnó* [Николаев, Толстая 2001: 96], *ясна́* (f.) [Сабадош 2008: 429]. Кроме того, есть полесский и волынский вариант *я́сла* (pl.) [Аркушин 2: 289; Корзонюк 1987: 267], а также гуцул. *diasno* и *giesn'o* [Janów 2001: 42].

В старорусских текстах известны как *дяснá* (f.), так и *дяснó* (n.), обычно во мн. ч. [Зализняк 2019: 206, 519].

В современном литературном русском победила форма женского рода, но средний род мы находим в севернорусских говорах – *деснó*

[ЯОС 3: 131], с фонетическими вариантами – *дёсно*, *дéсно* [АОС 11: 105], *дёзно* (n.) [АОС 10: 425]. Есть вариант и со *-сл-*, представленный в целом ряде говоров (пункты ОЛА 525, 534, 537, 554, 555, 568, 569, 583, 609, 629, 634, 637, 675, 677, 694, 696, 697, 728, 731, 747, 759–761, 771, 772, 774)[7], что подтверждается также диалектными словарями – *дёслó* [АОС 11: 105].

В некоторых случаях отклонение от праформы ещё существеннее: ряз. *десьмá* (f.) [ДС 1969: 141], арх. *дéсмы* (pl.) ‘вставная челюсть’ [АОС 11: 105], дон. *дысьня́* [БТСДК 2003: 145], *дúсни* (pl.) [СРНГ 8: 67], тул. *тúсьни*, *тúськи* (pl.) [СРНГ 44: 137], волог. *тёсна* (ОЛА 619, Коростелево), смол. *тисна́* (ОЛА 762, Синюково). Формы с *-м-* объясняют диссимиляцией *d–n* > *d–m* [SP 3: 98], что можно сопоставить со случаями дистантной ассимиляции в словенском: *plésmo* ‘подъём ноги; большая берцовая кость’, *pę̑sem* ‘песня; стихотворение’, *prę̑smec* ‘пасхальный кулич; хлеб из недрожжевого теста’ [Саенко 2022а: 217]. Однако нельзя исключать и народно-этимологического влияния слова *тесьма* (некоторые разновидности тесьмы с зубчатым краем могут напоминать десну формой, а красная тесьма ещё и цветом). В случае начального *т-* следует видеть влияние глаголов *тиснуть*, *тискать* (в пользу этого особо говорит форма *тúськи*).

Варианты с начальным [й-] представлены в нескольких пунктах ОЛА (590, 591, 713, 726а, 727, 738, 792). То же мы находим в диалектных словарях: волог. *я́сно* (n.) [СВГ 12: 138], яросл. *ёсны*, *я́сны* (pl.) [ЯОС 4: 37].

Сведём собранный материал в таблицу (см. табл. 10).

Далее попробуем выяснить, действительно ли все эти формы можно восстанавливать для праславянского языка или же некоторые из них следует признать вторичными.

VI.1.3. *dęsno vs. *dęslo

В нескольких ареалах представлены обозначения десны с *-l-*. Формы, потенциально восходящие к *dęslo, доминируют в польском ареале и в меньшей степени встречаются в диалектах соседних языков (см. выше). В словенской Рибнице записана форма *dę̑slå*. В черногорских говорах имеется *dêšli*.

---

[7] Автор благодарит А. Г. Исраеляна за предоставления доступа к русским материалам ОЛА.

Таблица 10

Праформы, к которым можно возвести обозначения десны в отдельных славянских языках

	*dęsna	*dęsno	*dęsnь	*dęslo	*dęslь
ст.-сл.	+				
болг.	+				
схр.	+	+	+		+
слвн.	+	+	+		
др.-чеш.		+	+		
чеш.		+	+		
слвц.		+		+	
в.-луж.		+			
н.-луж.	+	+		+ (?)	
пол.	+	+		+	
полаб.	?	?			
др.-рус.	?	?			
бел.	+	+		+	
укр.		+		+	
рус.	+	+		+	

Существуют два взгляда на происхождение этого *-l-*: по мнению одних учёных, это результат диссимиляции *n–n* > *n–l* [GJP 1923: 196; SP 3: 99; Boryś 2005: 139; Derksen 2008: 107; Аникин 13: 67], по мнению других, *dęsno и *dęslo – это параллельные дериваты с разными суффиксами [Sławski 1: 191–192; ЭССЯ 5: 26–27; Черных 1: 245; Schuster-Šewc 3: 193–194; Bańkowski 1: 323].

Отдельно следует упомянуть о взглядах Р. Эккерта, который видел в параллелизме *-sn- ~ *-sl- следы праиндоевропейской гетероклизы [Eckert 1979: 21], что, конечно, маловероятно в силу того, что единственной надёжно реконструируемой праиндоевропейской и праславянской основой с гетероклизой *-l-/ *-n- было слово *sъlnьko ‘солнце’ [Саенко 2019б].

Что важно, формант *-slo встречается обычно в составе отглагольных nomina instrumenti (*čersti (*čьrtǫ) > *čerslo ‘лемех’, *powersti (*powьrzǫ) > *powerslo ‘перевясло’; *pręsti (*prędǫ) > *pręslo ‘пряс-

ло’; *westi (*wedǫ) > *weslo ‘весло’ [SP 1: 103–104], реже отглагольных же nomina acti (*čisti (*čьtǫ) > *čislo, *mazati > *maslo ‘масло’)[8]. То же можно сказать и о более редком *-slь: *ěsti (*ěmь) > *ěsli ‘ясли’, *gǫsti > *gǫsli ‘гусли’, *muHd^{h}- > *myslь ‘мысль’ [SP 1: 106].

Единственный праславянский соматизм с формантом *-slo – это *čersla, однако и оно, по всей вероятности, является отглагольным nomen acti [SP 2: 163]. Поскольку обозначение десны этим критериям не соответствует (это не девербатив, не nomen instrumenti, не nomen acti), то следует признать версию о древнем суффиксе *-sl- несостоятельной, что, правда, не исключает возможности позднего (в эпоху, когда *-slo и *-slь уже не были продуктивными формантами и их функция затерлась) влияния на *dęsno и *dęsnь со стороны существительных на *-sl-*.

При этом кажется неслучайным, что формы на *-sl-* наиболее распространены именно там, где носовые сохранились по сей день, то есть в польском ареале[9]. Это заставляет отдать предпочтение фонетической гипотезе и видеть в потенциальных континуантах *dęslo скорее результат диссимиляции, чем что-либо иное.

VI.1.4. Словенское *dl-*

Начальное *dl-* в словенском пытались объяснить как результат действия народной этимологии – влияния глагола *dlę́sniti* ‘щелкнуть’ [Berneker 1924: 190], вставку *-l-* во избежание омонимии со словом *dȅsnī* ‘правый’ [Skok 1: 395], смешение дублетов *dęslo и *dęsna [Bezlaj 1: 104] – и как плод древней регрессивной диссимиляции носовых с последующей метатезой плавного: *dęsna > *delsna > *dlěsna [SP 3: 99].

Идею Скока следует отбросить: дифференциация омонимов обычно осуществляется иначе, чем вставкой произвольного звука в случайное место слова. Объяснение Безлая немногим лучше: непонятно, почему при смешении *dęslo и *dęsna звук *-l-* должен был проникнуть именно в начало слова.

---

[8] Если обратиться к литовскому, то видно, что и в нём формант *-slas* образует как nomina instrumenti: *kir̃sti* ‘резать’ > *ker̃slas* ‘ланцет’; *spę́sti* ‘ставить силки’ > *spą́slai* ‘силки’; *žaĩsti* / *žáisti* ‘играть’ > *žaĩslas* / *žáislas* ‘игрушка’, так и nomina acti: *krìsti* ‘падать’ > *krìslas* ‘соринка’; *mókti ‘учить’ > *mókslas* ‘наука’; *rùkti* ‘морщиться’ > *rùkšlas* ‘морщина’ [Otrębski 2: 108].

[9] Стоит также вспомнить, что в польском группа -nCn- подверглась диссимиляции, хоть и иного вида, в случае числительных *piętnaście* и *dziewiętnaście*, произносящихся как *pietnaście* и *dziewietnaście*.

Гипотеза Бернекера тоже далека от идеала, поскольку ничего специфически щелкающего в деснах нет. Однако, как известно, народная этимология далеко не всегда логична, иногда для взаимовлияния слов хватает лишь их частичного фонетического и семантического сходства, см. раздел VII.4.1. В случае десны следует помнить о вышеупомянутом рус. диал. *ти́сьни*, *ти́ськи*, попавшем под влияние *тиснуть*, *тискать*. В связи с этим кажется, что идея Бернекера всё же предпочтительнее предположений Скока и Безлая.

Чисто фонетическое объяснение – регрессивная диссимиляция носовых с последующей метатезой плавного (*dęsna > *delsna > *dlěsna) – на первый взгляд кажется заманчивым. Случаи сравнительно древних диссимиляций согласных нам известны, см. раздел XIII.1.3. Но форма *dlěsnaʹ должна была бы дать в литературном словенском *dlę́sna, ср. другие существительные с оттяжкой наконечного ударения на корневой ять: *bědȁ > *bę́da* ‘бедность’, *cěnȁ > *cę́na* ‘цена’, *děžȁ > *dę́ža* ‘кадка’, *gwězdȁ > *zvę́zda* ‘звезда’, *lěxȁ > *lę́ha* ‘узкое поле’, *mězgȁ > *mę́zga* ‘варенье’, *rěkȁ > *rę́ka* ‘река’, *serdȁ > *srę́da* / *srę̂da* ‘середина, среда’, *stěnȁ > *stę́na* ‘стена’, *swěťȁ > *svę́ča* ‘свеча’. В отличие от ятя звук *ę имеет двойную рефлексацию: *ę* под исконным ударением и *e* в результате оттяжки. Приведём несколько примеров: *mę́ta > *mę̂ta* ‘мята’, *prisę́ga > *prisę̂ga* ‘клятва’, *sъrę́ťa > *srę́ča* ‘счастье’, *prę́ďa > *prę̄ja* ‘пряжа’, но *grędȁ > *gréda* ‘грядка’, *pętȁ > *péta* ‘пятка’. Форма *dlésna*, таким образом, может восходить только к *dęsnȁ, но не *delsnȁ. В свою очередь, в *-i-основе *dlę̂sen* оттяжки ударения не происходило, и мы находим в корне закрытый *ę*.

Диалектные данные материалов ОЛА (см. выше) соответствуют ситуации в литературном языке и могут быть возведены к *dęsna, *dęsno или *dęsnь. Единственным исключением является *dlą́i̯snə* / *dlą́i̯sne* (пункт ОЛА 014, Рибница), поскольку в данном говоре *ai̯* может восходить только к *ě, но не к *ę. Но одно лишь это свидетельство вряд ли может говорить в пользу реконструкции *delsna.

VI.1.5. *dęsna vs. *dęsnь

Как мы видим из материала, *-i-формы характерны только для сербохорватско-словенского и чешского ареалов, причём и там, и там они встречаются наряду с другими формами. Мы полагаем, что нет основания реконструировать форму *dęsnь для праславянского вопреки мнению ряда ученых [Holub, Kopečný 1952: 96; SP 3: 98; Snoj 2016: 143; ERHJ 1: 158].

На вторичность *-i-основности чешского *dáseň* указывает его вокализм. Праславянский *ę давал в чешском *ä*, который затем изменялся в зависимости от последующего согласного: в *-ě-* перед мягким согласным и *k*, но в *-a-* перед твердым согласным (ср. *pętь > *pět* ‘пять’, но *pętъjь > *pátý* ‘пятый’, *sъčęstьje > *štěstí* ‘счастье’, но *sъčęstьnъjь > *šťastný* ‘счастливый’, *swętiti > *světit* ‘освящать’, но *swętъjь > *svatý* ‘святой’[10]). Если бы чешское название десны действительно восходило к *dęsnь, мы бы ожидали в корне *-ě-*, ср. *dętelъ > *datel* ‘дятел’ (со стандартным отвердением C’eC > CeC, аналогично в *pętero > *patero* ‘пятеро’ [Bauer et al. 1986: 60]), но *dętelь > др.-чеш. *dětel* ‘клевер’ [SP 3: 103] (о современном литературном чешском *jetel* ‘клевер’ см. ниже), *węzьnь > *vězeň* ‘заключенный, узник’[11]. Реально обнаруживаемое *-á-* в *dáseň* скорее указывает на праформу *dęsna, где перед твердым согласным *ę совершенно закономерно дал *-a-*.

Переход из *-ā-склонения в *-i-склонение встречается не очень часто, но можно вспомнить, например, случай праславянского *selzena ‘селезенка’, отдельные потомки которого в болгарских, македонских, словенских, словацких, украинских и русских говорах будто бы восходят к *selzenь, что при тщательном рассмотрении оказывается результатом вторичных процессов (см. раздел XVI).

В случае *dęsna / *dęsnь можно обратить внимание на то, что дериватов на *-sn- в праславянском было не очень много, и большинство из них – это слова с формантом *-snь: *basnь, *pěsnь, *plěsnь, *wasnь [SP 1: 118]. Вероятно, в части славянских языков слово *dęsna сменило тип склонения именно под влиянием этой группы слов, как предполагал уже Э. Швицер [Schwyzer 1930: 259].

Следует также помнить о нескольких не связанных между собой случаях перехода обозначения десны в *-jā-склонение (слвн. диал. *ꙋá:sn̥ia*, пол. диал. *dąsnia*, рус. диал. *дысьня́*), вероятно, осуществившегося под влиянием многочисленной группы дериватов на *-ńa.

---

[10] В древнечешском в результате этого процесса чередования были представлены и в рамках одной глагольной парадигмы: *sáhnúti – sáhnu* : *siehneš*, *táhnúti – táhnu* : *tiehneš* (ср. [Bauer et al 1986: 219]), что впоследствии было устранено в результате аналогического выравнивания.

[11] Менее показательно чешское *děhel* ‘дудник’, родственное польскому *dzięgiel* ‘id’ и русскому *дягиль*, в связи со сложностями реконструкции праформы, ср. [ЭССЯ 5: 25; SP 3: 97–98].

VI.1.6. *dęsna vs. *dęsno

Как было показано выше, формы как женского, так и среднего рода представлены во всех трёх ветвях славянских языков и теоретически могут быть признаны праславянскими. Но следует всё же подчеркнуть, что формы женского рода более распространены и представлены в отдельных идиомах шире, чем формы среднего рода.

Праславянскому известны другие образования и женского, и среднего родов с суффиксом *-sn-[12]: *loų̯ksneh$_2$ > *luna ‘луна’, *leg^h- ‘лежать’ > *loksno > *lono ‘лоно’[13]. Таким образом, сам по себе суффикс допускает обе реконструкции, как *dęsna, так и *dęsno.

Остроумное решение было предложено Э. Швицером, который видел в *dęsna субстантивированное прилагательное, изначально согласованное со словом *plъtь женского рода [Schwyzer 1930: 259], таким образом, первоначальным значением сочетания *dęsna plъtь было бы ‘зубная плоть’. Хотя это достаточно вероятный сценарий, в качестве возражения можно указать на то, что есть слова и среднего рода, с которыми потенциально могла бы быть согласована форма *dęsno, например, *nebo ‘нёбо’[14]. То есть и так мы не можем получить ответа на вопрос, какая форма первична.

---

[12] В праславянском это сравнительно редкий суффикс. В литовском он значительно более продуктивен: *skuřsti* (основа – *skuřd-*) ‘нуждаться’ > *skuřsnas* ‘бедный’; *vìlgti* ‘влажнеть’ > *vìlgšnas* ‘влажный’; *šeřkšnas* ‘иней; седоватый’; *žeřgti* ‘расставлять ноги’ > диал. *žirgsnà* ‘быстрая ходьба мелкими шажками’; *džiū́ti* ‘сохнуть’ > *džiūsnà* ‘худой человек’ (пейор.); *rẽkti* ‘кричать, плакать’ > диал. *rėksnà* ‘крик, плач’; *veřkti* ‘плакать’ > диал. *vérkšna* ‘плакса’; *liepsnà* ‘пламя’; *lū́žti* ‘ломаться’ > *lūšnà* ‘хибара’; *plìkti* ‘лысеть’ > *plìksnos* (pl.) ‘выжженные солнцем луга’; *vìnkšna* ‘вяз’; *válkšna* ‘тоня (одна закидка невода)’ при *vaĩksmas* ‘id’ [Otrębski 2: 169].

[13] Согласно традиционной этимологии сюда же относится слово *plesno, но мы склонны полагать, что это дериват от *pleso [Саенко 2022a: 225–226], что ставит под сомнение обоснованность выделения в нём суффикса *-sn-. Под вопросом остается слово *krosno, которое, согласно традиционной этимологии, членится как *kros-no, но есть и альтернативные версии, выделяющие суффикс *-sn- и связывающие его с различными основами – *krop-, *krod-, *(s)ker-, *krob-, *krot- [ЭССЯ 13: 15–17].

[14] Ещё один возможный, но менее вероятный вариант – *męso ‘мясо’. В его пользу говорит типология – нем. *Zahnfleisch* ‘десна’ (дословно – ‘зубное мясо’), тур. *diş eti* ‘id’, схр. *zubno meso* ‘id’, однако, если мы говорим о праславянском состоянии, то именно *plъtь обозначало живую плоть, в то время как *męso обозначало главным образом мышцы животных, употребляемые в пищу, см. раздел II.

Славянские соматизмы предоставляют в наше распоряжение целый ряд примеров смены рода как со среднего на женский, так и наоборот. Назовем несколько случаев дрейфа n. > f.:

а) праслав. *plesno ʻподъём, верх стопы’ > болг. диал. *плéсна* ʻстопа’, схр. диал. *plesna*, *plosna* ʻподошва’, пол. диал. *płośna* ʻстопа человека’, *plosnia* ʻверх стопы человека’, *plosna* ʻнога человека; верх стопы человека’, бел., рус. *плюснá* [Саенко 2022а: 212–224];

б) праслав. *koryto ‘копыто’ перешло в женский род в части сербохорватских говоров; формы женского рода имеются также в словенских, болгарских, польских и русских говорах [ОЛА ФГ 5/44][15];

в) праслав. *pľuťa (n. pl.) ‘лёгкие’ > чеш. *plíce* (f.);

г) праслав. *čelo ‘лоб’ > *čela* в трёх словенских ареалах (обширный центральный ареал занимает форма *čel*) [SLA 1/11];

д) праслав. *ormo ‘плечо’ > слвн. литер. *ráma*, также в большинстве диалектов [SLA 1/29];

е) праслав. *tělo ‘тело’ > рус. диал. *тель* (f.) ‘тело человека’ [СРНГ 44: 15][16].

Перечислим несколько случаев смены рода с женского на средний:

а) праслав. *bedra ‘боковая поверхность таза’ > болг., мак., рус., укр. *бедрó*, бел. *бядрó*, луж. *bjedro*, пол. *biodro*, слвн., слвц., схр. *bedro*, чеш. *bedra* (n. pl. t.) [Саенко, Szeptyński 2022];

б) праслав. *selzena ‘селезенка’ сменило род на средний в отдельных словенских, сербохорватских, чешских, польских говорах и одном русском, см. раздел XVI ниже;

в) праслав. *bry ‘бровь’ > бел. *брывó*;

г) праслав. *pьrsi ‘грудь’ (f. pl. t.) > слвн. диал. *prsa* (n. pl.) [SLA 1/125], хорв. диал. *prsa* (n. pl.), чеш. *prsa* (n. pl.) [Саенко 2022а: 65, 70];

д) праслав. *golěnь ‘передняя часть голени’ > слвн. *goleno* (XVI в.), слвн. диал. *gọˈlięno* ʻбольшеберцовая кость’, схр. устар. *goljeno*, др.-чеш. *holeno* [Саенко 2022а: 155].

Два распространённых фактора смены рода – наличие амбивалентных форм и влияние названий близких частей тела. Так, nom.-acc. du. *bedrě и *plesně могли быть поняты и как формы женского, и как

[15] Значительно шире распространён переход этого слова в мужской род – почти во всех белорусских говорах, значительной части украинских, некоторых русских и польских. Встречается также в части словенских говоров.

[16] Контекст «Что у него за тель такая: кости да кожа» не позволяет быть до конца уверенным, что речь идёт обо всём теле целиком.

формы среднего рода. Кроме того, переход потомков *bedra и *golěnь в средний род может также быть объяснён влиянием *stegno в первом случае и *koleno во втором.

Естественно было бы предположить, что для континуантов *dęsn- переход из одного рода в другой может быть как раз связан с амбивалентностью формы nom.-acc.du. *dęsně, что было предложено уже А. Вайаном [Vaillant 2: 168–169]. Но, как показывают старославянские тексты, далеко не для всех обозначений парных частей тела было характерно употребление в двойственном числе. Как правило, в дуалисе мы находим названия конечностей и их частей (ржка, плеще, рамо, лакъть, нога, стегно, колѣно, голѣнь, плесно), парных частей лица (око, вѣжда, вѣко, оухо, челюсть, ланита, кротафъ), а также органов (исто, съсьць). Однако некоторые существительные, которые мы бы ожидали видеть только в двойственном числе (если речь о частях тела одного человека), на самом деле демонстрируют колебания между дуалисом и множественным числом (оустьна) или даже употребляются преимущественно во множественном числе (стопа). Особо следует оговорить наличие pluralia tantum, обозначающих парные объекты – ноздри, прьси, плюща, лядвиѭ, чрѣсла. Напомним, что единственный старославянский пример на интересующее нас слово стоит как раз во множественном числе – дѧснъı, таким образом, у нас в целом нет уверенности, что для данного слова было характерно употребление в двойственном числе.

Отметим также, что в тех языках и говорах, где мы находим форму среднего рода, это чаще всего pluralia tantum. Это наводит на мысль о переосмыслении формы *dęsna (f. sg.) как *dęsna (n. pl.) в этих идиомах. Именно так это трактует ряд ученых [SP 3: 98; Boryś 2005: 139].

Эта возможность кажется весьма правдоподобной, но при этом следует учитывать, что, вероятно, мог действовать ещё один фактор, а именно влияние со стороны plurale tantum среднего рода *usta.

Таким образом, смена рода с *dęsna (f.) на *dęsno (n.) объясняется довольно легко. Потенциальный обратный процесс (если считать форму среднего рода исконной), как кажется, обосновать несколько сложнее.

VI.1.7. Формы с начальным *j-*

В целом ряде западно- и восточнославянских говоров мы находим обозначения десны, начинающиеся на *j-*. Часть из них может быть объяснена фонетически. В том же дольском моравском говоре, в кото-

ром были записаны формы *jásna*, *jásňa*, есть и другие примеры перехода *d’ > j*: *jetel* ‘клевер’[17], *svajba* ‘свадьба’ [Bělič 1954: 99]. В чешском диалектном и ономастическом материале можно встретить и другие подобные случаи [Gebauer 1: 406]. Словацкие говоры знают не только формы *jasno*, *jejsno*, *jaselka*, но и *jatel* ‘дятел’ (при литературном *ďatel*), *jatelina* ‘клевер’ (при литературном *ďatelina*) [SSN 1: 296].

Однако польскому подобное явление, кажется, неизвестно. В польском, где звук *d’* очень рано перешел в *dź*, в целом очень сложно себе представить переход аффрикаты *dź* в аппроксимант *j*.

В восточнославянских языках *й-* вместо *д’-* известно в некоторых словах, в первую очередь в обозначении дятла в одном белорусском (ОЛА 362) и многих украинских говорах (415, 416, 422, 423, 426, 433–436, 440, 456, 458, 462, 463, 474, 479, 480, 500, 502, 507, 509, 524, 843, 847) [ОЛА ЛС 1: 150–151]. Однако ареал этого явления не совпадает с ареалом начального *й-* в обозначениях десны. В украинских говорах чрезвычайно широко распространена форма *сва́йба* ‘свадьба’, но следует учесть, что наряду с этим имеется и *сва́льба* [АУМ 1/114, 2/362, 3/13]. А. Ф. Журавлёв связывает с ослаблением смычки у *д’* также рус. диал. (у Даля с пометой «вост.») *яглая земля* ‘тучная, черная почва, чернозем’[18] при псков., сев. *дя́глый* ‘сильный, здоровый, крепкий; здоровый, дородный; работящий’, рус. диал. *ербалы́знуть*, *ерболы́знуть*, *ербулы́знуть* ‘сильно ударить; выпить водки’ при *дербалы́знуть*, *дербулы́знуть* ‘сильно ударить; упасть; поесть, пожрать’ и *епутат*, *ипутап* ‘депутат’ и недиалектные аллегровые формы *блю́ечко*, *ху́енькая* [Журавлёв 2016: 311–312]. Сюда можно добавить волог. *е́гель* ‘дягиль’ и яросл. *ягиль* ‘id’ [Аникин 15: 249].

Однако у нас нет уверенности, что все эти явления объясняются одинаково. Часть из этих единичных форм может оказаться ошибками записи, вызванными быстрым или небрежным произношением. Так, в диалектном материале мы сталкиваемся и с обратной меной *й* на *д’*, например, симб. *дерепе́ниться* ‘сердиться’ из *ерепениться* [Аникин 13: 239], карел. *дес* ‘бревенчатый настил для въезда на сарай’ из *езд* ‘id’ или, возможно, *тес* [Аникин 13: 263]. В каких-то случаях бесспорно влияние народной этимологии или шуточного искажения слов, например, арх. *ебалы́знуть* ‘быстро и много выпить спиртного’ [Аникин 15:

[17] Отметим, однако, что обозначения клевера с начальным *j-* (при др.-чеш. *dětel*) характерны также для литературного чешского (*jetel*) и большинства говоров [ОЛА ЛС 4/80].

[18] Сюда же, видимо, яросл. *я́глый* ‘умелый, сноровистый, ловкий’ [ЯОС 10: 91].

229] или волог. *ебутáт* [Аникин 15: 233]. Часть форм имеет альтернативное объяснение, как, например, *яглый* [Аникин 15: 217–218]. Наконец, укажем на то, что в русских диалектах можно найти и другие нестандартные соответствия, которые уж точно ослаблением смычки или иным фонетическим процессом объяснить не получится, например, *в' – й*, ср. *éдьма* ‘ведьма’ [СРНГ 8: 325], *ёрша* ‘рыболовный снаряд из прутьев’ при *верша* [Аникин 6: 351], *екшáрь*, *ешкáрь* ‘гриб-подосиновик’ при *вешкáрь* [Аникин 15: 301], *ертебище* ‘округлая впадина, образующая изгиб берега’ при *вертебище*, *ертей* ‘речка с болотистыми мшистыми берегами’ при *вертéй* [Аникин 16: 43], *ёх* ‘водяное растение’ при *вёх*, *éхалка* ‘пук соломы’ при *вех* [Аникин 16: 81].

Конечно, данные явления нуждаются в более тщательном изучении, однако мы полагаем, что как минимум для части славянских форм нельзя с уверенностью говорить об «утрате смычки» в названиях десны. По нашему мнению, более правдоподобно объяснение через народную этимологию. В пользу этого решения говорит наличие целого ряда потомков *dęsna, подвергшихся влиянию народной этимологии (см. выше).

Что касается начального *j-*, ранее уже были предложены две версии – влияние континуантов *ęzykъ ‘язык’ [Шахматов 1915: 110] и глагола *ěsti [Черных 1: 245]. Конечно, если мы говорим о народной этимологии, сложно определить, какой из этих вариантов более вероятен, но всё же кажется, что слово *язык* предпочтительнее как фонетически, так и семантически.

VI.1.8. Проблема русского вокализма

Большинство славянских форм указывает на *-ę- в корне праславянского слова[19], отклонения мы находим только в русском и некоторых белорусских говорах. Как уже было сказано выше, литературный белорусский сохраняет исконное положение дел, *дзясна́* : *дзя́сны*, которое в части говоров было перестроено в *дзясна́* : *дзёсны* по образцу модели *вясна́* : *вёсны* с яканьем.

Однако для севернорусских говоров, где яканья нет, такое объяснение явно не подходит, вопреки мнению некоторых ученых [Брандт

[19] Старая гипотеза Микколы предполагает в формах с *-ę- носовой инфикс [Mikkola 1898: 303], что автоматически означало бы бóльшую древность именно русского вокализма. Однако это противоречит консенсусной этимологии слова *dęsna, связывающей его с праиндоевропейским названием зуба.

1889: 217; Шахматов 1915: 110; Kiparsky 1: 143]. Альтернативная гипотеза предполагает здесь отражение на письме еканья, как и в случае слов *ресница* вместо *рясница*, *тетива* вместо *тятива*, *ястреб* вместо *ястряб* [Булаховский 1958: 106–107; ИГРЯ 2020: 19][20], что кажется значительно более правдоподобным сценарием, если учесть широкую распространенность перехода *а* > *э* после мягких согласных в предударных слогах в севернорусских говорах (произношение *грядá* как *гредá*) [ДАРЯ 1/7].

VI.2. Инновационные названия десны

VI.2.1. Метонимические обозначения

Не удивительно, что часто новые обозначения десны связаны с зубами. Сюда относятся рус. брянск. *зубúща* ‘дёсны’ [СРНГ 11: 360], арх. *назýбица* [СРНГ 19: 290], слвн. диал. ˈ*zabərni* (ОЛА 003), ˈ*za:bərna*; ˈ*za:bərn̥* (ОЛА 004) [Материалы ОЛА]. В русских говорах представлен метонимический перенос, в результате которого слово *клыкú* приобрело значение ‘корни зубов’ и ‘дёсны’ [СГРС 5: 181; СРГК 2: 373]. Укр. бойк. *черін’а* демонстрирует дрейф ‘коренные зубы’ > ‘десны’ [Онишкевич 2: 367].

Во многих македонских говорах слово *непце* (с фонетическим вариантом *немце*) пережило дрейф ‘нёбо’ > ‘десна’ [Дрвошанов 2005: 47].

Македонское диалектное *вилици* (pl.) [Дрвошанов 2005: 47] демонстрирует сдвиг ‘челюсть’ > ‘дёсны’.

Рус. диал. *лáлок*, *лáлка*, *лáлока*, *лалáкá* ‘десна’ [СРНГ 16: 252], *лáлока*, *лáлыка* [МСРСГП 1963: 142], ˈ*łałык’i* (ОЛА 526), ˈ*łałəka* (527), *łaˈłak* (552), ˈ*łałak’i* (563), ˈ*łałak* (567), *łałaˈka* (584), *łaˈłak’i* (589), ˈ*łałək’i* (628, 631, 655, 674), *łaˈłoka* (635), ˈ*łałəkə* (651) [Материалы ОЛА], псков. (1607 г.) *лалоки* ‘дёсны’ [СлРЯ XI–XVII 8: 168], вероятно, является переносом названия с какой-то другой части тела. Ср. чеш. ц.-слав. **лалока** ‘мягкое нёбо, рот’ [Gorazd], рус. ц.-слав. **лалока** ‘глотка’ [СДЯ 4: 388], ‘нёбо, глотка; нижняя челюсть’ [СлРЯ XI–XVII 8: 167–168], схр. *làloke* ‘губы животного’, слвн. устар. *lálok* ‘подгрудок’, *láloka* ‘челюсть; нижняя часть льномялки’, *laloki* ~ *laloke* ‘рот’, *laloke* ‘колышки на колесе мельницы’ [Pleteršnik 1: 498], чеш. *lalok* ‘подгрудок, второй подбородок; доля внутреннего органа’, *lalůček* ‘мочка уха’ и др.

[20] Ещё один приведённый Булаховским пример, *ветчина* якобы вместо *вядчина*, основывается на неверной этимологии, связывающей это слово с *вялить*, а не с *ветхий*, см. [Аникин 7: 64–65].

Ф. Славский восстанавливал для праславянского *lälokъ / *läloka значения ‘мясистый лоскут, отросток, нарост; обвисшая кожа подгрудка; глотка; нечто торчащее, подбородок, челюсть, десна’ (‘mięsisty płat, wyrostek, narośl; obwisła skóra podgardla; gardziel; coś wystającego, podbródek, szczęka, dziąsło’) [Sławski 4: 448]. М. Фурлан считает, что слово *lălokъ обозначало ротовую полость, а первоначально относилось к языку [Furlan 2010]. Л. Кралик предлагает следующую схему: *lalokъ ‘то, что глотает; глотка’ > ‘шея, горло’ > ‘отросток кожи (на шее, например, у скота)’ > ‘подгрудок’ (‘čo hltá; hltan’ > ‘krk, hrdlo’ > ‘kožný výrastok (na krku, napr. u dobytka)’ > ‘lalok’) [Králik 2015: 317].

В русских говорах это слово также представлено (во мн. ч.) в значениях ‘скулы, челюсти, щёки’, кроме того имеются такие слова, как *ла́лы* (pl.) ‘нижняя челюсть’, *ла́ланка* ‘беззубая челюсть’, *лала* ‘оскомина у лошади’, *ла́лька* ‘нёбо’ [СРНГ 16: 251–252].

По-видимому, в силу своей этимологической непрозрачности для наивного носителя слово *лалоки* в русских говорах нередко претерпевало искажения фонетического облика: *лавла́ки* ‘дёсны; челюсть’ [СРНГ 16: 221], *ла́даки* ‘дёсны’ [СРНГ 16: 228], *ла́ла́ки*, *ла́ваки*, *лу́лаки* ‘дёсны; бугорки альвеол; корни зубов’ [СРГК 3: 92], *а́лака́*, *а́лока*, *алако́* ‘десна; нёбо’ [СРНГ 1: 229; АОС 1: 66; СПнГ 2019: 57], *а́влако* ‘десна’ [СРНГ 1: 198], *ˈjałk’i* (ОЛА 713), *ˈjałka* (726а), *ˈjawka* (727) [Материалы ОЛА]. То же в случае бел. диал. *я́лкі* [Касьпяровіч 2011: 361]. Мы полагаем, что в этот ряд хорошо укладывается также форма *вя́лки* ‘дёсны’ [СРНГ 6: 78], которая могла подвергнуться народно-этимологическому влиянию слова *вал* ‘каток’, однако вряд ли является его дериватом, вопреки А. Е. Аникину [Аникин 9: 250].

Множество вторичных нестандартных изменений произошло с континуантами *lalokъ в словенских говорах [Furlan 2012: 81–84].

VI.2.2. Прочие обозначения

Болг. *вене́ц* и мак. *венци* (pl. t.) являются примером переноса по внешнему сходству: ‘корона’ > ‘десна’.

Чеш. крконошское *klouteň*, возможно, связано с *klút* ‘глоток; выбоина’ из того же говора [Bachmannová 2016: 167] в связи с тем, что в десне находятся «выбоины» – лунки зубов.

В болгарских и македонских говорах широко распространено слово *жлебина* (с многочисленными фонетическими вариантами), образованное от *жлеб* ‘жёлоб, паз’: *жлаби́на*, *жлеби́на́*, *жљеби́на*, *жљеби́на*, *жлиби́йна*, *жлебена́*, *жля́би́на*, *жлябѝн*, *жлаби́ня*, *жлеби́-*

ня, *жлябúня*, *джалбúна*, *шчальбúни* (pl.), *жаблúна*, *джаблúни* (pl.), *жеблúна*, *жиблúна*, *жублúна*, *жлибýни* (pl.), *жлабурúна*, *жлябурúна*, *жлябурљúна*, *жабурúни* (pl.), *жабурљúна* [ИДРБЕ 1: 382–383], *жлебúна*, *жљéбúна*, *жљебúње* (pl.), *жлéбúња*, *жлебúн'а*, *жлебúјна*, *жлебиi̯на*, *жлежúбјна*, *жглебина*, *жлибúна*, *жлибúња*, *жл'абúна*, *жл'абúња*, *жл'ăбúна*, *жúблúни* (pl.), *жáблúна*, *жăблúна*, *жăбл'инă*, *чалбúни* (pl.), *ɥалбúни* (pl.), *шчалбúна*, *жолбини* (pl.), *жл'убúне*, *жлибитúни* (pl.), *жлебе*, *ɥлебе* [Дрвошанов 2005: 46]. По всей видимости, в основе этого обозначения лежит метафорическое понимание десны как пазов для зубов.

Мак. диал. *чинé* восходит к тур. *çiğnemek* ‘жевать’ [Дрвошанов 2005: 47–48], но само значение ‘десна’, видимо, является уже собственно македонской инновацией.

Аналогичным образом, в мак. диал. *нузла*, заимствованном из тур. *nüzle* ‘гингивит’ [Дрвошанов 2005: 47], сдвиг значения произошёл уже, вероятно, на македонской почве. Аналогичный дрейф известен в случае болг. диал. *нижúт* ‘десна’ [ИДРБЕ 1: 383] при более распространённом *нежúт* ‘гингивит’ [БЕР 4: 600–601].

VI.2.3. Заимствованные обозначения

Слвн. диал. *cȍ:nflài̯š* (ОЛА 146) заимствовано из нем. *Zahnfleisch* ‘десна’ в диалектном фонетическом оформлении.

Рус. пинеж., арх. *лак* [СРНГ 16: 249], *ło'ka* (ОЛА 530), *ła'ka* (543), *'łako* (542), *la'ka*, *'lako* (547) [Материалы ОЛА] заимствованы из карельского *laki* ‘потолок; нёбо; высокое место (о горе)’ [ССКГК 2009: 276]. Рус. олон. *кижлаки* ‘дёсны, нижняя челюсть’ [СРНГ 13: 202], вероятно, являющееся ошибочным прочтением составителями словаря рукописной формы **китлаки* (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 24.02.2026), также заимствовано из карел. *kitalaki* ‘нёбо’ [ССКГК 2009: 217] (сложение *kita* ‘глотка’ и *laki* ‘нёбо’).

Рус. псков. *гарья́га* [ПОС 6: 143], согласно этимологии А. Е. Аникина, заимствовано из какой-то прафинской формы, близкой к той, которая дала фин. *harja* ‘гребень, вершина горы’ [Аникин 10: 118].

VII. ЗУБЫ

VII.1. Общие обозначения зубов

Для праиндоевропейского языка восстанавливаются два обозначения зуба. Первое, *$h_1$donts, является дериватом от *$h_1$ed- (‘кусать’ >) ‘есть’ [LIV 2001: 230–231]. Среди его потомков санскр. *dán* (gen. sg. *datáḥ*) ‘зуб’, др.-греч. ὀδούς (G. ὀδόντος) ‘id’, лат. *dēns* (gen.sg. *dentis*) ‘id’, др.-ирл. *dét* ‘id’, др.-сканд. *tǫnn* ‘id’, арм. *atamn* ‘id’, лит. *dantìs* ‘id’ и т. д. [NIL 2008: 210]. В праславянском это слово было утрачено, однако, как было сказано выше, производным от него является *dęsna ‘десна’.

Второе, *ǵomb^{h}os, образовано от глагола *ǵemb^h- ‘хватать, кусать’ [LIV 2001: 162–163]. Сюда относятся тох. В *keme* ‘зуб’, санскр. *jámbhaḥ* ‘зуб; зубы в совокупности’, др.-греч. γόμφος ‘гвоздь, шип, колышек’, др.-сканд. *kambr* ‘гребень’, алб. *dhëmb* ‘зуб’, лит. *žam̃bas* ‘край, угол’, лтш. *zobs* ‘зуб’ [Adams, Mallory 1997: 594]. К этому слову восходит и праславянское *zǫ̑bъ.

Семантическая разница между двумя этими индоевропейскими словами неочевидна. Поскольку *$h_1$donts распространено шире и там, где сохранилось, является основным обозначением зуба, по всей вероятности, оно же и было основным названием зуба в праиндоевропейском. Семантику *ǵomb^{h}os Й. Нартен восстанавливала как ‘(оскал зубов), совокупность зубов, зубы в ряду’ (‘(Zahngefletsch), Gezähn, Zahnreih’) [Narten 1964: 264]. П. А. Мумм, в свою очередь, отталкивается от более абстрактного значения – ‘кусание’ (‘das Beißen’), из которого выводит все реально засвидетельствованные [Mumm 1999].

Континуанты *zǫbъ являются основным обозначением зуба практически повсеместно в славяноязычном мире[1], ср. формы современных литературных языков: болг. *зъб*, мак. *заб*, схр. *zûb*, слвн. *zǫ̑b*, чеш., слвц., в.-луж., н.-луж. *zub*, пол. *ząb*, бел., укр., рус. *зуб*. Тем не менее, можно найти ряд дополнительных обозначений, большинство из кото-

[1] Так, авторы «Словенского лингвистического атласа» отказались от идеи картографировать словенские обозначения зуба, поскольку почти везде были записаны континуанты *zǫbъ [SLA 1/146].

рых, скорее всего, является экспрессивными, даже если не снабжены соответствующей пометкой в словаре. Среди таковых можно назвать рус. диал. *едáлы* ‘зубы; губы’ [СРНГ 8: 319], прозрачный дериват от глагола *есть*; *лáскалы* [СРНГ 17: 283] и *скрижú ~ скрыжú* [СРНГ 38: 136] звукоподражательного происхождения[2].

Зубы, как человека, так и животных, по своей форме и функции отчётливо распадаются на три группы – резцы, клыки и коренные. Принятое в науке разделение коренных на премоляры и моляры редко встречается в естественных языках[3]. Что особенно ценно, эксплицитное различение всех трёх групп обнаруживается в текстах донаучной эпохи: «А те зубы суть разного наречия, адне называютца передния, другия коренныя, а третеи клыки» (рукопись о конских заводах, XVIII в.) [СлРЯ XI–XVII 7: 309].

В некоторых славянских языках есть отдельные обозначения всех зубов в совокупности. В чешском и словацком в этой роли выступает слово *chrup*, дериват от *chroupat* / *chrúpať* ‘хрупать’. Болг. устар. *съзъ́бие*, схр. *zùbalo*, слвн. *zobôvje* и пол. *uzębienie* являются прозрачными дериватами от обозначения отдельного зуба. По всей вероятности, в праславянском такого семантического противопоставления не было, и оно сформировалось уже позднее под влиянием западноевропейских языков, ср., нем. *Zahn* ‘зуб’ – *Gebiss* ‘зубы как совокупность’[4] (< *beißen* ‘кусать’); фр. *dent* ‘зуб’ – *denture* ‘зубы как совокупность’.

VII.2. Обозначения резцов

VII.2.1. По функции

Чаще всего встречаются обозначения резцов по их основной функции – откусыванию пищи, при этом на резцы переносятся названия различных режущих инструментов.

---

[2] Скорее всего, в этот ряд не следует добавлять *брылы́*, глоссированные в СРНГ как ‘зубы’ [СРНГ 3: 216]: в данном случае можно заподозрить ошибку записи, поскольку обычно в говорах это слово значит ‘губы’. Также ошибочным является приписывание рус. карел. *лáваки* значения ‘зубы’ на основании следующего контекста: «У робенка лáваки прорезаются: зубы-то ставают» [СРНГ 16: 219]. В этом контексте слово *лáваки* означает ‘дёсны’, как, впрочем, и обычно, ср. раздел VI.2.1.

[3] Разница между *třenový zub* ‘премоляр’ и *stolička* ‘моляр’ в чешском литературном, скорее всего, является поздней и искусственной.

[4] В кайкавский говор Вараждина это слово (*gebîs*) было заимствовано в своём втором значении ‘зубной протез’ [Lipljin 2013: 360].

В первую очередь речь идёт о дериватах от праслав. *rězati ‘резать’ – болг. и рус. *резе́ц*[5], мак. *резец*, бел. *разе́ц*, укр. *різе́ць*, чеш. *řezák*, слвц. *rezák*. Встречаются также образования от *sěťi (1. sg. praes. *sěkǫ) ‘сечь’ – схр. *s(j)ekùtić*, слвн. *sekâlec*, пол. *siekacz*. Сюда также относится в.-луж. *krajak* ‘режущий инструмент; резец (зуб)’ от *krać* ‘резать’.

В русских донских говорах засвидетельствовано слово *рубáк* < *рубáть* ‘рубить’ [БТСДК 2003: 462].

Вне славянских языков схожие обозначения резцов также распространены, ср. нем. *Schneidezahn*, тур. *kesici diş*, венг. *metszőfog*, все дословно значащие ‘режущий зуб’.

В кашубском записано собирательное *ugris* (gen. sg. *ugrëzu*) ‘резцы’ [Sychta 6: 12], производное от *grysti (1. sg. praes. *gryzǫ) ‘грызть’. От того же корня бел. диал. *грызунéц* [Сцяшковіч 1983: 119].

В белорусских говорах находим также *прыкýсы* (pl.) [Янкова 1982: 286] от *прыкусіць* ‘прикусить’.

В сербохорватском литературном языке существует отдельное обозначение резца у грызунов – *glȍdnjāk* от *glòdati* ‘глодать’.

В словаре Мончиньского известно слово *cieśla* [SPXVI 3: 506]. В современном польском слово *cieśla* значит ‘плотник’, однако, вероятно, мы имеем дело с переносом на зуб с более старого значения – ‘тесло’. Ср. также болг. диал. *зъбите му тесличени* «у него зубы похожи на тёсла» [БЕР 8: 10].

Известны сравнения резцов с лопатой: слвн. *lopâtnik* ‘резец жвачного животного’ [Pleteršnik 1: 531], чеш. *lopata* ‘конский резец’ [Jungmann 2: 350], кашубское пейоративное *šëfla* ‘лопата; резец’ [Sychta 5: 242–243]. Все эти формы можно было бы объяснить как кальки или заимствования из немецкого *Schaufelzahn* ‘резец жвачного животного’, особенно если учесть, что более поздние словари не подтверждают данных Плетершника и Юнгманна, однако мы располагаем также рус. диал. *лопатные зубы* ‘пара передних резцов у овцы, вырастаю-

[5] Отдельный вопрос состоит в том, следует ли трактовать случаи вроде русской омонимии ‘резец (инструмент)’ и ‘резец (зуб)’ как перенос на зуб названия инструмента, или же как независимую деривацию от глагола *резать*. Старорусским источниками слово *резец* (*рѣзецъ*) неизвестно в качестве обозначения зуба. В роли обозначения инструмента оно фигурирует с 1660 г., однако на полтора века раньше (1505) так обозначается человек-резчик [СлРЯ XI–XVII 22: 137]. Конечно, здесь можно усмотреть перенос ‘резчик (человек)’ > ‘резец (инструмент)’, но более вероятным всё же кажется независимая деривация от глагола. Возможно, девербативом является и обозначение зуба.

щих вместо молочных на втором году жизни’ [СРНГ 17: 135], которое вряд ли может быть германизмом.

VII.2.2. По местоположению

Нередко резец обозначается как просто ‘передний зуб’. Из форм литературных языков можно назвать схр. *prȅdnjāk* и н.-луж. *pŕědny zub*. В словенских говорах есть *prîədn̥k* [Tominec 1964: 178]. В латинско-чешском словарике из Святовитовской рукописи (rukopis Svatovítský) находим precisor *przyedny zub* (л. 91b) [StčTB]. В старопольских текстах фигурируют *przednie*, *przedniejsze* и *przedsobnie zęby* [SPXVI 31: 244, 286]. В белорусских говорах: *п’арéдн’ийа зýбы* [Сцяшковіч 1972: 78]. В русских говорах известны формы *передóк*, *передки́* (pl.) [СРНГ 26: 92], *перёд*, *переды* [СРНГ 26: 77], ср. также показательный контекст: *Там кореновы́, а эти передние* [СРГК 2: 424].

В качестве типологической параллели можно назвать финское *etuhammas* ‘резец’, дословно ‘передний зуб’.

Особняком стоит русское диалектное *угловы́е зубы* ‘зубы-резцы у лошади или свиньи’ [СРНГ 46: 206]. Возможно, это результат перенесения на резцы обозначения клыков (см. ниже).

VII.2.3. Прочие обозначения резцов

Отдельно стоит назвать рус. диал. *зубáрь* [БТСДК 2003: 192]. Вероятно, здесь мы имеем дело с аугментативом.

Интересен случай бел. диал. *кірмашóвікі* ‘передние зубы’ и *кірмашóвыя* (зубы) ‘верхние передние зубы’, которые связывают со словом *кірмáш* ‘ярмарка’ и постулируют этимологическое значение ‘выставленные (как на ярмарке) зубы’ [ЭСБМ 5: 38].

Укр. гуцул. *drimni* дословно обозначает ‘мелкие’ и противопоставляет резцы крупным коренным зубам: *czeriwnʲi zuby z zadu, a drimni z peredu* [Janów 2001: 285].

VII.2.4. Праславянское обозначение резцов

На основе этого материала довольно сложно определить, как резцы назывались в праславянском. Однако, поскольку обозначения клыков и коренных зубов реконструируются довольно надёжно, вероятно, должно было существовать и обозначение резцов. Наиболее перспективным кандидатом в силу географии представляется описательное *perdьnъ(jь) zǫbъ.

VII.3. Обозначения клыков

VII.3.1. Праславянское обозначение клыков

Название клыка для праславянского восстанавливается без труда – *kъlъ (> пол. *kieł* ‘клык’, бел. *ікóл* ‘id’, укр. *íкло* ‘id’, полаб. *klåi̯* ‘клыки’, чеш., слвц. *kel* ‘бивень’ и т. д.), дериват от глагола *kolti ‘колоть’ [ЭССЯ 13: 192–193]. Позже эта форма местами была вытеснена собственными производными – *kъlъkъ, *kъlykъ [ЭССЯ 13: 193–194].

VII.3.2. Инновационные названия клыков

В первую очередь следует упомянуть об обозначениях вида «собачий зуб», которые связаны с тем, что у собак клыки особенно характерны и выделяются среди прочих зубов. Сюда относятся болг. лит *ку́чешки зъб*, болг. диал. *ку́чешляк* [БЕР 3: 169], болг. диал. *пе́сяк* [БЕР 5: 190], мак. *кучешки заб*, *песјак*[6], схр. *pȁsjāk*, слвн. *pesják* [Pleteršnik 2: 27]. К ним примыкают бел. диал. *ваўчáк* ‘клык’ [Сцяшковіч 1972: 78] и рус. диал. *волчóк*, *вóлчий зуб* ‘клык у свиньи, мешающий есть’ [СРНГ 5: 80, 82]. Аналогичные обозначения представлены в латыни (*dēns canīnus*), немецком (*Hundszahn*), турецком (*köpek dişi*). При этом вряд ли славянские названия можно считать кальками с латыни (вопреки [БЕР 5: 190]). Против этого говорит белорусская форма *ваўчáк*, построенная схожим образом, но от обозначения волка, а не собаки.

В македонских говорах известны и другие, правда единичные, «животные» обозначения клыков: *магаре́шки зу̏[a]мби*, дословно ‘ослиные зубы’, а также *свински зуп* [Дрвошанов 2005: 44].

Чеш. *špičák* и н.-луж. *špicaŕ* образованы от чеш. *špička* / н.-луж. *špica*, заимствованных из нем. *Spitze* ‘кончик, остриё’. Такие обозначения характеризуют клык как острый зуб.

Македонским диалектам в значении ‘клык’ известны дериваты от слова *кол* ‘кол’: *колник*, *колац*, *колуви* (pl.) [Дрвошанов 2005: 43]. Сюда же примыкает рус. диал. *кол* ‘клык’ [СРНГ 14: 109]. В качестве типологической параллели можно назвать тат. *казык теш* ‘клык’ (дословно «колышек-зуб»).

В связи со сходством формы возникло такое обозначение как чеш. *tesák* ‘охотничий нож’ > ‘клык’.

[6] Македонским диалектам известны многочисленные фонетические и морфологические варианты этих обозначений [Дрвошанов 2005: 42–43].

Мак. диал. *секачи* ‘клыки’ образовано от глагола *сече* ‘резать, рубить’ [Дрвошанов 2005: 44].

Довольно распространённое обозначение клыка – ‘глазной зуб’ – связано с местом клыков в челюсти. Сюда относятся мак. *очник*[7], схр. *ȍčnjāk*, слвн. *podǫ́čnik*, слвц. *očný zub*, бел. диал. *глазны́ зу́б* [Сцяшковіч 1972: 120], рус. разг. *глазно́й зуб*. И в этом случае можно было бы подозревать кальку с немецкого *Augenzahn*, если бы не белорусское обозначение, поскольку среди белорусских диалектных соматизмов германизмов практически нет.

В связи с положением клыков между резцами и коренными зубами возникло такое обозначение как мак. диал. *стреден (зап)*, дословно ‘средний зуб’ [Дрвошанов 2005: 44].

Македонским говорам известно такое обозначение клыка, как ‘передний зуб’: *преден зӑ́б*, *прејен зӑ́б*, *преден*, *предњи заби* (pl.), *предњи зуби* (pl.) [Дрвошанов 2005: 43]. То же встретилось в старопольском словарике Мончиньского: *przednie zęby* [SPXVI 31: 244]. Как было показано выше, такая коллокация обычно применяется к резцам, а не клыкам, так что, возможно, мы имеем дело с расширенным обозначением как резцов, так и клыков.

Мак. диал. *докутњаци* (pl.) этимологически значит «зубы перед коренными» [Дрвошанов 2005: 44].

В.-луж. *rózkowy zub*, дословно ‘угловой зуб’, калькирует нем. *Eckzahn* ‘клык’. Такое же обозначение представлено в фин. *kulmahammas* ‘клык’ (= ‘угловой зуб’). Это, конечно, связано с положением клыка в челюсти человека.

Возможно, в.-луж. *měznik* ‘межевой камень; клык’ (от *mězny* ‘граничный’) также основывается на граничном положении клыка между резцами и коренными зубами. Но не исключено также, что это перенос с обозначения межевого камня по сходству (торчащий, выделяющийся объект).

Рус. диал. (Кубань) *каркалы́* глоссировано в словаре как ‘зубы; клыки’ [СРНГ 13: 91]. Это слово связано с праслав. *kъrkolъ, в гнездо которого входят, например, псков. *ко́рокол* ‘выкорчеванный пень’, *ко́роколь* ‘ответвление ветви, рога’, *корколя́тый* ‘суковатый’ [ЭССЯ 13: 217][8].

---

[7] Македонским диалектам известны фонетические и морфологические варианты этого обозначения [Дрвошанов 2005: 42–43].

[8] Эти формы находятся в не вполне ясных взаимоотношениях с *кра́коль* ‘сук’, *кракале́стый*, *кракаля́стый*, *краколистый* ‘суковатый’ [СРНГ 15: 165], *крекова́стый*, *кре́ко́ви́стый* ‘сучковатый, ветвистый, кряжистый (о дубе)’ [СРНГ 15: 209].

VII.4. Обозначения коренных[9] зубов

VII.4.1. *černowъ(jь) zǫbъ

*VII.4.1.1. *černъ и *čerěnъ*

В этимологической литературе можно столкнуться с реконструкцией для праславянского нескольких омонимичных слов *černъ и/или *čerěnъ (от двух до четырёх в разных источниках). Как нами было показано ранее, всё же следует последовательно разделять *černъ и *čerěnъ/*čerěnь/*čerenъ/*čerenь, обозначавшее некоторую часть очага, скорее всего свод [Саенко 2023г][10]. Касательно семантики *černъ в научной литературе нет единства, здесь видят от одного слова до трёх. В последнем случае выделяют три омонима: ‘ручка, рукоять’, ‘черенок, обрубок’ и некий соматизм, относительно точного значения которого, опять же, существуют разные взгляды: одни исследователи видят в нём ‘челюсть’ или ‘нижнюю челюсть’, другие же – ‘коренной зуб’.

*VII.4.1.2. *černъ как ‘рукоять’ и часть растения*

Реконструкция *černъ в значении ‘рукоятка (инструмента)’ для праславянского уровня не вызывает никакого сомнения. Континуанты этого слова широко отмечены Общеславянским лингвистическим атласом в славянских говорах [ОЛА ФГ 9/54]. Это подтверждается также другими источниками, в которых мы находим болг. диал. *чи́рен*, *че́рен* ‘рукоятка ножа’ [РБЕ], мак. *црен* ‘роговая рукоятка ножа’ [ОДРМЈ], схр. *crȅn* ‘рукоять ножа, бурава и т. д.’ [RHiSJ 1: 821], схр.

---

[9] Под коренными зубами, согласно литературной норме, мы понимаем премоляры (4 и 5 зубы) и моляры (6–8). В разговорном русском всё чаще приходится слышать, как коренными называют постоянные зубы (в противовес молочным), что, конечно, связанно с неоднозначностью прилагательного *коренной* – ‘главный, самый большой’ и ‘основной, постоянный’.

[10] В статье [Саенко 2023г] нами, к сожалению, был упущен фрагмент монографии З. Бабика, в которой польский учёный оспаривает принимаемое В. М. Иллич-Свитычем сопоставление *černъ (в реконструкции Иллич-Свитыча ‘род сосуда; часть очага’) с др.-греч. κέρνος ‘кернос (вид глиняного сосуда)’ (у Иллич-Свитыча κέρνον) [Иллич-Свитыч 1963: 127]. З. Бабик восстанавливает праслав. *čer(j)ěnъ ~ *čьr(j)ěnъ и *čeranъ ~ *čьranъ и реконструирует историю семантики следующим образом: ‘разогретые камни’ > ‘разогретые камни как составные части печи’ > ‘стенки или дно печи’ > ‘верхняя часть печи’ > ‘предметы, помещаемые в верхней части печи для сушки’ > ‘плетёнка над огнём’ > ‘котёл над огнём’ [Babik 2012: 216–222].

диал. *цре́н* ‘ручка серпа’ [Стојановић 2010: 1010], *čerèjna* (f.) ‘рукоять ножа’ [Šatović, Kalinski 2012: 105–106], слвн. *čŕ̨n* ‘ручка (ножа, ложки и т. д.)’ [Pleteršnik 1: 110], чеш. *střenka* ‘ручка (ножа, ложки и т. д.)’ с многочисленными фонетическими и морфологическими вариантами в диалектах [Šimečková 2021: 59–60], слвц. диал. *črienka*, *črenka*, *strenka*, *šrianka* (f.), *črienky*, *črenke*, *šrenki* (f. pl.), *črienko*, *čerenko* (n.) ‘накладки на рукояти ножа, вилки и т. д.’ [SSN 1: 279], в.-луж. *črono*, н.-луж. *crjonk* ‘ручка ножа’ [Schuster-Šewc 3: 127], пол. *trzonek* ‘рукоять инструмента’, каш. *strzón* ‘рукоятка’, *strzónk*, *strzónäk* ‘рукоятка; топорище; черенок вилки или вил; рукоять ножа; рукоять меча; стебель’, *strzónka* (f.) ‘рукоять ножа’ [Lorentz 2: 392], *trzonk* ‘черенок (вилки, вил)’, *trzón* ‘рукоятка (вообще); топорище; черенок вилки или вил; валек распашного весла’, *trzónk* ‘черенок вилки или вил; топорище; рукоять цепа’ [Lorentz 3: 624], бел. диал. *ч́ран*ь (m.) [Шаталава 1975: 197], *ч́ран* [Сцяшковіч 1972: 553; Сцяцко 2005: 138], *чаран́ок* [Сцяцко 2005: 136; Зайка 2011: 247], *чара́н* (m.), *чар́энь* (m.), *ч́ран* (m.), *ч́рань* (m.), *чаранё* (n.), *чаран́о* (n.), *чаран́ок*, *чырын́ок* [СПЗБ 5: 405, 412, 447–448], *чэр́энкі* (m. pl.) [ТС 5: 314] ‘рукоять (инструмента)’, укр. диал. *czerˈenˈa*, *czerinkˈy* (pl.) [Janów 2001: 32], *черенка* [Горощак 1993: 241], *череңко* [Турчин 2011: 339], *чере́н* (m.), *чере́нка* (f.) [Піпаш, Галас 2005: 219], *черенкú*, *чарункʼí*, *чиринкú* (pl.) [Аркушин 2: 249] ‘рукоятка ножа’, *черени* (pl.) ‘ручка бритвы’ [Онишкевич 2: 367], *ч́ран* [Сцяшковіч 1972: 553; Сцяцко 2005: 138], *чаран́ок* [Сцяцко 2005: 136; Зайка 2011: 247], *чара́н* (m.), *чар́энь* (m.), *ч́ран* (m.), *ч́рань* (m.), *чаранё* (n.), *чаран́о* (n.), *чаран́ок*, *чырын́ок* [СПЗБ 5: 405, 412, 447–448], *чэр́энкі* (m. pl.) [ТС 5: 314] ‘рукоять (инструмента)’, др.-рус. **чрѣнъ**, **чрѣнъ** ‘рукоятка’ [Срезневский 3: 1501, 1539], рус. литер. *че́рен*, *черен́ок* ‘рукоять (инструмента)’, рус. диал. *че́рен* [СРГС 5: 278], *че́рен*, *че́рень* [ЯОС 10: 53; СРГК 6: 774; СРГСУ 7: 24; СРГБ 2008: 374; Малеча 4: 427–428], *че́рен*, *че́рень*, gen. sg. *черня* (m.) [СВГ 12: 30–31; СРГНП 2: 418–419], *че́рень* [СПГ 2: 527; СРГС 5: 278; Иванова 1969: 538], *черень*, gen. sg. *черня* (m.) [ВС 7: 263], *čˈer’in’* (m.) [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 48], *те́рень* [СРНГ 44: 72], *че́рен*, *чёрен* [АС 6: 175], *черён* [СРГСУД 1996: 564], *черене́ц* [СРГК 6: 774; СРГСУД 1996: 564], *чере́нка* [СРГСУД 1996: 564], *черено* (n.) [СОС 11: 104], *черенье* [чирˈенjó] [Хонселаар 2001: 416], *чернúще* [чʼир’анʼúшʼшʼа] [ДС 1969: 596] ‘рукоять (инструмента)’.

Континуанты *čerпъ также развили ряд вторичных значений. В сербохорватских говорах это ‘ножны ножа’ у *čę́rę̂nę* (f. pl.) [Maresić,

Miholek 2011: 106][11] и ‘часть веретена водяной мельницы, которая при помощи железной втулки крепится к верхнему жернову’ – *цре́њ* [Диниħ 2008: 881].

В современном литературном польском *trzon* значит ‘основная часть чего-либо’. В свою очередь *trzonek* – не только ‘рукоять инструмента’, но и ‘мужской половой орган’ [SJP].

В белорусских говорах находим *чарано́к* ‘пруток, на котором крутится мотовило с пряжей’ [Сцяцко 2005: 136], *чарано́к* ‘кочерга’ [МСММГ 1977: 126] и *чэронкы́* (pl.) ‘удлиненные края бёрда, в которые вставляются пластинки из тростника или проволоки’ [Шпакоўскі 1977: 118].

Украинское бойковское *черен* глоссировано в словаре как ‘складова частина бедра’ [Онишкевич 2: 367], вероятно, ошибочно. Ничто в прочем материале не подтверждает возможности существования такого значения. Зато с учетом вышепроцитированного белорусского диалектного *чэронкы́* (pl.) ‘удлиненные края бёрда, в которые вставляются пластинки из тростника или проволоки’ можно предположить опечатку и прочитать определение как ‘складова частина берда’, то есть ‘составная часть бёрда’.

В русских говорах присутствуют производные от значения ‘рукоять’ *черено* (n.) ‘ствол курительной трубки’ [СОС 11: 104] и *че́рен*, *че́рень*, gen. sg. *черня* (m.) ‘половник’ [СВГ 12: 30–31].

И. И. Срезневский выделял для ц.-сл. **чрѣнъ** значение ‘узел’ на основе некоего контекста из Оглашений св. Кирилла Иерусалимского (Срезневский 3: 1539), однако поскольку это **чрѣнъ** соответствует греческому κόμβος ‘перевязь, пояс’, можно предположить, что речь идет об описке, и в рукописи должно было стоять **чрѣсъ**, которое действительно могло обозначать пояс, ср. семантику потомков *čersъ [ЭССЯ 4: 76].

В части славянских языков континуанты *černъ имеют «растительные» значения. В первую очередь можно назвать чеш. *třeň* (m.) ‘ножка гриба’ [SSJČ] и пол. *trzon* ‘ножка гриба’, *trzonek* ‘вырост грибницы, на котором образуются конидии’ [SJP]. В белорусском диминутив *чарано́к* значит ‘черенок’ (в двух значениях: (1) ‘часть стебля, корня или листа, которая отделяется от растения для вегетативного размножения и в благоприятных условиях развивается в самостоятельное растение’, (2) ‘узкая часть листа, которая соединяет его со стеблем’)

[11] В данном говоре начальное *črě-* разбивалось вставным гласным, ср. *čęrę̂p* ‘черепица’ [Maresić, Miholek 2011: 106].

[ТСБМ 5-2: 295]. В украинских говорах также известны «растительные» значения: ‘черенок (саженец) винограда’ – *чере́нка* (f.) [СУГО: 208], ‘грибница’ – *чер’ін’*, *чер’ін*, *чери́н*, *чере́н*, *чере́н’*, *чири́н*, *черу́н*, *чере́ник* [Аркушин 2: 249], ‘место, где растет много черники’ – *чари́н’*, *чари́н*, *чери́н* [Аркушин 2: 249]. Рус. литер. *черено́к* обладает значениями ‘узкая часть листа (ножка, стебелек), соединяющая его с растением’, ‘отрезок корня, стебля или листа растения, используемый для вегетативного размножения’ и ‘сучок плодового дерева, предназначенный для прививки дичка’. В говорах мы находим близкие *че́рен*, *че́рень* ‘стебель’ [Малеча 4: 427–428], *че́рен* ‘ствол молодого деревца’ [СРГБ 2008: 374], *че́рен*, *че́рень* ‘отросток, ответвление’, ‘осколок, кусок, часть чего-либо’ [СРГК 6: 774]. Мы полагаем, что сюда же примыкает значение ‘ножка гриба’ – *че́рень* [СРГС 5: 278], *че́рен*, *чёрен* [АС 6: 175], *че́рен*, *че́рень* [СРГК 6: 774].

На наш взгляд, неправомерно отделять значения ‘ножка гриба’ и ‘черенок листа’ от значения ‘рукоять инструмента’, поскольку в этих случаях мы имеем дело с очевидной метафорой – лист и гриб «насажены» на черешок и ножку так же, как инструмент на рукоять. Возможность такого переноса в ту или другую сторону подтверждается типологическими параллелями. Немецкое *Stiel*, заимствованное из латинского *stilus* ‘заостренный кол; стебель, черенок; стиль (палочка для письма)’, значит ‘рукоятка, ручка, черенок; топорище; косовище; стебель; корешок, ножка (гриба)’. Немецкое же *Schaft* – это ‘ручка, рукоятка (инструмента, оружия)’ и ‘стебель (растения)’. Древнегреческое καυλός совмещало значения ‘стебель (растения)’, ‘стержень (пера)’ и ‘древко’, ‘рукоять (меча)’. Португальское *haste*, потомок латинского *hasta* ‘копье’, означает ‘шест; древко; стебель; ствол; рог (животного)’. Финское *varsi* значит ‘стебель; стан (туловище); голенище; ручка, рукоятка, рукоять, черенок’. Турецкое *sap* означает ‘стебель, ножка; ручка, рукоятка; древко’. Наконец, в русских говорах слово *стебель* значит, помимо всего прочего, ‘рукоять весла, вставляемая в уключину’ [СРНГ 41: 106].

Вероятно, к значению ‘ножка гриба’ примыкает также бел. диал. *чэрэ́н* (m.) ‘множество грибов (на одной грибнице)’[12] [Кучук, Малюк 2000: 148] и *чэ́рань* (f.) ‘толпа’ [СПЗБ 5: 448], укр. диал. ‘группа людей, сидящих и отдыхающих’ – *чере́н’* [Аркушин 2: 249] и ‘выводок птиц

[12] В словаре глоссируется абстрактно как ‘гурт, сукупнасць’, однако из контекстов становится понятно, что речь идет именно о грибах на одной грибнице.

в гнезде’ – *чери́н* [Аркушин 2: 249]. Схему дрейфа можно предложить следующую: ‘рукоятка (инструмента)’ > ‘ножка гриба’ > ‘грибница’ > ‘грибы на одной грибнице’ > ‘толпа’.

Для этимологии *černъ ‘рукоять (инструмента)’ ключевым, на наш взгляд, является то, что это слово, по всей видимости, следует признать дериватом на *-nu-, стоящим в одном ряду с *synъ ‘сын’, *stanъ ‘стоянка, лагерь’, *čelnъ ‘сустав’, *česnъ ‘чеснок’ и *činъ ‘действие’ (см. раздел III.1.4).

Если членить *černъ как *ker-nu-s, то логично видеть здесь отглагольный дериват, такой же, как и остальные слова из этого списка. В таком случае наилучшим кандидатом на роль производящей основы является п.-и.-е. *k^{w}er- ‘отрезать, вырезать’ [LIV 2001: 391–392]. Этимологическое значение *černъ при этом – ‘отрезанный кусок дерева’, что в случае деревянной рукоятки инструмента кажется вполне возможным сценарием.

Хотя праславянский сохранил два древних деривата на *-nu- (*synъ и *stanъ), похоже, что *černъ является собственно славянским образованием. Все возможные внешние когнаты (см. [Саенко 2023г]) могут быть подвергнуты критике. Так, литовское *kriaũnos* (f. pl.) ‘деревянные или роговые накладки на рукояти складного ножа или бритвы; засохшая корка хлеба’ образовано от *kráuti* ‘обкладывать’ [Smoczyński 2007: 313] и не соотносится с *černъ чисто фонетически.

Прус. *kirno* ‘куст’, лит. *kìrnas* ‘пень срубленной ивы’ и *kẽras* ‘куст’ восходят к тому же глагольному корню *k^{w}er- ‘отрезать, вырезать’, что и *černъ, однако, в силу разницы структуры и семантики, видимо, были образованы независимо.

Санскритское *kárṇaḥ* ‘ухо; ручка’ следует сопоставлять в первую очередь с праиранским *karna- ‘1) глухой, корноухий; с нездоровыми и дефектными ушами; дефектный (об ушах); 2) с телесными недостатками, ущербностью (обычно связанной с обрубленностью, обрезанностью)’ и далее с праслав. *kъrnъ(jь) ‘обрезанный, изуродованный’ [ЭСИЯ 4: 293–294].

Наконец, валл. *carn* значит не только ‘ручка, рукоять’, но и ‘копыто’ [CSWD: 33] и, соответственно, продолжает пракельтское *karno- ‘рог’ из п.-и.-е. *ḱr̥no- ‘рог’ [Matasović 2009: 190].

*VII.4.1.3. *černъ как соматизм*

В старославянских текстах фигурирует словосочетание **чрѣновьнъıи (зѫбъ)** как перевод греческого μύλη ‘жернов; коренной зуб’ в

Пс 57:7. В соответствии с ὁ θεὸς συνέτριψεν τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν τῷ στόματι αὐτῶν, τὰς μύλας τῶν λεόντων συνέθλασεν κύριος в Синайской псалтыри (XI в.) мы находим следующее: **бъ съкроушитъ зѫбы ихъ : въ оустѣхъ ихъ : чрѣновьнъыѧ львовы съкроушилъ естъ гъ** (71а) [Северьянов 1922: 71][13].

В дальнейшем это обозначение, по-видимому, начинает выходить из употребления в южнославянском ареале, о чем свидетельствуют искажения в более поздних списках псалтыри. Погодинская псалтырь (XII в., юж.-сл.) ещё сохраняет верную форму: **бъ скроушитъ зѫбы ихъ вь ѳстѣхъ и҃. Урѣновныѧ львомъ скроушилъ естъ гъ**. Но уже в Болонской псалтыри (XIII в., юж.-сл.) обнаруживается ошибка, свидетельствующая о непонимании термина – Бог сокрушил не «коренные (зубы) у львов», а «коренных львов»: **бъ съкроушить зѫбы ихъ въ оустѣхъ ихь. Урѣновъньıѫ лъвы съкроушилъ юестъ гъ** [Jagić 1907: 279–280].

Ещё больше искажений в хорватской традиции. Псалтырь Лобковица (хорв.-глаг., XIV в.): **бь скроушить зоуби ихь вь оустех' ихь чр'новние лавь скроушить естъ гь**. Парижская псалтырь (хорв.-глаг., XV в.): **бь скроушит' зоуби их' в' оустех' ихь; чр'нов'ление л'вь скроушить гь** [Vajs 1916: 70].

На восточнославянской почве текст в некоторых рукописях также подвергся изменениям и порче. Не вполне понятно, как следует расценивать форму **чрѣновъıѧ** из Толстовской псалтыри (XI–XII вв., РНБ, F.п.I.23, л. 97[14]) – как искажение или же потенциальное отражение формы ***черѣновъ** из родного идиома писца (в отношении структуры ср. пол. *trzonowy*). В дальнейшем мы наблюдаем замену тёмного **чрѣновьнъıѧ** на форму с более знакомым для писца корнем: **члѣновныѧ** (Псалтырь, 2-я треть – 3-я четв. XV в., РГБ, МДА, ф. 173/I №142, л. 49об)[15], **членовныѧ** (Угличская псалтырь, РНБ, F.I.5, 1485 г., л. 125–125об)[16], **члѣновныѧ** (Геннадиевская библия, 1499 г.), **члѣновъныѧ**

[13] В псалтыри Димитрия Синайского этот фрагмент выглядит следующим образом: **бъ съкрѳшитъ зѫбы ихъ і въ ѳстѣхъ ихъ: чрѣновънъıѧ лъвъ** […] **съкрюшилъ естъ гъ** [PDS 2: 320].

[14] Электронная версия рукописи: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=5823ACCE-4A21-4279-A9E2-B26CCA09D826.

[15] Электронная версия рукописи: https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173i-142.

[16] Электронная версия рукописи: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=4D47373D-837D-41A0-9C42-CC051E205AB8. Интересно, что в более ранней Киевской псалтыри, близкой к Угличской в отношении миниатюр, такой

(сборник Boz. 86 из Библиотеки Ординации Замойских, 1500–1501 гг.) [Szulc 2006: 95], **членовныѧ** (Московская псалтырь, Ягеллонская библиотека в Кракове, Berl. Ms. Slav Qu 6, 1567 г.) [Szulc 1: 113], **члѣнóвныѧ** (Острожская библия, 1581 г.).

В Толковой псалтыри (с толкованиями блаж. Феодорита и св. Афанасия) интересующий нас термин поясняется. Причём если в греческом тексте говорится о «внутренних зубах» (μύλας δὲ καλεῖ τοὺς ἐνδοτέρους ὀδόντας), то славянский переводчик использует термин, по сей день широко представленный в южно- и восточнославянских языках, – **кѫтьныи зѫбъ** (*kǫtьnъ(jь) zǫbъ, подробнее о его потенциальной семантике см. ниже): **гⷣ съкрⷭшитъ зⷭбы и҃ въ оустѣхъ и҃** [...] **чреновныѧ левⷭ҃ съкрⷭшѝ е҃** [...] **того дѣлѧ и зⷭбы чреновныѧ помѧноу · чреновныѧ нарече кⷭтнѧѧ зⷭбы, ими же шбычаи е҃ точити ѣдь** (РГБ, ф. 256 №334, л. 93об)[17]. К сожалению, в более древней Чудовской толковой псалтыри данный контекст отсутствует.

Второй фрагмент, в котором появляется искомое слово, – книга Иоиля 1:6, где οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὀδόντες λέοντος, καὶ αἱ μύλαι αὐτοῦ σκύμνου было переведено как **зⷭбї его ѣко и зⷭби львови · и чрѣновитци его ѣко и львичищоу** (Тырновская Библия, болгарская рукопись, РНБ, F.I.461, 70-е гг. XIV в., л. 185об)[18]. То же в восточнославянских рукописях – **чрѣновитьци** (Книги 16 Пророков толковые, РГБ, ф. 304/I №90, 1489 г., л. 21)[19], **чрѣновитци** (Ветхий Завет, РНБ Сол. 694/802, 1492 г., л. 23)[20], **чрѣновїци** (Библия Матфея Десятого, 1507 г., л. 8) [БМД 1: 25], **чрѣновитьцѣ** (Книги 16 Пророков толковые, РГБ, ф. 304/I №89, XVI в., л. 11)[21]. В хорватскоглаголическом бревиарии Вида Омишлянина находим будто бы прилагательное – **чрѣновити**, однако более широкий контекст – **зоуби его зоуби лавови · и чрѣновити его ѣко ско-**

правки нет: **чреновныѧ** (РНБ, ОЛДП F.6, 1397 г., л. 77об). Электронная версия рукописи: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=44E98E44-F6A7-43BB-BD45-C56BC603E93D.

[17] Электронная версия рукописи: https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-334. Данный контекст вошёл (без указания страницы и точных данных рукописи) в словарь Срезневского [Срезневский 3: 1539].

[18] Электронная версия рукописи: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=577670F3-7234-41AE-8F05-3DDE88A2329E.

[19] Электронная версия рукописи: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-90.

[20] Электронная версия рукописи: https://kp.rusneb.ru/item/reader/knigi-vethogo-zaveta-2.

[21] Электронная версия рукописи: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f- 304i-89.

ѹмнови (Австрийская национальная библиотека в Вене, Cod. slav. 3, 1396 г., л. 451)[22] – говорит о том, что в протографе также должно было быть **чрѣновитьци**, поскольку сочетание прилагательного с притяжательным местоимением **чрѣновити его** аграмматично. Таким образом, выделение особой формы **чрѣновитъ** и глоссирование её как прилагательного (см., например, [Gorazd]) необоснованно.

Все три ветви церковнославянской традиции говорят о том, что в протографе стояла форма существительного во множественном числе **чрѣновитьци**.

Третий контекст представляет собой фрагмент из Книги Притч 30:14, где греческому ἔκγονον κακὸν μαχαίρας τοὺς ὀδόντας ἔχει καὶ τὰς μύλας τομίδας соответствует славянское **чѧ̑ зло ножа зѫбы иматъ и чрѣновныѫ поꙋщала** (Тырновская Библия, РНБ, F.I.461, болгарская рукопись, 70-е гг. XIV в., л. 359). То же в более позднем списке – **чрѣновныѫ поꙋщала** (ГИМ, Щукинское собрание № 507, болгарская рукопись, 1475 г., л. 359) [Бояджиев 2019: 48]. То же мы находим в самых ранних восточнославянских списках – **чреновныа поꙋщала** (РНБ, Погод. 78, конец XV в., л. 20), **чреновныѫ поꙋщала** (РНБ, Погод. 81, конец XV в., л. 105), **чреновныа пꙋщала** (Библия Матфея Десятого, 1507 г., л. 134) [БМД 1: 277].

В Геннадиевской Библии на этом месте обнаруживается непереведённое латинское **моларикѵ̑съ сѵ̑исъ**, однако на полях дана славянская глосса: **зѧ̑ними зѵ̑бы своими. сиѵ̆̑ чрѣновными своими**. В Острожской Библии данный фрагмент подвергся порче, похожей на вышеописанную: **Чѧ́до зло ме́чѣ зѵ̑бы свои и́мать, и члено́вы ꙗ́ко сѣчиво**.

В вышеприведённом материале можно наблюдать, что греческое μύλη в значении ‘коренной зуб’ в древнейшем славянском переводе Библии было относительно последовательно передано однокоренными дериватами: **чрѣновьнꙑи (зѫбъ)**, **чрѣновьное (поꙋщало)** и **чрѣновитьць**.

В древнечешском переводе Псалтыри фигурирует когнат разобранных выше старославянских слов[23]. Перевод фрагмента *Deus conteret dentes in ore ipsorum, molas leonum confringet Dominus* (57:7) разнится в зависимости от рукописи.

---

[22] Электронная версия рукописи: https://digital.onb.ac.at/rep/osd/?131B1AFE.

[23] Здесь мы не учитываем поддельную глоссу *trenouci* ‘molares dentes’ в Mater verborum [Патера, Срезневский 1878: 75].

Таблица 11

Фрагмент 57:7 в древнечешских псалтырях

	датировка рукописи	перевод (по Киасу)	
Виттенбергская псалтырь	2-я треть XIV в.	1	Boh zetrze zuby gich w uſtech gich: *kly* lwowe *zlama* hoſpodyn (Gebauer 1880: 74)
Дрезденская Библия	1370–1380-е гг.	1	Buoh zetrze ſi zuby gich w uſtech gich *trzienownyki* lwuowe *zlama* hoſpodin (Kyas 4: 210)
Подебрадская псалтырь	1396 г.	компилят	Buoh zetrſſe zuby gych w uſtech gych, *trſſienownyky* lwowe *zlame* hoſpodyn (Patera 1899: 47)
Капитулярная псалтырь	70-е гг. XIV в.	2	Buoh zetrze zuby gich w uſtech gich, *czrzienownyki* lwowe *zlama* hoſpodyn (Rippl 1928: 69)
Клементинская псалтырь	сер. XIV в.	2	Boh zetrſe zubı gıch w uſtıech gıch: *czelîuſtı* lwowe *zetrſe* hoſpodyn (Patera 1890: 100)
Кунштатская Библия	2-я четверть XV в.	2	Buoh zetře zuby gich w uſtech gich *čelifty* lwoue *zetře* hoſpo^{n} (л. 199)[24]
Литомержицко-Тршебоньская Библия	1409–1414	компилят	Buoh zetrzie zubi gich w uſtech gich. *Czielifty* lwoue *zetrzie* hoſspodyn (л. 46)[25]
Оломоуцкая Библия	1417 г.	компилят	Bóh zetře zuby jich v ustech jich, *čelisti* lvové *zetře* hospodin (Kyas 4: 211)
Чешская глаголическая Библия	1416 г.	компилят	b̄h zetrze zubi jix v ustěx jix, a *čelisti* lvově *zlama* ḡdin (л. 218)[26]
Падержова Библия	1432–1435	3	Boh zetře zuby gich w uſtech gich, *čzelifti* lwowe *zetře* hoſpodin (л. 203)[27]

[24] Электронная версия рукописи: https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uuid:25da3280-4537-46d0-a823-ddfff847bd4c?page=uuid:f527b217-4083-4e7a-8545-7c768ff7de67.

[25] Электронная версия рукописи: https://digi.ceskearchivy.cz/146/95/1285/847/31/0.

[26] Электронная версия рукописи: https://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=AIPDIG-NKCR__XVII_A_1____3636BJ9-cs.

[27] Электронная версия рукописи: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_4540488.

	датировка рукописи	перевод (по Киасу)	
Босковицкая Библия	ок. 1415 г.	3	Buoh zetře zuby gich *zrnowy* lwow *zlama* hoſpodin (л. 245)[28]

Можно выделить несколько переводческих решений. Видимо, древнейшим является перевод *molas* как *kly* ‘клыки’. То же мы находим в библиях первой редакции во фрагменте Иоиль 1:6 (см. ниже). Второй вариант – интересующее нас *čřěnovníky* / *třěnovníky*. Третий вариант – решение из большинства псалтырей второй редакции: *čelisti* ‘челюсти’, причём в этом переводе *confringet* передано как *zetře*, в отличие от *zlamá* / *zlame* псалтырей первой редакции. Наконец, в псалтыри Босковицкой библии мы находим дословный перевод латинского *molae – žrnovy* ‘жернова’.

Чешские исследовательницы К. Волекова и Г. Крейзингерова полагают, что *čřěnovníky* / *třěnovníky* можно считать церковнославянизмом, привнесенным в результате взаимодействия с хорватскими книжниками Эмаусского монастыря. Аргументами служат редкость этого слова, появляющегося только в одном месте, а также начальное *čř-* [Voleková, Kreisingerová 2021: 186].

Фонетический аргумент следует отвергнуть сразу: формы с *čř-*, отражающие стадию до перехода *čř-* > (*s*)*tř-*, хоть и редки, но встречаются в древнечешских рукописях, например, *czrziewiczie* / *čřěvícě* ‘башмаки’ (Легенда о святом Прокопе; Hradecký rukopis, 24v; 60-е гг. XIV в.) [Gebauer 1963: 523].

Нельзя не отметить, что для хорватских книжников XV в., как уже было сказано выше, слово **чрѣновьнъıи** было непонятным, что отражено в искажениях вида **чр҃новние** (Псалтырь Лобковица) и **чр҃новꙗление** (Парижская псалтырь).

Что касается редкости, то хотя дериват на *-ík* действительно, кажется, является окказионализмом, однокоренные ему прилагательные представлены куда шире. В различных латинско-чешских словариках (*dens*) *molaris* или *maxilaris* переводилось как *stranowny*, *stranowni*[29], *trzenowny u třenownij* [SSL].

[28] Электронная версия рукописи: https://kramerius.kr-olomoucky.cz/search/i.jsp?pid=uuid:1ac5684c-78ff-475a-baad-fc4642231436&q=Bible%20boskovická#manuscript-page_uuid:1b3d0f6b-03a0-407f-83cf-eaec9bb29490.

[29] Было бы очень заманчиво видеть в *stranovný zub* конъектуру на месте *střenovní zub* в свете того, что *stranovný zub* крайне редко встречается в памятниках и,

В Падержовой библии (3-я редакция древнечешского перевода) *molaris* дважды переведено как *třenowni*.

Таблица 12

Перевод латинского *molaris* в древнечешских библиях

	Вульгата	Дрезденская	Оломоуцкая	Падержова
Суд. 15:19	molarem dentem	–	stranovný zub	třenowni zub (86v)
Прит. 30:14	molaribus suis	ſtrannymy zuby	strannými zuby	stranownimi zuby (224v)
Иоиль 1:6	molares	klowee	klové	třenowni (319v)

Появляется это прилагательное и в более поздних текстах, как переводных, так и оригинальных [LDHBČ]:

1) *protož máš toho hleděti, filozofe, aby zubuov strzenownich nenechal v kuoži* «поэтому следи за тем, философ, чтобы коренные зубы не оставить в коже» (лат. *genuinos*) (Рукописный сборник переводов Ржегоржа Грубого из Елени, 1513 г., Národní knihovna České republiky XVII D 38, 196b);

2) *přihodilo se mu na jednom noclehu ve spaní, že mu jeden zub střenovní bez bolesti vypadl p. jiný v brzkém čase zas na tom místě vyrostl* «приключилось с ним [императором Карлом IV] на одном ночлеге во сне, что один коренной зуб без боли выпал, а другой в скором времени на этом месте вырос» (Bartoloměj Paprocký z Hlohol – Diadochos. Praha: u dědice Jana Šumana, 1602 г., с. 148);

3) *potrava zuby předními ukrojená a třenovními užvýkaná* «пища передними зубами режется, а коренными жуется» (Jan Amos Komenský – Dvéře jazyků odevřené, 1633 г., 22, 267).

кажется, не известен современным говорам. Кроме того, сама форма прилагательного явно вторична, поскольку обычные дериваты от (*storna >) *strana* образуются при помощи суффикса *-ьn-: *postranní* ‘боковой’, *nestranný* ‘беспристрастный’ и т. д. То же мы наблюдаем и в других славянских языках, например, пол. *bezstronny* ‘беспристрастный’, *ustronny* ‘укромный’, рус. *сторонний*, *посторонний*, ст.-сл. **странь**ъ ‘чужой, иноземный; странный’, болг. *стра́нен* ‘чужой; странный’. Однако *stranovní* известно в чешском и в других контекстах [Jungmann 4: 329], кроме того, есть примеры аналогично устроенных словацких (XVIII в.) *stranový* ‘боковой; чужой’ и (XVI–XVIII вв.) *stranovný* ‘чужой’ [HSSJ 5: 499] и кашубского *stronovi* (наряду с синонимичным *stronni*) ‘боковой, внешний’ [Sychta 5: 182].

В современном литературном чешском *třenový* / *třenovní zub* – это премоляр [SSJČ] (моляр обозначается инновационным *stolička*).

В чешских говорах континуанты *černowъ(jь) сохранились, но нередко подверглись вторичным нефонетическим изменениям – *křenák*, *křenovyj zub* ‘коренной зуб’ [Hruška 1907: 45], *střeľák* ‘id’ [Bartoš 1906: 405], *činovní zuby* ‘коренные зубы’ [Bartoš 1906: 49].

В словацком говоре населённого пункта Сотина (с 1960 г. – район г. Сеница) было записано слово *střeňák* ‘коренной зуб’. Значительно более широко распространены коллокации вида *čereneví*, *čereňoví*, *šrianoví*, *strenoví*, *trenoví zub* в том же значении [SSN 1: 277]. Подтверждающие фиксации обнаруживаются также в данных ОЛА – *črenovi:* (*zup*) (пункт 211), *čereńovi* (*zup*) (пункт 227), *čerenovi* (*zup*) (пункты 231–232) [ОЛА ФГ 9/54]. «Словарь словацкого языка» даёт *črenovec* ‘коренной зуб’ и *črenový* (*zub*) ‘id’ с пометкой ľud. (= «народное») [SSJ 1: 222].

А. Бернолак приводил в своём словаре слово *čren* ‘челюсть’ [Bernolák 1: 315], а «Словарь словацкого языка» даёт также диалектное слово *čereň* якобы в значении ‘нижняя челюсть’ [SSJ 1: 198], однако диалектным материалом эти данные не подтверждаются. Весьма возможно, что обе формы были искусственно вычленены лексикографами из прилагательного *črenový* / *čereňový*.

Словосочетание *czrzonove ząbi* появляется уже в древнейшем польском маммотректе 1426 г. (Vocabula in s. scriptura rara per ordinem alphabeti). В дальнейшем слово (*ząb*) *trzonowy*, переводящее латинское (*dens*) *molaris*, регулярно фигурирует в древнепольских памятниках [SStp 9: 207–208].

Любопытна народная этимология в польском переводе средневекового трактата «Problemata Aristotelis», выполненном Анджеем Глябером и изданном в 1535 г. [KP XVI]: «Czemu przednie zęby ſą oſtre á trzonowe płaſkie y ſzyrokie. Odpo. Ieſt to dla ich roznej ſprawy, bowiem przednie vkęſuią karmiey á trzonowe łąmią á iakoby mielą, przeto ie połatinie zową Molares od melcia, po polſku trzonowe od trzenia albo ſcierania» – «Почему передние зубы острые, а коренные – плоские и широкие? Ответ: причина в их разном назначении, поскольку передние вгрызаются в пищу, а коренные ломают и как бы мелют, поэтому по-латыни они называются *molares*, от размалывания, а по-польски *trzonowe* от трения или растирания».

Словосочетание *ząb trzonowy* является обозначением коренного зуба в современном литературном польском. Очень хорошо в том же

значении оно засвидетельствовано в польских и кашубских говорах: *čšǫnove zęby* [Kucała 1957: 166], *trunowe zymby* [Greń, Krasowska 2008: 227], *ţšonovy zop* (Домброва-Подуховна), *zymby ţšonu̯ove* (Комборня), *čšonove zemby* (Сероставице, Конецкий повет), *čonovy zop* (Ксёнжнице-Вельке), *ţšůnobe zą^{e}by* (Сендовице, Рыцкий повет), *ţšonoų̯e zy^{e}mby* (Челятыце), *stšonovi zą̈bë* (Кентшино) и т. д. [Картотека SGP]. В мазовецких говорах *trzonowe zęby* – основное обозначение коренных зубов. Реже встречается однокоренное *trzoniaki*[30], единично также *trzanowe zęby* и *trzony* [AGM 8/385].

В кашубском записаны коллокации *střónnï* / *střónovï zǫb* ‘коренной зуб’ [Lorentz PW 2: 392], *třónovï zǫb* ‘id’ [Lorentz PW 3: 624].

Лужицкие языки также хорошо сохраняют интересующий нас корень: в.-луж. *čronowc* ‘коренной зуб’, в.-луж. диал. *črona* (pl.) ‘коренные зубы’, н.-луж. *crjonak* ‘коренной зуб’, н.-луж. диал. *crjenak* ‘id’, *crjonaki*, *crjona* (pl.) ‘зубы (целиком)’, *crjono* ‘челюсть’ [Schuster-Šewc 3: 127].

Известно это слово и в украинских говорах. Кажется, впервые оно появляется в рукописном «славяно-латинском» словарике Арсения Корецкого-Сатановского и Епифания Славинецкого, где **зꙋбы чрεвέвїи** переведено латинскими *dentes moxillares* (вместо *maxillares*), *molares*, *columellares* [Горбач 1968: 78]. Оно также присутствует в рукописном и до сих пор не изданном словаре Иосифа Скоморовского (1815–1891), униатского священника, служившего в Великой Берёзовице (современная Тернопольская область). Словарь включает в себя преимущественно материал, относящийся к юго-западному наречию украинского языка. В нём мы находим коллокацию *чертьвниј зуб* ‘коренной зуб’ [Skurzewska 2020: 267]. Это в точности соответствует гуцульскому *czeriwn^{l}yj zub* (*czeriwn^{l}i zuby z zadu, a drimni z peredu*) [Janów 2001: 285]. Близкие формы есть в поднестровских говорах – *чере́вні зу́би* ‘коренные зубы’ [Верхратський 1912: 302], *čyr^{l}ewnyj zub* ‘коренной зуб’ [AGB 7-2: 23]. В иных гуцульских словарях, однако, отмечены дериваты с другим суффиксом – *черінни́й* ‘коренной (зуб)’ [Піпаш, Галас 2005: 219], *чирі́дний* ‘id’ [Лесюк 2008: 125].

У лемков записано *чере́нний зуб* ‘коренной зуб’ [Дуда 2011: 151] и *черень* ‘id’ [Горощак 1993: 241].

[30] По-видимому, это следует рассматривать как деривацию с усечением основы, ср. конкурирующие обозначения коренных зубов в мазовецких же говорах: *kątowe*, *kątne*, *kątnie* > *kątniaki* (без усечения) и *kąciaki* (с усечением) [AGM 8/385].

В бойковских говорах дериваты от *černъ являются основными обозначениями коренных зубов – *čerivne*, *čerevne*, *čyryvnˈы*, *čerˈeu̯ńi*, *čerińi*, *čereńi*, *čerany*, *čyŕańi*, *čeŕańˈi*, *čerińńi*, *čereńńi*, *čerˈėńńi*, *čeredńi* (*zuby*) [AGB 7-1: 364; AGB 7-2: 23], *čęrẹn'í* (субстантивированное прилагательное) ‘коренные зубы’ [Николаев, Толстая 2001: 68]. В посанских говорах известны формы *čerenovy* (*zˈuby*), *čerenˈy*, *cerevnyji*, *ceriu̯ni*, *čerivnˈyji*, *ceryvnˈyji*, *čerevnyji*, *ceriu̯nyji* [AUGN 1: 74]. Разнобой форм присутствует также в буковинских говорах – *черівни́й*, *черіни́й*, *чирінни́й*, *чірівни́й* (*зуб*) [СБГ 2005: 640].

Семантический дрейф обнаруживается в случае единичного бойковского *черін'а* ‘дёсны’ [Онишкевич 2: 367].

В русских говорах засвидетельствовано слово *че́рен* ‘коренной зуб’ (Венгерово, Новосибирская обл.), а также выражение *подвезти́ под че́рен* ‘ударить в челюсть’ (Сузунский район, Новосибирская обл.) [СРГС 5: 278]. Ещё один пример – рус. карел. *це́рен*, которое в словаре глоссировано как ‘корень зуба’ [СРГК 6: 774]. Однако приведённый контекст заставляет сомневаться в точности такого определения – «Ни одного и це́рена нет во рту». Фраза «Ни одного и корня зуба нет во рту» звучит как бессмыслица, в то время как «Ни одного коренного зуба нет во рту» вполне понятна. Скорее всего, мы имеем дело с вкравшейся в какой-то момент опиской – ‘корень зуба’ вместо ‘коренной зуб’.

*VII.4.1.4. Реконструкция семантики слова *černowъ(jь)*

Приведённый материал убедительно показывает, что коллокация *černowъ(jь) zǫbъ является одним из лучших кандидатов на роль праславянского обозначения коренных зубов (второе – *kǫtьnъ(jь) zǫbъ).

Приписывание слову *černъ также значения ‘челюсть’ [SP 2: 156; Аникин 1995: 79; Králik 2015: 107], ‘нижняя челюсть’ [Lehr-Spławiński 1946: 46] или ‘верхняя челюсть’ [Bańkowski 1: 223] выглядит совершенно неправомерным: сравнительно надёжно это значение засвидетельствовано только в нижнелужицком, но и там оно маргинально.

В свете этого совершенно неубедительно выглядят схемы семантических дрейфов, предложенные Х. Шустер-Шевцем и В. Борысем: ‘кость с острыми краями’ > ‘челюсть’ > ‘коренной зуб’ (‘scharfkantiger Knochen’ > ‘Kinnbacken’ > ‘Backenzahn’) [Schuster-Šewc 3: 127], ‘то, что служит для перемалывания, растирания’ > ‘челюсть’, вторично ‘коренной зуб’ (‘to, co służy do mielenia, rozcierania’ > ‘szczęka’, wtórnie ‘ząb trzonowy’) [Boryś 2005: 651].

Нельзя не обратить внимания также на то, что чаще всего коренной зуб обозначается не существительным, а коллокацией, продолжающей сочетание *černowъ(jь) zǫbъ. В чешском, кашубском и украинском материале представлены также дериваты с суффиксом *-ьn- (см. выше); не вполне понятно, насколько древними они являются, но похожий параллелизм можно найти и у других *-u-основ: *ledowъ(jь) [ЭССЯ 14: 89–90] и *ledьnъ(jь) [ЭССЯ 14: 94–95], *medowъ(jь) [ЭССЯ 18: 58–59] и *medьnъ(jь) [ЭССЯ 18: 73], *wьгxowъ(jь) и *wьгxъńь(jь). В отдельных случаях, когда мы имеем дело с существительным, а не прилагательным, весьма вероятным объяснением является вторичная бессуффиксальная универбация[31].

*VII.4.1.5. Этимология слова *černowъ(jь)*

Говоря об этимологии интересующего нас слова, следует сперва упомянуть две версии о заимствованном его характере.

Автором первой был А. Мейе, который считал славянское слово заимствованием из готского *qairnus*, засвидетельствованного как второй элемент сложения *asiluqairnus* ‘мельница, приводимая в движение ослом’ [Meillet 2: 267]. Впоследствии Т. Лер-Сплавиньский выдвинул версию о заимствовании из пракельтского *kernā, давшего упоминавшиеся ранее валл. *cern* ‘челюсть’ и ирл. *cern* ‘угол’ [Lehr-Spławiński 1946: 46]. При наличии убедительной славянской этимологии (см. ниже) обе версии просто избыточны.

Э. Цупица считал эти же кельтские лексемы, валл. *cern* (f.) ‘челюсть’, брет. *kern* (f.) ‘воронка; темя; тонзура’ и ирл. *cern* (f.) ‘угол’, когнатами славянского слова [Zupitza 1899: 101–102]. Однако современная кельтология смотрит на них иначе – как на родственные праиндоевропейскому названию рога [Matasović 2009: 203], что автоматически делает сопоставление с праславянским *černъ невозможным.

Предложенное К. Бугой сравнение с лтш. *ceruôkslis* ‘клык’ [Буга 1912: 234] весьма сомнительно в силу того, что латышское *cęruoklis* / *cęruokslis* / *dzęruoklis* / *dzęruokslis* / *dzęruoksnis* ‘коренной зуб’[32] сравнивается в первую очередь с литовским *gerúokštas*, диал. *geránkštis* ‘коренной зуб’ [Mühlenbachs 1: 376, 547].

---

[31] Ср. поздние русские примеры, в случае которых мы точно знаем направление и детали образования: *декретный отпуск* > *декрет*, *плацкартный вагон* > *плацкарт*.

[32] Отметим, что Буга и Мюленбах дают разную семантику этого слова.

Ещё одно сопоставление Буги с санскр. *cárvati* ‘жуёт’ [Буга 1912: 234] также маловероятно по фонетическим причинам.

Все славянские потенциальные когнаты проблематичны в фонетическом отношении. Это *skornь ‘висок’ [Matzenauer 1880: 36], *dernъ [Holub, Kopečný 1952: 393], *kory ‘корень’ (в реконструкции Трубачёва *korę) [ЭССЯ 4: 69], слвн. *kȓnec* ‘виноградный нож’ [Bezlaj 1: 87], рус. *корнать* [КрЭС 1975: 491].

На наш взгляд, ключевым для этимологии в данном случае является то, что для праславянского уверенно можно восстановить коллокацию *černowъ(jь) zǫbъ, а вот существительное *černъ в соматическом значении – вряд ли. В таком случае вряд ли осмысленно было бы разделять *-u-основное *černъ ‘рукоятка’ и *černowъ ‘коренной’.

Й. Голуб и Ф. Копечный, придерживавшиеся мнения об этимологическом единстве этих двух слов, предложили семантическую параллель в виде русской коллокации *коренной зуб*, полагая, что дело в сходстве формы [Holub, Kopečný 1952: 393]. О. Н. Трубачёв поддержал эту идею и писал следующее: «Значения ‘коренной зуб, челюсть, десны’, конечно, вторично развились из ‘корень, ножка, стебель’, и их необходимо рассматривать только в комплексе» [ЭССЯ 4: 70].

Действительно, обозначения моляра как ‘зуба с корнями’ вполне можно себе представить, более того, мы располагаем хорошей параллелью в виде русского ярославского *корнева́тый* ‘имеющий толстый корень или много корней (о дереве)’ и *корнева́тик*, *корнова́тник* ‘коренной зуб’ [ЯОС 5: 67].

В то же время «растительные» значения вроде ‘черенок растения’ или ‘ножка гриба’ представлены в славянском материале у́же, чем собственно ‘коренной зуб’, в частности, их, кажется, совсем нет в южнославянских языках. Более того, для моляров характерно наличие нескольких корней, так что вряд ли можно постулировать дрейф ‘ножка гриба’ > ‘коренной зуб’, а ведь в западнославянских языках из «растительных» значений мы находим именно ‘ножка гриба’. Наконец, русское слово *коренной* значит не ‘имеющий много корней’, но ‘основной, главный, важный’ (например, выражения *коренной перелом*, *коренной вопрос*), что видно не только в современном литературном русском, но и в письменных памятниках [СлРЯ XI–XVII 7: 308–309], а также в говорах [СРНГ 14: 318–320].

Мы полагаем, что этимологическим значением *černowъ(jь) zǫbъ также было ‘основной зуб’, в пользу чего свидетельствует не только польское *trzon* ‘основная часть чего-либо’, но и сами дрейфы ‘руко-

ятка’ > ‘ножка гриба’ или ‘рукоятка’ > ‘черенок растения’, где *černъ понимается как основа растения или гриба.

Определённую параллель для такой номинации моляров можно найти не только в русском *коренной зуб*, но и в удмуртском *йырпинь* ‘коренной зуб’ [УРС 1983: 168] при *пинь* ‘зуб’ и *йыр* ‘голова’[33], в сложениях также выступающем со значением ‘главный’, ср. *йырмурт* ‘атаман, главарь’ (*мурт* – ‘человек’). То же в коми, ближайшем родственнике удмуртского: *юрпинь* ‘коренной зуб’, ср. *юрбурлак* ‘верховод, первый парень’ (*бурлак* – ‘парень’) [Лыткин, Гуляев 1970: 335].

VII.4.1.6. Паронимическая аттракция

Нельзя не упомянуть о ряде случаев паронимической аттракции, при которых континуанты *černъ смешивались с потомками *čelnъ. В первую очередь это **члѣновныѧ** вместо **чрѣновныѧ** в восточнославянских псалтырях (см. выше). Однако книжностью такое смешение не ограничено. Так, в македонских говорах записаны формы *чклен* и *член* ‘ручка ножа’ [Шклифов 1977: 325]. В материалах ОЛА находим прилагательное *členovi:* вместо *čerenovi:* (пункт 155) [ОЛА ФГ 9/54].

В чешских говорах смешиваются слова *střenka* и *střemcha*, причём в обе стороны: как (*s*)*třencha*, *skřemcha*, *třemcha*, *střemcho*, *třencho*, *křemcho* обозначают ручку ножа, так и *střenka* известно в роли названия черемухи [Šimečková 2021: 59].

Эти примеры достаточно показательны в том смысле, что могут объяснять многочисленные случаи смешения континуантов *černъ и *čerěnъ/*čerěnь/*čerenъ/*čerenь, как, например, в случае польского материала, см. [Саенко 2023г: 252].

VII.4.2. *kǫtьnъ(jь) zǫbъ

Обозначение *kǫtьnъ(jь) zǫbъ, дословно ‘угловой зуб’, или универбаты от него широко распространены в южно- и восточнославянских литературных языках в значении ‘коренной зуб’: болг. *къ́тник*, мак. *катник*[34], схр. *kȗtnjāk* ~ *kútnjāk*, слвн. *kǫ̑čnik*, бел. *ку́тні зуб*, укр.

[33] Интересно, что это слово может быть родственно финскому *juuri* ‘корень’, но К. Редеи ставил под сомнение эту этимологию [Rédei 1988: 639], кроме того, вряд ли прозрачные пермские сложения могут сохранять некое более древнее значение.

[34] В диалектах известны многочисленные фонетические и морфологические варианты [Дрвошанов 2005: 44].

ку́тній зуб. Представлены подобные обозначения и в диалектах: болг. банат. *кътин зъ́п* [Стойков 1968: 124], родоп. *кътен зъб* (с многочисленными фонетическими вариантами) [Гаравалова 2016: 95], схр. диал. *куњњак* [РСКНЈ 11: 103], пол. диал. *kątowe zęby*, *kątne zęby*, *kątnie zęby*, *kątniaki*, *kąciaki*, *kątacze* [AGM 8/385], рус. диал. *ку́тный зуб*, *кутно́й зуб*, *ку́тний зуб*, *ку́тневый зуб*, *ку́тня ~ кутня́*, *ку́тник ~ кутни́к*, *кутня́к*, *кутень*, *кут*, *куто́к* [СРНГ 16: 164, 168, 170–174; НОС 2010: 488].

В то же время в белорусских и русских говорах эта коллокация известна и в значении ‘зуб мудрости’: *кутавы́ зуб* [СПЗБ 2: 590], *ку́тни зуб ~ ку́тник* [Расторгуев 1973: 145], *ку́тный зуб* [СРНГ 16: 171–172; ЯОС 5: 112], *ку́тний зуб ~ ку́тник* [БТСДК 2003: 253], *окутно́й зуб* [ПОС 23: 184], что хорошо коррелирует с бел. диал. *рагавік* ‘зуб мудрости’ [Сцяшковіч 1972: 411] от *рог* ‘угол’. Учитывая, что в углу челюсти человека находятся не все коренные зубы, а в первую очередь зуб мудрости, можно осторожно предположить, что первоначальное значение *kǫtьnъ(jь) zǫbъ – ‘зуб мудрости’, а в последствии в большинстве славянских идиомов эта коллокация пережила расширение значения.

Именно такую логику номинации можно обнаружить также в языке навахо, где зуб мудрости называется *’awooshtł’ágí*, то есть ‘угловой зуб’ [Young, Morgan 1987: 137].

В большинстве литературных славянских языков зубы мудрости обозначаются так же или почти так же, как в русском: болг. *мъдре́ц*, мак. *умник*, схр. *ûmnjāk*, слвн. *modrôstni zôb*, чеш. *zub moudrosti*, слвц. *zub múdrosti*, в.-луж. *zub mudrosće*, пол. *ząb mądrości*, бел. *зуб му́драсці*, укр. *зуб му́дрості*. Аналогичные названия встречаются и в говорах: болг. диал. *у́мни́к*, *у́мняк, ху́тър зъб* [БЕР 8: 635; Гаравалова 2016: 96–98], мак. диал. *умни́к*, *умњак*, *умјак*, *умнек*, *умéц*, *умно зăп*, *мăдăр*, *мăдар зăп*, *мăдре́ц*, *мăндре́ц*, *маде^{a}рец*, *мăдăрăц*, *мадри́к*, *мăдри́к* [Дрвошанов 2005: 45], рус. диал. *прему́дрый зуб* [СРНГ 31: 86][35].

Идентичные обозначения широко представлены в других европейских и даже не только европейских языках, ср. лит. *išmintiẽs dantìs*, *prõtinis dantìs*, лтш. *gudrības zobs*, англ. *wisdom tooth*, нем. *Weisheit-*

[35] К немногочисленным альтернативным обозначениям относятся мак. диал. *крајни*, *крајник*, *краешња́к* от *крај* ‘край’; *ушник*, видимо, по аналогии с *очник* ‘клык’; *акал даши* из тур. *akıl dişi* ‘зуб мудрости’, *арпалук* из тур. *arpalık* ‘отметина на зубах лошади (по которой определяют возраст)’ [Дрвошанов 2005: 45–46] и бел. диал *красля́к* [СПЗБ 2: 519; СГЦРБ 1: 199] из лит. *krėslìnis dantìs* ‘коренной зуб’.

szahn, фр. *dent de sagesse*, ит. *dente del giudizio*, фин. *viisaudenhammas*, венг. *bölcsességfog*, тур. *akıl dişi*, вьет. *răng khôn*, кит. 智齿 (zhìchǐ) и т. д. По всей видимости, мы имеем дело с поздней калькой, чрезвычайно широко распространившейся и вытеснившей исконные обозначения. Возможно, таким исконным обозначением зуба мудрости в праславянском было как раз *kǫtьnъ(jь) zǫbъ.

VII.4.3. Инновационные названия коренных зубов

Распространены обозначения коренных зубов по функции жевания: рус. разг. *жева́тельный зуб*, рус. диал. *растира́льник* [СРНГ 34: 258], каш. *rozgrəzńik* [Lorentz PW 4: 1742]. Сюда же примыкает рус. диал. *жерново́й зуб* [СРНГ 9: 143], в.-луж. *mlějacy zub*, *mlějak*, н.-луж. *mlejny zub* < в.-луж. *mlěć*, н.-луж. *mlaś* ‘молоть’. Подобные названия можно найти и за пределами славянских языков, ср. нем. *Mahlzahn* ‘коренной зуб’ от *mahlen* ‘молоть, размалывать; толочь, измельчать, дробить’; англ. *grinder* ‘жёрнов’, разговорно также ‘коренной зуб’ и ‘зуб вообще’; лат. *molāris* ‘жёрнов; коренной зуб’, исп. *muela* ‘мельничный жёрнов; точильный круг, точило; коренной зуб’; яп. 臼歯 (kyūshi) ‘коренной зуб’ от 臼 (kyū) ‘ступа’ и 歯 (shi) ‘зуб’.

Для моляров характерно наличие бо́льшего количества корней, чем для прочих зубов, эта особенность получила выражение в рус. диал. *корнева́тый* ‘имеющий толстый корень или много корней (о дереве)’ и в северных говорах: *корнева́тик*, *корнова́тник* ‘коренной зуб’ [ЯОС 5: 67], *корнова́тик* [НОС 2010: 435; СГРС 6: 44; СРГК 2: 432], *кореново́й зуб* [СРНГ 14: 321; Дуров 2011: 149], *корнево́й зуб* [МСРСГП 1963: 128], *корнева́стик* [СРНГ 14: 341]. Тот же принцип лежит в основе схр. диал. (Рапча; Крстец) *ко́рњак* [Младеновић 2001: 98].

Кроме того, по форме моляр напоминает выкорчеванный пенёк с корнями. На это сходство опирается пол. диал. *pieńki*, *pniaki*, *pieńkowe zęby* [AGM 8/385].

Ещё один схожий предмет – табуретка, отсюда чеш. и слвц. *stolička* ‘табуретка; моляр’. Ср. в качестве параллели греч. τραπεζίτης ‘коренной зуб’ от τράπεζα ‘стол’.

Известны случаи переноса на моляры обозначений широких невысоких объектов: рус. ряз. *копыл* [*капы́л*] ‘короткий брусок, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней; коренной зуб’ [ДС 1969: 238]. Похожий механизм сработал и в случае *ба́бка* ‘коренной зуб’ [СРНГ 2: 24; СМСПГ 1: 74; СОГ 1: 52; РСВ 1: 58], хотя

не до конца понятно с какого именно из многочисленных объектов, обозначаемых этим словом, был осуществлён перенос, возможно, что с деревяшки или наковаленки, на которых отбивали косу.

Как уже было сказано выше, рус. *коренно́й зуб* и бел. *карэ́нны зуб* этимологически означают ‘основной зуб’ или ‘главный зуб’, ср. также рус. донск. *коренник* [каринни́к] ‘коренной зуб; бык, запрягаемый в упряжке ближе всего к колёсам’ при *коренная рыба* [каринна́я ры́ба] ‘рыба крепкого посола’ [БТСДК 2003: 232]. В значительной мере с этим перекликается бел. диал. *бацькі́* ‘родители; коренные зубы’ [ТС 1: 45], где, кажется, коренные зубы получили такое обозначение как главные в «семье» зубов (если, конечно, это не творческое переосмысление названия *бабкі*).

В противовес резцам как «передним зубам», иногда коренные обозначаются как ‘задние зубы’. Сюда относятся в.-луж. *zadni zub* и рус. арх. *за́дней зуб*, ср. показательный контекст: *пере́дни так пере́дни зову́ця (зубы), а за́дни – так коренны́йе клыки́ зову́ця* [АОС 16: 258].

Рус. карел. *коси́чный зуб* [СРГК 2: 259] является дериватом от *коси́ца* ‘висок; щека’ [СРНГ 15: 53].

Архангельское *нала́ки* (pl.) [СРНГ 20: 7], по-видимому, образовано от *лак* ‘десна’, см. раздел VI.2.3.

Болгарская родопская коллокация «мирный зуб» и её производные (*ми́рен зъ̑п*, *ми́р’ен зо̑п*, *ми́рнийе̯ зо́̑п*, *ми́ре̯н зо́̑п*, *мире́н*, *ми́рник*, *миру́шка*), обозначающие зуб мудрости, видимо, основываются на желании умилостивить проблемный зуб, уговорить его быть мирным, спокойным [Гаравалова 2016: 101].

VII.4.4. Заимствованные обозначения коренных зубов

Тур. *akıl dişi* ‘зуб мудрости’, мн. ч. *akıl dişleri* (*akıl* ‘ум’, *diş* ‘зуб’) заимствовано в болгарские родопские говоры как *а̨ка́лд’еш’*, *акъ́лд’йешл’е̯р’и́*, *акъ́лд’ишл’ар’и́*, *акъ́лд’е́ши*, *акълдо̨ше*, *акъ́лдо̂ши*, *акъ́л’дишлийа̨*, *акълдеши*, *акъ́лдишли́йа̨*, *акъ́л’дишли́йе̨*, *акъ́лдеши*, *а̨къ́лди́ш*, *йе̯кло̨д’е̯шик*, *акъ́л’де̯́шлӥ*, *а̨къ́л диши́*, *а̨къ́лдишли*, *а̨къ́лдеши*, *а̨къ́лдиш*. Имеются также полукальки: *а̨къ́л’е̂н зап*, *акълуви́т зъ̑п*, *а̨къ́луви́т зъ̑п* [Гаравалова 2016: 99–100].

Также в родопские говоры было заимствовано турецкое *yirmilik diş* ‘зуб мудрости’, дословно ‘двадцатилетний зуб’, что, конечно, связано с возрастом, в котором начинают прорезаться зубы мудрости: *ирмили́к*, *ирмили́к’*, *ирмил’и́к*, *ирмил’и́к’*, *ир’мили́к’*, *ир’мили́к*, *йир’м’ил’и́к’*, *йир’мил’и́к’*, *ирмъы́к*, *ир’м’ил’и́к’*, *ир’мил’и́к’*, *ермели́к*, *ермили́к’*, *йер-*

мели́к, *йе̯рмели́к*, *е́рмихи́к*, *йе̯рм'е̯ли́к*, *йе̯рм'ил'и́к*, *йе̯рм'ê ли́к'*, *йе̯рм'ли́к*, *йе̯р'м'ил'и́к'*, *йе̯р'м'ê л'и́к'*, *йе̯рм'е̯л'и́к*, *ехмели́к'*. И. Гаравалова полагает, что данное обозначение основано на том, что моляры – это зубы, выходящие за пределы детского набора в 20 зубов (8 резцов, 4 клыка и 8 премоляров), однако против этой гипотезы говорит альтернативное турецкое название зуба мудрости – *yirmi yaş dişi*, дословно 'зуб возраста двадцати', также заимствованного в родопские говоры: *йермúдиши*, *ирмидишли́к*, *ермы́деши*, *ирмúдиши́*, *ейрмúдишли*, *ирмúдий*, *ирмили́к' диши́*, *ирмили́к деши́*. Известна и полукалька: *ермú годеше́н* [Гаравалова 2016: 100–101].

В говоре села Елховец засвидетельствовано также такое обозначение зуба мудрости, как *ли́ра*. По мнению И. Гараваловой, это связано с отождествлением носителями монеты в двадцать курушей с лирой (денежной единицей) и переносом на зуб [Гаравалова 2016: 101]. Мы полагаем, что по одному гапаксу вряд ли стоит делать такие далекоидущие выводы. Не исключено, что, если носителю поясняли вопрос через турецкое *yirmilik*, он просто неверно понял, чего хотят собиратели.

Ещё два единичных турцизма в родопских говорах – *йемови́т зап* и *а̯рпа̯лъ́к*. Первое основывается на тур. *yem* 'корм, фураж' [Гаравалова 2016: 102]. Второе – на тур. *arpalık* 'отметина на зубах лошади (по которой определяют возраст)' (< *arpa* 'ячмень').

Первую часть ещё одного родопского гапакса, *кълба́р дишлийе̯*, И. Гаравалова этимологизирует как либо заимствование из тур. *kalben* 'сердечно, искренне' (от *kalp* 'сердце'), либо производное от болг. *кълбо* 'шар' [Гаравалова 2016: 102–103]. Обе версии довольно сомнительны. К первой следует сказать, что сложно ожидать в составе такой коллокации наречия *kalben*. Нормальной была бы изафетная конструкция, ср. *kalp krizi* 'сердечный приступ'. Кроме того, в фонетическом и семантическом отношении эта гипотеза далека от идеала. Вторая версия также слаба в семантическом отношении, но, что важнее, болгарскому и его говорам, как кажется, не известно существительного *кълбар вне состава данной коллокации. Мы, в свою очередь, можем осторожно предположить, что в основу *кълба́р* легло тур. *kalbur* 'решето, грохот'. В семантическом отношении это основывается на роли коренных зубов в перемалывании, измельчении пищи, ср. вышеупомянутые англ. *grinder* 'жёрнов; коренной зуб'; лат. *molāris* 'жёрнов; коренной зуб', исп. *muela* 'мельничный жёрнов; точильный круг, точило; коренной зуб'; яп. 臼歯 (kyūshi) 'коренной зуб' от 臼 (kyū) 'ступа' и 歯 (shi) 'зуб'.

VIII. НЁБО

VIII.1. Праславянское обозначение нёба

Праславянское название нёба восстанавливается довольно однозначно как *nẽbo. Непосредственными продолжениями этой формы являются русское *нёбо* и словенское *nebô*, однако в диалектах она представлена значительно шире – во всей южной Славии, в части белорусских и украинских диалектов, единично в Польше [ОЛА ЛС 9/21; ЛАБНГ 3/55; Дзендзелівський 3/303].

Соматическое значение появилось в результате переноса на часть тела слова *nebo ‘небо’. Впоследствии в отдельных славянских языках *nebo ‘нёбо’ было вытеснено различными дериватами от того же корня: болг. *небцé*, мак. *непце*, схр. *nèpce*, н.-луж. *njebjo*, в.-луж. *njebjeska*, слвц. *podnebie*, пол. *podniebienie*, укр. *піднебíння*, бел. *паднябéнне*[1] и др. [ОЛА ЛС 9/21; AJŚ 4: 620; SLA 1/24]. Аналогичную ситуацию (вытеснение слова его собственным дериватом) мы наблюдаем в случаях *tylъ ‘затылок’ и *xrьbьtъ ‘спина’ [Саенко 2022a: 96].

VIII.2. Инновационные обозначения нёба

Среди инновационных названий присутствуют случаи дрейфа семантики обозначений других частей тела:

1) ‘десна’ > ‘нёбо’ в некоторых паннонских словенских говорах: *dlę̑sna* (пункт SLA 370), *glę̑sna* (392), *dlę̑sna*, *dˈlę̑:sna* (404) [SLA 1/24], в.-луж. диал. *z’i̯asnɔ* (пункт ОЛА 237) [ОЛА ЛС 9/21], мак. диал. *жљебˈини*, *џăлбˈини* [Дрвошанов 2005: 41] (см. раздел VI.2.2).

2) ‘челюсть’ > ‘нёбо’ также в Паннонии: *čę̑lûst* (SLA 368) [SLA 1/24];

3) ‘темя’ > ‘нёбо’ в доленьском словенском говоре: *tę̑mence* (SLA 294)[2] [SLA 1/24], а также ряде болгарских говоров: ˈ*temi* (ОЛА 124, 131, 142), ˈ*t’emi* (144) [ОЛА ЛС 9/21].

---

[1] Украинская и белорусская формы, по всей вероятности, возникли под польским влиянием.

[2] Кроме того, в Резии зафиксированы коллокации *ta pod tîməncən* (SLA 058) и *ta pod tîmencon* (SLA 059) [SLA 1/24].

Вероятно, дериватом от *zob* ‘зуб’ является словенское диалектное *nȃzbica* (SLA 338) [SLA 1.2: 91].

Вторую группу составляют случаи, когда на нёбо переносятся названия части здания: *потолок* в русских говорах (ОЛА 578, 603, 627), *strop* ‘потолок’ в чешских говорах (ОЛА 181, 188), *taˈvan*[3] ‘потолок’ в Сербии (ОЛА 84), *ˈkube* и *kuˈbe*[4] ‘купол, свод’ в Эгейской Македонии (ОЛА 107, 850) *patro* ‘этаж’ в большей части Чехии и в литературном языке [ОЛА ЛС 9/21]. Мак. диал. *сажак* [Дрвошанов 2005: 41], вероятно, заимствовано из тур. *saçak* ‘карниз; выступ крыши’.

Мак. диал. *госпот* [Дрвошанов 2005: 41], видимо, (шуточно?) обыгрывает многозначность ‘небо’ ~ ‘нёбо’ и представление о небе как о месте обитания Господа Бога.

VIII.3. Заимствованные обозначения нёба

Засвидетельствованы также заимствования из других языков: *palato* / *palat* в словенских говорах на территории Италии < ит. *palato* ‘нёбо’ [SLA 1/24] и рус. арх. и волог. *кала́к*, *кала́ка* [ОЛА ЛС 9/21; СРНГ 12: 334] из финно-угорских языков, ср. фин. *kitalaki* ‘нёбо’.

[3] По происхождению это слово является турцизмом, однако перенос названия на нёбо, по-видимому, является собственно славянской инновацией.

[4] Аналогично предыдущему: турцизм с семантическом дрейфом уже на славянской почве.

IX. МОЗГ

IX.1. Праславянское название мозга

Праславянское название мозга восстанавливается как *mozgъ[1]. Это слово хорошо сохраняется в большинстве литературных славянских языков: болг. *мо́зък*, мак. *мозок*, схр. *mȍzak* (gen. sg. *mȍzga*), чеш. *mozek*, слвц. *mozog*, в.-луж. *mozy* (pl. t.), н.-луж. *mórzgi* (pl. t.), пол. *mózg*, укр. *мо́зок*, бел., рус. *мозг*. Высока его сохранность и в говорах [ОЛА ФГ 5/14; SLA 1/10; SSA 6: 64–65]. Только в словенском литературном представлено суффиксальное производное *možgâni*.

В ряде языков вместо *-g-* мы находим *-k-*. Это даже побудило Х. Шустер-Шевца реконструировать для праславянского дублеты *moz-g- и *moz-k- с разными расширениями корня [Schuster-Šewc 13: 959]. Но, конечно, здесь трудно не согласиться с ЭССЯ: куда вероятнее, что концовка слова была преобразована из-за ассоциации с формантом *-ъkъ, чему особенно способствовало произошедшее после падения редуцированных оглушение конечных звонких [ЭССЯ 20: 97]. Похожее вычленение ложного суффикса произошло в случае слвн. *kọ́včək* (графически *kovček*) ‘чемодан’, заимствованного из схр. *kòvčeg* ‘id’, в конечном счёте тюркского происхождения [Snoj 2016: 340].

В.-луж. *mozy*, ранее писавшееся как *mozhy*, отражает характерную для этого языка утрату *h* в большинстве позиций (что чаще всего не получает отражения в графике) [Schaarschmidt 1998: 131]. Вторичный *-r-* в н.-луж. *mórzgi* имеет ряд параллелей: диал. *murski* ‘мужской’, устар. *wěršnja* ‘вишня’, устар. *měršnik* ‘священник’ [Schuster-Šewc 13: 959].

---

[1] В плане акцентуации мнения расходятся: одни учёные относят это слово к а. п. *c* (*mȏzgъ (долгая нисходящая интонация) [Derksen 2008: 328]; *mȍzgъ (краткий ударный слог) [ERHJ 1: 635]), в то время как Московская акцентологическая школа относит его к а. п. *d* (*mȍzgъ, gen. sg *mȍzga (ȍ – краткий циркумфлекс, ȍ – краткий новый акут) [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 230–233]).

Полаб. *müzdin* и слвн. *možgâni*[2] демонстрируют суффикс прилагательного *-ěn-, ср. ст.-сл. **можданъ** ‘мозговой’ [SEJDP 3: 414–415; Snoj 2016: 444].

По-видимому, праславянскому была свойственна полисемия ‘головной мозг / костный мозг’, что сохранилось и в ряде современных языков (болгарский, нижнелужицкий, восточнославянские). В полабском для дифференциации значений были использованы однокоренные *mozgy > *müzd'ě* ‘костный мозг’, *možžьnь > *müzdin* ‘мозг’ [SEJDP 3: 414–415]. То же в словенском: *mǫ̑zəg* (графически *mozeg*) ‘костный мозг’, *možgâni* ‘мозг’. Обратное распределение в сербохорватском: *mȍzak* ‘мозг’, *mȍždina* ‘костный мозг’ (дериват от *mȍzak* с аугментативным суффиксом). В сербохорватском используется также инновационное *sr̂ž* ‘костный мозг’ (< *swьržь [ERHJ 2: 382][3]). Македонское *сржс* ‘id’, видимо, из сербохорватского. В древнечешском в этом значении использовалось (*strъžьnь ‘сердцевина’ >) *stržeň* (> совр. чеш. *dřeň* ‘костный мозг’ [Rejzek 2001: 146], из чешского слвц. *dreň* [Králik 2015: 133]). Отсюда же в.-луж. *žro* ‘костный мозг’ [Schuster-Šewc 16: 1209; 24: 1809] и пол. *rdzeń* ‘спинной мозг’. В польский и чешский были заимствованы германизмы (*szpik* и *morek* соответственно). Из польского заимствовано белорусское *шпік*.

У слова *mozgъ есть довольно надёжные внешние когнаты. К ним относятся: лит. *smẽgenys* (f. pl.), лит. диал. *smãgenys* ‘мозг; костный мозг; десна’, лтш. *smadzenes* (f. pl.) ‘id’[4] [Smoczyński 2007: 575], прус. **musgeno* (конъектура из *mulgeno*) ‘костный мозг’ [Mažiulis 3: 158–160], санскр. *majján-* (m.) ‘костный мозг’ [Mayrhofer 2: 291–292], авест. *mazga-* ‘головной мозг; костный мозг’ (широко распространено также в современных иранских языках [ЭСИЯ 5: 306–309]), прагерм. *mazga- (m.) ‘костный мозг’ (> др.-сканд. *mergr*, англ. *marrow*, нем. *Mark*) [Kroonen 2013: 359–360], пракельт. *mezga- (m.) ‘сыворотка’ [Fick 1909: 318; Matasović 2009: 270].

Фонетика литовского и латышского слов несколько проблематична и требует объяснения. Чаще всего постулируется метатеза *masg- >

[2] *-g-* вместо ожидаемого *-j-* объясняется влиянием производящей основы *mǫ̑zəg* на своё производное [Ramovš 1924: 286]. В говорах представлены случаи фонетически закономерного рефлекса [SLA 1/10].

[3] Х. Шустер-Шевц не отделял это слово от *strъžьnь [Schuster-Šewc 16: 1209].

[4] Кажется, только А. Баньковский отрицал родство этих слов с праслав. *mozgъ, пытаясь объяснить *smẽgenys* как дериват от *smègti* ‘вонзаться’ или *smeĩgti* ‘вонзать’ [Bańkowski 2: 218].

*smag- [Smoczyński 2007: 575]. Альтернативная гипотеза Х. Петерссона предполагает диссимилятивное исчезновение *-z-* (*smazg- > *smag-) [ESJS 8: 495], что требует реконструкции s-mobile. Ещё одна версия основывается на допущении влияния лит. диал. *smãkrės* ‘костный мозг’ [Фасмер 2: 638]. Однако *smãkrės* само не было удовлетворительно этимологизировано [Smoczyński 2007: 574]. Наконец, В. Мажюлис считал, что в восточно-балтийских языках форма *mazgenā подверглась влиянию глагола *smeg-/*smag- ‘бить’ [Mažiulis 3: 158–160].

В свете *-en-основ в балтийских языках и санскрите заманчиво было бы видеть в некоторых из вышеупомянутых славянских форм следы старой *-en-основности, однако в случае ст.-сл. **мождань** ‘мозговой’ и слвн. *možgâni* ‘мозг’ мы имеем дело с суффиксом *-ĕn-, а не *-en-. На *-en- указывает полабское *müzdin*, н.-луж. *móržony* (только у Муки, не подтверждается лужицким атласом [SSA 6: 64–65]) и пол. *możdżeń* ‘основа оленьего рога’, однако это больше похоже на локальную инновацию с продуктивным формантом *-enь, чем на праиндоевропейское наследие.

Праславянское *mozgъ иногда связывают также с лит. *mãzgas*, лтш. *mazgs* ‘узел’ [Fraenkel 1962: 426–427; Smoczyński 2007: 384]. Р. Дерксен осторожно пишет „Semantically this is not implausible” [Derksen 2015: 308]. Однако семантически и формально литовскому слову, а также родственному ему глаголу *mègzti* ‘ткать, вязать’ (3. sg. praes. *mẽzga*) куда ближе прагерм. *maska- ‘петля, ячейка сети’ (> англ. *mesh* ‘петля, ячейка сети’, нем. *Masche* ‘id’), тох. A *masäk* ‘сустав’, тох. B *meske* ‘id’ [Kroonen 2013: 356–357]. При этом прагерманское слово указывает на п.-и.-е. *mozgos, которое фонетически не может быть родственным вышеупомянутому прагерм. *mazga- (m.) ‘костный мозг’ < *mozg^{h}os [Dybo 2002: 480–481].

Существует версия, соотносящая *mozgъ с *mězga ‘мезга’ [Fick 1909: 318], что невозможно по фонетическим причинам: вокализм *mozgъ и *mězga нельзя свести к одному корню. Поэтому авторам ЕСУМ, поддерживающим эту этимологию, приходится реконструировать второе слово как *mezga [ЕСУМ 3: 497]. Вдобавок *mězga сравнительно надёжно выводится из корня *h$_3$meiǵ^{h}- ‘мочиться’[5] (форма и семантика дана согласно [LIV 2001: 301–302]) [ЭССЯ 18: 225].

[5] Что требует форманта *-ga вопреки мнению Ф. Славского о том, что данный формант обнаруживается только в слове *struga [SP 1: 65].

Невозможна также связь *mozgъ и рус. диал. *мзга* ‘сырая, промозглая погода’ и *мозга* ‘гной; кровь’, предложенная Й. Зубатым [Zubatý 1894: 399–400], поскольку эти слова восходят к праформе *mъzga и, соответственно, по фонетическим причинам не могут быть родственны *mozgъ [ЭССЯ 21: 19–20].

Совершенно фантастической с фонетической точки зрения является попытка В. Махека вывести праславянское слово из *mastrigen-, реконструированного чешским учёным на основе авест. *mastrəγan-* ‘череп; головной мозг’ и прус. *strigeno* ‘головной мозг’ [Machek 1968: 377]. Отметим, что прусское слово – явный родственник вышеупомянутого праславянского *strъženь ‘сердцевина’.

Вразрез с современными представлениями об индоевропейском аблауте и словообразовании идёт попытка А. С. Мельничука свести *mozgъ вместе с *měxъ, *mьstь, *mъxъ, *muxa, *mъšica и рус. *мосол* к одному корню [Мельничук 1986: 140]. Гипотеза вполне заслуженно была встречена критикой в этимологической литературе [ЭССЯ 20: 96; ESJS 8: 495].

IX.2. Инновационные и заимствованные названия мозга

В словенских говорах в значении ‘мозг’ (как часть тела – ‘osrednje živčevje, ki leži v lobanjski votlini’) отмечаются континуанты *pamęťь ‘память’: *pá:mat* (пункт SLA 014), *pá:met* (022, 025, 060), *pǫ̃met* (033), *pa̋:met* (034), *pa̋:met* (035), *pà:met* (063), *ˈpą:met* (049), *ˈpo:mät* (384).

В лужицких говорах мозг, как правило человека, может обозначаться потомками *orzumъ ‘разум’: *rɔzum*, *rɔzɔm*, *rɔzym*, *rɔzɛm* [SSA 6: 64]. Процитированный в атласе контекст (в качестве исключения относящийся к мозгу животного, а не человека) i̯ěš tón rɔzum ‘ешь этот мозг’ наглядно демонстрирует, что в лужицких говорах собирались обозначения мозга именно как части тела, а не как вместилища сознания.

Для вост.-сл. *глузд* ‘мозг; разум’ предполагают дрейф ‘скользкая, мягкая глыба, масса’ > ‘мозг, внутренние органы’ > ‘разум, память’ [SP 7: 158–159; ЭССЯ 6: 155–156; Аникин 10: 334][6].

В два словенских говора заимствовано фриульское *cerviel* ‘мозг’: *červîele* (061), *červiẹ́l* (062) [SLA 1/10]. Ещё в один словенский говор заимствовано ит. *sentimenti* ‘чувства’: *sentimè:nti* (060) [SLA 1/10].

---

[6] В этимологическом отношении сближают с *gluda ‘глыба’, по-разному объясняя природу *-з-*, которое, однако, может быть довольно старым, ср. мак. *глужд* (m.) ʻсучок; щиколотка’.

Рус. диал. *самыгу́н* ‘костный мозг’ [СРНГ 36: 114], *сымыге́н* ‘костный мозг; головной мозг’, *сымыгу́н* ‘костный мозг’ [СРНГ 43: 135] заимствовано из бурятского *сэмгэ(н)* ‘костный мозг’ [Аникин 2000: 516]. Рус. диал. *тараки́н* ‘головной мозг; ум, умственные способности’ [СРНГ 43: 275] также заимствовано из бурятского, ср. бурят. литер. *тархи* ‘голова; мозг’ [Аникин 2000: 534–535].

X. ЖЕЛЕЗА

X.1. Праславянское *želza

X.1.1. Семантика

Обозначение железы реконструируется для праславянского очень легко: формы всех литературных языков, кроме польского, выводятся из *želzȁ[1]: болг. *жлезá*, мак. *жлезда*, схр. *žlijézda* / *žlézda*, слвн. *žlẹ́za*, чеш. *žláza*, слвц. *žľaza*, в.-луж. *žałza*, н.-луж. *załza*, бел. *залóза*, укр. *зáлоза*, рус. *железá*. Это имплицитно оспаривал, кажется, только А. К. Шапошников, который считал *железа*/*желоза* собственно русским производным с суффиксом *-еза* или *-оза* от *žely [Шапошников 1: 266]. Такую трактовку, оставляющую за бортом западно- и южнославянские формы, вряд ли можно считать обоснованной.

В современной медицинской терминологии под железой понимается орган, вырабатывающий и выделяющий вещества, необходимые для жизнедеятельности организма: слёзные железы вырабатывают слёзы, потовые – пот, слюнные – слюну, поджелудочная и щитовидная – гормоны и т. д. Не приходится сомневаться в том, что носители праславянского языка анатомию видели несколько иначе, а о наличии ряда желёз, открытых относительно поздно, например, потовых, даже не подозревали. Материал различных славянских диалектов демонстрирует, что первоначально слово *želza относилось к видимым и ощутимым выпуклостям под кожей, вероятно, в первую очередь к лимфоузлам, особенно воспалившимся.

Так, в древнечешском трактате неизвестного францисканца, составленном на рубеже XIV и XV вв., читаем:

> Škrosule, dýmě nebo žlázy
> Dýmě nebo žlázy, tyť rostú včas na hrdle a včas jinde, proti nim tento lék: Pomaž jich pížmovú mastí málo, a tak je umoříš. Potom prořež je nožem,

[1] Р. Деркcен реконструирует а. п. *b* со знаком вопроса [Derksen 2008: 557], но З. Бабик относит *želza к а. п. *c* [Babik 2012: 371]. Древнерусские памятники указывают на а. п. *c* [Зализняк 2019: 178].

vypustiž to ven. Potom zaceliž to jako jinú ránu. Také máš znamenati, zdali by byla žláza zlá a že by dlúho trvala a že, když se jie ruku dotkneš, žeť sem i tam plývá [Černá 2006: 231].

Золотуха, опухоли или железы
Опухоли или железы иногда вырастают на горле, иногда в других местах, от них помогает такое средство: слегка помажь их мускусной мазью и так их выведешь. Потом прорежь их ножом и выпусти это [гной]. Потом лечи как любую другую рану. Также обрати внимание на то, была ли железа плохой, долго ли это продолжалось и плавает ли она туда-сюда, если коснуться её рукой».

В древнерусских летописях слово **железа** обозначало чумной бубон: **Єже желѣзою боляхѫ, не единако: иномѹ ѵбо на шии, иномѹ же на стегнѣ, иномѹ же подъ пазѹхою** (Никоновская летопись, XVI в., погодная запись за 1406 г.) [СлРЯ XI–XVII 5: 81].

В трёхъязычном словаре М. Похлина словенское *žleza* (в оригинальной записи – *shlęſa*) переведено немецким *die Pestilenz* и латинским *pestilentia* ‘чума’ [SPJ]. По всей вероятности, как и в древнерусском примере, *žleza* обозначало чумной бубон.

То же мы находим и в современных диалектах. В словенских говорах потомки *želza означают ‘(воспалённый) лимфоузел’: *žlę́ze* (pl.; пункт SLA 009), *žlę̑iza* (057–059), *žˈlę:za* (326, 381), *žˈlęzde* (pl.; 407), *žˈliẹzde* (pl.; 408), *žˈlẹ:zda* (409) [SLA 1/86]. Схр. чак. *zlîžnica* значит ‘лимфоузел в паху или на шее’ [Šimunović 2009: 1071; Benčić 2014: 509]. Болгарские диалектные континуанты *želza означают ‘миндалина, опухоль на теле’, ‘воспаление околоушных и подчелюстных слюнных желёз’, ‘гнойные прыщи по ногам’, ‘большой прыщ, чирей’ [БЕР 1: 550]. В русских говорах обнаруживаются значения ‘воспалённая железа, опухоль’, ‘затвердевшая опухоль’, ‘опухоль на шее’ [СРНГ 10: 198, 217, 218], ‘опухоль в пахах, образующаяся при воспалении какого-либо органа, расположенного рядом’, ‘железистая подчелюстная опухоль’, ‘болезнь домашних животных – затвердение вымени’ [СРНГ 9: 103].

Разумеется, несовременная семантика слова ‘железа’ была характерна не только для праславянского, но для других древних языков. Так, латинское слово *glandula* (диминутив от *glāns* ‘жёлудь’), которое в нынешней медицинской латыни обозначает всякую железу в современном понимании, в классическую эпоху относилось к миндалинам. Ср., например: At in ipsis cervicibus glandulae positae sunt, quae interdum cum dolore intumescunt. Deinde duo itinera incipiunt: alterum

asperam arteriam nominant, alterum stomachum. «В самой же шее расположены миндалины, которые иногда болезненно распухают. Далее начинаются два пути: один называют дыхательным горлом, другой – пищеводом» (Цельс, «О медицине», IV.1.2)[2]. Как синоним Цельс использует слово *tōnsilla*: Tonsillas autem, quae post inflammationes induruerunt, ἀντιάδες autem a Graecis appellantur, quum sub levi tunica sint, oportet digito circumradere et evellere – «Миндалины, которые затвердели после воспаления (греки называют их ἀντιάδες), поскольку они покрыты лишь тонкой оболочкой, следует отделять пальцем и вырывать» (VII.12.2). В свою очередь Плиний Старший проводил различие между этим словами, *tōnsilla* относилось к человеческому органу, *glandula* – к свиному: Tonsillae in homine, in sue glandulae («Естественная история, 11.175).

X.1.2. Этимология

Для слова *želza неоднократно пытались найти собственно славянские когнаты. Следует упомянуть о *gliza [Miklosich 1886: 408; ЭСБМ 3: 292], *želězo ‘железо’ [Трубачёв 1: 588; Трубачёв 2: 369–371], *žely ‘желвак’, *golwa ‘голова’ [Шанский 5: 281], *želǫdь ‘жёлудь’ [ЕСУМ 2: 229]. Все эти сопоставления основываются исключительно на созвучии, иногда весьма отделённом, и требуют выделения в *želza форманта *-za.

Эксплицитно такой формант выделяется в «Кратком этимологическом словаре русского языка» (почему-то с отсылкой к слову *дерезá*, где суффиксом является *-ez-) [КрЭС 1975: 143], однако, как было указано уже А. Вайаном, такого суффикса в праславянском не было, хотя в русском и словенском есть отдельные слова на *-oz-*: рус. *егозá*, *елóзить*, *стрекозá*, слвн. *grámoz* ‘щебень’, *halǫ́za* (вост. диал.) ‘заросли’ [Vaillant 4: 717].

По всей вероятности, на собственно славянской почве в слове *želza никакого суффикса вычленить не получится, на что указывает наличие сравнительно надёжных внешних когнатов. К ним относятся лит. *gẽležuonys* (pl.), *gẽležuonės* (pl.), *gẽležūnes* (pl.) ‘мыт (у лошадей)’ со вторым *-e-*, возникшим под влиянием *geležìs* ‘железо’ [Буга 1912:

[2] Ту же семантику (‘(воспалённые) миндалины’) можно усмотреть и в других местах трактата Цельса: (о детских болезнях) At ubi aetas paulum processit, glandulae <…> oriuntur (II.1.19); (о переломах черепа) Si vero sub prima curatione febris intenditur <…> et in cervicibus glandulae oriuntur <…> (VIII.4.12).

249] и арм. *geļjk*‘ ‘железы’ [Martirosyan 2010: 204, 711], что даже позволяет некоторым исследователям считать данное слово диалектным индоевропейским названием железы (*ghelǵheh$_a$-) [Adams, Mallory 2006: 188].

В литературе реконструкции этого пракорня незначительно варьируются: *g^{h}elǵ^h- [Gluhak 1993: 712; ЭСБМ 3: 292; Bezlaj 5: 466; Králik 2015: 697; ERHJ 2: 623; Ligorio 2022], *g^{h}elǵ^{h}a [Skok 3: 684], *g$^{(w)h}$elǵ^h- [Martirosyan 2010: 711], *g^{h}elǵ^h-eh$_2$ [Derksen 2008: 557], *g^{h}el(e)ǵ^h- [Snoj 2016: 895; Rejzek 2001: 750; Boryś 2020: 9], *g^{h}lǵ^h-eh$_2$ [Derksen 2015: 169].

Имеются попытки добавить к этому сопоставлению и другие слова. В первую очередь это ср.-в.-н. *kelch* ‘зоб (болезнь)’ [Miklosich 1886: 408; Skok 3: 684]. Однако д.-в.-н. *kelah* (> ср.-в.-н. *kelch*) выводится из прагерм. *kelka(n)- ‘челюстная кость’, которое связывают с *kelōn- ‘горло’ [Kroonen 2013: 284].

Ещё одна гипотеза предполагает связь с др.-греч. γέλγις (gen. -ῑθος / -ῑδος / -ιος) ‘долька чеснока’, однако это слово, согласно указанию Р. Бекеса, неотделимо от ἄγλῑς (gen. -ῑθος) ‘головка чеснока’ и, вероятно, является субстратным заимствованием [Beekes, van Beek 1: 265]. Второй потенциальный когнат в греческом – γογγρώνη ‘опухоль на шее’ [Machek 1968: 729; ЭСБМ 3: 292; Boryś 2020: 9], что, впрочем, вряд ли возможно фонетически. Вдобавок это слово образовано от γόγγρος ‘угорь’ [Frisk 1: 318], так что и в семантическом отношении такое сопоставление не выдерживает никакой критики.

Наконец, М. Сной приводит сопоставление с лтш. диал. *dźałśs*, *dzẽlzs* ‘нижняя челюсть’ [М. Сной в Bezlaj 5: 466], не указывая, однако, источника, где были почерпнуты эти формы, тем самым затрудняя для читателя возможность их верификации.

На наш взгляд, при этимологизации праславянского *želza стоит всё же остановиться на традиционном сопоставлении с литовскими и армянским когнатами, а также на реконструкции корня как *g^{h}elǵ^h-.

X.1.3. Вторичные явления в форме слова

Праславянское слово подверглось ряду нестандартных изменений в отдельных языках и говорах.

С дистантной ассимиляцией *ж–з* > *з–з* мы сталкиваемся в части восточнославянского ареала. Формы *залóза* и *зáлоза* кодифицированы в белорусском и украинском литературных языках соответственно. В русских говорах то же явление представлено сравнительно широко:

псков., твер., смол., брянск., южн. *за́лоза*, *зало́за* ‘железа, затвердевшая опухоль’; псков., смол., говоры на территории Латвии, Литвы и Эстонии – *зало́зка* ‘id’ [СРНГ 10: 217], смол. *зало́зья* ‘железа, опухоль на шее’ [СРНГ 10: 218], перм. *залеза́* ‘воспалённая железа, опухоль’, сев.-двин. *за́лезы* (pl.) ‘id’ [СРНГ 10: 198], арх. и колым. *золо́за́* ‘железа; опухоль на шее’, холмог. *золоза́* ‘желчный пузырь у рыбы’, онеж. *золо́за* ‘печень у рыбы’ [СРНГ 11: 328]. Такая же ассимиляция представлена в случае укр. *залі́зо* ‘железо’.

Схр. чак. *zlîžnica* ‘лимфоузел в паху или на шее’ [Šimunović 2009: 1071; Benčić 2014: 509] выглядит как результат дистантной метатезы.

В болгарских говорах обнаруживается ряд вторичных форм, так или иначе модифицирующих исходное *želza > *лезá*: *лéга* (Бобошево), *жлюгá* ‘миндалина, опухоль на теле’ (Радуил), *жлогá* ‘воспаление околоушных и подчелюстных слюнных желёз’ (Ботевград), *жло́ка* ‘железа’, *жлу́ки* ‘гнойные прыщи по ногам’ (Софийская область), *жльо́ка* ‘большой прыщ, чирей’ (Говедарци, Доброславци). Аналогичные инновации можно найти в македонских говорах: мак. диал. *жле́жка* ‘железа’ (Килкис). Формы с *-г-* объясняются переосмыслением dat.-loc.sg. или nom.-acc.du. **жлѣзѣ** по аналогии с **ногѣ** : **нозѣ**. В случае форм на *-ка* видят влияние других диминутивных соматизмов *жлъчка* ‘желчный пузырь’, *слезка* ‘селезёнка’ и т. д. [БЕР 1: 550].

Ауслаутное *-зда* в македонском *жлезда* и сербохорватском *žlijézda* / *žlézda* носит ярко выраженный ареальный характер[3] и не может служить основанием для реконструкции *želzda, вопреки П. Я. Черных [Черных 1: 295]. Это явление получило несколько объяснений. Первое предполагает влияние формы прилагательного женского рода *želzьna, где *-d-* якобы возникло по аналогии со случаем *prazdna* > *prazna* ‘пустая’ [Skok 3: 683; Gluhak 1993: 711; ERHJ 2: 623–624; ПЕРСЈ 1: 364]. Второе объяснение, принадлежащее М. Сною, предполагает табуирование и экспрессию. В качестве аналогии Сной приводит словенское *zehati* > *zdehati* ‘зевать’ [Snoj 2016: 785]. Однако *-d-* в *zdehati* можно объяснить и иначе, например, влиянием глагола *vzdihati* ‘вздыхать’. Согласно третьему объяснению, на ауслаут македонской и сербохорватской форм могло повлиять слово *gwězda ‘звезда’ [ПЕРСЈ 1: 364; Цветановски 2025: 574], что возможно, но несколько пробле-

[3] В словенских говорах *-zda* представлено только в говорах на территории Хорватии: *žˈlęzde* (pl.) ‘лимфоузлы’ (пункт 407), *žˈlięzde* (pl.) ‘id’ (408), *žˈlę:zda* (409) ‘id’ [SLA 1/86]. По-видимому, все эти формы являются кроатизмами.

матично в семантическом отношении. Последнее объяснение снова отсылает нас к феномену табу [ПЕРСJ 1: 364], что, кажется в данном случае решением ad hoc. Отметим также, что в славянских языках имеются и другие примеры появления неэтимологического взрывного рядом со спирантом, например, рус. диал. *мозго́ль* ‘мозоль’ [СРНГ 18: 204], *уважда́ть* ‘уважать’ [СРНГ 46: 154].

Польское *zołzy* (pl.) ‘мыт (у жеребят), а также в.-луж. *žałza* ‘железа’, н.-луж. *załza* ‘id’ как будто дают основания для реконструкции формы с нулевой ступенью в корне – *žьlza [Bezlaj 5: 466; Derksen 2008: 558; Аникин 16: 198]. Ср. развитие *ьl после шипящих в польском: *czołgać się* ‘ползти’, *czółno* ‘чёлн’, *żółć* ‘жёлчь’, *żółw* ‘черепаха’, *żółty* ‘жёлтый’. В лужицких языках обычным рефлексом является *-oł-*: в.-луж. *žołč* ‘жёлчь’, *žołty* ‘жёлтый’, *čołm* ‘чёлн’, *žołma* ‘дятел’; н.-луж. *žołc* ‘жёлчь’, *žołty* ‘жёлтый’, *colń* ‘чёлн’, *žołma* / *žołna* ‘дятел’, однако в нижнелужицком иногда можно встретить и *-ał-*: н.-луж. диал. и устар. *pałny* ‘полный’, н.-луж. *wałma* ‘шерсть’, н.-луж. устар. *žałty* ‘жёлтый’ (в отличие от польского, в лужицких языках не различаются рефлексы *ьl после шипящих и губных) [Schaarschmidt 1998: 71]. Ограниченный ареальный характер таких форм, однако, заставляет сомневаться в их праславянской древности. Кроме того, наличие разных ступеней аблаута в корне ожидалось бы у древней корневой основы, но ничто не указывает, что *želza к таковым когда-либо относилась. В качестве альтернативного объяснения можно предположить влияние слова *zьlčь, возможно, на основании внешнего сходства желчного пузыря с некоторыми железами.

X.2. Инновационные названия железы

Польское *gruczoł* ‘железа’ продолжает древнепольское *gruczoł* ‘опухоль (на горле или спине)’ [SStp 2: 505]. В XVI веке это слово всё ещё значило ‘нарыв, опухоль, отёк; уплотнение в женской груди’ [SPXVI 8: 167–168]. Этимологически *gruczoł* образовано от *grucza*, сохранившегося в диалектах в значениях ‘шишка, опухоль на теле, отёк, например, увеличенные лимфоузлы; горб; глыба, груда; полный человек (также в качестве оскорбления); (в pl.) отёк на горле; (в pl.) любая болезнь горла’ или *grucz* ‘шишка, опухоль’ [SGP 29: 248]. Суффикс (*-el- >) *-oł-* тот же, что в словах *giczoł* ‘нога (разг.)’, *kwiczoł* ‘дрозд-рябинник’, *żywioł* ‘стихия’. О. Н. Трубачёв сопоставлял польское слово с болг. диал. (Тетевен) *гр̀чел* ‘скомканная, спутанная

часть ниток или пряжи’ и видел здесь древнюю польско-болгарскую изоглоссу, позволяющую реконструировать праслав. *gъrčelъ ‘комок’ [Трубачёв 2: 155–157]. Однако В. Борысь в качестве более правдоподобных родственников польского слова видел слвн. *grúča* ‘толпа; куча’ и схр. кайк. *grȕča* ‘букет, связка’ [Boryś 2005: 182], что по фонетическим причинам исключало бы родство с болгарским словом.

В белорусских говорах в значении ‘железа’ можно встретить формы *жалва́к*, *жаўла́к* [ЧТС 2006: 177] с очевидным дрейфом ‘желвак’ > ‘железа’. При этом *жаўла́к*, конечно, является результатом метатезы сложнопроизносимой группы *-лв-*, и совершенно недопустимо выводить эту форму из *ževl-akъ < *geu̯l-, вопреки ЭСБМ [ЭСБМ 3: 219]: это противоречит законам исторической фонетики, из *geu̯l- могло получиться только *žul-.

Тот же корень обнаруживается в русском диалектном *жёлви* ‘гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)’ [СРНГ 9: 102].

Пол. устар. (в трудах Людвика Пежины) *zawałka* ‘железа’ [Wysocka 1994: 159], пол. диал. *zawałki* (pl.) ‘болезнь шейных желёз у детей; болезнь свиней’, *zawalnica* ‘боль горла; отёк и язвы на шее; болезнь горла у людей и животных, заключающаяся в сильном опухании желёз’ [Karłowicz 6: 332], укр. диал. *zawały*, *zawałky* (pl.) ‘золотуха’ [Janów 2001: 65], *зава́ли* (pl.) ‘ангина’ [СБГ 2005: 123], бел. диал. *зава́л*, *зава́лка*, *зава́лкі* (pl.) ‘железа’ [ЧТС 2006: 177], рус. диал. *зава́л* ‘желвак’ [СРНГ 9: 291], *зава́лка* ‘распухание подчелюстных желёзок; о болезнях, связанных с распуханием горла или желёзок (ангине, дифтерите и свинке)’ [СРНГ 9: 293] образованы от глагола ‘завалить’ в связи с тем, что опухшие миндалины закупоривают, «заваливают» горло [ЕСУМ 2: 216][4].

[4] Пол. *zawał* ‘инфаркт’, вероятно, калькирует лат. *īnfarctus*, дериват от *īnfarcio* ‘набиваю, втискиваю’.

XI. СЕРДЦЕ

XI.1. Праславянское *sьrdьce

Название сердца было унаследовано праславянским из праиндоевропейского *ḱerd (gen. *ḱr̥des), чьи континуанты сохранились в большинстве индоевропейских языков [NIL 2008: 417–423]. Это слово относилось к основам на согласный, ср. греческое гомеровское κῆρ (только nom. и acc.), лат. *cor* (gen. *cordis*) ‘сердце’. В праславянском оно перешло в *-i-основы с обобщением в корне ступени редукции: *sirdi (n.) > *sьrdь. Аналогичное изменение произошло в восточнобалтийских языках: лит. *širdìs* (f.), лтш. *sir̂ds* (f.). В корне их прусского когната *seyr* наблюдается полная ступень. В праславянском мы также находим дериват от этого корня на полной ступени: *serdā > *serda ‘середина’. В дальнейшем происходит вытеснение старой формы диминутивом: *sirdi > *sь̄rdьko[1] ‘сердце’ (первоначально ‘сердечко’), так же как *sulni > *sъ̄lnьko ‘солнце’ (первоначально ‘солнышко’).

В отдельных славянских языках праязыковое *sь̄rdьko > *sь̄rdьce сохраняется очень хорошо. Это форма присуща большинству литературных языков (болг. *сърцé*, мак. *срце*, схр. *sr̂ce*, слвн. *srcę̂*, чеш., слвц. *srdce*, укр. *сéрце*, рус. *сéрдце*) и диалектов [ОЛА ФГ 6/70; AJŚ 4: 628]. В хорватском переселенческом говоре города Круч / Аккуавива-Коллекроче в Италии (пункт ОЛА 44a), утратившем средний род, отмечена форма *sə̀r̂:c* (m.) [ОЛА ФГ 6/70]. В некоторых русских говорах слово *сéрдце* может быть мужского рода [СРНГ 37: 189].

В болгарских говорах *sь̄rdьce пережило ряд семантических дрейфов: *сърцé* ‘матка (женщины)’, ‘желудок (животного)’, *сърце* ‘желудок, живот’, *ср̥̀це* ‘внутренности’ [БЕР 7: 681].

В русских говорах *сéрдце* в дополнении к основному значению может значить ‘желудок’ (в контексте боли, болезни), ‘ложечка (подгрудная впадина повыше желудка)’, ‘часть брюшной полости человека, находящаяся под ложечкой’, ‘часть брюшной полости человека,

[1] Акцентуация согласно Kapović 2005.

находящаяся под желудком’, ‘внутренние органы человека’ [СРНГ 37: 190].

XI.2. Инновационные и заимствованные названия сердца

Инновации мы находим только в полабском (*žiwotъ > *zaiv̯ət*; *žiwotъkъ > *zaiv̯åtək* [SEJDP 6: 1054, 1055]) и лужицких языках (*ǫtroba > в.-луж. *wutroba*; н.-луж. *wutšoba*).

Что касается заимствований, в словенском говоре Равна Гора (пункт SLA 412) наряду с исконным ˈ*sərce* обнаруживается германизм ˈ*xeːrc* [SLA 1/148]. Кроме того, влиянием чешского *srdce* объясняется непалатальность первого согласного в польск. *serce* вместо древнепольского *sierce* [Boryś 2005: 542] (ср. *rozsierdzić się* ‘рассердиться’ с сохранением качества этого согласного). Соответственно, твёрдость первого согласного в белорусском литературном *сэ́рца*, предположительно, вызвана уже польским влиянием.

XII. ПАРНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЁГКИХ И ПЕЧЕНИ

XII.1. Принципы парной номинации внутренних органов

Названия крупных внутренних органов, печени и лёгких (иногда также сердца или селезёнки), в некоторых языках мира вступают в своеобразные отношения, когда название одного органа служит базой для образования обозначения другого, причём образуются парные, реже троичные, коллокации. В основе этого лежит тот факт, что при разделке животного именно лёгкие и печень являются одними из самых больших и важных внутренностей. Друг другу их можно противопоставить как по цвету (чёрный или красный – белый) и консистенции (твёрдый – мягкий), так и по тому, всплывают они в сосуде с водой или тонут (лёгкий – тяжёлый).

Данное явление довольно широко распространено в языках мира, в том числе за пределами Евразии, например, в языках кечуа. Так, в языке имбабура представлена триада: *shungu* ‘сердце’ – *yurak shungu* ‘лёгкие’ (= «белое сердце») – *yana shungu* ‘печень’ (= «чёрное сердце»). В анкашском можно обнаружить пары *shunqu* ~ *shonqu* ‘сердце’ – *yuraq shunqu* ‘лёгкие’ (= «белое сердце») и *ñatin* ‘печень’ / *yana ñatin* ‘печень’ (= «чёрная печень») – *yuraq ñatin* ‘лёгкие’ (= «белая печень») [Urban 2022: 361].

XII.2. Тяжёлая печень – лёгкие лёгкие

Противопоставление *ciężka wątroba* ‘печень (животного)’ – *lekka* / *letka wątroba* ‘лёгкие (животного)’ представлено на территории двух третей исторической Мазовии, на территории к северу от Вислы. На территории к югу от Вислы эти органы называются *wątroba* и *lekkie* соответственно. Есть отдельные говоры, в которых печень называется *ciężkie*. В части говоров к северу от Вислы существуют также обозначения *dudy ciężkie* – *dudy lekkie*/*letkie*. В отдельных говорах зафиксированы только *dudy ciężkie* или наоборот только *dudy lekkie*/*letkie*. Встречаются также говоры, в которых существительное *dudy* употре-

бляется без прилагательных и обозначает либо печень, либо лёгкие, либо и то и другое [AGM 1/19]. Слово *dudy* пережило семантический дрейф от названия музыкального инструмента сначала к обозначению лёгких и лишь потом расширило свою семантику на внутренности вообще (ср. [Karłowicz 1900: 388; SGM 1: 84]).

«Малый атлас польских говоров» демонстрирует ещё более широкое распространение коллокации *letka wątroba* ‘лёгкие’ к востоку, северо-востоку и западу от исторической Мазовии [MAGP 7/345].

Значительно менее распространено такое противопоставление в силезских говорах: *ćyṣḱe puca* ‘печень животного’ – *leḱe puca* ‘лёгкие’ (пункт 25, Старча), *ćynške* puca ‘печень животного’ – *puca leke* ‘лёгкие животного’ (28, Ханусек); *c’ašḱe pluca* ‘печень’ (56 – Ошчадница, Словакия) [AJŚ 3/483; 4/629].

Данные коллокации были заимствованы в белорусские говоры вокруг Белостока в виде *ć'ęška ventrˈoba* ‘печень’ и *l'etka ventrˈoba* ‘лёгкие’ (ареалы коллокаций не в точности соответствуют друг другу) [AGWB 5-1/33, 34].

«Общеславянский лингвистический атлас» фиксирует модель «тяжёлая печень» (печень) – «лёгкая печень» (лёгкое) в двух польских населённых пунктах: *vǫntroba ćęska – vǫntroba letka* (272); *ventroba*, *ćęska ventroba – l'etka ventroba* (287). В белорусских говорах представлены следующие обозначения: *c’ašˈk’ija ˈp’ečan’i – ˈl’oxk’ija*, *ˈl’oxk’ija p’ečaˈn’i*, *l’axˈk’ija p’ečaˈn’i* (331); *vantˈroba*, *c’ašˈk’jia – ˈl’oxk’ija* (337); *c’ašˈk’ija – ˈl’oxk’ija* (338); *ˈc’ašk’ija ˈp’ečan’i – ˈl’oxk’ija* (365); *p’aˈčonka* ‘печень человека’, *c’ažˈkoja* ‘печень животного’ – *ˈl’oɣk’ija* (392). В украинских говорах: *važ’na(ja) piˈčen’a – ˈɬexk’i pičɘˈn’i* (404); *puˈč’inka*, *t’ašˈk’i puč’inˈk’e* ‘печень животного’ – *ˈɬexk’i*, *pˈl’uca* ‘лёгкие человека’, *ˈɬexk’i puč’inˈk’e* ‘лёгкие животного’ (413); *peˈčuŋka t’ašˈka – ˈlyxk’i* (484) [ОЛА ЛС 9/53, 54].

В полесских украинских говорах данная модель отмечена в северо-западном углу Волынской области при границе с Польшей и Белоруссией: *ˈважна пиˈч’інка*, *важˈна пеˈч’інка*, *ˈважни ˈпечани*, *ˈважна пиˈчен’а* (Свитязь, Згораны, Мызово, Поворск), *ˈт’ежка пеˈч’інка*, *ˈт’ежка пиˈчен’а* (Штунь, Соловичи) – *ˈлехка пеˈч’інка*, *ˈлехка пиˈч’інка*, *ˈлехка пиˈчен’а* (Свитязь, Мызово, Штунь, Соловичи, Поворск), *ˈлехк’і ˈпечани* (Згораны) [Куриленко 2004/68]; *важна́ пеᵘче́н’а – ле́хка пеᵘче́н’а* (Куснища) [Аркушин 1: 42, 281].

В надсанских говорах на территории Польши записаны аналогичные обозначения печени – *ťaskˈa ručiŋka* (Пискоровице), *ťeškˈa ručiŋka*

(Дзикув-Стары), *ťešḱi pėčiŋḱy* (Люблинец-Новы), *pečiŋḱi ťašḱiji* (Лисе-Ямы), *ťešḱa pičiŋka* (Ляшки). Надсанскому говору на территории Украины (Старява) известно противопоставление *ḱašḱi pečiŋḱy̯ᵉ* ‘печень’ – *łexḱi pečiŋḱy̯ᵉ* ‘лёгкие’ [AUGN 1: 38][1].

Ту же модель мы находим и в словацких диалектах: *čašká pečeň* ‘печень’ – *ľachka pečeň* ‘лёгкие’ (Кисуцке Нове Место и окрестности) [SSN 2: 762].

То же представлено в нескольких нижнелужицких говорах: *śěśḱɛ i̯ěča* ‘печень’ – *lašḱɛ i̯ěča* ‘лёгкие’ (пункты SSA 1[2], 22, 23, 28). В некоторых других пунктах лёгкие обозначаются как «лёгкая печень», однако печень сохраняет просто название: *i̯ɛča – lašḱɛ i̯ɛča* (2, 3), *i̯ěča – lašḱɛ i̯ěča* (27, 29), *labra – lófḱɛ labra* (104) [SSA 6: 142–145].

Как мы видим, центром ареала «тяжёлой печени» являются польский и нижнелужицкий языки. Белорусские, украинские и словацкие диалектные данные скорее объясняются польским влиянием, на что указывает их география.

Конечно, далеко не всегда в языке представлены оба члена модели. Яркий пример – восточнославянская инновация *лёгкие*, которой на большей части ареала не противопоставлено ничего «тяжёлого» (о схожем обозначении, широко распространённом в романском мире, см. [Zauner 1902: 157]), и аналогичный случай в прагерманском – *lungōn от *h_1lŋg^{wh}- ‘лёгкий’ (см. [Kroonen 2013: 344] с другими семантическими параллелями). Обратный случай – семитское обозначение печени как «тяжёлой» (др.-евр. כָּבֵד [kāḇēd] и др. [Klein 1987: 268]).

XII.3. Твёрдая печень – мягкие лёгкие

Противопоставление «твёрдой» печени «мягким» лёгким известно нижнелужицким говорам, причём в качестве существительного в составе коллокаций может использоваться и исконное обозначение печени (*ętra), и название лёгких (*plʹuťa) [SSA 6: 142–145] (см. табл. 13).

«Македонский диалектологический атлас» фиксирует обозначение *тврт µʲигер* ‘печень’ в одном говоре (пункт МДА 24а) [МДА 1/85].

Такая модель номинации известна и в романских языках. Так, во французском говоре коммуны Варен (Varennes, департамент Сомма)

[1] Старява является как пунктом 31 AUGN, так и пунктом 26 AGB, где также отмечена данная коллокация [AGB 3/159].

[2] В пункте 1 печень может также обозначаться как просто *i̯ěča*.

Таблица 13

Твёрдая печень и мягкие лёгкие в нижнелужицких говорах

№ НП	название НП	печень	лёгкие
*ę̣tra			
20, 21	Бризен, Гуров	tu̯ardɛ i̯ɛča	ḿɛḱɛ i̯ɛča
30	Глинциг	i̯ěča	ḿěḱɛ i̯ěča
32	Цазов	i̯ɛča tu̯ardɛ i̯ɛča	ḿěḱɛ i̯ěča
33	Зилов	i̯ɛča tu̯ardɛ i̯ɛča	luŋga
*pl̓ut̓a			
9, 11, 12, 13	Шёнхёэ, Йеншвальде, Хорно, Хайнерсбрюк	tu̯ardɛ pluca	ḿěḱɛ pluca
15, 44, 46	Бэренбрюк, Габленц, Коппац	tu̯ardɛ puca	ḿeḱɛ puca

засвидетельствовано противопоставление твёрдых и мягких внутренностей: *trĭ̯p dūr* ‘печень животного’ – *trĭ̯p mò̯l* ‘лёгкое животного’ [ALF/585, 1073]. В литературном французском существует *molle* ‘лёгкое животного’ (дословно ‘мягкое’). В сурсельвском руманшском присутствуют пара *dir* ‘твёрдый’ – *lom* ‘мягкий’ > *dir* ‘печень’ – *lom* ‘лёгкое’ [Decurtins][3]. То же, но в виде коллокации с существительным *curaglia* мы находим и в сурмиранском говоре Бергюна (Bergün / Bravuogn): *curaglia lomma* ‘лёгкое животного’ – *curaglia digra* ‘печень животного’ [DRG][4].

[3] Форма *dir*, бесспорно, восходит к латинскому *durus* ‘твёрдый’, а вот форму *lom* пытались вывести из латинского *lāma* ‘болото, топь’, но более вероятным кажется, что это заимствование из немецкого *lahm* ‘хромой; вялый (в переносном значении)’ [Meyer-Lübke 1911: 350]. В плане фонетики ср. формы *rom* ‘ветка’ < лат. *rāmus* и *rom* ‘рама’ < нем. *Rahmen*.

[4] В соседнем говоре населённого пункта Лач (Latsch) обнаруживается цветовая пара: *curaglia cuetschna* («красная») ‘лёгкое животного’ – *curaglia negra* («чёрная») ‘печень животного’. Впрочем, печень может обозначаться и как *curaglia digra* [DRG], возможно, под влиянием близкого говора Бергюна. Аналогичные обозначения лёгкого животного существуют в сурмиранском говоре Альваной (Alvaneu / Alvagni): *curaglia lomma*; и в верхнеэнгадинском говоре Санкт-Морица (St. Moritz / San Murezzan): *curaglia cotschna* [DRG], однако в этих случаях мы не располагаем информацией о том, как звучит второй член пары.

XII.4. Чёрная печень – белые лёгкие

XII.4.1. Персидский и тюркские языки

Описание славянских «цветных» обозначений печени и лёгких невозможно без помещения их в более широкий контекст соседних языков.

Праиндоевропейское название печени, *i̯ekʷr̥, сохранилось в классическом персидском языке в форме *ǰigar*, которая в современном персидском звучит как *ǰegär*. Здесь же представлены две коллокации на основе этого существительного: *ǰegär-e siyāh* ‘печень’ и *ǰegär-e sefid* ‘лёгкие’ (*siyāh* – ‘чёрный’, *sefid* – ‘белый’).

Как само слово *ǰegär*, так и модель обозначения печени и лёгких как «чёрное X» и «белое X» были заимствованы в тюркские языки. Без прилагательных мы находим его в халадж. *ǯiger* ‘печень’, узб. *jigar* ‘id’, каз. *жігер* ‘воля, усилие, рвение’ [СИГТЯ 2006: 839; Räsänen 1969: 126]. Коллокации представлены прежде всего в турецком и азербайджанском: тур. *karaciğer* ‘печень’, *akciğer* ‘лёгкие’ (*kara* – ‘чёрный’, *ak* – ‘белый’), азерб. *qaraciyər* и *ağciyər*[5]. Вероятно, турецким влиянием объясняются аналогичные крымскотатарские *къара джигер* и *акъ джигер*; гагаузские *кара җеер* и *ак җеер* [ГРМС 1973: 185].

Как мы увидим дальше, под влиянием тюркских языков как само слово *ciğer*, так и «цветовая» модель получили очень широкое распространение. По характеру развития большинство случаев можно разделить на три категории:

- заимствование: для обозначения печени или реже лёгких заимствуется слово *ciğer*;
- заимствование + калькирование: заимствованное *ciğer* снабжается прилагательными «чёрный» (для печени) и «белый» (для лёгких);
- калькирование: в качестве существительного в составе коллокации используется исконное для данного языка слово ‘печень’, ‘лёгкое’ или ‘внутренности’.

Кое-где ситуация усложняется тем, что для человеческих и животных внутренностей используются разные обозначения.

[5] Мы не перечисляем в этом ряду аналогичную конструкцию в одном из кумыкских диалектов (см. ниже), поскольку там это, по всей вероятности, калька, вызванная азербайджанским влиянием.

XII.4.2. Языки Кавказа

Слово *ciğer*, а также модель обозначения печени и лёгких как «чёрное Х» – «белое Х» проникли в некоторые языки Кавказа, находящиеся в контакте с азербайджанским и турецким:

а) лезгинские языки [Kassian; Comrie, Khalilov]:

• удинский (ниджский диалект): *маъйин папаш* /maˤjin papaʃ/ (= ‘чёрный потрох’) ‘печень’;

• удинский (варташенский диалект): /maˤin puʃˤpuʃ/ ‘печень’, и, вероятно, также прямое заимствование из азербайджанского /ʤigær/ ‘печень’;

• крызский: *лаьхIаь лаьхIкаьн* /læħæ læħkæn/ ‘печень’ при *лаьзи лаьхIкаьн* /læzi læħkæn/ ‘лёгкое’ и *бегил лаьхIкаьн* ‘селезёнка’ (*лаьхIаь* – ‘чёрный’, *лаьзы* – ‘белый’, *бег* – ‘сбоку’);

• крызский (алыкский диалект): /taχul/ ~ /leha taχul/ ‘печень’ (/leha/ – ‘чёрный’) или /ʤigar/ ‘печень’;

• будухский: *лаькь* /læq’/ ~ *лагIалекь* /laʕa leq’/, *лагIа лаькь* /laʕa læq’/ ‘печень’ при *лузулекь* /luzu leq’/ ‘лёгкое’ (*лагIа* – ‘чёрный’, *лузу* – ‘белый’);

• рутульский (мухадский диалект): /laq’/ ~ /liχˤdi laq’/ ‘печень’ (/liχˤdi/ – ‘чёрный’);

• лезгинский (кубинский диалект): *чIулов лекь* /ʧ’ulow leq’/ ‘печень’ при *лацу лекь* /latsu leq’/ ~ *лацу джигер* /latsu ʤiger/ ‘лёгкое’ (*чIулов* – ‘чёрный’, *лацу* – ‘белый’);

• табасаранский (литературный): *ликI* /lik’/ ~ *кIарýликI* /k’arˈu lik’/ ‘печень’ при *лизи́ликI* /lizˈi lik’/ ‘селезёнка’ (*кIарý* ‘чёрный’, *лизи́* ‘белый’) и *жиге́рар* (pl. t.) ‘лёгкие’ [ТРС 2001: 213, 218, 161];

б) хиналугский: *мичIаь бийар* /miʧ’ä bijˈar/ ‘печень’ при *хьырыцI бийар* /xjirɨtsˈ bijˈar/ ‘лёгкое’ и *джигаьр* /ʤigær/ ‘лёгкое’, *бийардыр* ‘лёгкие и печень’ (*мичIаь* – ‘чёрный’, *хьырыцI* – ‘белый’) [Kassian; Comrie, Khalilov];

в) лазский: *ǯigeri* ‘печень’ [Климов, Халилов 2003: 90];

г) татский (еврейский диалект): *жигер* ‘печень’ [Comrie, Khalilov];

д) кумыкский (говор села Туменлер Кайтагского района Дагестана): *къора бовур* ‘печень’ при *акъ бовур* ‘лёгкое’ (*къара* – ‘чёрный’, *акъ* – ‘белый’), слово *бовур* при этом является континуантом пратюркского названия печени.

XII.4.3. Албанский, греческий, арумынский, мегленорумынский

Другим направлением, по которому распространялись слово *ciğer* и коллокации «чёрное X» – «белое X», было европейское.

Среди неславянских языков мы находим данную модель прежде всего в албанском: *mëlçi* ~ *mëlçi e zezë* ‘печень’ при *mëlçi e bardhë* ‘лёгкое’ (само слово *mëlçi* заимствовано из ит. *milza* ‘селезёнка’ [Orel 1998: 259]; *zi* – ‘чёрный’, *bardhë* – ‘белый’), диал. *mushkni e zez*, *mushkni e bardh* (*mushkni* – ‘лёгкие’) и т. д. [Kyriazis 2012: 140; ALE 1.9: 7].

Также она присутствует в некоторых греческих диалектах: *škʲot’ mʲavru* ‘печень’ (Ерáтура; (συκώτι >) *škʲot’* – ‘печень’, *mʲavru* – ‘чёрный’) [Домосилецкая 2011: 76], μαύρο πλεμόνι (Эпир; πλεμόνι – ‘лёгкие’) [Kyriazis 2012: 140], кипр. *vlangʲin mʲavrɔn*, где *vlangʲin* – континуант др.-греч. σπλάγχνον ‘внутренность’ [ALE 1.9: 5].

Нанесём вышеописанный материал на карту:

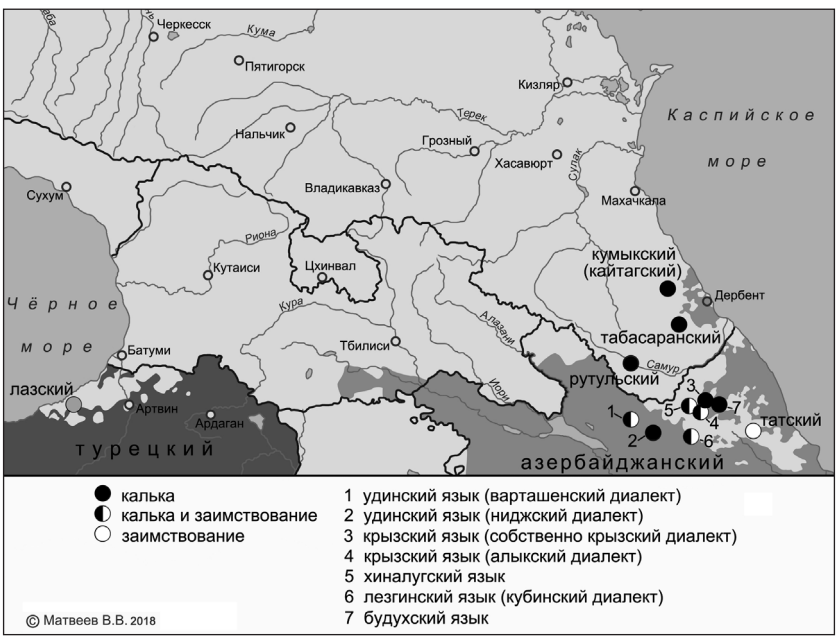

Рис. 4. Модель «чёрное X» – «белое X», а также прямое заимствование слова *ciğer* в кавказских языках (ареалы турецкого и азербайджанского языков закрашены)

В греческом также присутствует как непосредственное заимствование τζιέρι ~ τζιγέρι ‘печень, внутренности’, так и полукалька – το μαύρο τζιέρι [Meyer 2: 271–272].

Полная калька типа *l'ai^{u} ihk'at^{u}* (*l'ai^{u}* – ‘чёрный’, *ihk'at^{u}* – ‘печень’) характерна и для части арумынских диалектов [Бара et al. 2005: 338; Gołąb 1984: 220]. По данным арумынского диалектного атласа, эта коллокация встречается в следующих пунктах (в скобках дан номер населённого пункта в сетке ALAR): Болгария – Благоевград (1), Лопово (10); Македония – Убого (7), Крушево (11), Горна Белица (13), Долна Белица (14), Гопеш (15), Маловиште (16), Трново (17); Греция – Ано Пороя (Άνω Πορόια, 12), Ксироливадо (Ξηρολίβαδο, 29), Авделла (Αβδέλλα, 40), Писодери (Πισοδέρι, 53); Албания – Нича (Niçë, 21), Грабова-э-Сипэрме (Grabovë e Sipërme, 22) [ALAR 1: 273]. Обнаруживается она и в мегленорумынском: *négru drob*, *nęgri dróbur* [ALAR 1: 273].

Отметим наличие на Балканах и другой цветовой модели – «красное Х» как ‘лёгкие’: алб. *mëlçi e kuqë* (*kuq* – ‘красный’), греч. το κόκκινο τζιέρι [Meyer 2: 271–272].

XII.4.4. Болгарский, македонский, сербохорватский

Южнославянские данные хорошо задокументированы в «Общеславянском лингвистическом атласе» [ОЛА ЛС 9/53, 54] и «Македонском диалектном атласе» [МДА 1/85].

В восточной подгруппе южнославянских языков обнаруживаются два варианта обозначения печени и лёгких: калька турецкой модели при помощи слова *дроб* (например, болг. литер. *черен дроб – бял дроб*) или при помощи заимствованного *джигер* (например, *cr̨n ǯiger – beł ǯiger* (Дихово, пункт ОЛА 101)).

Нельзя не согласиться с Я. Сятковским, что первичен вариант с *дроб*, а вариант с *джигер* появился уже позднее [Siatkowski 2012: 239–240]. Об этом свидетельствует в первую очередь дистрибуция этих вариантов: *джигер* занимает центральную часть на карте, разрезая ареал слова *дроб* на две части. В периферийном пункте 143 (Козичино) на крайнем востоке Болгарии, изолированном от основных ареалов *дроб*, фиксируется как *дроб*, так и *джигер*: *ˈče:rən dˈro:p*, *ǯiˈge:r* – ‘печень’, *ˈb'a:ł dˈro:p*, *ǯiˈge:r* – ‘лёгкое’. Обозначение *ˈčərin drop* также обнаруживается у банатских болгар в Румынии (пункт ОЛА 167).

Кроме того, в некоторых пунктах печень уже называется словом *джигер*, но в значении ‘лёгкое’ ещё фиксируется *дроб* (например, Ракотинци (пункт ОЛА 94): *cr̨n ǯiger* ‘печень’ – *beł drop* ‘лёгкое’; Пеш-

тани (ОЛА 99): *cərn žiger* ‘печень’ – *beł žiger*, *beł drop* ‘лёгкое’), а как показывает материал самых разных языков, движителем процесса заимствования и калькирования обычно были обозначения печени.

Для ряда болгарских пунктов ОЛА фиксирует в качестве названия печени только *джигер* без цветообозначения (пункты 122, 127, 128, 135, 143, 144), однако без более тщательного изучения вопроса сложно сказать, насколько это отражает реальную ситуацию.

Нанесём вышеописанный материал на карту:

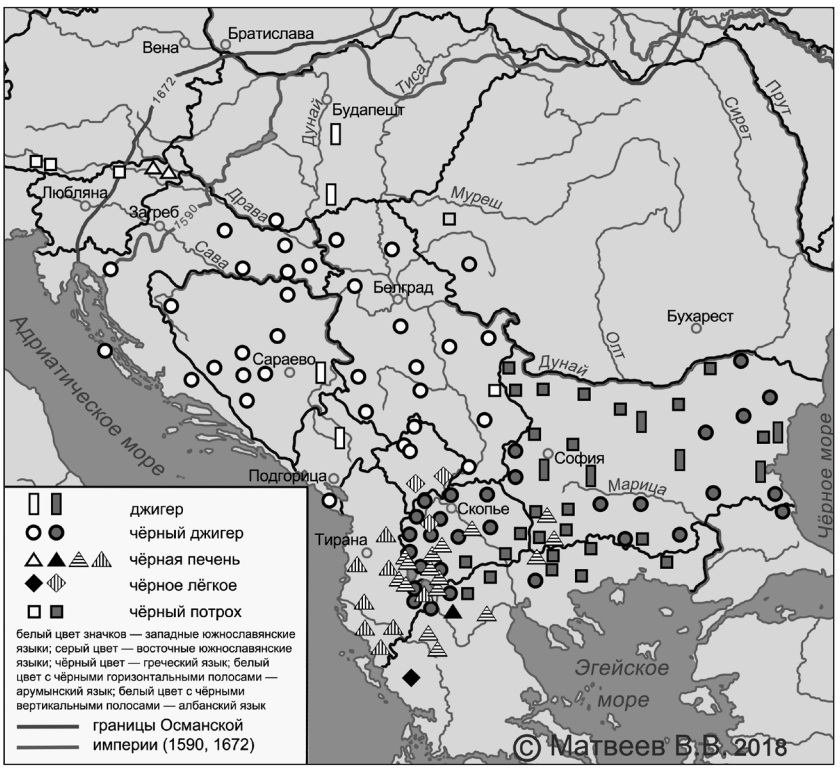

Рис. 5. Модель «чёрное Х» – «белое Х», а также прямое заимствование слова *ciĝer* на Балканах и в словенском языке

На сербохорватской языковой территории мы наблюдаем несколько более сложную картину. Здесь отчасти сохраняются континуанты праславянского названия печени – *ętro. Кроме того, в части ареала

значение ‘печень’ приобрели суффиксальные континуанты другого праславянского слова – *ǫtroba. На это наложилась полукалькированная турецкая модель – *crna žigara* / *žigerica*. Менее, чем полукалька, распространена калька – *crna utrobica* (пункты ОЛА 71, 74, 75, 76, 77), а в одном пункте (Жминь, ОЛА 22) – *čˈr̨na koroˈdela* (дословно ‘чёрные внутренности’) наряду с *utˈroba*.

В ряде пунктов ОЛА фиксирует два варианта, иногда с семантической дифференциацией, например, Паковраче (пункт 68): *jètra*, *cr̨̀:na žígerica* (у животного); Требальево (76): *cr̨̀na: útrobica*, *žìgarica*.

Прямое заимствование *džiger* отмечается уже в XVI веке в Дубровнике [Skok 1: 473].

Отдельно отметим интересную ситуацию в пункте 24 (Добринь), где в значении ‘печень’ сохранилось исконное ˈ*je:tra*, а заимствованное ˈ*žigerica* приобрело значение ‘лёгкие’.

XII.4.5. Венгерский, румынский, словацкий и украинский

В венгерском модель «чёрное X – белое X», по всей вероятности, отсутствует. Во всяком случае, A Magyar Nyelvjárások Atlasza [AMNA 3/426] фиксирует только фонетические вариации литературного *máj* ‘печень’. В то же время в венгерском имеется прямое заимствование *zsiger* ‘внутренности, потроха’.

В румынском мы находим как прямое заимствование из турецкого, так и кальку [NALR 1967/92, 108; NALR 1969/104; NALR 1980/95; NALR 1987/67, 77; NALR 1992/150; NALR 1996/73]. Прямое заимствование обнаруживается в восточной и юго-восточной части румынской Добруджи в виде *ĝiġėr* ~ *ĝiġir* ‘печень’ (пункты NALR 874, 877, 896). Частично ареал непосредственного заимствования перекрывается с ареалом полукальки *ĝiġėr nėgru* (пункты 878, 883). Та же полукалька отмечена, по данным Общекарпатского диалектологического атласа, в Молдавии (пункт 126, Копанка) и Одесской области Украины (131, Плавни).

Особняком стоит отмеченное в пункте 896 противопоставление *ĝiġėru ắla roṣu* [красный *ĝiġėr*] ‘печень’ – *ĝiġėru ắla ȧlbu* [белый *ĝiġėr*] ‘лёгкие’[6]. Полные кальки встречаются на большей территории, причём в роли определяемого слова могут выступать унаследованное румынским из народной латыни слово *ficat*, обозначающее печень в литературном языке и большинстве говоров, унгаризм *mai*, распро-

[6] Наряду с исконными обозначениями *ficȧt* и *plămîne*.

странённый в этом значении и без прилагательного, *plămân* ‘лёгкое’ и *bojoc* ‘лёгкое’.

На юго-востоке Баната распространена коллокация типа *ficȧtu ṅĕgru* или *ficȧtu̯ al ṅĕgru* (зачастую наряду с *ficȧt*), NALR фиксирует её в 14 пунктах. Тот же тип (с фонетическими и морфологическими вариациями) встречается в Мунтении и Добрудже (5 пунктов на северо-востоке и юго-западе), а также Олтении (7 пунктов, в пункте 936 также *plomîṅu nėgru*).

На северо-западе румынской Молдовы и в Буковине наиболее распространён вариант *plămîṅ nėgru* (43 пункта), реже *maị nėgru* (20 пунктов) и *ficȧt nėgru* (3 пункта). Зачастую для одного населённого пункта засвидетельствовано два или три наименования, в разных сочетаниях, как с цветообозначениями, так и без них.

Те же конструкции фиксирует Общекарпатский диалектологический атлас в Молдавии и на Украине: *plaˈmɨn ˈnegru* (Диновцы, Черновицкая область) и вариации на тему *ˈmajurɨ ˈnjagrɨ* (Косоуцы, Выхватинцы, Калинешты, Пуцинтей, Резены в Молдавии и Каменское в Одесской области) [ОКДА 4/19].

Отметим, что в Банате очень широко распространено сербохорватское заимствование *jîgărịță* (с вариантами), однако в значении ‘лёгкие’, а не ‘печень’[7]. Согласно данным NALR, в Трансильвании и Марамуреше[8] ни прямого заимствования, ни кальки не зафиксировано.

Коллокация типа «чёрное Х» на словацком материале в ОЛА не засвидетельствована. Однако обозначения *čierna pečeňa* и *čierna pečeň* фиксируются другими источниками. В письменных памятниках *černa pěčeňa* появляется в XVII веке. Отметим также параллельное обозначение «красная печень», перекликающееся с упомянутыми выше албанским, греческим и румынским: od nemocech jater aneb čerweneg pečene, также зафиксированное в XVII веке [HSSJ 3: 496].

«Словарь словацких диалектов» фиксирует *čiérná pečeňa* в Бошаце, Тренчьянский край (северо-западная Словакия) [SSN 2: 762]. Ф. Шуянский писал следующее: «Miesto jatrá ľud obyčajne hovorí čierna rečeňa», к сожалению, без уточнения ареала [Šujanský 1893].

---

[7] Интересная коллокация фиксируется в пункте 21: *ficȧțî din pępt* [*ficȧțî* в груди] ‘лёгкие’.

[8] В томе «Марамуреш» карта ‘печень’ отсутствует, однако поскольку в качестве обозначения лёгких фигурирует только исконное слово, мы полагаем, что эту ситуацию можно экстраполировать и на ‘печень’.

Беглый поиск показывает, что в литературе XIX века это обозначение попадается неоднократно. Так, венгерское *máj* переводится как *čierna pečeňa*, *jatra* [Mráz 1866: 357]; так же латинское *iecur* [Černý 1865: 31]. Оно появляется в переводе с венгерского „Cvičenia umu a reči“ [Nagy 1870: 123], а также в произведениях Мартина Кукучина [Kukučín 1958: 279]. Безусловно, словацкий материал нуждается в дополнительном изучении для определения временных и географических границ распространения рассматриваемой коллокации.

Нанесём вышеописанный материал на карту:

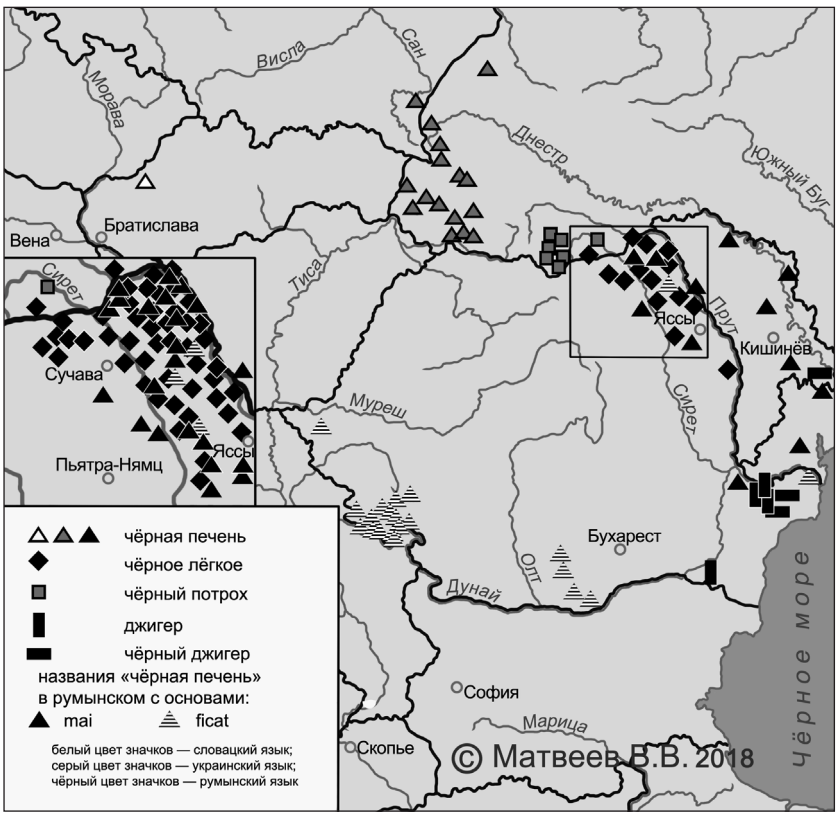

Рис. 6. Модель «чёрное X» – «белое X», а также прямое заимствование слова *ciĝer* в карпатском ареале

В украинских говорах также присутствует модель «чёрная печёнка» или, чаще, во множественном числе – «чёрные печёнки» (*ˈč’o̯r’n’i pyč’uŋˈky* и т. д.). ОЛА фиксирует её в четырёх пунктах в Закарпатской области Украины (Поляна, Довге, Торунь, Буштина) и одном (Туринка) Львовской. ОКДА отмечает эту модель в 10 пунктах Закарпатской (Малый Березный, Тухля, Ореховица, Порошково, Дусино, Малый Раковец, Нижний Быстрый)[9] и Львовской (Великая Линина, Турье, Лосинец) областей. Широко засвидетельствована она в «Атласе бойковских говоров»: пункты 1aS, 1bS, 2S, 3S, 2V, 4s, 5s, 11V, 12aV, 14, 18az, 21, 37, 43, 44, 47az, 50az, 60Z, 62 [AGB 3/159]. Обнаруживается она и в одном пункте на территории Польши – Ольшаны [AUGN 2/106].

Кроме того, засвидетельствована модель «чёрный потрох». Она присутствует в одном пункте ОЛА (Шепит) и 6 ОКДА (Ричка, Белоберезка, Виженка, Долишний Шепот, Гринява, Плоска), образуя компактный ареал на территории Черновицкой и Ивано-Франковской областей при границе с Румынией. В закарпатской Торуни отмечено как *čórna pęčíŋka*, так и *čórnoo̯j pǫ́trux* [Николаев, Толстая 2001: 141, 151].

XII.4.6. Словенский

В словенских диалектах, по данным Словенского лингвистического атласа [SLA 1/51, SLA 1/52], зафиксирована конструкция вида *(ta) črni drob* ‘печень’ в каринтийской группе говоров.

Отдельно отметим ситуацию в резьянской Солбице, где, по данным ОЛА, в значении ‘печень’ употребляется старое *jêtra ~ i̯êtra*, но лёгкие обозначаются как *te bîle jêtra ~ te bîle i̯êtra*.

Данные диалектных словарей подтверждают наличие этой конструкции в Каринтии. Так, в Эгге и Потшахе (пункт SLA 001) *drûəb* фиксируется в значении ‘внутренности’, а *čr̂ni drûəb* – ‘печень’ [Pronk 2009: 212]. В Эбриахе (SLA 029) картина выглядит следующим образом: *jéə:trɛ* ‘печень’ [Karničar 1990: 161], *drò:b* ‘внутренности’, *ta čə̀r:ən drò:b* ‘почки, печень и селезёнка’, *ta bè:l drò:b* ‘лёгкие’ [Karničar 1990: 141]. Словарь Плетершника отмечает конструкцию *črna jetra* ‘печень’ в словенском (у Ярослава Цафа, уроженца Штирии) и *bela jetra* в значении ‘вилочковая железа’[10] (у Миклошича, также шти-

[9] К сожалению, карты ‘печень’ нет в «Лингвистическом атласе украинских народных говоров Закарпатской области УССР» И. А. Дзендзелевского, но на представленной там карте ‘лёгкие’ ареалы обозначений типа «белые печёнки» и «лёгкие печёнки» занимают довольно большую территорию [Дзендзелівський 2/145].

[10] Вилочковая железа находится между лёгкими.

Таблица 14

Обозначение печени как *(ta) črni drob* или *drob*, а лёгких как *(ta) beli drob* в словенских диалектах по данным SLA

Пункт атласа		Печень	Лёгкие
001	Egg bei Hermagor (Brdo pri Šmohorju)	tə čə̂rnė đrûəb	plúčẽ̯
002	Förolach (Borlje)	tə čə̂rnə đrûəb	plúčə̃, lùngə̃n
004	Feistritz an der Gail (Bistrica na Zilji)	tą̇ čə̂rnə đrûəb̨	plúčą̇, (tą̇ bîələ đrûəb̨)
007	Riegersdorf (Rikarja vas)	tə čə̂rnę̇ đrûəb, i̯ẹ̇trẹ̯	plúčë
049	Pernice	ˈčərn̨ dˈruop, ˈčərni dˈruop, ˈjetra; ˈjẹ:tre	ˈbẹ:li dˈruop, pˈlu:ča; pˈluče
050	Sv. Primož na Pohorju	jẹ̇trẹ̯; ˈčəɾ̃ni dˈɾ̃u:əp	plûče; ˈbi:əli dˈɾ̃u:əp
051	Vuzenica	jẹ̇trẽ, dr̃ûo̯p	plûče, bîəli drûo̯p
059	Stolvizza (Solbica)	jẹ̇tra; i̯ẹ̯tra	te bîle jẹ̇tra; te bîle i̯ệtra

рийца) с пометкой «восточноштирийское, юговосточноштирийское» [Pleteršnik 1: 366].

Весь этот материал ставит перед нами сложный вопрос: должны ли мы рассматривать словенские данные как часть балканского ареала, где «цветные» обозначения печени явно возникли под турецким влиянием, или, наоборот, как независимую инновацию. Чтобы ответить на него, разберём также данные романских и лужицких языков.

XII.4.7. Романские языки (кроме балкано-романских)

Противопоставление «чёрное X» – «белое X» характерно для ладинского языка, в котором печень обозначается как *fuià fosch* (гарденский диалект) [Forni], *fia fošk* (мареббанский), *fia fošk* (бадиотский), *figá négęr* (ливиналлонгский), *figá négęr* (ноннский) [Gartner 1923: 149], *fià nẹigher* (фассанский) [DILF 2001: 451]. Соответственно лёгкие называются *fuià blanch* (гарденский диалект) [Forni], *fia blaŋk* (мареббанский), *fia blaŋk* (бадиотский), *figá blaŋk* (ливиналлонгский), *figá blaŋk* (ноннский) [Gartner 1923: 159], *fià biạnch* (фассанский) [DILF 2001: 112]. В качестве существительного в составе коллокаций выступают континуанты лат. *ficatum* ‘печень’.

Ту же схему мы находим в окситанском: *fricasséio niéro – fricasséio blancho* (Кейрас; *fricasséio* – ‘внутренности’), гасконском: *hidge négue* –

hidge blan (Базас), одном французском диалекте: *foie noir – foie bllanc* (провинция Берри) [Zauner 1902: 156, 170; PAC 1877: 74], а также во французском языке Луизианы: *foie noir – foie blanc* [DLF 2010: 290]. Что интересно, Atlas linguistique de la France нигде не фиксирует «чёрной печени», однако в целом ряде пунктов (76, Жерарме, Вогезы; 180, Инье, Мёрт и Мозель; 517, Сен-Гру, Шаранта; 610, Шазель, Шаранта; 614, Эксидёй, Дордонь; 813, Монистроль-д'Алье, Верхняя Луара; 896, Сейан, Вар; 901, Тенёй, Алье) встречается «белая печень» как обозначение лёгкого [ALF/1073].

По данным ALE, эта же модель присутствует в итальянских (*kurˈad nˈira*; *fritˈura nˈegra*; *frˈitu nˈiru*) и испанских (*aθaˈura nˈeɣra*) диалектах [ALE 1.9: 7, 11].

Возможно, сюда можно отнести также руманшские энгадинские формы *nirom* / *narom* / *gniram* 'печень', восходящие по этимологии Х. Шмида к *nigrāmen (< *niger* 'чёрный')[11] [DRG]. Однако в этом случае не приходится говорить о полной реализации рассматриваемой модели, поскольку лёгкое в верхнеэнгадинском называется *leiv* (дословно 'лёгкий'), а в нижнеэнгадинском – *curaglia* (собирательное существительное, образованное от *cor* 'сердце') [Pallioppi 1895: 216, 420; DRG].

Отметим, что если бы модель «чёрное Х» – «белое Х» удалось обнаружить во фриульских диалектах, то гипотетически можно было бы говорить об альпийском ареале, объединяющем словенский язык с романскими.

Однако данные идиомов Франции, Италии и Испании говорят о том, что в романских языках наличие этой модели (а также близких к ней, см. ниже) скорее является независимым лингвистическим фактом.

XII.4.8. Кельтские языки

Что касается кельтских языков, по данным ALE, в одном из ирландских диалектов засвидетельствовано расширение названия печени прилагательным 'чёрный': *na haenna dubha* [ALE 1.9: 7].

XII.4.9. Цыганский язык

ALE отмечает *kalo buko* или *kalu buku* 'чёрная печень' в цыганских идиомах Словакии, бывшей Югославии и Болгарии (при просто *buko*

[11] Ранее это слово также пытались выводить из *rēn* «почка» > *renamen > *neramen или из немецкого *Niere* 'почка' [IDRG].

в других идиомах) [ALE 1.9: 19]. База данных ROMLEX отмечает эту конструкцию в идиомах Боснии и Косова, Македонии, Болгарии, Словении, Словакии, Венгрии, Румынии и Уэльса [ROMLEX].

XII.4.10. Лужицкие языки

Особенностью лужицких говоров является представленность всех трёх моделей – «весовой», «текстурной» и «цветовой». Последняя является наиболее распространённой. Кроме того, в качестве существительных могут служить как *ętra, так и *pl'uť'a. Так, печень может обозначаться как *ć̑ɔrne i̯atra*, *čɔrne i̯ača*, *carnɛ i̯ɛ̌ča* и *ć̑ɔrnɛ pluca*, *carnɛ pluca* / *puca*. Соответственно, лёгкие – *b́ɛ̆u̯ɛ i̯ɛ̌ča*, *b́ělɛ i̯ɛ̌ča* и *b́ɛ̆u̯ɛ puca*, *b́ɛ̆u̯ɛ puca*, *b́ělɛ pluca*, *b́ɛlɛ pluca*. Кроме того, отмечена пара *ć̑ɔrny šl'iŋk* – *b́ɛ̆u̯ šl'iŋk* (< нем. *Geschlinge* 'потроха, ливер') [SS 6: 142–145].

XII.4.11. Заимствование или независимая инновация?

Отдельным вопросом является то, в каких славянских языках «цветовые» обозначения печени и лёгких возникли независимо, а в каких являются результатом турецкого влияния.

Стоит помнить, что названия печени сравнительно легко калькируются. Так, в народной латыни (*iecur*) *ficatum*, первоначально обозначавшее блюдо, вытеснило старое *iecur* в значении 'печень' абсолютно аналогично греческой замене ἧπαρ на (ἧπαρ) συκωτόν > συκώτι. Семантический дрейф слова *печень* от значения 'жаркóе' к 'печень (орган тела животных и человека)' является древнерусской инновацией и, вероятно, не случайно, что ровно тот же дрейф мы находим в примыкающем к восточнославянскому ареалу словацком языке (*pečeň*), а в литовском обнаруживаем явную кальку (*kẽpenys* 'печень' < *kèpti* 'печь').

Это осложняет задачу отделения ка́лек от независимых инноваций в случае «цветовой» модели. Наибольшую сложность в этом отношении, как уже говорилось, представляет словенский ареал, поскольку он, с одной стороны, примыкает к ареалу калькирования из турецкого (наличие этой конструкции в Штирии фактически перекидывает мостик от сербохорватских говоров к каринтийским и резьянским говорам словенского), а с другой – находится вблизи румаршско-ладинского ареала, в котором, кажется, предпочтительнее видеть независимые инновации.

Попробуем выдвинуть ряд критериев, которые могут позволить нам разграничить ареал кальки и независимо возникшие ареалы:

1) наличие наряду с «чёрное X» параллельных номинаций: «твёрдое X», «тяжёлое X»[12];

2) наличие наряду с «цветовой» моделью прямого заимствования турецкого *ciğer*;

3) изолированность ареала;

4) вхождение ареала в область, находившуюся под влиянием Османской империи.

Таблица 15

Оценка анализируемых ареалов
с точки зрения зависимости от тюркского ареала
«цветовой» модели согласно описанным выше критериям

	наличие параллельных коллокаций	наличие прямого заимствования	изолированность ареала	вхождение в область турецкого влияния
кавказский	–	+	–	+
балканский	–	+	–	+
карпатский	±	+	–	+
словацкий	+	–	?	–
словенский	–	–	+	–
лужицкий	+	–	+	–
ладинский	–	–	+	–
руманшский	+	–	+	–

Наиболее сложными случаями в данной ситуации являются словенские и словацкие говоры, но общая сумма параметров этих ареалов, кажется, говорит в пользу независимой инновации.

Подводя некоторые итоги, отметим, что объединение печени и лёгких в одну пару коллокаций, противопоставленных друг другу как «чёрное – белое», «тяжёлое – лёгкое» или «твёрдое – мягкое», вполне естественно, легко объяснимо и может возникать в разных языках не-

[12] Отдельно следует оговорить использование «цветовой» модели с прилагательным «красный», поскольку красный цвет может быть противопоставлен как чёрному и «присваиваться» лёгким (алб. диал. *mëlçi e kuqë*, греч. диал. το κόκκινο τζιέρι; руманш. диал. *curaglia cuetschna*), так и белому и обозначать печень (рум. диал. *ĝiġėru ăla roș̦u*). Однако для славянских языков такие обозначения, кажется, нехарактерны.

зависимо друг от друга. В то же время нельзя отрицать, что зародившаяся в персидском[13] модель *ǰegär-e siyāh* vs. *ǰegär-e sefid* органично вошла в турецкий и азербайджанский и дальше была «популяризирована» уже этими языками на огромной территории. Эта территория включает в себя два ареала – кавказский (см. выше рис. 4) и балкано-карпатский (см. выше рис. 5 и 6).

В Европе существуют также ареалы, где «цветовая» модель обозначения печени и лёгких появилась независимо от турецкого влияния. Среди славянских языков сюда можно отнести лужицкие и, с несколько меньшей долей уверенности, словацкие и словенские говоры.

[13] Во всяком случае, нам не удалось проследить корней этой модели дальше персидского. Несмотря на то, что в арабской поэзии встречается выражение *kubūd bīḍ* ‘белые печёнки’ [EI 1997: 327], возможно, обозначавшее лёгкие, вряд ли из этого можно делать какие-либо далекоидущие выводы.

XIII. Лёгкие

XIII.1. Праславянское название лёгких

XIII.1.1. *pľuťe или *pluťe?

Праиндоевропейское название лёгких – *pleu̯mon- – восстанавливается на основе санскр. *klomán-* (m., n.) ‘правое легкое’, др.-греч. πνεύμων[1] (ион.-атт. πλεύμων) (m.) ‘лёгкое’, лат. *pulmō* (m.) ‘лёгкое’ и образовано от глагола *pleu̯- ‘плавать’ (> праслав. *pluti, 1. sg. praes. *plowǫ). Так же, как рус. *лёгкое*, нем. *Lunge*, англ. *lights* и ряд других слов, это название мотивировано тем, что, когда при разделке туши животного внутренности выкладывают в миску с водой, лёгкие плавают на поверхности[2].

В балтославянских языках мы находим дериваты от того же корня, но с другим суффиксом: лит. *plaũtis* (m.; pl. – *plaũčiai*), лтш. *plàuša* (f.; pl. – *plàušas*), диал. также *plàuši*, *plaûši* (m. pl.), *plaûkšas*, *pļaûšas* (f. pl.) [Mühlenbachs 3: 325, 327, 366], прус. *plauti* (f.) ‘лёгкое’ и праслав. *pluťa (n. pl.) или *pľuťa (n. pl.)[3].

---

[1] Под давлением авторитета греческого Миклошич даже выводил праславянское обозначение лёгкого из *pnutje [Miklosich 1886: 252], позже близкое мнение высказал Махек [Machek 1968: 460], что, конечно, нельзя рассматривать всерьёз, поскольку формы всех остальных индоевропейских языков указывают на вторичность как раз греческого -v-.

[2] Против этого обоснования возражал, кажется, только В. Шаур, считавший, что «индоевропейцы не проводили вскрытий, так что вряд ли могли прийти к идее современных этимологов, что лёгкие “плавают”» (Indoevropané neprováděli pitvy, těžko tedy mohli dojít k představě novodobých etymologů, že plíce “plavou”) [Šaur 1988: 259]. Сложно здесь согласиться с чешским ученым. Вскрывали ли праиндоевропейцы людей, мы точно не знаем, но в том, что они разделывали животных, сомневаться не приходится.

[3] В. Махек полагал, что балтославянское слово является продолжением праиндоевропейского, видоизмененным под влиянием *pleťe ‘плечо’, поскольку плечи и лёгкие якобы соседствуют в теле [Machek 1968: 460]. Отметим, что в известном нам материале не прослеживается никакой особой связи между плечами и лёгкими, кроме того, для континуантов *pleťe в древнейших памятниках харак-

Реконструкция праславянского названия лёгких несколько проблематична, поскольку формы, представленные в современных славянских языках, несводимы к одному архетипу. Часть восходит к *pľuťe (n. sg.), ср. формы литературных языков: чеш. *plíce* (f.), слвц. *pľúca* (n., pl. t.), слвн. *pljúča* (n., pl. t.). Часть, напротив, к *pluťe: польск. *płuco* (n.), в.-луж. и н.-луж. *płuca* (n., pl. t.), схр. *plúća* (n., pl. t.)[4].

Существуют противоположные взгляды на взаимоотношения *ľ- и *l-форм. Согласно первой гипотезе, первично *pľuťe, а *pluťe – вторично [Преображенский 2: 82–83; Machek 1968: 460; Skok 2: 689; SEJDP 4: 527–528; Bańkowski 2: 631; ERHJ 2: 140]. По другой гипотезе, исходно было *pluťe, а вторично – *pľuťe [Brückner 1985: 422]. Ряд исследователей не отдаёт предпочтения какой-либо из этих точек зрения, а некоторые реконструируют для праславянского оба варианта [Vondrák 1: 474, 590; Vaillant T: 123; SP 2: 40; Schuster-Šewc 15: 1092; ESJS 11: 661; Boryś 2005: 447; Snoj 2016: 551].

Далее мы постараемся найти ответы на следующие вопросы: можно ли восстанавливать дублетность для праславянского уровня? Если нет, какой из вариантов первичен? Какова причина наличия двух вариантов?

XIII.1.2. Континуанты *pľuťe и *pluťe

XIII.1.2.1. Старославянский, болгарский и македонский

В основных старославянских текстах континуант *pľuťe/*pluťe появляется лишь однажды, в виде **плꙋштѧ** (Супрасльская рукопись, л. 84). К сожалению, эта запись не показательна, поскольку хотя в целом в Супрасльской рукописи после палатального **л** довольно последовательно пишется **ю**, как в словах **лютъ**, **любы**, **людиѥ**, **клюсѧ**, **ключь** и производных от них, так и после l epentheticum в словах **блюдо**, **блюсти** (речь идет о десятках примеров), **плюѧ́** (277об, 9) и **изблюѥмъ** (242об,

терны формы двойственного числа, а для потомков *pluťe / *pľuťe – только множественного числа, что напрямую свидетельствует против гипотезы Махека. В. Смочиньский считает, что в прабалтославянском формант *-tį̂o- преобразовал старую согласную основу на *-men- [Smoczyński 2007: 468–469]. Мы полагаем, что речь идет скорее о параллельных дериватах. Ни одного другого примера замены *-men- на *-tį̂o- не известно. Касательно же происхождения *-tį̂o- см. ниже.

[4] Мнения учёных насчёт ударения расходятся: *pľúťa и *plúťa (новый долгий акут) [Snoj 2016: 551]; *pl̥ūtjè, а. п. *b* [Derksen 2008: 405], *pljũtja, а. п. *b* [ERHJ 2: 140].

10), но есть и отдельные случаи написания **оу** (камора над **л** при этом была поставлена лишь один раз): **ѫоутости** (106об, 14), **клоучѧ** (119об, 30), **неклоучимааго** (185об, 7 и 189об, 2–3), **лоукѹ** (274, 4) [Codex Suprasliensis]. При этом в основных словарях старославянского языка данное слово было записано по-разному: **плюща** [SJS 3: 60; СтСл 1994: 452] и **плоуща** [СР 1: 219], *plušta* [Sadnik, Aitzetmüller 1955: 87]. Отдельным вопросом является то, достаточно ли контекста из Супрасльской рукописи (**да живоу ти сѫштоу звѣрьми плоушта ти извлечена бѫдѫтъ**) для того, чтобы приписывать слову **плоушта** не только значение ‘лёгкие’, но и ‘внутренности’, как это сделано во всех четырёх словарях. Мы склонны ответить на этот вопрос отрицательно.

В такой ситуации особую значимость приобретает Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. В трёх использованных нами списках памятника последовательно употребляется форма **плюща**, которая, по всей вероятности, была характерна и для старославянского оригинала этого текста.

Таблица 16

Слова **плюща** и **плющьнъ** в Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского

ГИМ, Син 345		РГБ, МДА 145		ГИМ, Син 35	
форма	лист	форма	лист	форма	лист
пьлюща	100а	**плюща**	96б	**плюща**	75б
плюща	175б	**плюща**	167б	**плюща**	119а
плющами	231г	**плющами**	239а	**плю́щами**	166а
плющамъ	233б	**плющамъ**	241а	**плющомь**	167б
плюща	233б	**плюща**	241а	**плющѧ**	167б
плющьныѥ	233б	**плющныѧ**	241а	**плющныѧ**	167б
плюще	233б	**плюща**	241а	**плющѧ**	167б
плюще	233б	**плюща**	241а	**плющѧ**	167б
плющами	233в	**плющамїи**	241б	**плющами**	168а
плющь	234в	**плющь**	242б	**плещоу**	169а
плющамъ	234г	**плющамъ**	243а	**плющамь**	169а
плющамъ	234г	**плющамъ**	243а	**плю́щамь**	169а
плюще	234г	**плюща**	243а	**плющѧ**	169а
плющами	235а	**плющама**	243а	**плю́щами**	169б

Как видно из таблицы, формы всех трёх рукописей хорошо соответствуют друг другу. Лишь один раз писец болгарской рукописи Син. 35 перепутал **плющ** ‘лёгкие’ и **плещ** ‘плечи’. Нельзя не отметить, что в отличие от Супрасльской рукописи в Шестодневе **плющ** последовательно употребляется как основа plurale tantum женского рода склонения на *-jā-.

Если говорить о современном болгаро-македонском ареале, континуанты *pl’ut’e / *plut’e в нём почти отсутствуют, поскольку, как было показано в разделе XII, их вытеснили кальки или полукальки типа *бял дроб* или *бял джигер*. Лишь в двух северномакедонских говорах из сетки ОЛА мы обнаруживаем формы *płuќe* (пункт 93, Теарце; наряду с *beł žiger*) и *p'łuќa* (пункт 98, Шлегово; наряду с *drob*) [ОЛА ЛС 9/53]. К сожалению, в силу совпадения рефлексов *l и *l’ в данных говорах [FO 1981: 647, 687] этот материал иррелевантен для определения качества второго согласного в *pl’ut’e / *plut’e. Форма *плуќа* отмечена В. Дрвошановым ещё в четырёх македонских пунктах: Младо Нагоричане, Ново Село, Ѓавато, Попоец [Дрвошанов 2005: 83], однако об их фонетике нам ничего не известно.

XIII.1.2.2. Сербохорватский и словенский

В словенско-сербохорватском ареале представлены формы как с *-l’-*, так и с *-l-*. В Словении ситуация осложняется тем, что во многих говорах *l’* совпал с *l*. Исключить иррелевантные данные позволяет сопоставление карт Словенского лингвистического атласа 1/52 ‘лёгкие’ и 2/7 ‘ключ’. Данные SLA показывают, что преобладают континуанты *pl’ut’e, включая формы с переходом *l’ > j*, это произошло в пунктах 005, 008 (каринтийские), 064, 066–073, 076, 078, 083–091, 093, 097, 099–103, 105, 106, 111, 126, 127, 139, 148, 152–157 (приморские), 161 (ровтарский), 196 (гореньский), 231, 233, 290–292 (доленьские), 311–313, 315, 322 (штирийские). Континуанты *plut’e представлены в островке западных приморских говоров, преимущественно на территории Италии (065, 074, 075, 077, 079–081, 082 (дублетные формы), 094), одном каринтийском говоре (009 (дублетные формы)), а также в одном пункте в Хорватии (284) [SLA 1/52; 2/7].

Напротив, в сербохорватских говорах распространены в основном континуанты *plut’e. Согласно данным ОЛА, *pl’ut’e встречается в значительной части кайкавских говоров (27, 29–31, 153). Два пункта, 28 и 35, иррелевантны в силу совпадения *l’* и *l*.

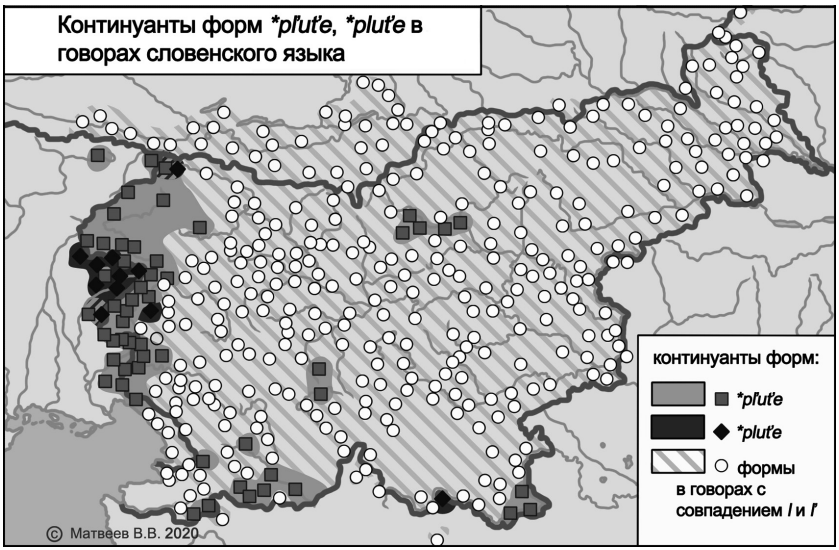

Рис. 7. Континуанты форм *pluťe и *pľuťe в словенских говорах

Форма *pļûča* (n., pl. t.) отмечена также в Водице, Истрия, на границе со Словенией [Ribarić 1940: 178]. На острове Вргада известны формы *plūćȁ* и *pļūćȁ* [Jurišić 2: 156], а в Бродско-Посавской жупании – *pljūćā* [Jakšić 2015: 514]. Кроме того, *пљу́ћа* фиксируется в трёх селах в общине Томиславград (Сеоница, Мандино Село, Црвенице) в Боснии и Герцеговине. Н. Рамич полагает, что мы имеем дело с фонетическим переходом *пл* > *пљ*, но как он сам отмечает, в этих говорах отсутствует характерный для некоторых сербохорватских диалектов процесс перехода *л* > *љ* в определённых условиях. Помимо *пљу́ћа* он приводит ещё несколько примеров наличия *љ* на месте литературного *л*: *жѐљдац* ‘желудок’ (повсеместно на территории Дувно и Ливно), *бљу́за* ‘блузка’, *цѝвīљ* ‘гражданское лицо’ [Рамић 1999: 315]. Но, конечно, *бљу́за* и *цѝвīљ* нерелевантны как германизмы: *љ* передаёт немецкое *l*. В названии желудка мы имеем дело с синкопой гласного *и* последующей диссимиляцией двух зубных согласных: *жѐлудац* > *жѐљдац*. Кроме того, нет никакого перехода *пл* > *пљ* в форме dat.-ins.-loc. pl. *плȕговīм* (Сеоница) [Рамић 1999: 360].

П. Скок обращал внимание на фитоним *pljućak* в Лике [Skok 2: 689]. Наконец, по данным, приведённым в словаре Миклошича, в двух церковнославянских рукописях сербского извода – в Ходошской

рукописи XV в. и в Прологе-минее Михановича XVI в. – представлены формы плюща [Miklosich 1977: 575].

Разрезанность ареала *-l-* словенско-кайкавским клином *-l'-* на первый взгляд производит впечатление большей архаичности формы *pluťe в этом ареале, однако расположенные сравнительно далеко на восток *-l'-*формы говорят о том, что ранее, вероятно, картина была несколько более пёстрой.

Отметим, что в основном в сербохорватском ареале представлены формы среднего рода, но есть случаи и женского рода, например *plṹća* (f.) на Вргаде [Jurišić 2: 156] или *plṹća* (f.) наряду с *plṹća* (n.pl.) на Браче [Šimunović 2009: 669].

XIII.1.2.3. Чешско-словацкий ареал

По данным ОЛА, в чешско-словацком ареале мы находим исключительно континуанты *pľuťe. Ряд пунктов иррелевантен для определения качества согласного в исходной праформе в силу совпадения *l'* и *l*, а также отсутствия перегласовки *'u > 'i* (пункты 196, 197, 208–213, 215, 219, 221, 225), однако поскольку они окружены ареалом потомков *pľuťe, можно полагать, что чешско-словацкий ареал в этом отношении единообразен.

Отметим, что в чешском, в отличие от большинства славянских языков, слово *plíce* женского рода, причём таковой была ситуация уже в древнечешском, например: <…> ta reuma jde na plícě a je naplňuje a tiem naplněním jsú plícě vlhky a plny (Spis o moči a o pulsu, 1444 г.; Прага, Библиотека Национального музея, IV H 28, л. 8v) [StčTB].

Диалектный диминутив *plíčka* (n. pl.) наряду с литературным *plíčky* (f. pl.) указывает на представленность в прошлом и формы среднего рода [Machek 1968: 460].

XIII.1.2.4. Лехитские языки

Более сложную картину мы находим в Польше. Бóльшая часть территории занята континуантами формы *pluťe, *l' можно найти в трёх ареалах:

а) в пограничье с Чехией и Словакией: пункты ОЛА 299, 310 и 316; в пунктах 308, 309 и 317 обнаруживаются оба варианта;

б) в самых северных мазовецких говорах: 251, 252, 264;

в) в переселенческих говорах с территории современной Украины: 257 (Жаганец; из-под Тарнополя), 268 (Лигота-Пенкна, из деревни Тулигловы под Львовом).

Непоказательна форма из ареала былячения (242, Велька-Весь).

С этой картиной очень хорошо коррелируют данные из Малого атласа польских говоров, где *ľ фиксируется в тех же трёх ареалах [MAGP 7/345]:

а) южные малопольские и силезские говоры, формы *pluca* – пункты атласа 1, 1a, 2, 2A, 2B, 2C, 3, 10, 11, 13c, 93, P16, P21, P35, P36, R2 (Инвальд), R3 (Фацимех, Краковский повет), R9 (Вуйцице, Олавский повет);

б) северные говоры: *pluca* – 80, 81a, 86, 86a, 87; *pluce* – 88, 92A; *pļuca* – 69A;

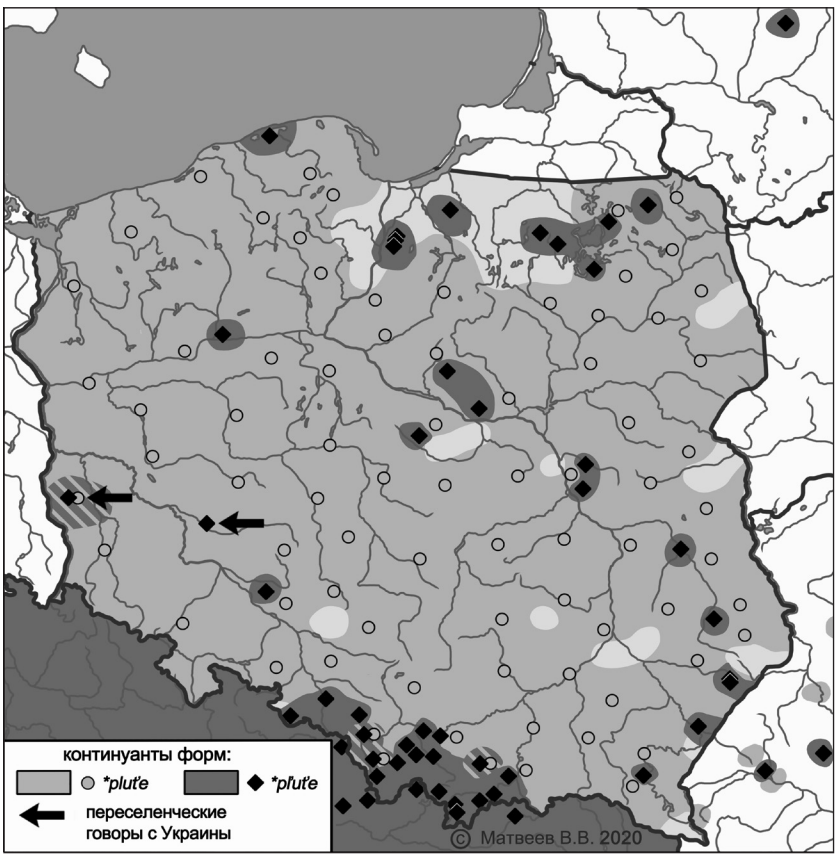

Рис. 8. Континуанты форм *pluťe и *pľuťe в польских говорах

в) восточные кресы: *pluca* – 6, 19, 21, 36a, 94 (Тулигловы, Львовская область), 95, P30; *plucy* – 100; *letkie pluca* – R4 (Нове-Брусно).

Распространенность *l'-форм в северных мазовецких говорах, в населённых пунктах Кшижаны, Мронгово, Рыбицаль, Ужранки, Венгуй подтверждается также данными диалектного словаря [SGOWM 6: 115–116].

Возможно, ранее в мазовецких говорах *l'-формы были представлены шире, на что указывают записи *pluca* в пяти пунктах в Атласе мазовецких говоров: Тшцянка (повет Гарволин), Суйки (повет Кутно), Сувчин (повет Отвоцк), Кобылинки (повет Плоцк), Громбец (повет Серпц) [AGM 1/19].

Дополняет эти данные Языковой атлас Силезии: *pluca* 'лёгкие' – 54 (Жабница) [AJŚ 3/483]; *c'aśḱe pluca* 'печень' – Ошчадница (пункт 56, на территории Словакии) [AJŚ 4/629].

По всей видимости, польские данные нужно трактовать следующим образом: *pluť'e выглядит как инновация, занимающая большую часть ареала и почти повсеместно вытеснившая *pl'uť'e. Последняя форма сохранилась в трёх периферийных ареалах, а также точечно в центре территории. В двух из этих ареалов поддерживающее влияние оказали соседние языки.

В полабском обнаруживаются формы, восходящие к *pluť'e: *plau̯cə* и *plai̯cə* (n. pl.) в зависимости от диалекта [SEJDP 4: 527–528].

XIII.1.2.5. Лужицкие языки

Формы в обоих литературных лужицких языках – *płuca*, однако в говорах представлена более сложная картина. В части из них мы находим германизмы *luŋa* / *luŋga* (< *Lunge* 'легкое') и (*bźěu̯*) *šl'iŋk* (< *Geschlinge* 'потроха, ливер'), в других – коллокации типа «белая печень», «мягкая печень», «легкая печень». И лишь в части говоров – исконное *puca* / *pluca*, нередко также в составе коллокации с прилагательными 'мягкий' или 'белый' [SSA 6/53]. Форма *pluca* выступает в говорах с переходом *ł* > *l*, а *puca* – с переходом *ł* > *u̯* (*płuca* > *pu̯uca* > *puca*), таким образом, как правило, лужицкие формы выводятся из *pluť'e.

В то же время в нескольких старых словарях можно найти континуанты *pl'uť'e: Ю. Светлика (верхнелужицкий), Я. Хойнана (нижнелужицкий) [Schuster-Šewc 15: 1092].

XIII.1.2.6. Восточнославянские языки

В восточнославянских памятниках начиная с XIV в.[5] фиксируется форма **плюче** ~ **плючо** (во мн. ч. – **плюча**), включая рукописи с ограниченным церковнославянским влиянием [СДЯ 6: 440; СлРЯ XI–XVII 15: 113; ГСБМ 24: 388]. Однако в современных говорах континуанты *pl'ut'e не сохранились[6], лишь в некоторых украинских и белорусских говорах представлены полонизмы с *-c-*, а не *-č-* (пункты ОЛА 332, 413, 415, 420, 421, 427, 429, 448, 449, 451, 465, 471, 523). Отметим, что в большинстве случаев эти полонизмы имеют *-l'-*, а не *-l-* (кроме пунктов 471, 523), что может указывать на заимствование из кресовых говоров. Заимствованные формы *пл'у́ца* или *пл'у́ци* обильно представлены на северо-востоке Закарпатской области Украины вдоль границы со Словакией и Польшей [Дзендзелівський 2/145].

*XIII.1.2.7. Сопоставление ареалов *pluťe и *plťuťe*

Попробуем резюмировать распределение проанализированных форм в славянских идиомах:

Таблица 17

*pluťe и *plťuťe в славянском мире

	*pluťe	*plťuťe
старославянский	?	+
македонский	иррелев.	
сербохорватский	+ (преимущ.)	+ (частично)
словенский	+ (частично)	+ (преимущ.)
чешский	–	+
словацкий	–	+
польский	+ (преимущ.)	+ (частично)
полабский	+	–
лужицкие	+ (преимущ.)	+ (архаич.)
древнерусский	-	+

[5] Современное *лёгкое* отмечено начиная с XVI в. [СлРЯ XI–XVII 8: 191].

[6] Вероятно, с утратой праславянского обозначения лёгких связаны такие искажения ставшего непонятным церковнославянского **плюща**, как **клюща** (Толковая палея), *кличьныи составъ* ‘состав лёгких’ (Вопросы и ответы Сильвестра и Антония, XVI в.), *ключа* ‘почки’ (Начало премудрости афинейской…; ГИМ, Щук. 285/292, л. 177–184, конец XVII в.) [Баранкова 1991: 82]. Вряд ли, вопреки Г. С. Баранковой, стоит видеть здесь влияние слова *ключица*, поскольку эта калька с лат. *clavicula* появилась в русском языке довольно поздно, лишь в XIX веке.

Перед нами рисуется сложная картина. Более распространены скорее континуанты *pl'ut'e, а потомки *plut'e преобладают (но не являются исключительными) в двух несвязанных ареалах: польско-лужицко-полабском и сербохорватско-словенском. Мы полагаем, что для праславянского уровня следует более уверенно реконструировать *pl'ut'e, в то время как *plut'e может быть результатом независимых послепраславянских инноваций в двух ареалах.

XIII.1.3. Соотношение *pl'ut'e и *plut'e в диахронии

Касательно соотношения *pl'ut'e и *plut'e существует несколько гипотез:

1) исходно *plut'e, а *pl'ut'e – форма с ассимиляцией;

2) исходно *pl'ut'e, а *plut'e – форма с диссимиляцией:

2а) речь идет о диссимиляции *j, то есть *lj–t* > *l–tj* [Преображенский 2: 82–83; Skok 2: 689; SEJDP 4: 528] (такую же диссимиляцию В. Смочиньский предполагает для прабалтийского [Smoczyński 2007: 468]);

2б) речь идет о диссимиляции палатальных, то есть *l'–t'* > *l–t'* [Machek 1968: 460];

2в) форма *plut'e является результатом вторичного влияния инфинитива *pluti [Vaillant 1: 123];

2г) в форме *plut'e наблюдается вторичное отвердение *l'* [Lamprecht 1987: 43; Šaur 1988: 259];

3) *plut'e и *pl'ut'e являются дублетами:

3а) дублеты отражают двоякое развитие праслав. *eu̯ > *u/*ju [Bezlaj ZJS 1: 374];

3б) дублетность возникла в ходе изменения *ă̄u̯ (в традиционной реконструкции *eu̯) > *ō̆ > *ū̆ > *u, причём *-l-* в форме *plūt'ā̆ после губного согласного и перед гласным переднего ряда стало восприниматься как l epentheticum и изменилось в *-l'-* [Mareš 1956: 454, 481];

3в) дублеты отражают разные ступени аблаута в рамках первоначально атематической парадигмы [М. Сной в Bezlaj 3: 59];

3г) *pleu̯tiā̆ > *plau̯tiā̆, ассимиляция гласного первого слога гласному второго слога (*sreumõ̆ > *strumy как аналогия) [М. Сной в Bezlaj 3: 59].

Далее мы попытаемся последовательно разобрать аргументы за и против этих версий.

На первый взгляд, на бóльшую древность *plut'e указывают балтийские формы (см. выше), однако вокализм у балтийских и славянских

когнатов совпадает далеко не всегда, ср. праслав. *kuna ‘куница’ и лит. *kiáunė* ‘id’, лтш. *cauna* ‘id’ (< *keu̯n-); праслав. *koléno и лит. *kelénas* ‘коленная чашечка’. Кроме того, и в балтийских языках представлена форма, восходящая к *pleutjā, а именно лтш. диал. *pļaûšas*. Как было показано выше, против версии о первичности *pluťe говорит ареал. Наконец, для случаев дистантной ассимиляции согласных характерно, что один согласный полностью уподобляется другому. Приведём несколько примеров: праслав. *deg- > *geg- > *žeťi ‘жечь’ (но *degъtь ‘дёготь’); *trozdъ > *drozdъ ‘дрозд’ [ЭССЯ 5: 127; SP 4: 260]; болг. *паберки > *бáберки* ‘падалица, оставшаяся после сбора урожая’ [БЕР 1: 23]; болг. диал. *булбучúшъм > булдушúшъм* ‘плещусь, плюхаюсь’ [Дейкова 2012: 80]; слвн. *prešustvo > prešûštvo* ‘прелюбодеяние’ [Ramovš 1924: 313], слвн. диал. *slišati* ‘слышать’ > *šlîšẹt* [Tominec 1964: 203], *šlí:šẹtẹ* [Ivančič Kutin 2007: 88], *suša* > ˈ*šü:ša* ‘засуха’ [Gregorič 2014: 430], *bivol* > *vívol* ‘буйвол’ [Novak 2006: 808], *paberek* > *páperək* ‘падалица, оставшаяся после сбора урожая’ [Pleteršnik 2: 7; Ramovš 1924: 183]; пол. диал. *Niemiec* ‘немец’ > *Miemiec*, *niemrawy* ‘вялый’ > *miemrawy* (аналогично в однокоренных словах) [Karłowicz 3: 155]; укр. *želẽzo > *залíзо* ‘железо’, *želza > *зáлоза* ‘железа’; рус. диал. *бумага > гумáга* [СРНГ 7: 226].

Конечно, бывают случаи и частичной дистантной ассимиляции, например, словенское *p–sn > p–sm*: *pěsnь > *pẹ̑sem* ‘песня; стихотворение’; штирийское диалектное *prẹ̑smec* ‘пасхальный кулич; хлеб из недрожжевого теста’ при литературном *prẹ̑snec* [Snoj 2016: 592]; диал. *pˈle:smo* ‘малая берцовая кость’ [SLA 1/64], *plésmo* ‘подъём ноги; большая берцовая кость’ [Pleteršnik 2: 57] при слвн. литер. *plésno* ‘подушечка лапы животного’.

Однако такие случаи сравнительно редки; как показывает опыт, при дистантной ассимиляции намного чаще происходит полное уподобление одного согласного другому. На наш взгляд, это веский аргумент в пользу первичности формы *pľuťe в праславянском.

В защиту гипотезы о двояком развитии праславянского *eu̯ > *u/*ju Ф. Безлай, помимо пары *pľuťe / *pluťe, приводил ряд примеров. Большинство из них объясняется аблаутом, лишь на трёх следует остановиться поподробнее:

а) *teu̯s- > *tux- / *ťux-: *tuxnǫti ‘тухнуть’ / *tušiti ‘тушить’ – слвн. *čúhniti* ‘ужариваться, ослабевать; вонять’[7], схр. *ćúhnuti* ‘дуть’, пол.

[7] Как Плетершник, из словаря которого взят этот материал, так и Безлай разделяют *čúhniti* ‘ужариваться, ослабевать’ и *čúhniti* ‘вонять’, однако с этимологической точки зрения это вряд ли обоснованно.

cuch ‘вонь’ (по какой-то причине Безлай не приводил глагола *cuchnąć* ‘вонять’). Однако польский глагол попал в литературный язык из диалектов с мазурением [Sławski 1: 108], а словенский и сербохорватский восходят к *čuxnǫti (< *čuxati) с вторичным *ć* в случае сербохорватского [ЭССЯ 4: 130–131; SP 2: 283];

б) *d^{h}eu̯s- > *dux- / *dʹux-: *duxъ – рус. *жýхнуть*, бел. *жýхнуць*, слвн. диал. *júhniti* ‘пикнуть’. Сопоставление весьма проблематично с семантической точки зрения. Согласно ЭССЯ, *жýхнуть* выводится из *жохнуть < *жёс(т)кнуть [ЭССЯ 5: 154];

в) пол. *dziupla* ‘дупло’ при схр. *dúplja*, рус. *дупло́*, слвн. *dúplo* ‘дупло’, диал. пол. *dziub* и *dziubnia* и др. Однако праславянский *dʹ стабильно давал в польском *dź*, и в случае *dziupla*, *dziub* и *dziubnia* следует видеть вторичное смягчение начального *d-*. Подобные случаи хорошо известны, сюда относятся пол. *dziura* ‘дыра’, чеш. диал. *ďoura* ‘дыра’, слвц. *ďaleký* ‘далекий’, рус. *дю́жий*.

Таким образом, мы полагаем, что версию о дублетности развития *eu̯ следует отбросить.

Вышеупомянутая гипотеза Лампрехта о вторичном отвердении *lʹ* в *plʹuťe является решением ad hoc. Никакими аргументами она, к сожалению, подкреплена не была. Отметим, что различные вторичные преобразования действительно нередко встречаются (ср. сербохорватские и в меньшей степени болгарские формы с *lju-* / *лю-* в континуантах праславянских *lupina, *luska, *luspa и др. [ЭССЯ 15: 215–220], однако все они требуют своего объяснения. Столь же «адхоковой» и ничем не обоснованной является гипотеза Мареша о переходе *l* > *lʹ* из-за ассоциации с l epentheticum.

Дублетность *pluťe и *plʹuťe в результате обобщения разных ступеней аблаута, на наш взгляд, маловероятна. Устранение старой системы аблаута в склонении имен существительных – процесс очень древний и характерный в первую очередь для корневых и гетероклитических основ.

В качестве гипотетических примеров обобщения разных ступеней аблаута можно привести случаи *derwo ‘дерево’ / *drъwa ‘дрова’, *dworъ ‘двор’ / *dwьrъ ‘дверь’, *sьrdьce ‘сердце’ / *serda ‘середина’. Однако и в этих случаях речь может идти о деривации, а не выведении из одной праформы. Кроме того, во всех случаях мы наблюдаем и дифференциацию значения.

Ассимиляция гласных в славянском материале известна, но большинство примеров уже послепраславянской древности, действитель-

но старых случаев очень мало[8]. К тому же обычно ассимилируется безударный гласный ударному.

Диссимиляция с утратой одного из *j*, то есть *pljǫ̯tjo > *ploǫ̯tjo должна была бы быть очень древней, предшествовать возникновению палатальных согласных (*ľ и *ť). В таком случае маловероятно, чтобы оба варианта дожили до эпохи распада праславянского языка и сохранились в языках-потомках.

Так, существуют потенциальные примеры дистантной диссимиляции согласных, которая должна была произойти в сравнительно позднюю эпоху (после второй и третьей палатализаций), однако никаких расхождений между славянскими языками не наблюдается:

герм. *wīking- > праслав. *wicęzъ > *witęzъ ‘витязь’;

герм. *reking- > праслав. *recęzъ > *retęzъ ‘цепь’;

герм. *skilling- > праслав. *scьlęzъ > *stьlęzъ ‘вид монеты’.

Перейдем к гипотезе диссимиляции палатальных, то есть *l’–ť > l–ť*. Рассмотрим ещё несколько примеров дистантной диссимиляции, схожих с *pľuťe > *pluťe и претендующих на большую древность.

а) Диссимиляция палатальных в *ťuďъ > *tuďъ ‘чужой’.

В данном случае форма с диссимиляцией охватывает только юг Славии (слвн. *tȗj*, схр. *tȕđ*, мак. *туѓ*[9]), при этом в старославянских памятниках ещё обнаруживается колебание **тоуждь** / **штоуждь**. Напротив, в западно- и восточнославянских языках представлено только *ťuďъ: чеш. *cizí*, слвц. *cudzí*, пол. *cudzy*, в.-луж. и н.-луж. *cuzy*, рус. *чужо́й*, укр. *чужи́й*, бел. *чужы́*. Нам неизвестно, чтобы где-либо на югославянской территории встречались континуанты *ťuďъ, и наоборот – чтобы на севере Славии имели континуанты *tuďъ.

б) Диссимиляция губных в *swoboda > *sloboda ‘свобода’[10].

В этом случае четкого географического распределения между диссимилированным и недиссимилированным вариантами не наблюдается: ст.-сл. **свобода**, болг. *свободá*, диал. *слободá* [БЕР 6: 884–885], мак. *слобода*, схр. *slobòda*, устар. *svobòda* [RHiSJ 17: 368], слвн. *svobóda*, устар. *sloboda* [Besedje 16: 467], диал. *sˈlǫbǫda* [Gregorič 2014: 408],

[8] См. краткий обзор в: [Саенко 2017: 25–27]. Добавим к перечисленным там примерам чеш. *nehet* ‘ноготь’ (< *nohet* < *nogъtь) и болг. *гълъб* ‘голубь’ (< *голъб* < *golǫbь).

[9] Начальный согласный в болг. *чужд* объясняют влиянием слова *чудо* [Фасмер 4: 379; Младенова 2009: 240].

[10] Существуют и нефонетические объяснения этого соотношения, на наш взгляд, не слишком убедительные. Обзор см. в [ESJS 15: 913–914].

чеш. *svoboda*, морав. диал. *słoboda* [Bartoš 1906: 383], слвц. *sloboda*, пол. *swoboda*, в.-луж. *swoboda*, бел. *свабо́да*, диал. *слабо́да* [ЭСБМ 12: 171], укр. *свобо́да*, *слободá* ‘слобода’, рус. *свобо́да* и *слободá* с дифференциацией значений.

Таблица 18

Распределение континуантов *swoboda и *sloboda в славянских языках

	*swoboda	*sloboda
старославянский	+	–
болгарский	+	+ (диал.)
македонский	–	+
сербохорватский	+ (устар.)	+
словенский	+	+ (устар., диал.)
чешский	+	+ (диал.)
словацкий	–	+
польский	+	–
верхнелужицкий	+	–
белорусский	+	+ (диал.)
украинский	+	+
русский	+	+

В данном случае сложно оспорить праславянскую древность диссимиляции. При этом не может не удивлять, насколько хорошо сохраняется дублетность, которую мы обнаруживаем в большей части славянского мира.

Добавим ещё несколько примеров дистантной диссимиляции губных в отдельных славянских языках: болг. диал. *бу̀лбучи́шъм* > *бу̀лгучи́шъм*, *бу̀лдуши́шъм* ‘плещусь, плюхаюсь’ [Дейкова 2012: 80]; *bьbrъ > схр. *dȁbar* ‘бобр’ [ЭССЯ 3: 159]; слвн. диал. *vamp* > *lamp* ‘живот’ [SLA 1/49], *veverica* > *lẹ́verica* ‘белка’ [Pleteršnik 1: 514], *veverica* > *briẹ́bərca* [Ivančič Kutin 2007: 28] (с диссимиляцией *v–v* > *v–b* и последующей ассимиляцией [Ramovš 1924: 151]); *mimo > словин. *mjĩvə* ‘мимо’ [ЭССЯ 19: 61]; польск. диал. *wdowa* > *gdowa* ‘вдова’ [MAGP 8/397]; польск. *miedźwiedź* > *niedźwiedź* ‘медведь’ [Boryś 2005: 360–361]; укр. диал. *ква́питися* > *кла́питися* ‘спешить’ [Shevelov 1979: 740]. Потенциально праславянским случаем диссимиляции губных явля-

ется *topolь ‘тополь’ при лат. *pōpulus* ‘тополь’ (одни ученые считают праславянскую и латинскую формы родственными, другие видят здесь раннелатинское заимствование в славянских языках [Snoj 2016: 795]).

в) Выпадение одного из двух *r* в *bratrъ > *bratъ ‘брат’[11].

Формы без выпадения: ст.-сл. **ⷠⷬ⷗ⷮⷬⷴⷳ**, слвн. диал. *brater* [SLA 1/107], чеш. *bratr*, слвц. диал. *bratr* [SSN 1: 154], др.-пол. *bratr* [SStp 1: 154; SPXVI 2: 416], пол. диал. *brater* (Цешин) [SGP 6: 469], в.-луж. *bratr*, н.-луж. *bratš*.

Формы с выпадением: ст.-сл. **ⷠⷬ⷗ⷮⷳ**, болг., мак. *брат*, слвн., схр. *brȁt*, слвц., пол. *brat*, бел., укр., рус. *брат*.

В данном случае наблюдается определённое ареальное распределение: формы без выпадения *r* сохраняются фактически только в периферийных словенских говорах, лужицких языках, чешском, а также маргинально в словацком и польском (причём форма в говоре Цешина вполне может быть богемизмом).

Перейдём к гипотезе о влиянии на *plʹutʹe / *plutʹe вокализма глагола. Случаи, когда вокализм глагола вторично влиял на отличающийся вокализм именного производного, известны. Ярким примером является случай болгарского *гръм* ‘гром’. Для праславянского надёжно восстанавливается пара *grьměti ‘греметь’ – *gromъ ‘гром’ [ЭССЯ 7: 163–164, 138; SP 8: 265–266, 228–229] (параллелью для нестандартного аблаута является пара *wьnьziti ‘вонзить’ – *nožь ‘нож’). В болгарском *grьměti и *gromъ закономерно дали *гърмя́* и *гром* соответственно. Однако в настоящее время *гром* глоссируется как устаревшее или диалектное [РБЕ], а его место в литературном языке заняла форма *гръм* (членная форма – *гърмъ́т*), вокализм которой стал соответствовать глагольному, причём возможным это стало только после соответствующих фонетических изменений в болгарском (*ть >

[11] Существуют попытки реконструировать форму *bratъ < *bratos для праславянского состояния [SP 1: 362]. На наш взгляд, они вряд ли обоснованны. Л. Мошиньский возражал против постулирования выпадения *r* для *bratъ, указывая на старославянские формы **ⷯⷬⷃⷮⷬⷴⷳ**, **ⷬⷋⷃⷬⷭ** и **ⷭⷳⷬⷋⷃⷬⷭ** без этого явления [Moszyński 1980: 196]. Однако диссимиляции в отличие от прочих фонетических изменений осуществляются нерегулярно, в отдельных лексемах, ср. выпадение *р* в русских словах *горнчар > *гончар* и *кочергар > *кочегар*, но его отсутствие в формах *пример*, *пробор*, *перегар*, *староверр* и др. (можно, конечно, указать на то, что в словах *гончар* и *кочегар* дополнительным фактором было нахождение *-р-* перед согласным, но в силу отсутствия других подобных примеров это сложно проверить).

r̥ > *rъ* / *ъr*). Аналогичным образом слово *звон* ‘звон’ в современном болгарском является устаревшим [РБЕ], а на его место пришла форма *звън*, возникшая под влиянием глагола *звъня́* ‘звеню; звоню’ (праслав. *zwьněti ‘звенеть’ – *zwonъ ‘звон’). Ещё один пример – современное словенское *šīv* ‘шов’ на месте более старого *šə̀v*, являвшегося прямым продолжением праславянского *šьwъ ‘шов’. Вокализм *šīv*, несомненно, является результатом влияния производящего глагола *šíti* ‘шить’. Воздействием глагольного вокализма О. Н. Трубачёв объяснял также форму *delbto ‘долото’, представленную преимущественно в южнославянском ареале, и, предположительно, являющуюся вторичной по отношению к *dolbto [ЭССЯ 4: 205].

Отметим, что в случае *plʹuťe / *pluťe влияние основы инфинитива глагола *pluti ‘плыть’ было возможно только в том случае, если взаимосвязь между этими словами оставалась очевидной для носителей, что, к сожалению, проверить невозможно[12].

Резюмируя проделанный анализ, следует сказать, что из перечисленных девяти мнений о взаимоотношении форм *plʹuťe и *pluťe только два мы считаем действительно аргументированными: гипотезу о диссимиляции палатальных *lʹ–tʹ* > *l–tʹ*, а также предположение о влиянии производящего глагола *pluti. К сожалению, определение того, какой сценарий более вероятен, не представляется возможным.

Следует оговорить, что гипотеза диссимиляции ограничивает верхнюю временную границу появления формы *pluťe той эпохой, когда *ť ещё был палатальным согласным, то есть это должно было осуществиться либо в позднюю праславянскую эпоху, либо непосредственно сразу после распада праславянского языка.

XIII.1.4. Морфологическое членение слова *plʹuťe

В литературе можно встретить три взгляда на морфологическое деление слова *plʹuťe:

а) выделяется суффикс *-ti̯o-, то есть слово членится как *pleu̯-ti̯o- [Skok 2: 690; ESJS 11: 661; Rejzek 2001: 476; Boryś 2005: 447; M. Сной в Bezlaj 3: 59; Snoj 2016: 551; Derksen 2008: 405–406; Králik 2015: 448]. Ф. Славский видел здесь суффикс *-ťe и *pluťe / *plʹuťe как единственное существительное с ним. По его мнению, *-ťe – это результат расширения *-to- при помощи вторичного *-je- [SP 2: 40]. Р. Матасович

[12] Именно разрывом такой взаимосвязи Ю. В. Шевелёв объяснял сохранение формы *plʹuťe в части славянских языков [Shevelov 1964: 275].

считает это одной из возможностей, объясняя такой суффикс (*-tje < *-tja-) как слияние (conflation) суффиксов *-to- и *-ja- [Matasović 2014: 114];

б) выделяется суффикс *-i̯o- и слово членится как *pleu̯t-i̯o- [Gluhak 1993: 489; Bańkowski 2: 631; ЭСБМ 9: 218; ЕСУМ 4: 457];

в) выделяется суффикс *-ti- (> *-tь). В. Мажюлис реконструировал для прабалтославянского слово *plauti / *pleuti ‘плавание’ среднего рода с дальнейшей конкретизацией значения в ‘легкие’ (pl. *plautī / *pleutī) и образованием инновационной собирательной формы *plautjā / *pleutjā (nom.-acc. pl. n.) [Mažiulis 3: 291–292]. Близкое мнение высказал и Р. Матасович [Matasović 2014: 114].

На наш взгляд, наиболее обоснованна последняя версия. Наращение суффикса *-je- требует объяснения, которого, кажется, никто не дал. С другой стороны, мы хорошо знаем, что *-i-основы, в том числе с суффиксом *-ti- > *-tь, переходили в *-jo-склонение, причём как в праславянском, так и в балтийских языках. Например, в праславянском *mori (n.) > *morjo > *mor’e ‘море’, *pleti (n.) > *pletjo > *pleťe ‘плечо’ [Vaillant 2: 138–140]; в литовском *dañgtis* (gen. sg. *dañgčio*) ‘крышка’ при устар. и диал. *dangtis* (gen. sg. *dangties*), *lañktis* (gen.sg. *lañkčio*) ‘мотовило’ при диал. *lanktìs* (gen. sg. *lanktiẽs*), диал. *sviřtis* (gen. sg. *sviřčio*) при литер. *svìrtis* (gen. sg. *svìrties*) ‘журавль, коромысло’ [Otrębski 2: 243].

Однако в таком случае некоторой проблемой является род праславянского слова, поскольку других достоверных случаев *-ti-основ среднего рода в праславянском нет. Спорным является слово *pleťe, в случае которого одни ученые видят основу *plet-, а другие – *plekt- [ESJS 11: 656–657], в первом случае суффикс *-ti- вычленить не получится. Более того, видимо, не характерен средний род для дериватов на *-ti- был и в праиндоевропейском. В языках-потомках мы наблюдаем образования преимущественно женского рода, реже мужского, очень редко и явно вторичные – среднего [Brugmann 2-1: 276–290; Wackernagel, Debrunner 2-2: 642; Schwyzer 1: 504].

На первый взгляд, в пользу реконструкции формы среднего рода *plau̯ti / *pleu̯ti, предложенной Мажюлисом, для прабалтославянского свидетельствуют колебания в роде в балтийских языках. Однако такие случаи известны и для существительных, исходно среднему роду не принадлежавших, особенно, но не обязательно среди *-i-основ, причём иногда даже в рамках одного языка. Ср., например: лит. *lãpas* / *lapa* ‘лист’ – лтш. *lapa* ‘лист’; лит. *délnas* / *délna* ‘ладонь’ – лтш. *delna*

‘ладонь’; лит. *anglìs* (f.) / *añglis* (m.) ‘уголь’; лит. *ugnìs* (f.) / *ùgnis* (m.) ‘огонь’; лит. *gyvatà* / *gyvãtas* ‘жизнь’[13].

Таким образом, есть серьезные сомнения в том, что балтославянское название легких было изначально среднего рода. В связи с этим сценарий Мажюлиса требует некоторой корректировки. Можно предположить, что отправной точкой была форма *plaų̃tis / *pleų̃tis женского рода, что наиболее характерно для дериватов с формантом *-tis. В латышском и прусском женский род удержался, в литовском и части латышских диалектов произошел переход в мужской род. В случае праславянского же легко представить переход из *-i-склонения в *-jo-. Подобные случаи хорошо известны, например, *datь [SP 2: 358] > *daťa, *zemь > *zemja, и уже после распада праславянского: *morwь > слвн. *mrávlja* ‘муравей’, *bolnь > др.-чеш. *blaně* ‘луг’ [ЭССЯ 2: 178][14]. Вероятно, в целом именно такого происхождения формант *-ťa[15].

Следующим этапом должно было быть переосмысление *pľuťa как формы не женского рода, а среднего рода множественного числа. По такому сценарию изначально собирательное *brat(r)ьja (f.) в части славянских языков стало восприниматься как nom.pl. от *bratrъ (пол. *bracia*, рус. *братья*). При этом, хотя в ряде языков (старославянский Шестоднева Иоанна экзарха, чешский, некоторые сербохорватские говоры) континуанты *pľuťa относятся к женскому роду, мы склонны полагать, что это не сохранение исконного состояния, а вторичный возврат к нему.

Наконец, от *pľuťa (n. pl.) был образован вторичный сингулятив *pľuťe, возможно, уже даже не в праславянскую эпоху. Аналогичный пример мы обнаруживаем в случае польского *liść* ‘лист’, являющегося обратным дериватом от собирательного *liście* ‘листва’ (< *listьje).

Объяснения требует также вокализм формы *pleų̃tis. Первоначально для дериватов с формантом *-tis был характерен корень на нулевой ступени аблаута. Однако в праславянском мы находим и случаи *-e-*вокализма [SP 2: 43–50]. Более того, параллельные формы с разным вокализмом известны и за пределами славянских языков, например,

[13] В случае дублетных литовских форм одна, как правило, является диалектной или устаревшей [LKŽ].

[14] Вопреки ЭССЯ, из числа сопоставлений следует исключить слвн. диал. *blánja* ‘доска, пень’, не соответствующее семантически и, возможно, являющееся романизмом [SLA 2.2: 337].

[15] Обзор дериватов (с иным объяснением происхождения суффикса) см. в [SP 2: 42–43].

φεῦξις ‘бегство’ у Софокла при обычном φύξις [Liddell, Scott 1996: 1925].

Возможно, выбор именно такого вокализма в праславянском объясняется тем, что нулевая ступень была уже «занята» словом *plъtь (‘плавающая корка’ >) ‘плоть’ (см. раздел II настоящей книги), образованным от того же корня при помощи того же суффикса. В целом нельзя не отметить разнообразие праславянских *-t-дериватов от корня *pleu̯- ‘плавать’. Помимо *plъtь и *pľuťa сюда относятся *plъtъ ‘плот’, *plъty ‘плавник’ и *pluta ‘поплавок’[16].

Резюмируя анализ, следует сказать, что из двух потенциальных реконструкций праславянского названия лёгких, *pľuťa и *pluťa, вероятно, исходной является первая, в то время как вторая форма появилась либо вследствие действия дистантной диссимиляции *l’–t’ > l–t’*, либо как результат влияния производящего глагола *pluti ‘плавать’. При обоих сценариях вариант *pluťa мог появиться как ещё в праславянский период, так и после распада праславянского языка в двух ареалах (польско-лужицко-полабском и сербохорватско-словенском) независимо друг от друга.

Что касается морфологии, мы полагаем, что первоначально от глагола *pleu̯- ‘плавать’ было образовано слово *pleu̯tis ‘лёгкое’ > *pľuts женского рода, в дальнейшем перешедшее из *-i-склонения в *-jā-, то есть *pľuts > *pľuťa, и позднее переосмысленное как множественное число среднего рода.

XIII.2. Инновационные и заимствованные обозначения лёгких

В восточнославянских говорах безоговорочно доминирует субстантивированное прилагательное *lьgъkъ(jь) ‘лёгкий’, представленное также в литературных белорусском (*лёгкае*) и русском языках. В украинских говорах имеется также дериват от этого прилагательного, кодифицированный в литературном языке (*легéня*)[17]. Ряд суффиксаль-

[16] О некоторых других потенциальных производных от этого корня см. [Шалаева 2016: 214–221] и [Pogwizd 2021].

[17] В некоторых говорах присутствуют оба обозначения, причём с диаметрально противоположной дифференциацией. Так, в пункте ОЛА 430 (Свитанок, до 1964 г. – Свистельники, Ивано-Франковская область) *łɘˈhen’i* – это ‘лёгкие человека’, а *ˈłexke* – ‘лёгкие животного’. То же в пункте 462 (Галица, Черниговская область): *łęˈhen’i* ‘лёгкие человека’, *ˈl’oxk’i* ‘легкие животного’. Но в пункте 482

ных дериватов известен и белорусским говорам: *лягку́шы* (pl.), *лягку́шка*, *ліганёўя* (coll.), *лягéнні* (coll.) [ЧТС 2006: 179]. Отметим, что в восточнославянских языкам лёгким, как правило, не противопоставляется «тяжёлая» печень.

Поскольку субстантивированные прилагательные в русском обычно сохраняют род существительного, с которым они согласовывались до эллипсиса, логично искать такое существительное среди слов среднего рода. Поэтому П. Вирт восстанавливал коллокацию *‘лёгкое ятро’ [Wirth 1939: 95]. При всей заманчивости такого решения мы не можем до конца быть уверены в его справедливости, поскольку такая коллокация никогда засвидетельствована не была, а *ятро* как обозначение печени было утрачено довольно рано. В то же время коллокация «лёгкие печёнки» вполне известна: *ˈl’oxk’ija p’eča*ˈ*n’i*, *l’ax*ˈ*k’ija p’eča*ˈ*n’i* (ОЛА 331), *ˈłexk’i pyč’in*ˈ*k’e* (413), *ˈłexk’i pэčɪnˈk’y* (414), *łyxˈk’i pyč’in*ˈ*kы* (427) [ОЛА ЛС 9/53]. Поскольку обозначение лёгких тяготеет к тому, чтобы быть plurale tantum (а в некоторых языках таковым и является), нельзя исключать, что форма ед. ч. *лёгкое* получена из мн.ч. *лёгкие* (первоначально – *печёнки*), недифференцированной в отношении грамматического рода.

То же обозначение широко представлено в польских говорах, как правило, в роли названия лёгких животных (в отличие от *płuca*, обозначающих лёгкие человека): *l’etk’e* (пункт ОЛА 239, 255), *letke* (256), *letk’e* (263, 264, 278, 283, 295, 304, 323), *lek’e* (290), *letka* (306), *lętk’ę* (313), *letk’ę* (324) [ОЛА ЛС 9/53]. По данным «Малого атласа польских говоров», это обозначение (с фонетическими вариантами *letkie*, *leʸtkie*, *lehkie*, *lefkie*, *lekie*, *leʸntkie*, *lintkie*) доминирует преимущественно к югу от линии Нотець – Висла – Вепш. Отмечены также коллокации: *letkie pluca* / *pluca letkie*, *letkie pu̯uca* / *pu̯uca letkie*, *letkie puca* / *puca letkie*, *letka wątroba* / *wątroba letka*, *letkie dudy* [MAGP 7/345].

Распространены обозначения лёгких по их функции, дыханию: болг. диал. *дихáлка* [ИДРБЕ 1: 1006]; луж. устар. *dychadło*, *dychawa* [SSA 6: 142]; бел. диал. *ды́хала* (пейор.) [ЧТС 2006: 179]; рус. диал. ˈ*дыхэ́ łы* ‘лёгкие человека’ (пункт ОЛА 756) [ОЛА ЛС 9/53]. Сюда же примыкают рус. ц.-сл. **доу҃шьникъ** ~ **доу҃шєвникъ** [Баранкова 1991: 82],

(Пинянка, в настоящее время упразднена и включена в состав села Мирополье, Сумская область) наоборот: *łɜˈhen’i* – это ‘лёгкие животного’, а ˈ*l’ohk’i* – ‘лёгкие человека’ [ОЛА ЛС 9/53].

пол. диал. *tchy* (< *dech* ‘дыхание’) [MAGP 7/345] и бел. диал. *вазду́хі* (pl.) [ЧТС 2006: 179].

Лёгкие могут сравниваться с музыкальными инструментами: чеш. *dudy* ‘волынка’ > ‘лёгкие (шутливо)’[18] [SSJČ], пол. диал. *dudy* ‘волынка’ > ‘лёгкие’, далее также ‘внутренности вообще’ [MAGP 7/345; SGP 19: 436–437]. В польских силезских говорах отмечено чешское заимствование *huśle* ~ *huśla* (с фонетическими вариантами) с семантическим сдвигом ‘скрипка’ > ‘лёгкие’ [MAGP 7/345; SGP 32: 144].

В некоторых словенских говорах, преимущественно на территории Италии, представлено заимствование из ит. *polmone* ‘лёгкое’ или фриульского *polmon* ‘id’: *polmộ̑nę*, *polmộ̑navę*, *polmône* (SLA 056), *pu̯lmû̯nove̯*, *pulmû̯nu̯vi̯* (057), *polmûne*, *polmûnave*, *polmûnə*, *polmûnave* (058), *polmọ̑:ni* (060), *palmûne* (061), *polmộ̑ńę* (062), *pulmò:ni* (063), *pulmộ̑ni* (121), *polmônę* (138) [SLA 1/52][19]. Это же заимствование записано в хорватском переселенческом говоре в Италии: ˈ*pulmù:n* (ОЛА 44a) [ОЛА ЛС 9/53].

В словенских говорах к югу от Триеста лёгкие обозначаются заимствованием из фриульского *coradele* ‘внутренности, потроха’: *karadîᵉlu̯ə*, *kərədîəlu̯ə* (SLA 118), *koradę̂lå* (122), *kordę̂la* (123)[20], *karadę̂la* (124) [SLA 1/52].

В одном словенском говоре (SLA 002) представлен германизм *lùngə̑n* (< нем. *Lungen* ‘лёгкие’) [SLA 1/52]. Шире это слово засвидетельствовано в верхнелужицких говорах, в большинстве которых представлены формы *luŋga* или *luŋa*. Первая из них встречается также в нижнелужицких говорах [SSA 6/53]. Форма *lungi* (pl.) отмечена в двух силезских польских говорах [MAGP 7/345].

---

[18] В современном разговорном чешском слово *dudy* в таком значении практически не употребляется, зато часто используется в смысле ‘женская грудь’.

[19] В Солбице (SLA 059) SLA отмечает только формы *te bîle jẹ̑tra*, *te bîle i̯ệtra*, в то время как ОЛА в том же пункте (ОЛА 001) фиксирует романизм *polˈmunavə*, *pulˈmunavə* [ОЛА ЛС 9/53].

[20] В этом же пункте (Помьян) ОЛА (пункт 011) также даёт форму *korˈdẹ:la* [ОЛА ЛС 9/53].

XIV. ПЕЧЕНЬ

XIV.1. Праславянское *ętro

Праиндоевропейское название печени, *i̯ek^{w}r̥ пережило семантический дрейф в праславянском и стало обозначать рыбью икру, а затем икру ноги [Саенко 2022a: 157–164]. В качестве основного обозначения печени его вытеснило слово *ętrò (а. п. *b* [Derksen 2008: 158; ERHJ 1: 406]), которое первоначально, вероятно, относилось к внутренностям вообще[1]. Среди его когнатов[2] санскр. *ántaraḥ* ‘внутренний’, *āntrám* ‘внутренности’, авест. *aṇtara-* ‘внутренний’, лат. *interior* ‘id’, др.-греч. ἔντερον, ἔντερα (pl.) ‘кишка; чрево, матка; внутренность, сердцевина, ядро; червь’, арм. *ənderkʿ* ‘внутренности’, др.-сканд. *iðr* ‘id’, прус. *instran* ‘жир’[3], иногда называют также лит. *įsčios* ‘внутренности’ и лтш. *iekšas* ‘id’. На основании этих слов реконструируется п.-и.-е. *h$_1$entero- ‘внутренняя часть’, образованная от *en ‘в, внутри’ при помощи суффикса сравнительной степени *-t(e)r- [Beekes, van Beek 2010: 431]. По указанию З. Бабика, разница в месте ударения – на корне в санскр. *ántaraḥ* и др.-греч. ἔντερον, но на окончании в праслав. *ętrò и санскр. *āntrám* – может говорить о том, что дериваты с *-ter- и *-tr- возникли независимо друг от друга [Babik 2012: 135].

---

[1] Это, конечно, связано с тем, что печень является крупнейшим по весу внутренним органом. Ср. в качестве некоторой параллели табасаранское *ликIáр-юкIвáр* ‘внутренности’ (дословно ‘печёнки-сердца’) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 218].

[2] Этой консенсусной этимологии оппонировал, кажется, только А. Вайан, который пытался вывести *ętro из праиндоевропейского названия печени [Vaillant 1: 93], что, однако, не соответствует законам исторической фонетики.

[3] Из-за *-s-* в прусском слове его пытались объяснить как германизм. Альтернативная гипотеза видит здесь смешение с фонетически схожими словами, такими как прус. *inxcze* ‘почка’ [Топоров ПС 3: 54–55]. В свою очередь В. Мажюлис отделял балтийские и славянское слова от потенциальных родственников в других индоевропейских языках и пытался вывести их из *ind-tro, якобы от корня *ind- ‘набухать’ [Mažiulis 2: 30–31].

Точно такое же сужение значения, ‘внутренности’ > ‘печень’, позднее будет повторено в отдельных славянских идиомах (см. ниже).

Потомки *ętro сохранились как основное обозначение печени в нескольких славянских литературных языках: слвн. *jętra* (n. pl.), схр. *jȅtra* (f.), чеш. *játra* (n. pl.), в.-луж. *jatra* (pl.), н.-луж. *jětša* (pl.).

В тексте Шестоднева *ѩтрꙗ ‘печень’ фигурируют в форме gen. pl. ѥтръ и nom.pl. ѥтрꙗ (четырежды) [Aitzetmüller 6: 231, 237, 479].

В болгарских говорах известно *empó* ‘печень’ [БЕР 1: 514].

Форма ˈ*empa* засвидетельствована в одном македонском говоре (пункт 237) [МДА 1/85].

Континуанты *ętro доминируют в словенских диалектах, где также представлен ряд морфологических вариантов: *jetre*, *jetri*, *jetro*, *jetrce* [SLA 1/51].

В сербохорватских говорах слово *jȅtra* (с переосмыслением n. pl. как f. sg.) было в значительной мере потеснено новыми и заимствованными обозначениями, с которыми засвидетельствовано чересполосно [ОЛА ЛС 9/54].

В Чехии *játra* (с фонетическими вариантами) является почти единственным названием печени. Оно также известно в одном пункте в Словакии, относящемся к загорским говорам (ОЛА 208, Чары) [ОЛА ЛС 9/54]. Словацкий диалектный словарь отмечает форму *játra* также в загорских говорах [SSN 1: 719], что хорошо укладывается в наблюдения С. Хабиянца, согласно которым загорские говоры в своей основе являются чешскими [Хабиянец 2020].

Чешскоцерковнославянскому тексту «Беседы Григория Великого» известна форма ѩтрьцѣ (n.) [SJS 4: 1025].

Крайне любопытна древнечешская форма *játry* (f. pl.) [Gebauer 1903: 605], демонстрирующая сначала аналогичное сербохорватскому переосмысление n. pl. как f. sg., а затем вторичную плюрализацию.

В лужицких говорах записаны формы *ěčа*, *ěčа* (с нижнелужицким переходом *tr* > *tš* > *č*), *ěatra*, *ěadra*, *ěatrə* [SSA 6: 144].

В полабском сохранилось слово *jǫtrə* ‘печень’ (f. sg.) [SEJDP 2: 236–237].

В русскоцерковнославянских памятниках ѩтрꙗ ‘печень; внутренности’ обычно множественного числа, однако есть пример и единственного числа ѩтрѡ [Срезневский 3: 1673].

В русских карельских говорах записаны формы *я́тра* (f.) и *я́тро* (n.) ‘печень животного’ [СРГК 6: 969].

Совокупность вышеприведённых данных заставляет реконструировать праславянское *ętro (n. sg.), которое чаще всего употреблялось во множественном числе – *ętra (n. pl.). Эта форма в ряде идиомов-потомков была переосмыслена как f. sg.

XIV.2. Инновационные названия печени

XIV.2.1. Континуанты *ǫtroba

Праславянское *ǫtroba образовано от того же корня, что и *ętro, однако, по-видимому, имело иное значение – ‘внутренности’. Его польский потомок, *wątroba*, стал означать печень, причём это почти единственное обозначение печени в польских говорах [ОЛА ЛС 9/54].

Из польского заимствованы бел. диал. *vantˈroba* (пункт ОЛА 337), *v’intˈroba* (372) [ОЛА ЛС 9/54], *vantrˈoba* (ряд говоров в окрестностях Белостока) [AGWB 5-1/33].

Полонизмы представлены также в украинских надсанских говорах: *vantrˈoba*, *untrˈoba*, *ventroba*, *vuntrˈoba* [AUGN 1: 38]. Однако для других украинских говоров характерно не прямое заимствование, а калькирование, когда под польским влиянием печень начинает обозначаться исконным континуантом слова *ǫtroba: *u̯utˈroba* (ОЛА 412), *wutˈroba* (430) [ОЛА ЛС 9/54]; *vutrˈoba*, *utrˈoba*, *otrˈoba*, *ˈotruba*, *vatrˈuba*, *otrˈib* [AGB 3/159].

Аналогичный польскому сдвиг представлен в силезских говорах: *otroba*[4] (ОЛА 197) [ОЛА ЛС 9/54; Lamprecht 1963: 92]; *utroba* (пункт 42) [AJŚ 4/629].

В нескольких сербохорватских говорах печень обозначается дериватом от *ǫtroba – *utˈrobica* (пункты ОЛА 43–44, 72). Как было сказано выше, в ряде пунктов (71, 74, 75, 76, 77) это слово было включено в состав «цветной» коллокации *crna utrobica* [ОЛА ЛС 9/54].

XIV.2.2. Континуанты *drobъ

Континуанты *drobъ в южно- и западнославянских языках означают ‘требуха’ [SP 4: 248–249]. В некоторых случаях их функция сузилась до обозначения печени. Чаще всего, как было сказано выше, в рамках «цветных» коллокаций, но иногда отмечается и просто существительное: *dřûəƀ* (пункт SLA 011), *drûəp* (046), *dřûǫp* (051) [SLA 1/51].

[4] Начальный гласный, вероятно, переосмыслен по аналогии с префиксом *od-*/*ot-*.

XIV.2.3. Континуанты *pečenь

В восточнославянском и словацком ареалах как обозначения печени безоговорочно доминируют континуанты *pečenь или диминутивные образования от этого слова [ОЛА ЛС 9/54; AGWB 5-1/33; AGB 3/159]. В данном случае имел место семантический дрейф ‘жарко́е’ > ‘печень’.

В современном литературном чешском *pečeně* означает только ‘жарко́е’, однако в древнечешском *pečenka* отмечено и в значении ‘почка’, а формы *pečenky* (pl.) / *pečencě* (du.) – в значениях ‘гениталии’ и ‘тестикулы’ [StčS 1996: 115].

Типологические параллели к данной модели номинации можно найти в романских языках: исп. *asadura* ‘внутренности, потроха; печень и лёгкие, ливер; печень’ < *asar* ‘жарить’, франкопровансальское [frit’ura] ‘печень’ и [frikas’e] ‘id’ < лат. *frīgere* ‘жарить’ [Čižmárová, Šipková 2009: 72].

Калькой с восточнославянского обозначения является лит. *kẽpenys* ‘печень’ < *kèpti* ‘печь’[5].

XIV.2.4. Прочие названия

Как было сказано выше, изначально польское слово *dudy* обозначает в первую очередь волынку. В некоторых говорах это обозначение было перенесено на лёгкие, а с лёгких уже на печень, чаще всего в составе коллокаций (см. выше), но иногда и без. Так, в мазовецких говорах слово *dudy* может обозначать одновременно ‘лёгкие животного’ и ‘печень животного’ либо же только ‘печень животного’ [AGM 1/19]. В малопольском говоре деревни Венцюрка *dudy* – это и ‘лёг-

[5] Лит. *kèpti* ‘печь’, в отличие от праслав. *peťi (1. sg. praes. *pekǫ) ‘id’, демонстрирует метатезу *p–k* > *k–p*. А. П. Непокупный указал на наличие такой же метатезы в производном от этого глагола названии шампиньона, например, в укр. *печери́ця* ~ укр. диал. *чеперúця*, в подобных болгарских и сербохорватских диалектных формах, а также в славянских заимствованиях в венгерском и румынском. Кроме того, привлекались албанские и греческие данные [Непокупный 1976: 37–41]. Однако мы не уверены, что можно говорить о древней изоглоссе. Метатезы *p–k* > *k–p* или *k–p* > *p–k* довольно распространены в славянских языках. Стоит упомянуть о *pokriwa ‘крапива’ при более распространённом *kopriwa ‘id’, чеш. диал. *koprvadlo*, *koprvátko* ‘крышка посуды’ при *pokrývadlo*, *pokrvátko* ‘id’ < *krýt* ‘крыть’ [Шалаева 2017: 379, 380, 372]. Сюда же относятся рус. диал. *ка́постúть*, *капостник*, *ка́пость* [СРНГ 13: 56] из *пакостить*, *пакостник*, *пакость*; *капорукий* ‘с изуродованной рукой’ [СРНГ 13: 56] из *пакору́кий* ‘id’ [СРНГ 25: 159].

кие животного’ (‘лёгкие человека’ – *puca*), и ‘печень’ [Kucała 1957: 76, 168][6].

В некоторых лужицких говорах (пункты SSA 74 и 77) лёгкие обозначаются германизмом *luŋga*, а исконное обозначение лёгких, *pluca*, закрепилось (видимо, в результате упрощения «цветовой» коллокации) за печенью. В других (пункты 10, 14, 37, 38, 41, 45, 48, 49, 50, 52) слово *puca*/*pluca* без уточняющего прилагательного может обозначать как лёгкие, так и печень [SSA 6: 144].

В древнерусских церковнославянских рукописях (Толкования Никиты Ираклийского на гомилии Григория Богослова, XIV в.; Пчела, XIV в.; «Слово об аскетическом делании» Евагрия Понтийского по рукописи ГИМ, Усп. №3, л. 8, XV в.) встречается слово **десньць** ‘печень’ [СДЯ 2: 457; Вершинин 2018: 11], прозрачный дериват от **деснъ** ‘правый’, что связано с местоположением печени в теле с правой стороны.

XIV.2.5. Заимствования

Словенское диалектное *fę̑gato* (пункт SLA 057) заимствовано из итальянского *fegato* ‘печень’ [SLA 1/51]. Из того же источника хорватское диалектное *fę̑:git* (44a) [ОЛА ЛС 9/54]. Фриульское *fiat*, когнат итальянского слова, дало слвн. диал. *fjá:t*, *fijà:t* (060) и *fˈjat* (063) [SLA 1/51].

Немецкое *Leber* ‘печень’ было заимствовано в ряд словенских говоров: пункты SLA 10, 12, 15, 16, 17, 19, 20, 29–31, 33, 35, 405 [SLA 1/51], пункт ОЛА 147, 148 [ОЛА ЛС 9/54]. Оно же представлено в большинстве верхнелужицких говоров [SSA 6/54].

Укр. диал. *ˈmai̯ka* (ОЛА 465) заимствовано из венгерского *máj* ‘печень’, а рус. диал. *ˈmaksa* (568) из фин. *maksa* ‘печень’ [ОЛА ЛС 9/54].

[6] Те же данные М. Куцала предоставил для ОЛА (Венцюрка – пункт 311).

XV. Почка

XV.1. Праславянское обозначение почки

Наиболее вероятным кандидатом на роль праславянского названия почки является *jьsto, рефлексы которого зафиксированы в этом значении в старославянском, полабском, а также сербохорватских и словенских диалектах.

В старославянском **истеса** или **истесѣ** соответствуют греческому νεφροί [SJS 1: 819; 2: 168], однако глосса на полях Синайской псалтыри показывает, что полисемия ‘почка; тестикула’ была присуща уже старославянскому (см. раздел XX.2.1).

В сербохорватском *ˈi:sto* ‘почка’ представлено в чакавском говоре (пункт ОЛА 24) [ОЛА ЛС 9/55].

В словенских говорах широко распространены приставочные производные *obisti*, *obiste*, *obistje*, *oblisti*, *oblistje* (с многочисленными фонетическими вариантами) ‘почки’ [SLA 1/53]. Та же приставка обнаруживается в рус. ц.-сл. **обистьѥ** ~ **обистьꙗ** (pl.) ‘почки’ [СДЯ 5: 481]. Внутренняя форма этих образований выглядит как ‘место вокруг почек’. Возможно, мы имеем дело с зигзагом ‘почки’ > ‘поясница’ > ‘почки’.

Полабское *jaịstə* (nom.-acc. pl. n.) значит ‘почки’ [SEJDP 2: 209].

В древнерусских памятниках мы находим **исто** в значении ‘почка; тестикула’ [СДЯ 4: 174; СлРЯ XI–XVII 6: 324].

Согласно общепринятой этимологии, у праславянского слова есть когнат – древнескандинавское *eista* ‘тестикула’, которое пытаются связать с лит. *ìnkstas* ‘почка’[1], лтш. устар. *īksts* ‘id’, прус. *inxcze* ‘id’ и алб. *eshke* ‘id’ и далее выводят из корня *h_2eịd- ‘набухать’ с суффиксом *-sth_2o- [Smoczyński 2007: 222; Kroonen 2013: 14].

В. А. Дыбо добавлял к вышеназванным балтийским формам лит. *įščios* ‘утроба’, лтш. устар. *īstri* ‘почки’ и прус. *instran* ‘жир’, а для *jьsto (в авторской реконструкции *ĭsto) постулировал утрату назальности [Dybo 2002: 459–460]. Однако для лит. *įščios*, а также лтш. *iekšas* ‘вну-

[1] Неэтимологический -n- объясняется влиянием įščios ‘утроба’ [Smoczyński 2007: 222].

тренности’ предполагается родство с др.-сканд. *ístr* ‘кишечный жир’, нем. диал. *Inster* ‘потроха, требуха’ < прагерм. *instra- ‘кишечный жир’ < *h_1n-sth_2-ieh_2 [Kroonen 2013: 270]. Необходимость постулирования для праславянского слова такого нестандартного фонетического изменения, как утрата назальности, серьёзно ослабляет эту версию.

XV.2. Инновационные названия

XV.2.1. Дериваты от *lędwьję / *lędwьjě ‘поясница’

В литературных словенском и чешском почка обозначается словами *ledvíca* и *ledvina* соответственно. Эти формы являются производными от *lędwьję / *lędwьjě ‘поясница’ с разными суффиксами. В словенском представлены также параллельные образования *ledvico*, *ledovika*, *ledevje*, *ledvije* (с фонетическими вариантами), при этом соотношение форм на *led-* и *obist-* выглядит как классическая картина центральной инновации и периферийного архаизма [SLA 1/53]. В чешском форма *ledvina* (с фонетическими вариантами) является доминирующим обозначением почки [ОЛА ЛС 9/55; ČJA 1/121]. В соседних западнословацких говорах помимо *ladvina* / *ľadvina* имеются иносуффиксные варианты *ĺadve* (пункт ОЛА 222), *ladvenica* (210), *ladveńica* (212–214, 221), *ladveńička* (211) и *ladovńička* (219) [ОЛА ЛС 9/55]. «Словарь словацких говоров» отмечает богатый набор форм: *ledva* (f.), *ľadvie* (pl.), *ľadve* (pl.), *ľadvia* (pl.), *ladvene* (pl.), *ladveňe* (pl.), *ladveni* (pl.), *ledvini* (pl.), *lädvini* (pl.), *ladvina*, *ladvenica*, *ladveňica*, *ľadveňica* [SSN 2: 11–12].

При этом основной массив данных говорит о том, что непосредственный континуант *lędwьjě в древнерусском, лѧдвьѥ, обозначал только поясницу, а к почкам он применялся только метонимически, в контексте заболеваний, не обозначая почек как внутреннего органа [см. Саенко 2025б], так что глоссировать лѧдвьѥ как ‘почки’ было бы неправильно, вопреки, например, [Ушинскене 2013: 111–112].

XV.2.2. Восточнославянское *почка*

Общевосточнославянской инновацией является слово *по́чка*[2]. Оно было распространено во всём восточнославянском ареале, но позднее

[2] ОЛА фиксирует в двух населённых пунктах (363, Горск, Брестская область, Белоруссия; 404, Доротище, Волынская область, Украина) вариант со звонким согласным: ˈ*bočk’i* [ОЛА 9/55]. То, что это не ошибки, подтверждается данными

на части белорусской и украинской территории его вытеснил полонизм *ныpка* / *ни́рка* (в диалектах присутствуют также формы с *-ер-*, отражающие поздний польский фонетический переход *-yr-* > *-er-*) [ОЛА ЛС 9/55; ЛАБНГ 3/87; Дзендзелівський 1/41]. Насчёт этимологии слова *почка* было выдвинуто три гипотезы:

а) *почка* (анатомическая) и *почка* (ботаническая) восходят к одному этимону, *peťi ‘печь’ [Miklosich 1886: 253];

б) *почка* анатомическая является производным от глагола *peťi ‘печь’ и случайно омонимична *почке* ботанической. В качестве параллели используется кашубское *povarka* ‘почка’ [Преображенский 2: 118; Фасмер 3: 348; ЭСБМ 9: 314];

в) *почка* (анатомическая) и *почка* (ботаническая) восходят к одному этимону, *pръťka ‘косточка плода’ [Berneker 1898: 362; Boryś 2005: 422; ЕСУМ 4: 547].

Слабым местом второй гипотезы является фонетика: предполагается, что ботаническая *почка* восходит к праформе *pръťka, а анатомическая – к *počьka. Однако, как давно было отмечено, *počьka дало бы в украинском ***пічка*, при этом в украинских говорах мы ничего подобного не находим.

В то же время в дрейфе семантики от косточки плода или почки растения к почке человека или животного нет ничего невозможного. Так, во многих славянских говорах почки получают названия от маленьких, как правило продолговатых, предметов, см. ниже.

Мы полагаем, что наиболее вероятной этимологией восточнославянского анатомического термина *почка* является семантический дрейф ‘косточка плода’ > ‘почка растения’ > ‘почка человека или животного’.

XV.2.3. Обозначения по форме

Существует целый ряд случаев переноса на почки обозначений круглых и/или продолговатых предметов. В словенских говорах можно встретить следующие примеры: *oslice* – дословно ‘точильные бруски’ (пункт SLA 081); *fižol* ‘фасоль’ (170) и производные *fižolčki* (129), *fižolnjaki* (253); *stročke* ‘стручки’ (329)[3] [SLA 1/53].

полесского атласа [Куриленко 2004: 96]. По-видимому, мы имеем дело с народно-этимологическим влиянием слова *бо́чка* (сосуд), что хорошо согласуется с переносом на почки обозначений круглых предметов (см. ниже).

[3] Форму *štručke* из соседнего пункта 354 автор карты, К. Кенда-Еж, этимологизировала иначе, выводя его от слова *štruca* ‘буханка’. Нам кажется, что разде-

В восточной Моравии, западной и центральной Словакии и словацком литературном языке представлена форма *obličk*a[4], редко *(h)oblica* [ČJA 1/121; ASJ 9/40; ОЛА 9/55] (в словацких письменных памятниках также *oblinka* [HSSJ]) от слова *obľý* ‘округлый’ [Králik 2015: 394].

Континуанты формы *pokrǫtka записаны в одном пункте ОЛА в Польше (313; *pokrǫtk’i*), одном на Украине (465; ˈ*pǫkrutky*) и восьми словацких в восточной Словакии и Венгрии (156, 225, 226, 229–233) [ОЛА ЛС 9/55]. Словацкий атлас отмечает слово *pokrutka* преимущественно в восточнословацких и южных центральнословацких говорах [ASJ 9/40]. В небольшом ареале вокруг Ужгорода отмечал формы *по́крутка*, *поˀкру́тка* также Дзендзелевский [Дзендзелівський 1/41]. Исходно это слово, скорее всего, обозначало некую разновидность выпечки круглой формы, ср. др.-пол. *pokrętka* ‘вид хлеба’ [SStp 6: 330–331], др.-чеш. *pokruta* ‘выпечка круглой формы; шарик из целебной смеси; жмых’ [StčS 1996: 546–547], в.-луж. *pokruta* ‘буханка хлеба’, н.-луж. *pokšyta* ‘id’ [Schuster-Šewc 15: 1121], рус. ц.-слав. **покрꙋта** ‘каравай хлеба’ [СлРЯ XI–XVII 16: 181].

В одном польском говоре (ОЛА 325) записана форма *kłęmby* (pl.) [ОЛА ЛС 9/55]. В этом случае мы, похоже, имеем дело с переходом ‘клубок’ > ‘почка’.

XV.2.4. «Живые» обозначения

Словенские говоры дают нам ряд примеров переноса на почки названий маленьких живых существ: *možeki* ‘человечки’ (пункты SLA 335–339, 383, 384), *miši* ‘мыши’ (402–403), *ribice* ‘рыбки’ (369–382, 386, 407) [SLA 1/53]. Параллелью к последнему является рус. астрах. *ры́бки* ‘надпочечники и почки у овец’ [СРНГ 35: 296]. Сюда же примыкает рус. диал. *мотыле́к* ‘гусиные почки’ [СРНГ 18: 307]. Эти обозначения, видимо, опираются на внешнее сходство и являются довольно хорошей параллелью к «животным» названиям икры ноги, см. [Саенко 2022а: 175–176].

лять две столь схожие формы из соседних населённых пунктов было бы неправильно. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с паронимической аттракцией.

[4] С вариантами *hoblička*, *oblíčka*, *hoblíčka* в чешских говорах [ČJA 1/121] и *obľička*, *hoblička*, *hobľička* в словацких [SSN 2: 481–482].

XV.2.5. Прочие обозначения

Слвн. диал. *slezánə*, *slezán* (SLA 027) демонстрирует сдвиг ‘селезёнка’ > ‘почка’[5] [SLA 1/53].

Древнечешское *pečenka* отмечено в значении ‘почка’ при исходном (и единственном в современном литературном чешском) значении ‘жарко́е’ [StčS 1996: 115].

Верхнелужицкое *jěrcheń* ‘почка’ (с рядом фонетических вариантов в говорах [SSA 6/55]) является дериватом от *jěrcha* ‘замша’, что, вероятно, связано с мягкой, «замшевой», поверхностью почек [Schuster-Šewc 7: 453–454].

В одном русском говоре (пункт ОЛА 826) записана форма *paŀaˈuš-k’i*, которая, вероятно, является вторичной по отношению к слову *полушка*: в данном случае почки могли быть названы «половинками» из-за своей парности, ср. рус. урал. *полоу́шка* ‘половинка обожженного кирпича’ [СРНГ 29: 128]. Но несколько проблематичен фонетический облик этого слова. Ж. Ж. Варбот пытается объяснить этот и некоторые другие случаи экспрессивной дифтонгизацией [Варбот 2012: 58–63], однако приводимые формы единично отмечаются в различных русских говорах, а «дифтонги» редко представлены в корне, куда чаще – на стыке морфем, что заставляет искать иное объяснение.

XV.3. Заимствования

В большей части южнославянского ареала преобладает тюркское заимствование (болг. литер. *бъ́брек*, мак. литер. *бубрег*, схр. литер. *bùbreg*[6]), не захватывающее только бо́льшую часть Словении и часть Хорватии [ОЛА 9/55; Дрвошанов 2005: 94]. В словенских диалектах имеются формы типа *bubrek* или *bubreg*, но распространены они лишь в районах, граничащих с Хорватией или непосредственно в самой Хорватии (пункты SLA 153, 282–284, 288, 290–292, 294, 296, 375, 408–410, 412, 413) [SLA 1/53], и, видимо, следует считать их кроатизмами.

---

[5] В комментарии к карте особо подчёркивается, что речь не идёт об ошибке [SLA 1.2: 141].

[6] Мы полагаем, что сюда же следует относить сербохорватские формы *bú:bala* (pl.) (пункт ОЛА 62) и *búpci* (ОЛА 68), вопреки ОЛА, где они выводятся из bǫb-ala и bǫb-ьc-i соответственно [ОЛА ЛС 9/55]. Интересно, что оба слова известны также в значении ‘желудок птицы’ [RHiSJ 1: 698]. Скорее всего, их следует признать дериватами от усечённой основы слова *bubreg*.

Формы *бубрекъ* и *бубрѣгъ* с XV века фиксируются также в русских церковнославянских памятниках [Срезневский 1: 188; СлРЯ XI–XVII 1: 343]. Это обстоятельство часто трактуется как свидетельство древности этого тюркизма (который выводят из булгарского или аварского) [БЕР 1: 96; Skok 1: 224; Gluhak 1993: 154; ERHJ 1: 92]. Но древнейшие из русских памятников, в которых мы находим формы *бубрекъ* и *бубрѣгъ*, – это копии с южнославянских оригиналов[7]. Даль отмечал формы *бубре́жный* ‘почковый, почечный’ и *бубре́жнин* ‘болезнь в почках’ [Даль 1: 137], но не приводил их локализации; при этом в СРНГ такие формы отсутствуют. Даже если Даль записал эти формы в народной среде, мы вполне можем иметь дело со случаем проникновения книжного слова в народную медицину.

Существуют также два фонетических аргумента в пользу древности этого заимствования. Во-первых, на основании соответствия болг. *-ъ-* : схр. *-у-* : слвн. *-о-* делается вывод о том, что после момента заимствования гласный первого слога был преобразован в *ǫ под влиянием *bǫbъrěti ‘набухать’, и, соответственно, само заимствование произошло до утраты носовых. Во-вторых, *-ѣ-* в части форм из русских памятников, а также *-i-* в икавской схр. форме *bubrȉk* (gen. *-iga*) якобы указывают на *ě, которое вряд ли бы ожидалось при заимствовании из тур. *böbrek* [Skok 1: 224; Аникин 5: 23–24].

Однако *-ъ-* в болгарском распространено далеко не во всех диалектах, и не может быть объяснено как результат нормального фонетического изменения *ǫ > ъ. Предположительно, мы имеем дело со сближением с глаголом *бъ́бна* ‘набухать’ [БЕР 1: 96]. В современных словенских диалектах встречаются только формы с *-u-* [SLA 1/53], форма *bǫ̑breg* засвидетельствована только у Плетершника (в значениях ‘почка’ и ‘еловая шишка’; материал взят у Цафа и Валявца). В данном случае вокализм также можно объяснить народно-этимологическим сближением со словом *bȍb* ‘боб’.

Наличие *ě в заимствовании нуждается в дополнительном обосновании, мы полагаем, что только икавских и церковнославянских форм для этого недостаточно.

В то же время следует обратить внимание на то, что пратюркское название почек реконструируется как *böγür, *böγrek [СИГТЯ 2006: 178; СИГТЯ 2001: 278]. Формы типа *böbrek* со вторым *-b-* ограничи-

[7] Срезневский отмечает, что форма **коүврѣкѡхъ** из Пандектов Никона Черногорца взята из позднего списка, в более ранних мы находим **истєсѣхъ**.

ваются турецким, гагаузским и крымскотатарским языками [ЭСТЯ 2: 205–207][8].

Ареал распространения форм типа *бъбрек ~ бубрег*, если считать формы русских памятников пришедшими из Южной Славии, очень хорошо коррелирует с ареалом турцизмов в южнославянских языках. Кроме того, как и многие другие турцизмы, это слово мы находим также в албанском (диал. *bubureќe* ‘печень’, *bubréќ* ‘почка’) [Meyer 1: 50].

Мы полагаем, что в случае с формами типа *бъбрек ~ бубрег* весьма вероятным сценарием является заимствование из турецкого (в пользу чего говорит фонетика и, в некоторой степени, ареал) и быстрое распространение по Балканскому полуострову, как в случае коллокаций типа «чёрная печень», а также слова *but* ‘бедро’. Происхождение *бъбрек ~ бубрег* из булгарского или аварского аргументировано очень слабо и, на наш взгляд, является менее вероятной возможностью.

Довольно широко также распространено заимствование из немецкого *Niere* (пол. и н.-луж. литер. *nerka*, укр. литер. *ни́рка*, бел. литер. *ны́рка*). Оно занимает чешскую Силезию, всю территорию Польши, часть Лужицы, часть северо-запада Белоруссии, а на Украине занимает преимущественно запад и центр, разрезая ареал слова *почка* [SSA 6/55; ČJA 1/121; ОЛА ЛС 9/55; ЛАБНГ 3/87; Куриленко 2004: 96]. ОЛА отмечает его также в двух пунктах в Словакии (227, 228) и в одном украинском говоре в России (843). Оно зафиксировано также в двух словенских говорах в австрийской части Каринтии: *níərne* (pl.; пункт SLA 025), *nìərn̥* (pl.; пункт SLA 035) [SLA 1/53].

В польском это слово фиксируется примерно с 1500 года [SStp 5: 135], а из польского затем распространилось в украинский и белорусский.

В словенских говорах отмечается ещё один германизм: *lumpli*, *lumplič*, *lumprli*, *lumpice*, *lampice* (с фонетическими вариантами), заимствованный из баварского немецкого *Lumpe* ‘почка’ [SLA 1.2: 142].

Словенским говорам также известен ряд романизмов: *lomboliči*, *bomboliči*, *nomboliči* < ит. *lombo* ‘поясница’; *ronjoni*, *ronjonovi* < ит. *rognone* ‘почка (как еда)’; *reni*, *rene*, *renihe*, *remi* < ит. *rene* ‘почка’ [SLA 1.2: 142]. Итальянизмом, вероятно, является также хорватское *ar’ńu:l* (ОЛА 37) [ОЛА ЛС 9/55].

---

[8] В некоторых других тюркских языках имеются формы типа *böwrek*, но здесь *-w-* возникло на месте *-γ-*.

Рус. иркут. *бо́рушка* ‘говяжья почка’, *бо́рюшки* ‘почки у животных’ [СРНГ 3: 120, 123] заимствовано из бурятского *бөөрэ* ‘почки’ [Аникин 4: 100], когната обсуждавшегося выше тур. *böbrek*. Происхождение русского диалектного слова от *бора́* ‘сборка, складка, сгиб’ [Ушинскене 2013: 116] значительно менее вероятно.

XVI. СЕЛЕЗЁНКА

XVI.1. Праславянское обозначение селезёнки

XVI.1.1. Имеющиеся реконструкции

В большинстве славянских языков названия селезёнки восходят к одному праславянскому этимону, ср. болг. *слéзка*; мак. *слезина*, *слезена*; схр. *slezèna*, *slezìna*; слвн. устар. *slezêna*; чеш., слвц. *slezina*; в.-луж., н.-луж. *słozyna*; пол. *śledziona*; бел. *селязёнка*; укр. *селезíнка*; рус. *селезёнка*.

Морфологическое и фонетическое варьирование этих, а также диалектных форм привело к разнобою в реконструкциях в лингвистической литературе. Можно встретить следующие варианты (расположены по возрастанию количества реконструкций):

- *selzena [Brückner 1985: 530–531; Machek 1968: 554; SP 1: 128; Schuster-Šewc 17: 1308; Boryś 2005: 615; Snoj 2016: 855; Ligorio 2022];
- *spelzena [Torbiörnsson 1901: 27; Dejna 1973: 89], *s(p)elzen- [Holub, Kopečný 1952: 337];
- *solzena [Lehr-Spławiński 1957: 227];
- *sьlezena [Вайан 1960: 66; Аникин 1983: 137];
- *spHloiǵhen-ā > *slaiǵhen-ā [Hamp 2002: 147][1];
- *selezenь, *selzenь [Фасмер 3: 594–595];
- *selzenь, *selzen’a [Німчук 1992: 311];
- *selzena, *selzina [Rejzek 2001: 581];
- *selzenà, *selzènь [ERHJ 2: 355];
- *selzenā́, *sə̂lzena, *sêlzenь, *selzenȍ, *selzȁ (М. Фурлан в [Bezlaj 3: 260]).

Некоторые авторы вообще отказываются от реконструирования точной формы, ограничиваясь лишь корнем: *selz- [Skok 3: 284; БЕР 6: 863; Králik 2015: 538].

---

[1] В отличие от прочих, реконструкция Э. Хэмпа сделана для раннепраславянского состояния. Она предполагает дальнейшее развитие *slaiǵhenā > *slě̄zena.

Из этого разнообразия надёжнее всего для праславянского состояния восстанавливается форма *selzenà[2], наиболее широко представленная в славянских языках. Возможность верифицировать обоснованность остальных реконструкций появилась благодаря богатому диалектному материалу, представленному на соответствующей карте в 9-м выпуске фонетико-грамматической серии «Общеславянского лингвистического атласа».

XVI.1.2. *-en- / *-in-

В некоторых идиомах мы находим формы на *-in-*. В первую очередь это *слезина* наряду со *слезена* в литературном македонском [ОДР-МЈ]. В говорах, преимущественно на западе и северо-западе страны, обнаруживаются также следующие варианты на *-ин-*: *слизинӑ*, *слезинка*, *слезʲинка* [ОЛА ФГ 9/67; Дрвошанов 2005: 99, 255].

В сербохорватском тоже представлена дублетность *slezèna* / *slezìna*. Формы на *-in-* имеются в нескольких ареалах, главным образом в Воеводине, Славонии и Среме: *skʲlezina* (пункт ОЛА 26), *slizìna* (39), *slézinà* (40), *śliżiʲna* (42), *slizʲina* (44), *slezína* (48, 53–55), *sklizína* (51), *slezìna* (52), *slézìna*, *sjézina* (56), *slẹ́zina* (62), *slezí:na* (63–64), *slézina* (68), *sleʲzina* (69), *šlezʲina*, *šʲlezina* (71), *šʲlezina* (74) [ОЛА ФГ 9/67]. Отмечает их и боснийский атлас: *slezína* (пункты 105, 140, 175), *sklézina* (074), *slazína* (111) [BLA 1/18].

Форма *slezina* характерна для современных литературных чешского и словацкого, а также для большинства диалектов этих языков [ОЛА ФГ 9/67], однако в древнечешском представлены и формы *slezena*, *slezeno*, причём в памятниках они отмечаются раньше, чем *slezina*.

В обоих лужицких языках селезёнка обозначается словом *słozyna*, то же и в диалектах: *sʊ̯ɔʲźina*, *sʊ̯ɔzyna*, *sʲɔʲzyna* [ОЛА ФГ 9/67].

Формы на *-ina* /*-yna* известны и в польских говорах: *ślezyna* (299), *śliźina* (322).

Напротив, в украинском *селезі́нка* звук *-і-* продолжает «новый ять», то есть *-е-*, удлинившийся после падения редуцированного: *selzenъka > *селезі́нка*. Однако есть и говор с *-ynka*, а не *-inka*: *seɫeʲzynka* (416).

Вероятно, в части славянских языков форма *selzena пережила замену редкого форманта *-ena* на значительно более продуктивный *-ina*. Формант *-*ena* надёжно реконструируется только для двух праславянских слов – *selzena и *pelena, кроме того, в чешском, словацком и

[2] Ударение согласно [Kapović 2015: 463].

русском *-ena* образует преимущественно экспрессивные обозначения людей и, реже, животных [SP 1: 128][3]. Таким образом, попытка спроецировать дублетность *-en-* / *-in-* на праславянский уровень [Meillet 1: 169; Rejzek 2001: 581] вряд ли обоснована.

Следует подчеркнуть, что есть и другие подобные случаи мены формантов у континуантов *selzena. Так, суффикс *-an-* представлен в боснийских говорах: *slézana* (пункт BLA 223), *sklezána* (084, 129, 194), *slizána* (119, 128), *sklizána* (081, 102, 104, 113, 124, 127, 177, 184, 187), *sklìzana* (120), *sližána* (116), *sliʒ́ǫ́na* (117) [BLA 1/18]. То же в чеш. диал. *slezana* (ОЛА 179, Чичов) [ОЛА ФГ 9/67] и луж. диал. *sų̣ožana* (Каминау) [Schuster-Šewc 17: 1308].

Сюда же примыкают пол. диал. *śl'eźuγa* (ОЛА 240, Гвяздово, Славенский повет, переселенческий говор), рус. диал. *s'əl'a'z'oxə* (710, Козодои, Псковская область) [ОЛА ФГ 9/67], каш. диал. *sl'oʒëzna* [SEK 4: 316][4]. Такая деривация с усечением основы наблюдается и в случае *pel(e)na > сев.-слав. *peľuxa ‘пелёнка’ [ЭССЯ 42: 74–75].

Подобные преобразования наблюдаются и у некоторых других слов. Например, ауслаут континуантов *mozgъ ‘мозг’ был преобразован по аналогии с формантом *-ъkъ в целом ряде идиомов (ср. IX.1): бел. диал. *мо́зак*, *мо́зык*, укр. *мо́зок*, *мі́зок*, чеш. *mozek*, болг. *мо́зък*, мак. *мозок*, схр. *мо̀зак* (gen. sg. *мо̀зга*). То же в случае слвн. *woskъ > *vôsʲək* ‘воск’ или *měsęcь > *mêsʲəc* (gen. sg. *mêsʲəca* или *mêsʲca*) ‘месяц’ и *zajęcь > *zâjəc* (gen. sg. *zâjca*) ‘заяц’ по аналогии с *-ьсь[5]. Так же в украинском: *заєць* (gen. sg. *зайця*)[6]. В некоторых русских говорах как беглое было переосмыслено *-о-* в слове *мозоль*, что дало такие формы множественного числа, как *мозли́*, *мозлы́* и *мозля́* [СРНГ 18: 205].

XVI.1.3. *-en- / *-ø-

В ряде болгарских, македонских и сербских говоров представлены формы без *-en-*: *sles* (пункты ОЛА 119, 120, 126, 168), *slez* (169),

[3] В современном литературном чешском известны дериваты с этим формантом, обозначающие абстрактные понятия — *štěstěna* ‘удача, фортуна’, *květena* ‘флора’, *zvířena* ‘фауна’, однако они, вероятно, придуманы в XIX в. будителями.

[4] Приводимые в словаре В. Ластовского белорусские формы *салозіца* и *салозаўка* [Ластоўскі 1924: 654] не находят никакого подтверждения в иных источниках, поэтому мы не можем быть полностью уверены в их реальности.

[5] Графически звук *ə* в словенском записывается как *e*: *vosek*, *mesec*, *zajec*.

[6] Тот же процесс произошёл и в случае рус. *заяц*, *зайца*, но он несколько затемнён редукцией гласных и орфографией.

sˈleska (92, 98, 122, 125, 132), *sˈlʹeskə* (144) [ОЛА ФГ 9/67], *слес*, *слеска*, *слес'ка*, *слескй* [Дрвошанов 2005: 99, 255]. Единично также в кашубском говоре деревни Еленьска-Хута: *słoʒa* [SEK 4: 316].

Механизм их появления мог быть схож с описанным выше: *-ena* было распознано как формант, после чего путём отбрасывания этого форманта были образованы обратные дериваты. Аналогичный процесс можно наблюдать в случае рус. диал. *голá* 'голень, голяшка' [СРНГ 6: 282], являющегося обратным дериватом от *гóлень*. Ещё один характерный пример – русское просторечное *снаря́га*, образованное от слова *снаряже́ние*. Однако возможен и другой сценарий, а именно влияние слова *slězъ 'сычуг', реконструируемого на основе **слѣзове** 'сычуги' как перевода др.-греч. ἔνυστρα в Шестодневе Иоанна экзарха (ГИМ, Син. 345, 245в) [Aitzetmüller 6: 321–322][7], схр. чак. (Орлец) *slès* 'сычуг', чеш. *slez* 'сычуг' (у Я. А. Коменского *sléz* [Komenský 1633: 21]), пол. устар. и диал. *ślaz* 'id' [Boryś 1999: 42–44].

В связи с территориальной ограниченностью обратных дериватов мы полагаем, что реконструкции *selzà [Bezlaj 3: 260] или тем более *spHl(ó)iǵh-ā [Hamp 2002: 148] для праславянского обозначения селезёнки необоснованны.

Напротив, в ряде славянских идиомов мы находим суффигированные формы. В первую очередь это восточнославянский ареал, где повсеместно старое название селезёнки было вытеснено диминутивом на *-ка*[8]. В ряде словенских и сербохорватских говоров (ОЛА 3, 37, 70, 83, 149) представлены формы на *-ica*.

XVI.1.4. *-dz-* и *-dź-*

В качестве континуанта праславянского *selzena в польском ожидалась бы форма *śleziona*, которую мы действительно находим в ограниченном количестве говоров: *śleźona* (316), *śleźǫna* (317) [ОЛА ФГ 9/67], *śleziona* [Kobylińska 2001: 180], кроме того, зафиксировано древнепольское прилагательное *śleziony* [SStp 9: 11–12]. В некоторых говорах обнаруживаются иные формы с *-z-* или *-ź-*: *śl'eźuγa* (240), *ślezyna* (299), *ślezona* (310), *śliźina* (322), однако доминируют в польском ареале варианты с аффрикатами *-ʒ́-* или, реже, *-ʒ-* [ОЛА ФГ 9/67], в том числе в литературном польском, в котором селезёнка обо-

[7] То же в болгарском списке ГИМ Син. 35 (л. 178а).

[8] Среди схожих примеров можно назвать слова *верёвка*, *золовка*, *лавка*, *палка*, *цевка*.

значается словом *śledziona*. Отметим, что в древнепольском засвидетельствован главным образом вариант *słodzona* (графически *slodzona*, *szlodzona*) [SStp 9: 11].

Следует сказать, что в польском известно явление перехода фрикативных в аффрикаты в соседстве с сонантами: *człapać* ‘тащиться, шлёпать’, *czmychać* ‘удирать’, *ćwierkać* ‘чирикать, стрекотать’, *ćwikła* ‘красная свёкла с тёртым хреном и уксусом’, *dźwięk* ‘звук’, *dzwon* ‘колокол’, *dzwono* ‘кусок рыбы, порезанной поперёк’, *bardzo* ‘очень’, *smardz* ‘сморчок’ [Sławski 1: 210], *frędzel* / *frędzla* ‘бахрома’, *pędzel* ‘кисть (для рисования)’, однако вряд ли это возможно в случае *śledziona*, поскольку для этого было бы необходимо, чтобы переходы *d’ > ʒ́ и *Rź* > *Rʒ́* хронологически предшествовали метатезе плавных, что сомнительно. Зато, по-видимому, начальный согласный польского диалектного *cu̯oʒo̯na* (ОЛА 246) вызван именно этим явлением.

В связи с этим *-ʒ́-* в польском объясняли влиянием *śledź* ‘сельдь’ [Вайан 1960: 66] или *słodki* ‘сладкий’, *słodzić* ‘сластить’ [Schuster-Šewc 17: 1308; Boryś 2005: 615].

В украинских говорах известны формы с *-ж-*: *s’il’i*ˈ*žonka* (ОЛА 401), *syły*ˈ*ž’inka* (406, 421), *s’il’i*ˈ*žınka* (412), *səłə*ˈ*ž’inka* (413), *šyły*ˈ*ž’inka* (429), *səłə*ˈ*ž’inka* (451), *šłə*ˈ*ž’inka* (471) [ОЛА ФГ 9/67], *sełežˈiŋka*, *słˈyžyń* [AGB 3/160], *sełežˈiń*, *sełeźˈiń*, *sėłėžˈiŋ́ka*, *sełežˈiŋ́ka*, *sełežˈiŋka*, *śil’iźˈun* [AUGN 1: 38].

В. В. Нимчук объяснял украинское диалектное *селедянка* влиянием диалектного *селедець* ‘селёдка’ или как пересчёт польского *śledziona* при заимствовании [Німчук 1992: 320].

Важно, что формы с заменой *z* на *ž*, *ǯ* и *ʒ* известны и за пределами польского ареала, в том числе в словенских и сербохорватских говорах, где влияние обозначения селёдки, заимствованного из древнескандинавского *síld*, исключено, а влияние континуантов *soldъkъ(jь) вряд ли возможно в силу вокализма этих форм: *skˈlę:žanca* (ОЛА 149, словенский говор, Горни-Сеник, Венгрия), *šĺižina* (156, словацкий говор, Охута / Стара-Гута, Венгрия), *slež̆uŋka* (207, Горни-Ломна, Чехия), *sližána* (50, Шпионица, Босния и Герцеговина), *sl̥ʒina* (219, Горна-Жданя, Словакия) [ОЛА ФГ 9/67]; *sližána* (BLA 116, Доня-Шпионица), *sliʒ́ą́na* (117, Доборовци) [BLA 1/18].

Таким образом, можно осторожно предположить, что формы с *ž*, *ǯ*, *ʒ́* и *ʒ* могут быть результатом дистантной диссимиляции однородных фрикативных *s–z* или *ś–ź*. В качестве частичной параллели можно привести праслав. *sьrstь > рус. *шерсть* с диссимиляцией *s–s* > *š–s*.

Исключением является вышеупомянутая словацкая диалектная форма *šĺižina*, где сначала произошла регрессивная контактная ассимиляция *sĺ* > *šĺ* (ср. *šˈĺezina*, 71 и 74), а затем дистантная ассимиляция *š–z* > *š–ž*.

Есть и формы с дистантной ассимиляцией *s–z* > *s–s*: *s'l'iˈs'inka* (430), *s'el'eˈs'enko* (602), *s'el'eˈs'onka* (646), *s'il'iˈs'onkə* (795); с дистантной ассимиляцией в обратном направлении *s–z* > *z–z*: *złyˈz'inka* (486), *z'el'eˈźonka* (533), *zyl'iˈz'onka* (наряду с *syl'iˈz'onka*, 446) [ОЛА ФГ 9/67], *zełezˈiŋka* [AGB 3/160], *zläzina* [Orlovský 1982: 412], а также сербскоцерковнославянское **зл҃кзєна** (Пролог Вука Караджича, XIV в.) [Miklosich 1977: 857][9].

Для польского *sn'eźǫna* (ОЛА 305) и украинского *s'in'iˈzonka* (433) можно подозревать дистантную ассимиляцию *l–n* > *ń–n*.

XVI.1.5. Прочие вторичные изменения согласных

В двух случаях мы находим фонетически необъяснимые формы. Пол. диал. *svęzǫna*, *svęńźǫna* (250), вероятно, объясняется влиянием глагола *swędzić* ‘чесаться, зудеть’, что, возможно, связано с тем, что при долгом беге в селезёнке начинает покалывать.

Русское *žel'eˈz'onka* (673), по-видимому, сближено со словом *железá*.

XVI.1.6. Корневой вокализм

Определённые вопросы вызывает реконструкция корневого вокализма интересующего нас слова. Наряду с *selzena в литературе встречаются варианты *solzena и *sьlezena.

Т. Лер-Сплавиньский, указывая, что *-ło-* мы находим не только в польских диалектах (*słodzona*) и кашубском (*słodzëna*), но и в верхнелужицком (*słozyna*), выводил польские параллельные формы *śledziona* // *słodzona* из ещё праславянских аблаутных вариантов, подобно *delto // *dolto ‘долото’ [Lehr-Spławiński 1957: 227–228]. Однако реконструкция *del(b)to для праславянского состояния сомнительна – формы с таким вокализмом представлены почти исключительно в южнославянском ареале и, предположительно, объясняются воздействием глагольного вокализма [ЭССЯ 4: 205].

Мы полагаем, что реконструкция варианта *solzena необоснованна. Формы, потенциально восходящие к нему, неизвестны в восточ-

[9] Ср. также **зльзами** вместо **сльзами** в Супрасльской рукописи [SJS 4: 126].

нославянских языках[10]. Встречаются они в лужицких языках, части польских (241–243, 246, 251, 254–256, 259, 261–263, 269, 270, 272, 285, 296, 297) и словацких (213, 214) говоров [ОЛА ФГ 9/67]. Ряд примеров предоставляют говоры в Боснии и Герцеговине: *slazéna* (BLA 043, 066, 090, 106, 107, 110, 148, 180, 208), *slàzena* (199), *słazéna* (203), *slazína* (111), но при этом мы находим и варианты с *-lo-* и *-lu-*, которые из *solzena вывести не получится: *slozéna* (082); *sluzéna* (041, 071, 072, 145, 150), *slúzena* (151) [BLA 1/18].

При этом в польских говорах существует устойчивая корреляция между *-o-*вокализмом и *-dz-*консонантизмом: в 16 из 18 перечисленных польских пунктов представлены формы типа *słodzona*, совпадающие с причастием от глагола *słodzić*. То есть такие формы действительно, как кажется, лучше всего объяснять вторичным сближением с континуантами *soldъkъ(jь) ‘сладкий’. Справедливость такого объяснения подтверждается словацкими диалектными данными. Так, папоротники рода Asplenium (костенец) по-чешски называются *sleziník*, а по-словацки *slezinník*, что, по-видимому, является калькой, возможно, книжной, с немецкого *Milzfarn* (дословно ‘селезёночный папоротник’). При этом в словацких гемерских говорах костенец волосовидный (Asplenium trichomanes) называется *sláďiška*/*slaďiška*, видимо, под влиянием обозначения другого папоротника – *sláďiš* ‘многоножка обыкновенная’ [Orlovský 1982: 302]. Деэтимологизация названия Asplenium trichomanes и ассоциация его со «сладким» обозначением другого папоротника, как нам кажется, в значительной степени (хоть и не полностью) параллельны описанному выше видоизменению названий селезёнки под влиянием слова ‘сладкий’.

В ряде говоров известны также формы с нулевым вокализмом в корне: болг. диал. *sl̥ˈzinka* (114), слвц. диал. *sl̥zina* (155, 216, 218, 220, 222), *sl̥ʒina* (219)[11]. Все они имеют в своём составе *-in-* вместо *-en-*, так что в данном случае можно предположить, что они появились в результате народно-этимологического сближения названия селезёнки с континуантами *slьzinъka ‘слезинка’.

В говорах вокруг стыка границ Словакии, Польши и Украины представлены формы с *-i-*вокализмом корня (словацкие пункты ОЛА

[10] *-la-* в словенском каринтийском *slazaˈno* (147) объясняется как результат вторичного изменения краткого *ě, ср. *orěxъ > *woˈrax* ‘орех’, *žerbьcь > *žraˈbəc* ‘жеребец’ [FO 1981: 197].

[11] Нулевой вокализм в словенских диалектных *sl̥ˈzi̯ę:na* (18) и *sl̥zí̯:əno* (146) является результатом редукции гласного в безударном слоге.

156, 227, 228, 231, 232, польские 276, 315, 322, 324, украинские 420, 427, 430, 448, 486, 489) [ОЛА ФГ 9/67]. В боснийских говорах такие формы частично объясняются икавским рефлексом ятя[12], однако фонетическое объяснение возможно далеко не во всех случаях. Так, форма *slizéna* представлена не только в икавских говорах (BLA 092, 138, 139, 152, 166, 171, 191), но и в иекавских (003, 076, 114, 196); *sklizéna* – как в икавских (094, 095, 153, 154, 167, 170, 228), так и в иекавских (078, 085, 087, 097, 099–101, 115, 118, 174, 176, 185, 186); *klizéna* в одном икавском (181) и одном иекавском (193). Прочие варианты встречаются только в иекавских говорах: *slizę́nạ* (096), *slizána* (119, 128), *sklizána* (081, 102, 104, 113, 124, 127, 177, 184, 187), *sklìzana* (120), *sližána* (116), *sliźạ́na* (117) [BLA 1/18].

Возможно, в данном случае можно усмотреть народно-этимологическое влияние континуантов *slizь ‘слизь’[13]. В тех украинских говорах, где мы находим *слі-*, а не *сли-*, это может объясняться заимствованием из польского.

Перейдём к другим реконструкциям корня интересующего нас слова. Так, Т. Торнбьёрнссон реконструировал для праславянского следующую схему: *spelzena > *spļezena > *sļezena [Torbiörnsson 1901: 27]. Однако это типичное решение ad hoc, призванное перекинуть мостик от праиндоевропейской формы к праславянской, но не объясняющее нестандартные фонетические преобразования.

А. Вайан писал, что в пользу реконструкции начала слова как *selz- говорят преимущественно сербско-церковнославянская форма (слѣзена), а также некоторые сербохорватские и словенские диалектные формы, которые он счёл вторичными. Восточнославянские формы на *селез-*, по его мнению, не могут восходить к *selz- в силу того, что группа *CelC в древнерусском обычно давала ColoC. В качестве альтернативы французский учёный предложил реконструкцию *sьlezena, которая позволяла объяснить все формы, включая восточнославянские (подобно *sьrebro > *серебро*[14]).

---

[12] Это справедливо для пунктов ОЛА 37, 39, 42, 44, 45, 47 и 57, но не 50, 51, 60.

[13] М. Фурлан считает, что в данном случае сработала аналогия к *слиз* ‘мальва лесная (Malva silvestris)’, поскольку это растение в народной медицине используется для лечения сибирской язвы [Bezlaj 3: 260].

[14] Существуют и альтернативные объяснения формы *серебро́*. Согласно З. Бабику, она восходит ко вторичному *serbrò, возникшему из *sьrebro под влиянием *sernъ ‘иней’ [Babik 2012: 452–453].

На самом деле праславянское *TelT имело двойную рефлексацию в древнерусском: ToloT и TeleT. Т. Лер-Сплавиньский полагал, что ToloT возникало в положении перед мягким губным или после губного и перед мягким согласным, в прочих позициях рефлексом было TeleT [Lehr-Spławiński 1957: 222]. Ф. Р. Минлос даёт несколько иное объяснение: *T_1elT_2 > T_1oloT_2, если T_2 – губной или заднеязычный согласный; *T_1elT_2 > T_1eleT_2, если T_2 – зубной согласный, ср. рус. *железá*, *селёдка*, *пелена́*, *белена́* и другие формы [Минлос 2002][15]. Согласно обеим гипотезам, *селезёнка* – вполне закономерный рефлекс *selzenъka. Кроме того, в *sьrebro > *серебро* «редуцированный» *-ь-* не выпал потому, что это создало бы группу *sr-*, невозможную в позднем праславянском, в то время как группа *sl-* в праславянском была возможна. В случаях, подобных *sьrebro, в отдельных славянских языках «редуцированный» мог сохраняться даже в «слабой» позиции [Саенко 2023в: 15].

Отметим, что избегание группы *sr-* было непоследовательным (здесь мы не рассматриваем случаи, когда она появилась на стыке приставки и корня). Так, в русском *sьrebro > *серебро*, но *sьrati > *срать*. Однако непоследовательность трактовки нового *sr-*, появившегося в результате падения редуцированных или метатезы плавных, наблюдается и в других славянских языках. Например, в чешском новое *sr-* часто, но не всегда разбивалось при помощи вставного *-t-*: *stříbro* ‘серебро’, *středa* ‘среда’, *straka* ‘сорока’, но *srát* ‘срать’. В болгарском *сврáка* ‘сорока’, но *сребрó* ‘серебро’, *средá* ‘середина’, *сря́да* ‘среда (день)’.

XVI.1.7. Формы на *-no и *-nь

В некоторых говорах обнаруживаются формы среднего рода на *-no*. Это словенские (ОЛА 19, 146, 147), сербохорватские (150, 153), чешские (188, 195, 196, 201), польские (302, 312) идиомы, а также один русский (602) [ОЛА ФГ 9/67]. Какого-либо чёткого ареала они не образуют. Хорошо такие формы представлены в древнечешском, например: Když bolejí člověka plíce neb slezeno, ten púštěti má na levé ruce podlé malého prstka – «Если у человека болят лёгкие или селезён-

[15] Были и другие, менее удачные, попытки объяснить это распределение. Так, Т. Торбьёрнссон полагал, что переход *TelT > TeleT осуществлялся, если T_2 = *z’* и, возможно, также *s’*, *š* [Torbiörnsson 1901: 49]. Р. Якобсоном была выдвинута идея о переходе *TelT > TeleT перед гласными переднего ряда [Jakobson 1971: 640]. См. также раздел III.1.2.7 настоящей монографии.

ка, следует пускать кровь на левой руке вдоль мизинца» (Lékařství neznámého františkána, рукопись NK XVII B 18, середина XV в., л. 38r) [StčTB].

Несколько шире представлены формы *-i-склонения, иногда возводимые в литературе к *selzenь. В материалах ОЛА они присутствуют в словенском (11), болгарском (143), словацком (225), украинских (171, 466–468, 483, 484, 495) и русских (529, 537, 543, 544, 548, 549, 567, 568, 572, 591, 593, 597, 600, 624, 626, 658, 784) говорах [ОЛА ФГ 9/67]. Сюда следует также добавить мак. диал. *слезен* [Дрвошанов 2005: 99] и босн. диал. *slézen* (BLA 008), *slèze:n* (019, 031, 133, 135, 221) [BLA 1/18]. Отметим наибольшую концентрацию этих форм в двух периферийных восточнославянских зонах – севернорусской и закарпатской украинской. Вероятно, сюда же относится старорусская форма *селезеня* [СлРЯ XI–XVII 24: 41], которую можно рассматривать как вторично перешедшую из *-i-склонения в *-jā-склонение (подобно *земь* > *земля*).

Наконец, в одном русском говоре отмечена форма мужского рода *s'el'e'z'onok* (617) [ОЛА ФГ 9/67], которая подтверждается и историческими источниками [СлРЯ XI–XVII 24: 41].

Вряд ли стоит проецировать всё это многообразие на праславянский уровень, как делают некоторые авторы. Феномен смены рода и/или типа склонения хорошо известен в славянских языках, ряд примеров из сферы соматической лексики был описан выше.

По всей вероятности, обозначения селезёнки на *-eno и *-enь носят поздний характер. Возможно, свою роль здесь снова сыграла редкость форманта *-ena при большей распространённости *-eno (*prędeno, *pьšeno, *werteno, *zweno [SP 1: 127]) и *-enь (*esenь, *pečenь, *studenь [SP 1: 128]).

Не исключено, что в восточнославянских говорах могла сработать вторичная ассоциация со словом *сéлезень*.

Учитывая всё вышесказанное, мы полагаем, что для праславянского можно с полным основанием реконструировать только форму *selzena, все остальные реконструкции материалом не подтверждаются.

XVI.1.8. Этимология

XVI.1.8.1. Праиндоевропейское название селезёнки

Согласно традиционной этимологии, праславянское *selzena восходит к праиндоевропейскому названию этого органа, которое реконструируется в разных работах по-разному:

- *splēi [Hirt 1900: 37];
- *bselinǵho [Pedersen 1905: 402];
- *splēiǵh [Reichelt 1906: 13];
- *spleǵh- / *splenǵh- / *splĕi̯ǵh- [Petersson 1908/1909: 159];
- *bhl̥ǵhen- [Преображенский 2: 272];
- *sp(h)elǵh(en, -ā), *splenǵh-, *splĕǵh- [Pokorny 1959: 987];
- *spl̥hgʰen- [Вайан 1960: 67];
- *sp-el/l̥/lī-ǵh-en- [Machek 1968: 554];
- *sp(h)elǵh / *sp(h)elǵh-en / *sp(h)elǵh-en-ā [SP 1: 128];
- *(s)plǵh / *(s)pli(h)ǵh [Klingenschmitt 1982: 166–167];
- *spl̥ǵhen- [Аникин 1983: 137][16];
- *spʰelǵʰ- [Гамкрелидзе, Иванов 2: 815];
- *spelgh- [Watkins 1985: 63];
- *spl̥gh(e)n- [Mažiulis 1: 150];
- *spĕlǵʰōn / *spelǵʰ-ā (М. Фурлан в [Bezlaj 3: 260]);
- *spelǵh- [Adams, Mallory 1997: 538];
- *sploiǵH$_2$-ḗn [Hamp 2002: 149; Adams, Mallory 2006: 185];
- *spelHǵhōn [Matasović 2004: 106];
- *(s)pl̥ǵʰ-ni- [Smoczyński 2007: 67];
- *splǵʰ-ēn [de Vaan 2008: 340];
- *spl(ē)ǵʰ-n- [Beekes, van Beek 2: 1384];
- *splegʰ-n- [Pronk 2015: 341];
- *splenǵʰ- [Bičovský 2: 175];
- *spleǵʰ-eh$_2$ [Ligorio 2022];
- *spl̥̄ǵh-ē- [Itkin 2023].

Основанием для этого служат санскр. *plīhán-* (m.) ‘селезёнка’, авест. *spərəzan-* ‘id’, др.-греч. σπλήν (m.; gen. sg. σπληνός) ‘id’, σπλάγχνον ‘внутренность; материнская утроба; чрево, сердце, душа’, лат. *liēn* (m.) ‘селезёнка’, ср.-ирл. *selg* (f.) ‘id’, ср.-брет. *felc’h* (f.) ‘id’, арм. *p‘aycaln* ‘id’, лит. *blužnìs* (f.) ‘id’, прус. *blusne* ‘id’ [Meillet 1: 170–171; Walde 1909: 160], лтш. *bluzne*, *blužņa* ‘id’ [Топоров ПС 1: 236][17]. Принадлежность балтийских форм к этому гнезду справедливо оспаривалась [Trautmann 1923: 256; Būga 2: 553]. Иногда сюда же добавляют лтш.

[16] А. Е. Аникин считает начальный *s-* в этой форме s-mobile и связывает её с глаголом *pl̥ǵh(ē)- [Аникин 1983: 137–140].

[17] Отметим, что большинство форм указывает на мужской род праиндоевропейского слова, в то время как праславянское *selzena было женского рода.

liesa ‘селезёнка’ [de Vaan 2008: 340], что также вряд ли возможно. Недавно были обнаружены тохарские потомки праиндоевропейского названия селезёнки – тох. A *spälcäk* ~ тох. B *spalce* [Itkin 2023].

Расхождения в приведённых выше реконструкциях вызваны несводимостью форм отдельных индоевропейских языков к единому архетипу при учёте лишь стандартных фонетических изменений. Очевидно, работали также какие-то дополнительные факторы. В качестве такового фактора в литературе часто фигурирует табуизация, однако не вполне ясно, почему название именно селезёнки должно было подвергаться табуизации, если у названий других внутренних органов мы этого не наблюдаем.

XVI.1.8.2. Селезёнка и селезень

Существует мнение, что название селезёнки родственно названию птицы селезня в связи со сходством цвета [Matzenauer 1892: 249][18], что вполне возможно, но требует решения вопроса о направлении переноса: с внутреннего органа на птицу или наоборот.

Известны случаи, когда на селезёнку переносились названия птиц[19]: слвн. *vrana* ‘ворона’ > *vranica* ‘селезёнка’ (ср. диалектное *vˈraːnėca* ‘селезёнка; маленькая ворона’ [Gregorič 2014: 492]), исп. *pájara* ‘птица’ > *pajarilla* ‘свиная селезёнка’. Вероятно, это действительно связано с окраской селезёнки, см. обозначения как селезёнки по цвету, так и цвета по селезёнке: шотл. *dubhliath* ‘селезёнка’ (дословно ‘чёрно-серый’), валл. *dueg* ‘селезёнка’ от *du* ‘чёрный’, лат. *badius* ‘каштановый, гнедой’ > исп. *bazo* ‘коричневый; селезёнка’, араб. *ṭiḥāl* ‘селезёнка’ > *ʾaṭḥal* ‘серо-зелёный, серо-голубой’[20] [Schuchardt 1917: 166–170].

---

[18] Болгарский этимологический словарь ошибочно приписывает мнение о родстве *селезень* и *селезёнка* Р. Якобсону [БЕР 6: 863], хотя на самом деле в работе Р. Якобсона эксплицитного указания на это нет (см. [Jakobson 1971: 640]).

[19] В. Кипарский приводил в качестве аналогии русское *гусак* ‘потроха из грудной части убойных животных’, возникшее, вероятно, на основании сходства лёгких вскрытого животного с крыльями птицы [Kiparsky 3: 172], однако всё же сложно себе представить, чтобы селезёнка при подобном сравнении играла определяющую роль. Так, в украинских восточнополесских говорах лёгкие, печень, сердце и горло животного обозначаются как *жураˈвел’* ~ *жураˈв’ел’* (маргинально представлено и слово *гусáк*), но только в одном населённом пункте в число эти органов входит и селезёнка [Куриленко 2004/45].

[20] Сам Г. Шухардт глоссировал это слово так: ‘trüb, schwarzgrau, schwarzgrün, schmutzfarbig, milzfarben’ [Schuchardt 1917: 169]. Мы приводим семантику в соответствии с переводом С. Прохазки – ‘greenish/bluish gray’ [Procházka 2011].

Казахское название селезёнки, *көкбауыр*, дословно означает ‘синяя печень’.

А. Вайан полагал, что связь между селезёнкой и селезнем обусловлена тем, что «[в] окраске головы дикой утки имеется яркий зелёный цвет, который скорее может напоминать цвет желчного пузыря, чем цвет синевато-красной селезёнки» [Вайан 1960: 67]. Однако ещё В. И. Далем было записано выражение *селезёнка сохнет* – о человеке с оливковым цветом кожи [Даль 4: 156], перекидывающее мостик между названием этого внутреннего органа и зелёным цветом. Впрочем, есть и другая возможность. Рус. диал. *селезнёвый* ‘сиреневый с фиолетовым отливом (о цвете)’ [СРНГ 37: 131], *-зн-* которого указывает на образование от *селезня*, а не от *селезёнки*, говорит о том, что селезень мог ассоциироваться не только с зелёным цветом (окрас головы), но и с сиреневым (окрас шеи и части тела)[21]. Кроме того, мы не можем точно знать, как именно был окрашен прототипический для славян селезень тысячу-полторы лет назад.

Таким образом, перенос обозначения с селезёнки на селезня или наоборот был вполне возможен на основании сходства цвета. Приведённые выше типологические параллели говорят в пользу того, что отправной точкой следует скорее считать селезня. Однако есть и аргументы против этого.

Во-первых, когнаты русского слова *се́лезень* не слишком широко распространены в славянских языках. Сюда относятся рус. диал. *селезня́к*, *се́лезь*, *селезя́к*, бел. диал. *се́лезе́нь*, *зелезе́нь*, *сэ́лег*, *сэ́лёх* и другие фонетические варианты, укр. литер. *се́лезень*, диал. *селезе́нь*, *зе́лезе́нь*, *селезни́к*, *селезня́к*, *се́лег*, *се́лех*, *се́лик* и другие фонетические варианты [СРНГ 37: 131; ЛАБНГ 1: 59; АУМ 1: 68, 2: 74, 3: 25, 52; Назарова 1985/ 96; ОЛА ЛС 2/13], схр. диал. *slezen*, *slezenjak*, *sljez* [RHiSJ 15: 495]. В западнославянских языках родственников данного слова, кажется, не представлено. В связи с этим у нас нет уверенности, что *selzenь или *selzьńь ‘селезень’ вообще стоит реконструировать для праславянского состояния.

Во-вторых, у *selzenь / *selzьńь нет убедительной этимологии. А. Маценауэр связывал его с лтш. *zilgans* ‘синеватый, голубоватый’ [Matzenauer 1892: 249], однако латышское слово является столь же

[21] При этом, конечно, есть вероятность, что семантика самого прилагательного могла успеть претерпеть некоторые изменения, ср. историю пары *голубь – голубой* [Кульпина 2007: 169] или польского *granat* ‘гранат’ – *granatowy* ‘темно-синий’ [Sławski 1: 339].

прозрачным дериватом от *zils* ‘синий, голубой’, как *zaļgans* ‘зеленоватый’ от *zaļš* ‘зелёный’.

Интересна этимология А. А. Потебни, сближающая *selzenь с санскр. *sṛjati* ‘освобождает, отпускает; позволяет; идёт; летит; течёт; мечет; испускает; проливает’ [Потебня 1876: 167]. Ослабляет эту версию то, что *selzenь / *selzьńь ‘селезень’ вряд ли восстанавливается для праславянского состояния, а никаких континуантов глагола *selǵ- славянским языкам не известно, т. е., вероятно, утрачен он был довольно рано. Кроме того, идея А. А. Потебни предполагает, что селезень был так назван как самец, т. е. «испускающий (семенную) жидкость», но у нас нет уверенности, что это значение можно восстанавливать для глагола *selǵ- (ср. реконструкцию семантики ‘loslassen, entsenden (отпускать, посылать)’ в [LIV 2001: 528–529]), а словом *селезень* (m.) в русских говорах называют как самца, так и самку утки [СРНГ 37: 130].

М. Фасмер для селезня предполагал звукоподражательное происхождение [Фасмер 3: 595], однако сходства с кряканьем утки у формы *selzenь / *selzьńь не слишком много (ср. действительно звукоподражательные рус. *кря́ква*, пол. *kaczka* ‘утка’, чеш. *kachna* ‘утка’). Белорусское диалектное *silaziéń* якобы ‘звук в животе некоторых коней во время бега’ вряд ли следует рассматривать как аргумент в пользу этой версии вопреки [ЭСБМ 12: 52]. Мы полагаем, что в данном случае слово *silaziéń* было неверно глоссировано автором диалектного словаря и означает просто селезёнку, ср. приводимый им контекст «U Jurčakovaha žarabka silaziéń kochkaja pry biahu [Varłyha 1970: 119] с «Селезёнка квокчэ ў коня», «Ляцеў конь, аж селезёнка грала» [ТС 5: 26] и «селезёнка играет» (об отрывистых звуках, напоминающих звуки при икоте) [СРНГ 37: 130].

Н. П. Антропов считает вышеприведённые формы типа бел. диал. *сэ́лег* и укр. диал. *се́лег* первичными, реконструируя *selgъ и его суффиксальное производное *selzěnь с *z по второй палатализации [Антропов 2021; Антропов 2023] (хотя в таком случае правильнее было бы восстанавливать форму *selʒěnь). Эта версия имеет ряд недостатков:

а) «бессуффиксные» формы распространены меньше, чем формы на *-ень*, в сравнительно узком ареале, преимущественно в Полесье, что ожидалось бы скорее в случае инновации, чем архаизма (классическое противопоставление инновационного центра и архаичной периферии). При этом среди «бессуффиксных» вариантов есть и такие,

которые иначе, чем вторичным отбрасыванием ложно вычлененного суффикса, не объяснишь, например, *сéлез'* [Аркушин 2: 141];

б) необходимость вывести *-з-* по второй палатализации заставляет постулировать для обозначений селезня суффикс *-ěnь. Сами восточнославянские формы на это не указывают, *-е-* в них является беглым, в украинском нет *-і-*. Кроме того, суффикс *-ěnь надёжно восстанавливается только для одного праславянского слова – *golěnь, но и в его случае, возможно мы имеем дело с деривацией не от *golъ 'голый' напрямую, а от глагола *golěti 'становиться голым' (*-nь в девербативах как раз встречается, ср. *borti > *bornь, *dati > *danь, *kazati > *kaznь) [Саенко 2022а: 168–169];

в) **selgъ фонетически нельзя произвести от праиндоевропейского *selǵ-, вопреки Н. П. Антропову, поскольку в этом случае ожидалось бы *selz-.

Мы полагаем, что несмотря на кажущуюся непроизводность, формы вроде *селег* не обязаны быть древними. Они вполне могут быть обратными дериватами. При обратном словообразовании может возникать явление, которое в применении к русскому языку И. Б. Иткин назвал антипалатализацией. Поскольку в русском рефлексы *ž (из *g > *ǯ по первой палатализации) и *ď совпали в *ж*, то при обратной деривации *ж* может быть пересчитан в *г*, даже там, где это этимологически необоснованно, как в случае слов *сыроега*, *снаряга*, *безнадёга* [Иткин 2007: 144–145]. Это явление вовсе не является новым, ср. глаголы *пугать*[22] и *пускать* «неправильно» пересчитанные из *пужать* (< *pǫďati) и *пущать* (< *pusťati). Такой же эффект (этимологически неверный пересчёт *č* в *k*) мы наблюдаем в названии лёгких в ряде приморских и ровтарских словенских говоров, где на месте праслав. *pľuťa обнаруживаются следующие формы: *pl'úke* (наряду с *pl'účę̑*; пункт SLA 069), *pl'úka* (070, 076), *pl'úkà* (071, 073), *pl'úką̀* (072), *pl'úkǫ* (089), *pl'ûkǫ*, *pl'ûko*; *plûko* (090), *plȕka* (095 – наряду с *plȕča*, 161, 164, 166), *plȕke* (158, 160 – наряду с *plȕçe*, 163), *p'luke* (158), *pl'ûka* (161), *p'luka* (166, наряду с *p'luča*) [SLA 1/52][23]. Вероятно, основой для появления таких форм явля-

[22] С. Л. Николаев видит в данном слове один из примеров постулируемого им «кривичского» рефлекса *dj > *g* [Николаев 1988: 140]. В свете прочих перечисленных нами форм, однако, кажется, что антипалатализация объясняет форму *пугáть* значительно лучше.

[23] Сопоставление с картами 'hči' [SLA 1/106] и 'mačeha' [SLA 1/119] показывает, что данные говоры не относятся к говорам с рефлексацией *ť > *t'*, таким образом речь не может идти о переходе *t' > k*. Сопоставление с картой 'hiša' [SLA

ется диминутив *pljučka*. В болгарских говорах обнаруживается ряд вторичных форм, так или иначе модифицирующих исходное *želza > *жле-зá*: *жле́га* (Бобошево), *жлюгá* ‘миндалина, опухоль на теле’ (Радуил), *жлогá* ‘воспаление околоушных и подчелюстных слюнных желёз’ (Ботевград), *жлóка* ‘железа’, *жлýки* ‘гнойные прыщи по ногам’ (Софийская область), *жльóка* ‘большой прыщ, чирей’ (Говедарци, Доброславци). Аналогичные инновации можно найти в македонских говорах: мак. диал. *жле́жка* ‘железа’ (Килкис) [БЕР 1: 550][24]. Вполне вероятно, что так же могут объясняться и формы вроде *селег*.

Что касается вариантов вроде *селех*, они могут быть объяснены как аугментативы с суффиксом *-х-* и усечением основы, как, например в случае укр. *кома́р* ‘комар’ > *кома́ха* ‘насекомое’, рус. *мурави́й* > *мура́ха*, укр. диал. *втіра́льник* ‘полотенце’ > *втірах* ‘id’ [Аркушин 1: 79]. По-видимому, этот процесс сопровождался также вычленением ложного суффикса, ср. разнообразные западнополесские формы: *се́лах*, *се́лех*, *се́лих*, *се́лик*, *се́л’уг*, *се́л’ух*, *се́л’ах*, *са́л’ух*, *се́л’ох*, *се́л’о*, *сел’о́х* [Аркушин 2: 140].

Возвращаясь к вопросу о соотношении *selzena ‘селезёнка’ и *selzьńь ‘селезень’, следует сказать, что на вторичность обозначения селезня по отношению к селезёнке указывает беглый гласный в восточнославянских названиях селезня, как будто бы восходящих к праформе *selzьńь, в то время как сербохорватские говорят о *selzenь. Если форма *selzьńь ‘селезень’ вторична по отношению к *selzena ‘селезёнка’, то мена непродуктивного *-en-* на более распространённый формант *-ьńь* в восточнославянских языках, где они стали фонетически очень близки, вполне объяснима. Показательно, что в сербохорватских формах *slezen* и *slezenjak* мы этого не наблюдаем. Напротив, объяснить наличие непродуктивного *-en-* в *selzena ‘селезёнка’, не выводя это слово из праиндоевропейского обозначения селезёнки и учитывая восточнославянские формы на *-ьńь*, не так уж просто.

Сомнительность реконструкции формы *selzenь / *selzьńь для праславянского, а также отсутствие у неё хорошей этимологии, застав-

2/2], показывает, что они также не относятся к говорам с новой переходной палатализацией заднеязычных.

[24] В БЕР формы с *-г-* объясняются переосмыслением dat.-loc.sg. или nom.-acc. du. *жлѣзъ* по аналогии с *нога* : *нозъ*. В случае форм на *-ка* видят влияние других диминутивных соматизмов *жлъчка* ‘желчный пузырь’, *слезка* ‘селезёнка’ и т. д. Однако в свете других вышеперечисленных форм для форм с *-г-* можно предположить и сценарий «антипалатализации».

ляют думать, что предпочтительнее принять сценарий, согласно которому восточнославянское *селезень* и сербохорватское *slezen* были образованы от обозначений селезёнки, причём, вероятно, независимо друг от друга. Основанием для этого служило сходство цвета.

XVI.1.8.3. Проблема выпадения -р-

Исходя из вышесказанного, кажется разумным в качестве основной рассматривать версию связи праславянского и праиндоевропейского названий селезёнки. Но в таком случае объяснения требуют фонетические расхождения. Для праславянского, если мы отталкиваемся от праформы *selzena, основную проблему представляет отсутствие *-p-*. Можно заметить, что нет его и в латинской форме *liēn*, а также в кельтских языках, но в кельтских *sp-* закономерно перешло в *sφ-*, а затем в *s-* в гойдельских и *f-* в бриттских, ср. др.-ирл. *seir* ‘пятка’, валл. *ffêr* ‘щиколотка’ при родственном нем. *Spur* ‘след’.

Как показывает славянский материал, изолированное и немотивированное обозначение селезёнки, не имеющее других древних родственников, с огромной лёгкостью подвергалось действию народной этимологии. Как было описано выше, для разных славянских говоров можно подозревать влияние слов со значениями ‘селёдка’, ‘сладкий’, ‘чесаться’, ‘железа’, ‘слезинка’, ‘слизь’, ‘мальва’, причём далеко не во всех из этих случаев можно найти какую-то реальную связь между селезёнкой и влияющим словом. Скорее бóльшую роль играло созвучие. В целом это довольно характерное для народной этимологии явление. Так, корневой вокализм верхнелужицкого диалектного *stoupa* / *stoupja* ‘стопа’ [SSA 6/42], вероятно, объясняется влиянием слова *stołp* ‘столб’, хотя общего у стопы и столба мало. Целый ряд показательных примеров приводит Ж. Ж. Варбот: *комéль* > *кобéль* ‘пень, обрубок дерева’, *крушина* > *кручúна* ‘ягода крушины’, *близна* > *белúзна* ‘огрех при пахоте’, *рюха* > *брюха* ‘чурочка для детской игры’ и т. д. [Варбот 2012: 175–176].

Вряд ли *-p-* в праславянской форме исчезло из-за одного из слов, влиявших на формы отдельных славянских языков (*soldъkъ(jь) ‘сладкий’, *slězъ ‘мальва’, *slizь ‘слизь’, *slьza ‘слеза’). В большинстве случаев влиянию способствовала метатеза плавных, благодаря которой в южно- и западнославянских названиях селезёнки *s-* и *-l-* оказались рядом, что сблизило их с перечисленными словами фонетически и стало своеобразным «спусковым крючком» для действия народной этимологии.

Отсутствие *-p-* в лат. *liēn* (< *lixēn < *sliǵhēn [de Vaan 2008: 340]) позволяет предположить, что исчезновение этого звука под влиянием народной этимологии в праславянском названии селезёнки может быть довольно старым явлением. Однако под вопросом остаётся, какое слово могло послужить «донором».

Фонетически лучшим кандидатом на эту роль является вышеупомянутое *selǵ- ‘отпускать, посылать’, однако его континуантов не отмечено ни в латыни, ни в праславянском, а от ‘отпускать, посылать’ довольно сложно перекинуть семантический мостик к селезёнке. Тем не менее, если предположить, что этот глагол мог означать также ‘испускать (жидкость)’ (выше мы рассматривали такое допущение как ослабляющее гипотезу А. А. Потебни, но, возможно, для этого есть некоторые основания, см. [ЭСИЯ 3: 373–376]) и допустить, что селезёнка мыслилась как орган, испускающий некоторую жидкость (ср. древнегреческое представление о селезёнке как об органе, производящем «чёрную жёлчь»), то можно себе представить, что на довольно раннем этапе своей истории название селезёнки в праславянском и праиталийском утратило *-p-* под влиянием народно-этимологического связывания с глаголом *selǵ-.

В качестве альтернативной гипотезы можно предположить влияние глагола *sel- ‘ускоряться, прыгать’ [LIV 2001: 527–528], если принимать во внимание свойство селезёнки напоминать о себе во время физических нагрузок.

XVI.2. Инновационные и заимствованные названия селезёнки

Болгарское диалектное *жлезá* ‘селезёнка’ [БЕР 1: 550] продолжает праславянское *želza ‘железа’. Перенос на селезёнку, вероятно, произошёл в результате паронимической аттракции в связи с фонетическим сходством форм *слезка* и *жлеза*.

Болг. диал. *слабинь* ‘нижняя боковая часть живота’, ‘тазобедренный сустав’, ‘селезёнка’ [БЕР 6: 827] демонстрирует перенос по смежности ‘бок’ > ‘селезёнка’.

Слвн. устар. *čmâr* ‘толстая кишка’ отмечено также в значении ‘селезёнка’ [Bezlaj 1: 84].

Рус. диал. *сенёк*, известное в значениях ‘зоб у рыбы; рыбьи потроха, внутренности; желудок сёмги; внутренности животных (селезёнка, жёлчный пузырь, поджелудочная железа); селезёнка (у человека и

животного)’ [СРНГ 37: 163] сложно отделять от (*kъsenь >) *ксень* ‘печень налима, печень рыбы; налимья икра; жир налима, считающийся лакомством; внутренности рыбы, рыбьи потроха’ [СРНГ 15: 373], для которого, как мы полагаем, первичным было значение ‘внутренности рыбы’ [Саенко 2022а: 162]. С. А. Мызников считает возникновение варианта без начального *к-* результатом влияния прибалтийско-финских языков [Мызников 2019: 730]. Форма *синёк* ‘селезёнка; сердце (у человека и животного)’[25] [СРНГ 37: 324] явно возникла на основе *сенёк* в результате народно-этимологического влияния слова *синий*.

В русских (псковские, новгородские говоры, говоры в Литве, в Польше, оренбургские говоры), белорусских, украинских (Полесье, воронежские говоры) и польских говорах представлено такое обозначение селезёнки как *косá*/*касá*/*kosa* [СРНГ 15: 45; МСРСГП 1963: 130; Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 112; НОС 2010: 440; Моисеев 2010: 71; Шатэрнік 1929: 132; Янкоўскі 2: 86; СПЗБ 2: 430; Лисенко 1974: 93; Аркушин 1: 245; Куриленко 2004/70; Авдеева 1: 176; Karłowicz 2: 438; Ananiewa 2003: 62; Rieger 2014: 136], связанное с лит. литер. *kasà* ‘поджелудочная железа’, в говорах также ‘селезёнка животных’ и ‘некая железа у свиньи’ [Аникин 1994: 87].

А. С. Соколовская отнесла это слово к балтизмам в славянских языках, с чем, впрочем, не приводя аргументации, не согласился О. Н. Трубачёв [ЭССЯ 11: 179]. По указанию А. Е. Аникина, география данного слова характерна для балтизмов, но направление заимствования, если это заимствование, остаётся неясным [Аникин 2005: 180]. Очертить ареал косы-селезёнки в славянских языках помогает ОЛА. К сожалению, карта атласа посвящена фонетике потомков формы *selzena и континуанты слова *kosa на ней не отмечены. Однако, кажется, можно смело предположить, что в большинстве севернославянских пунктов, в которых отсутствует продолжение *selzena, его место заняли именно континуанты слова *kosa. В таком случае в ареал косы-селезёнки входит большинство белорусских говоров, значительная часть украинских полесских, некоторые русские на границе с Белоруссией, а также северо-восточные кресовые польские [ОЛА ФГ 9/67]. В то же время, благодаря фиксации формы *kosa* ‘коса (инстру-

[25] Курьёзным образом в СРНГ разделяются значения ‘селезёнка’ и ‘внутренность животного синеватого цвета’. Последнее выделяется на основе следующего контекста: «Синек – синяя такая, как лента, толще, но под вид как лента, когда свинью заколешь, там она». В этом описании, разумеется, без труда узнаётся селезёнка.

мент); коса (причёска); селезёнка’ в польском говоре деревни Дулибы, Тернопольская область[26], где мы почти наверняка имеем дело с украинизмом, можно полагать, что ранее коса-селезёнка была распространена в украинских говорах дальше на юг, чем сейчас. Этот факт не исключает возможности заимствования данного слова из литовского, но всё же говорит в пользу обратного направления заимствования – из белорусского в литовский.

Было выдвинуто несколько этимологий обозначения селезёнки как косы. Согласно первой, на этот внутренний орган было перенесено обозначение инструмента [ЕСУМ 3: 49; ЭСБМ 4: 291].

В [ЭССЯ 11: 177–179] обозначение селезёнки как косы связывается с прилагательным *kosъ(jь) ‘косой’.

А. Е. Аникин предложил соотносить *коса* ‘селезёнка’ с *коса* ‘вид причёски’ в связи со структурой этого органа: ‘селезёнка’ = ‘сплетение волокон’, приводя в качестве параллелей лат. *fibra* ‘волокно, корневая мочка растений; доля печени, печень, внутренности (при гадании)’ и лтш. *liesa* *‘сеть тонких волокон’ > ‘селезёнка’ [Аникин 1994: 88].

Несмотря на важные типологические параллели, которыми подкреплена этимология Аникина, мы всё же склонны отдать предпочтение версии, согласно которой на орган было перенесено обозначение косы-инструмента. Свиная селезёнка имеет вытянутую и искривлённую форму, действительно несколько напоминающую косу. И, что немаловажно, именно так эту связь видят сами носители говоров: «Коса на желудке лежит, она и вправду похожа на косу, которой косят» [Моисеев 2010: 71]. Связь селезёнки с инструментом засвидетельствована в следующем контексте: «Касў ня еш – будуць косы ламацца, як будзіш касіць» [СПЗБ 2: 430]. Наконец, лит. диал. (Дятлово, Белоруссия) *dal̃gė* ‘коса (инструмент); селезёнка’ калькирует бел. *касá* и может быть, по справедливому указанию А. Е. Аникина, калькой народно-этимологической [Аникин 1994: 87], однако, на наш взгляд, показательно, что и в этом случае для носителей говора селезёнка ассоциируется с инструментом, а не причёской / сплетением.

Русское воронежское *бу́хало* ‘селезёнка лошади’ является производным от глагола *бу́хать* ‘колотить, стучать’ [Аникин 5: 235].

---

[26] Согласно описанию Hrabec S. O polskiej gwarze wsi Duliby w byłym powiecie buczackim // Rozprawy Komisji Językowej 3, 1955. S. 62. Не имея доступа непосредственно к тексту этой работы, мы приводим материал из неё согласно картотеке Słownika gwar polskich.

Укр. диал. *зима́* связано с гаданием по селезёнке животного, ср. следующий контекст: «По свин’а́ч’ій зим’і́ вга́дуйут’ пого́ду» [Аркушин 1: 189]. Форма *zimá* ‘селезёнка (свиньи)’ записана А. Е. Аникиным в сёлах Тисов Ивано-Франковской области и Синевир Закарпатской области. Такое гадание засвидетельствовано также у белорусов, литовцев, латышей и румын [Аникин 1994: 88]. Аналогичные названия селезёнки, а также обычай гадания на продолжительность и тяжесть зимы известны и в Болгарии: *зымѣ* ‘селезёнка’ (Банат), *зи́ма* ‘id’ (сёла Асеново и Новачене, Никополско) [Младенов 1974: 185–186], *зима* ‘id’ (Севлиевско) [Въгленов 1975: 254], *зи́ма* ‘id’ (Великотырновско, Ловешко, Плевенско), *зымѣ* ‘id’ (Ореш, Свиштовско), *зи́мица* ‘id’ (Катунец, Ловешко) [ИДРБ 1: 886].

В случае ст.-сл. ѓастъ ‘селезёнка’ (медицинский трактат из рукописи Псалтыри Димитрия Синайского, л. 141bv1) [PDS 2: 484] и рус. ц.-сл. ѓастъ ‘рост; болезнь селезёнки; селезёнка’ [СлРЯ XI–XVII 22: 80] речь, вероятно, идёт о переносе на селезёнку названия болезни. В основе укр. полесск. *дити́нєц* ‘селезёнка’ и *дити́нєц* ‘шалфей’ [Лисенко 1974: 67], по-видимому, также лежит название болезни, ср. укр. литер. *дити́нець* ‘родимчик’.

Бел. диал. (Теребень Брестской области) *мінýшка* сопоставляют с аналогичным названием растения селезёночник очерёднолистный (Chrysosplenium alternifolium) [ЭСБМ 7: 45].

Болг. диал. *пудлу́пка* ‘селезёнка’, по-видимому, образовано от глагола *пудлу́п’увам* ‘защищать птенцов крыльями (о птице)’ [Керемидчиева, Василева 2022: 206]. Возможно, это вызвано турецким влиянием, ср. перенос ‘селезёнка’ > ‘грудь, пуп’ в турецких диалектах [ЭСТЯ 3: 137]: таким образом, место, к которому птица прижимает птенцов (грудь), не отделяется от селезёнки. Сам же глагол *пудлу́п’увам* неотделим от того же корня, но с иной приставкой в случае болг. литер. *излу́пя ~ излю́пя* ‘выводить птенцов’, родственного рус. *вылупля́ть(ся)*.

Заимствованные обозначения селезёнки характерны главным образом для болгаро-македонского ареала.

Болг. литер. *дала́к* и мак. диал. *далак* (преимущественно восток страны) [Дрвошанов 2005: 100, 255; МДА 2024/5] заимствованы из турецкого *dalak* ‘селезёнка’.

Мак. диал. (преимущественно юг страны, а также Эгейская Македония) *сплина*, *сплиња*, *сплинка* заимствованы из греч. σπλήνα [Дрво-

шанов 2005: 99–100, 255; МДА 2024/5], которое продолжает праиндоевропейское название селезёнки (см. выше)[27].

Мак. диал. (говоры на границе с Албанией) *шпинатка*, *шпенетка*, *шпонетка* пришло из алб. диал. *shpnetkë* ‘селезёнка’ [Дрвошанов 2005: 100, 255; МДА 2024/5], соответствующего алб. литер. *shpkëtkë* ‘id’, заимствованного из лат. *splēnēticum* ‘селезёночное’ [Orel 1998: 431].

[27] Русское *сплин* ‘хандра’ заимствовано не из греческого напрямую, а из англ. *spleen* ‘селезёнка; хандра’.

XVII. ЖЕЛУДОК

XVII.1. *ŽELǪDЬKЪ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ

XVII.1.1. Реконструкция праформы

Не вызывает сомнения, что в праславянском желудок обозначался при помощи основы *želǫd-, однако точное морфологическое оформление этого слова вызывает некоторые вопросы, поскольку формы одной части современных языков восходят к *želǫdьkъ[1], а другой – к *želǫdьcь. Если говорить о литературных языках, то к первым относятся чеш. *žaludek*, слвц. *žalúdok*, в.-луж., н.-луж. *žołdk*, пол. *żołądek*, рус. *желу́док*. Ко вторым – слвн. *želôdec* и схр. *žèludac*. Македонская форма *желудник*, характерная в том числе для литературного языка, видимо, распространилась из северномакедонских говоров, поскольку нормальным отражением *ǫ в большинстве говоров и литературном македонском является *a*, ср. *želǫdь > *желад* ‘жёлудь’. Однако в македонских говорах есть формы с этимологически правильными рефлексами: *žołond'rec* (ОЛА 108), *'žełəšnik* (113) [ОЛА ЛС 9/52].

Эти расхождения дают некоторым авторам основание реконструировать для праславянского сразу три формы – *želǫdъ и диминутивы *želǫdьkъ / *želǫdьcь [Rejzek 2001: 745; Boryś 2005: 755][2].

Мы полагаем, что для позднего праславянского бессуффиксная реконструкция *želǫdъ находится под большим вопросом. Её непосредственно поддерживают только несколько разрозненных форм. Несмо-

---

[1] Акцентуация реконструируется следующим образом: *želǫ́dьkъ [Dybo 2002: 465; Snoj 2016: 889].

[2] Иногда в литературе можно встретить совершенно необоснованную реконструкцию *želǫdь [Snoj 2016: 889; ПЕРСЈ 1: 352–353]. Также на весьма зыбких аргументах зиждется попытка В. Борыся спроецировать на праславянский уровень формы вроде схр. чак. (Вргада) *žebüljac* ‘желудок’, якобы из *želǫbъ с суффиксальным *-b-* [Boryś 1999: 73–74]. Однако М. Фурлан объясняет сербохорватские диалектные формы прогрессивной ассимиляцией по лабиальности *l–d > l–b* (с последующей метатезой) [М. Фурлан в Bezlaj 4: 445]. Мы склонны видеть в переходе *l–d > l–b* скорее диссимиляцию двух зубных.

тря на то, что в польских материалах ОЛА можно найти и бессуффиксные примеры, однако в двух случаях из трёх они используются наряду с суффиксальными: *zoǫunt* (пункт ОЛА 294, Ястшембя); *zoǫundek*, *zoǫynd* (у животного) (295, Сломчин); *zołodek*, *zołot* (302, Больмин) [ОЛА ЛС 9/52]. Это говорит о том, что мы, скорее всего, имеем дело со вторичными аугментативами, довольно продуктивной категорией в польском (ср. случаи, где по фонетическим причинам вторичность аугментативов очевидна: *barki* > *bary* ‘плечи’, *wódka* > *wóda* ‘водка’). Сербохорватская форма *желуд* [РСКНЈ 5: 335], *желу́д* ‘желудок птицы’ (Димитровград) [БЕР 1: 534] тоже редка и, скорее всего, вторична. Я. Сятковский приводил также чеш. *žalud* из словаря Росы, мак. *желуд* и ст.-рус. *жолудь* [Siatkowski 2012: 209], однако всё это редкие отдельные формы, а в случае ст.-рус. гапакса *жолудь* явно не обошлось без влияния слова *жёлудь*.

Сложнее вопрос обоснованности реконструкции сразу двух «диминутивов» (*želǫdъkъ и *želǫdьcь). На первый взгляд, мы имеем дело с диалектной разницей: форма *želǫdъkъ характерна для восточно- и западнославянских языков, в то время как *želǫdьcь – для южнославянских.

Ситуацию усложняет известная конкуренция между *-ъkъ и *-ьcь, создающая параллельные образования от одного корня как между разными языками (рус. *ходок* – чеш. *chodec* ‘пешеход’, пол. *czepek* – рус. *чепец*), так и внутри одного языка, нередко с дифференциацией значения (чеш. *houfek* ‘толпа’ (уменьш.) – *houfec* ‘id’, *poklůpek* ‘лючок’ – *poklopec* ‘ширинка, лючок’, *provázek* ‘верёвочка’ – *provazec* ‘верёвочка’ (книжн.), *sloupek* ‘столбик’ – *sloupec* ‘столбец’ [Нещименко 1963: 155], *hrádek* ‘за́мок’ (уменьш.) – *hradec* ‘за́мок’ (уменьш., устар.), *hrnek* ‘кружка’ – *hrnec* ‘кастрюля’, *prážek* ‘порожек’ – *pražec* ‘шпала; порожек (на грифе инструмента)’; пол. *głupek* ‘дурак’ (разг.) – *głupiec* ‘дурак’, *kołek* ‘колышек’ – *kolec* ‘колючка, шип’, *wałek* ‘скалка, валик’ – *walec* ‘цилиндр, каток’; слвн. *dedek* ‘дедушка’ – *dedec* ‘мужик’, *merek* ‘прицел’ – *merec* ‘землемер’; рус. *браток* – *братец*, *венок* – *венец*, *голубок* – *голубец*, *зубок* – *зубец*, *стрелок* – *стрелец*, *телок* – *телец*[3], *холодок* – *холодец*[4]). В части случаев это объясняется тем, что дериваты были образованы в разное время и были реализо-

[3] См. также карту *telę [ОЛА ФГ 2/39].

[4] В некоторых случаях дублетность может быть вызвана заимствованием одной из форм из церковнославянского, но, безусловно, это объяснение подходит не для всех случаев.

ваны разные нюансы семантики суффиксов. Однако вряд ли сюда относится ситуация с *želǫdъkъ / *želǫdьcь. Как уже было сказано ранее, производящее *želǫdъ вряд ли можно реконструировать для поздней праславянской эпохи, скорее всего, оно было окончательно вытеснено диминутивом (или диминутивами) к моменту распада праславянского языка. Между вариантами *želǫdъkъ и *želǫdьcь не наблюдается никакой семантической дифференциации. Наконец, лингвогеография этих слов говорит скорее в пользу того, что *želǫdьcь – периферийная инновация, затронувшая часть южнославянского ареала. При этом в том же южнославянском ареале всё же можно найти отдельные континуанты *želǫdъkъ: *žɛˈl'udək* (пункт ОЛА 84, Ораховац, Черногория) и *želutək* (95, Любанце, Македония) [ОЛА ЛС 9/52], болг. диал. (Раковски) *желу́док* [БЕР 1: 534], схр. диал. *желу́дак* [РСКНЈ 5: 335]. Словарь Плетершника также отмечает форму *želǫ̑dək* у Валявца [Pleteršnik 2: 957].

Мы полагаем, что наиболее вероятным сценарием является вытеснение более старого *želǫdъkъ новым *želǫdьcь в части южнославянского ареала в результате конкуренции суффиксов. Это далеко не уникальная ситуация. Так, вытеснение деривата на *-ъkъ дериватом на *-ьcь наблюдается в случае словенского диминутива *dǫ̑məc* ‘домик’ [Pleteršnik 1: 155] при обычном *dǫ̑mək*. Поскольку праславянское слово *domъ было *-u-основой, его нормальным диминутивом было *domъkъ, и потомки именно этой формы почти повсеместно обнаруживаются в славянском мире. В словенских говорах наряду с более распространённым *popek* ‘пупок’ представлено также *popec* [SLA 1/50]. То же, но с дифференциацией значения произошло в случае укр. *пупо́к* ‘пупок’ – *пупе́ць* ‘желудок птиц’.

Отметим также, что южнославянским языкам известны и другие суффиксальные замены на месте *želǫdъkъ. Помимо македонского *желудник*, сюда также относится схр. диал. *želuˈdica*, *željudica*, *жѐлудица* [Siatkowski 2012: 209].

XVII.1.2. Этимология

В этимологическом отношении *želǫdъkъ пытались объяснить различно.

Согласно первой гипотезе, праславянское название желудка происходит от *želǫdь ‘жёлудь’ в связи с внешним сходством [Zubatý 1894: 424; Brückner 1985: 665; Vaillant 4: 299; Gluhak 1993: 707; Długosz-Kurczabowa 2008: 754; Ушинскене 2013: 84]. Эта версия пред-

ставляется маловероятной в связи с тем, что от *-i-основы не ожидалось бы деривата на *-ъkъ.

Гипотеза Й. Микколы, сопоставлявшего славянское название желудка с гот. *kilþei* ‘лоно’, др.-англ. *cild* ‘ребёнок’, др.-швед. *kolder* ~ *kulder* ‘сиблинги’, швед. *kulla* ‘девушка; детёныш’ [Mikkola 1896: 224–225], не нашла поддержки у этимологов [Фасмер 2: 44; Kroonen 2013: 309–310].

Сравнение с лит. *skilándis* ‘начинённый свиной желудок’ [Machek 1968: 722; Dybo 2002: 465] невозможно по фонетическим причинам.

Более распространено сопоставление с др.-греч. χολάς, gen. χολάδος ‘подбрюшье’ (во мн. ч. ‘кишки, внутренности’) из *g^{h}olǫd- [Bezzenberger 1878: 154; Schuster-Šewc 23: 1801; Rejzek 2001: 745; М. Фурлан в Bezlaj 4: 445; Boryś 2005: 755; Derksen 2008: 556; Králik 2015: 692; Аникин 16: 222]. Р. Бекес на основании сопоставления χολάς с древнемакедонским γόλα ‘внутренности’ (у Гесихия), а также γάλλια (у Гесихия) считал это слово субстратным по происхождению [Beekes, van Beek 2: 1641].

Ещё одна версия предполагает родство с нем. *Kehle* ‘горло’, др.-ирл. *gelim* ‘глотаю’, *gaile* ‘желудок’, арм. *klanem* ‘поглощаю’ и реконструкцию корня *g$^{(w)}$el- ‘глотать’ [Фасмер 2: 44; Rejzek 2001: 745; М. Фурлан в Bezlaj 4: 445; ERHJ 2: 617].

Наконец, В. Блажек попытался добавить к этому сравнению лтш. *gaļa* ‘мясо’ [Blažek 2023].

При этимологизации слова *želǫdъkъ важно помнить о том, что суффикс *-ǫd- был довольно редок в праславянском. Помимо *želǫdъkъ он встречается только в *želǫdь ‘жёлудь’, *olbǫdь ‘лебедь’ [SP 1: 63–65]. Шире он представлен в литовском: *bãlas* ‘белый, беловатый’ > *balañdis* ‘сизый голубь’, *bãlas* ‘белый, беловатый’ > *balánda* ‘марь (Chenopodium)’, *rankà* > *rakandà* ‘небольшая корзинка без ручки’, *skalà* ‘лучина’ > *skalánda* ‘щепка’, *skìlti* ‘лопнуть’ > *skilándis* ‘начинённый свиной желудок’, возможно, также *valandà* ‘час’ [Smoczyński 2007]. Таким образом, структура слова *želǫdъkъ выглядит архаичной, но теоретически может быть и собственно праславянской инновацией.

Наиболее перспективным с точки зрения формы и семантики выглядит, конечно, сопоставление с др.-греч. χολάς. При этом греческое слово потенциально восходит к *g^{h}olǫd-, а славянское к *g^{h}elond-, однако разница в вокализме корня и суффикса не обязательно является препятствием для сравнения. Так, общепринятой является этимология, связывающая праслав. *želǫdь ‘жёлудь’ с лат. *glāns* (gen. sg. *glan-*

dis) ‘id’, др.-греч. βάλανος ‘id’, арм. *kałin* ‘id’, арм. диал. *gʸäłɛɔnd* (Svedia = Самандаг) [Martirosyan 2010: 348–349], лит. *gìlė* ‘id’, лтш. *zīle* ‘id’, пр. *gile* ‘id’, а также лит. *giléndra* ~ *giléndrė* ‘богатый урожай желудей и других лесных плодов’. Формы всех языков, кроме праславянского, указывают на нулевой вокализм корня – *$g^{w}l̥h_2$-. Ещё более проблематичен вокализм суффикса и наличие или отсутствие в нём *-d-*. Вероятно, исходным было атематическое существительное с аблаутными чередованиями в рамках парадигмы, причём в разных ветвях были обобщены разные ступени, как, например, в случае праслав. *jьkra ‘икра’ vs. лит. диал. *jẽknos* ~ *jãknos* ‘печень’. Суффикс *-d-, возможно, был средством тематизации *-n-основ, как позднее в праславянском в случае слов *gowędo ‘скот’ и *agnędъ ‘тополь чёрный’. В таком случае χολάς и *želǫdъkъ также можно было бы сводить к атематической основе с аблаутными чередованиями, расширенной суффиксом *-d-.

XVII.2. Желудок жвачных животных

Описание обозначений желудка осложняется тем, что во многих говорах существуют отдельные обозначения для желудка животных (вообще всех или конкретно свиного, бараньего и т. д.) или птиц. Кроме того, нередко существуют отдельные названия для четырёх частей сложного желудка жвачных животных, которые не всегда подробно глоссируются в диалектных словарях и атласах (см. табл. 18).

Все четыре обозначения вряд ли получится восстановить для праславянского, однако следует обратить внимание на следующий пассаж из Шестоднева Иоанна экзарха: **съıрица. и wтрикоүси. и корьми. и слѣзове** (ГИМ, Син. 345, л. 245б–в) в соответствии с греческим Στόμαχοι καὶ ἐχῖνοι, καὶ κεκρύφαλοι, καὶ ἔνυστρα [Aitzetmüller 6: 319–322]. Как уже было сказано в разделе XVI.1.3, форма *slězъ ‘сычуг’ хорошо восстанавливается для праславянского. Однако **wтрикоүси. и корьми** из Шестоднева не могут претендовать на роль континуантов праславянских обозначений сетки и книжки. Слово **корьмъ** (> совр. болг. литер. *коре́м* ‘живот’) является заимствованием из тюркского языка булгар. В свою очередь, **трикоүхъ**, восходит к праслав. *trьbuxъ, которое, кажется, имело сравнительно широкое значение и относилось к требухе вообще[5]. Возможно, таким образом Иоанн экзарх пытался заполнить лакуны в славянской соматической лексике.

[5] Рус. диал. *требу́шник* ‘рубец’ [СРНГ 45: 21], по всей вероятности, демонстрирует вторичное сужение значения, независимое от болгарского.

Таблица 19

Названия частей желудка жвачных животных

латынь	ruma	reticulum	omasum	abomasum
болг.	търбу́х	мре́жа	кни́жка	си́рищник
мак.	бураг	мрежавец	листавец	сириште
схр.	bùrag	mrȅžavac / kàpura	lìstavac / knjižávac	sìrīšte
слвн.	vȁmp	kápica	devetogûb / prebirâlnik	sirîščnik
чеш.	bachor	čepec[6]	kniha[7]	slez[8]
слвц.	bachor	čepiec	kniha	slez
в.-луж.	deno	čěpc / žwanc	knihi	putry
н.-луж.	deno		knigły	sydrišćo
пол.	żwacz	czepiec	księgi	trawieniec
бел.	руба́ц	се́тка	кні́жка	сычу́г
укр.	руба́ць	сі́тка	кни́жка	сичу́г
рус.	руба́ц	се́тка	кни́жка[9]	сычу́г[10]

Второй отдел желудка жвачных имеет характерный внешний вид, действительно напоминающий сетку, откуда большая часть славянских (и не только) названий, которые могли возникнуть независимо друг от друга. При этом, поскольку латинское *reticulum* обозначало помимо прочего головную сетку, оно было скалькировано как *Haube* ‘чепчик’ в немецкий. Видимо уже под немецким влиянием возникли хорватское, словенское, чешское, словацкое, верхнелужицкое и польское обозначения.

По экстралингвистическим причинам вряд ли на праславянскую древность могут претендовать обозначения третьего отдела, связан-

[6] В ОЛА отражено как *čepec* (пункт 176, 184). Для пункта 184 также приводится форма *čepel*, не подтверждаемая другими источниками. При этом в литературном чешском, а также в говорах *čepel* значит ‘лезвие (ножа)’, так что, возможно, речь идёт об ошибке.

[7] В ОЛА фигурирует как *kńihi* (пункты 176, 190), *kńiha* (184) без описания семантики.

[8] В пункте 184 ОЛА записано как *sles* без описания семантики.

[9] Фигурирует как *kˈn’iška* (804, 820) ‘желудок коровы’ в ОЛА.

[10] В ОЛА отражено как *sɨˈc’uk* ‘желудок поросенка’ (627).

ные с книгой или листами книги. Зато очень схожие модели номинации обнаруживаются вне славянских языков, ср. нем. *Blättermagen*, *Buchmagen*, *Psalter*; англ. *psalterium*, *bible*; фр. *feuillet* и т. д.

Сложнее ситуация со словом *syrišče. В современных южнославянских языках его прямые континуанты или дериваты обозначают сычуг или сычужный фермент, использующийся для изготовления сыра, в то время как у Иоанна экзарха это рубец. Др.-чеш. *syřišče* значило ‘закваска, фермент’, но, возможно, было и соматизмом. У Кларета оно глоссировано так: coagulum *syrzyscze* (в контексте кисломолочных изделий), *sirzisscze* que coagula (в контексте частей тела и телесных жидкостей животных) [Flajšhans 1: 45, 123], в связи с чем Фляйшганс сомневался, идёт ли речь о ферменте или сычуге [Flajšhans 2: 464]. Трижды это слово в сочетании *zaječí syřišče* появляется в древнечешском переводе De secretis mulierum Псевдо-Альберта Великого. Наиболее показательный пример: Dokudž čmýrú trpí, aneb ač bezdětkyně jest, pí muž syřišče zaječí s vínem rozpuščené a lež s ní. Bude li od samce, tehdy bude pacholek, pakli od samice, tehdy dcera bude «Пока у женщины менструация или если она бездетна, пусть мужчина пьёт *syřišče zaječí*, растворённое в вине и возлежит с ней. Если оно от самца, то будет мальчик, если от самки, то будет дочь» (Sbírka pojednání z oboru ženského a dětského lékařství, 2-я половина XV в., Брно, Moravská zemská knihovna, л. 36r) [StčTB]. В случае зайца с однокамерным желудком речь не может идти о сычуге или рубце. Возможно, имеется в виду слепая кишка, занимающая большое место в брюшной полости зайцев (далее в тексте рекомендуется использовать также сожжённую матку или внутренности зайца). В пользу этого говорит то, что трактат Псевдо-Альберта Великого во многом базируется на «Естественной истории» Плиния старшего, в 28-й главе которой повествуется о применении в гинекологии внутренних органов зайца – лёгкого, печени, тестикул и интересующего нас *coagulum*[11]. При этом Плиний старший ставил в один ряд *coagulum* зайца, козла и ягнёнка: contra pastinacam vero et omnium marinorum ictus vel morsus coagulum leporis vel haedi vel agni drachmae pondere ex vino «против ската и укусов или ран, нанесённых

[11] Magnus et leporis usus mulieribus. vulvas adiuvat pulmo aridus potus, profluvia iocur cum Samia terra ex aqua potum, secundas coagulum – caventur pridiana balnea – inlitum quoque cum croco et porri suco; in vellere adpositum abortus mortuos expellit. si vulva leporum in cibis sumatur, mares concipi putant; hoc et testiculis eorum et coagulo profici; conceptum leporis utero exemptum iis, quis parere desierint, restibilem fecunditatem adferre.

всеми морскими созданиями coagulum зайца или козлёнка, или ягнёнка весом в одну драхму, растворённый в вине». В дальнейшем чешские тексты также следуют этой традиции: Coagulum leporis *Zaječí syřiště*, Coagulum haedi *Kozlíkové syřiště* (Metlinger B. Náramně užitečná zpráva, kterak vnově zrození děti chovány i vychovány býti mají… Olomouc, 1588) [StřTB].

Н.-луж. *sydrišćo* ‘сычуг’[12] соотносится с в.-луж. *sydr*, *sydro* ‘тёртый сыр’, н.-луж. *sydr* ~ *syder* ‘блюдо из тёртого сыра’, *sydro* ‘тёртый сыр’. Х. Шустер-Шевц считает эти формы девербативами от в.-луж. *sydać*, н.-луж. *sydaś* ‘сидеть’ (< *sědati) и отрицает предлагавшуюся связь с *syrъ ‘сыр’ [Schuster-Šewc 18: 1397–1398]. С учётом архаичности суффикса *-r- и его непродуктивности в истории отдельных славянских языков, а также полным соответствием лужицкого названия сычуга вышеописанным южнославянским и чешскому обозначению, всё же более правдоподобным кажется, что *-d-* в лужицкие формы проникло вторично в результате народно-этимологической ассоциации с глаголом ‘сидеть’.

Чешско-лужицко-южнославянское соответствие говорит о том, что слово *syrišče уже в праславянском могло обозначать сычужный фермент и, вероятно, сам сычуг.

Возвращаясь к Шестодневу, следует указать, что слово **сыѵрище** в русско-церковнославянских памятниках (включая Изборник 1073 г.) известно в значении ‘желудок’ (в том числе человека) [СлРЯ XI–XVII 29: 144]. И в самом Шестодневе помимо употребления этого слова для обозначения рубца обнаруживается также словосочетание **оуста сыѵрищнаѧ** (ГИМ Син. 345, л. 233б) в значении ‘пищевод’ при описании тела человека. Это говорит о том, что **сѣыѵрища** ‘рубец’ у Иоанна экзарха, скорее всего, как и в случае сетки и книжки, является не слишком удачной попыткой подобрать славянское соответствие греческому στόμαχοι, а непосредственно в идиоме Иоанна экзарха **сѣыѵрище** значило ‘желудок’ (в том числе человека).

В литературном русском словом *рубе́ц* обозначается самый большой отдел желудка жвачного животного. В говорах это слово отмечено в более широких значениях ‘желудок жвачного животного’ [СРНГ 35: 224] и ‘желудок (зарезанной) коровы’ (*ru'b'ec'* – ОЛА 528, 603; *ru'b'ec* – 542), ‘желудок убитого животного’ (*ru'b'ec'* – 625) [ОЛА ЛС

[12] Это слово было известно и верхнелужицкому, но впоследствии было вытеснено новым *putry* не вполне ясного происхождения [Schuster-Šewc 16: 1195].

9/52]. Название перенесено с обозначения шрама, вероятно, в связи с характерными «прожилками» в стенках рубца.

Чеш. *dršťka* ‘рубец’, в говорах также *dr̥ška* (ОЛА 175, 181, 186, 188, 189) образовано от др.-чеш. *drstný* ‘шершавый, шероховатый’ [Berneker 1924: 256]. Мотивация, вероятно, та же, что и в случае рус. *рубе́ц*.

Схр. литер. *bùrag* ‘рубец’ заимствовано из балканороманских языков, ср. мегл.-рум. *buric* ‘пупок; живот, желудок; сердце, ум’. Ауслаут мог подвергнуться влиянию глагола *prorazi̯ti ‘пробить’ [ПЕРСЈ 1: 105]. Это слово отмечено в трёх сербохорватских пунктах ОЛА: *búra:g* (054, 068), *bùra:g* (055) [ОЛА ЛС 9/52]. В пунктах 054 и 068 оно маркировано как желудок животного. Вероятно, его значение то же, что и в литературном языке. Это заставляет несколько усомниться в том, что в пункте 055 мы имеем дело с обозначением желудка человека.

В.-луж. *deno* ‘рубец; толстая кишка’ и диал. *dɛnkɔ* ‘желудок животных’ (ОЛА 236) демонстрирует перенос ‘дно’ > ‘толстая кишка’ (о котором подробнее см. в разделе XVIII.4.) и сдвиг ‘толстая кишка’ > ‘желудок; рубец’. Возможно, через эти же стадии прошло пол. диал. *dyno* ‘живот животного’ [SGP 20: 96].

Н.-луж. *beno* ‘желудок, брюхо, пузо (у скота)’ восходит к *bъdьno ‘деревянная посуда, бочка’ [SP 1: 461]. Менее вероятна этимология О. Н. Трубачёва, выводящая это ареально ограниченное слово из п.-и.-е. *bʰudʰno- ‘дно’ [ЭССЯ 3: 110–111].

XVII.3. Инновационные названия желудка

XVII.3.1. Перенос с других частей тела

Для желудка обычен перенос названия с живота вообще. Такой дрейф засвидетельствован в случае континуантов праслав. *žiwotъ в словацких (ОЛА 224, 225) и белорусских (ОЛА 342, 348, 358, 360, 366, 374) говорах [ОЛА ЛС 9/52]. В праславянском это слово не имело соматического значения, и здесь мы, видимо, имеем дело с последовательностью семантических сдвигов: ‘жизнь’ > ‘тело’ > ‘живот’ > ‘желудок’ [Саенко 2022а: 55].

В нескольких македонских говорах желудок обозначается словом *meˈšina* (ОЛА 115, 116, 118), производным от *мев* ‘живот’ [ОЛА ЛС 9/52; Дрвошанов 2005: 93].

Пол. диал. *břux* ~ *bžux* означает не только ‘живот’ (как литературное *brzuch*), но и ‘желудок’ [SGP 7: 3]. ОЛА отмечает это не только в польском пункте 313 (*bžuχ*), но и в белорусском 337 (*brux*). В некото-

рых русских говорах желудок животного обозначается дериватами от слова *брю́хо*: *br'uˈšыpa* (531, 533, 683, 719, 720), *brušˈno* (631), *br'uxoˈv'ica* (666), *br'uxaˈv'ina* (719) [ОЛА ЛС 9/52].

В трёх сербохорватских пунктах ОЛА отмечает в значении ‘желудок’ континуанты слова *drobъ (> схр. литер. *drôb* ‘требуха’): *drọ:ḅ*, *druo̯:ḅ* (037), *dˈro:p* (073), *dˈro:b* (074) [ОЛА ЛС 9/52]. Однако в пунктах 037 и 074 это слово отмечено также в значении ‘живот’ [ОЛА ЛС 9/51], так что не понятно, насколько корректно был собран материал.

Распространены обозначения, восходящие к праслав. *trъbuxъ ‘требуха’: схр. диал. *tr̀bu* (048), *ˈtr̀bu* (082), болг. диал. *ˈtərbuf* (124 – у животного), *turˈbux* (127)[13], *tarˈbux* (139), бел. диал. *trыˈbux* (327, 330, 331, 336, 338–340, 342, 343, 345, 376, 385; у животного – 334, 347), *tr'iˈbux* (335), рус. диал. *tr'eˈbux* (655 – у животного), бел. и рус. диал. *tr'aˈbux* (351, 380, 525, 653, 747, 773, 785, 813 – у животного). В русских говорах представлен вариант женского рода: *tr'ebuˈxa* (758), *tr'əbuˈxa* (743), *tr'ibuˈxa* (777, 791, 804, 807, 825, 829, 839 – у животного). В трёх сербохорватских и одном македонском говоре отмечена не вполне понятная мена *-r-* на *-l-*: *tulˈbak* (085, 086), *ˈtulbok* (088), *tulˈbak* (117)[14]. В одном чешском говоре – дистантная ассимиляция первого гласного по звонкости: *derbox* (181) [ОЛА ЛС 9/52]. В македонских говорах широко представлены суффиксальные производные от этого слова, обозначающие желудок как человека, так и животного: *трбушка*, *трб'ушка*, *тӑрбушка*, *тᵃрбушка*, *тӑрбˈушка*, *тąрбушка*, *тарбушка*, *тербушка*, *тэрбушка*; *трбушина*, *трбушˈина*, *тӑрбушина*, *тӑрбушˈина*, *тӑрбушˈинӑ*, *турбушина* [Дрвошанов 2005: 92–93], *tərbuˈšikə* (ОЛА 111). Дериват на *-ina есть и в одном русском говоре: *tr'əbuˈšыpa* (743) [ОЛА ЛС 9/52].

Русским говорам известны формы *кишка*, *кишень* ‘желудок’ [СРНГ 13: 249–250], *k'iˈšoč'n'ik* (ОЛА 580) [ОЛА ЛС 9/52].

Схр. диал. *čmą̀:r* (146а) и слвн. диал. *čoˈmą:r* (ОЛА 011) соотносятся с схр. литер. *čmâr* ‘anus’ и слвн. устар. *čmâr* ‘толстая кишка’ не вполне ясного происхождения [ERHJ 1: 134]. Значение ‘желудок’, по всей видимости, вторично.

ОЛА отмечает перенос ‘сердце’ > ‘желудок’ в нескольких болгарских говорах (114, 129, 132, 136, 852). Этот дрейф известен также в македонском и сербохорватском [Siatkowski 2012: 212–213].

---

[13] Отметим, что в пунктах 048, 082, 124 и 127 точно так же обозначается и живот вообще [ОЛА ЛС 9/51].

[14] Такая же мена представлена в украинском названии требухи – *те́льбух* (в говорах также *теˈлебухи* и *таˈлабухи* [АУМ 2/64]).

Чеш. и слвц. *bachor* ‘рубец’ в чешских говорах может обозначать желудок вообще: *baxor* (ОЛА 175, 176, 179–181, 184, 185), *baxoř* (180), *ba:xor* (189), *baxo:r* (190). В словацких говорах – желудок животного: *baxor* (218, 229) [ОЛА ЛС 9/52]. Кроме того, это слово (с фонетическими и морфологическими вариантами *bachur*, *báchor*, *báchúr*, *bachoro*) означает в чешских говорах также ‘живот человека (экспр.); толстяк, любитель поесть (экспр.); пухлый ребёнок (экспр.)’ [SNČJ]. Родственное пол. диал. *bachor*, *bachur* означает ‘живот животного; большой живот; внутренности, кишки; желудок коровы; свиные кишки, наполненные тёртым картофелем и запечённые’, ср. *bachoro* ‘кишка’, *bachory* ‘кишки’, *bachorze* ‘id’ [SGP 2: 246, 247, 249], болг. диал. *бáхур* ‘толстая кишка животного; колбаса в толстой кишке’ [БЕР 1: 36]. Этимологически это дериваты от *baxati ‘набухать’ [SP 1: 181]. Детали истории семантики отдельных континуантов ещё только предстоит выяснить.

Укр. диал. *ˈkal’ux* ‘желудок коровы’ (ОЛА 496) соотносится с *кáлюх* ‘живот; задний проход; желудок телёнка или ягнёнка’, *кáлюхи* ‘кишки’, дериватами от *кал* ‘экскременты’ [ЕСУМ 2: 354]. Вероятно, *kaˈrux* (ОЛА 403), *карýх* ‘желудок животного; сырое мясо, набитое в желудок животного для более длительной сохранности’ [Аркушин 1: 213] относится сюда же, хотя неясно происхождение *-р-*.

Рус. диал. *куты́рь* ‘желудок; желудок животного, птицы; желудок и кишки рыбы’ [СРНГ 16: 177], бел. диал. *kuˈtыr’* (ОЛА 380) ‘желудок’, укр. диал. *kutˈrun* ‘желудок свиньи’ (418), *kutˈn’ux* ‘желудок животного’ (430), *kn’ux* ‘id’ (408), *kn’uˈšok* ‘желудок свиньи’ (404), а возможно также и бел. диал. *kuˈčuk* (344) [ОЛА ЛС 9/52] являются результатом преобразования слова *kǫtьnica ‘прямая кишка’ под влиянием *пузы́рь* и с расширением семантики. См. подробнее раздел XVIII.

В русском литературном *пупóк* обозначает часть желудка птиц или даже весь желудок. То же в случае укр. *пупéць* ‘желудок птиц’.

В оренбургских говорах записано слово *пóчка* ‘птичий желудок’ [Моисеев 2010: 137].

XVII.3.2. Прочие инновационные названия

Мак. диал. *дедǫ́т* [Дрвошанов 2005: 93], *ˈbaba* ‘желудок’ (ОЛА 87), болг. диал. *ˈbabičkʌ* ‘id’ (131), *ˈbabə* ‘свиной желудок’ (167) связаны с засвидетельствованным в болгарских и словацких говорах переносом слов ‘дед’, ‘старик’, ‘бабушка’, ‘дядя’, ‘тётя’ на колбасные изделия в кишках или желудке, а затем и непосредственно на кишки и желудок, см. подробнее раздел XVIII.4.

В польских говорах представлено слово *maćek* (ОЛА 239, 249, 259, 265, 278, 311, 313, 316), как правило, обозначающее желудок животного. В формах ˈ*mac’o̯k* (415) и ˈ*mac’ok* (416, 433, 488) [ОЛА ЛС 9/52], ˈ*mau̯’ok*, ˈ*mau̯’ik*, ˈ*mau̯’ak*, ˈ*mau̯’ko*, ˈ*mau̯ko* ‘желудок; свиной желудок; начинённый свиной желудок’ [Куриленко 2004: 61] оно представлено также в западноукраинских говорах, где, видимо, является полонизмом. Из польского также бел. диал. *мацю́к* ‘холодец из бараньих или свиных внутренностей’. Польское слово было предложено считать заимствованием из рум. *maţ* ‘кишка’ [ЭСБМ 7: 278]. В фонетическом плане это, однако, не вполне безукоризненно. Предпочтительнее принятый в ОЛА перенос на желудок личного имени *Maciek*, уменьшительного от *Maciej* [ОЛА ЛС 9/52], ср. словацкие диалектные названия колбасы в прямой кишке, включая *matej* (см. раздел XVIII.4). В качестве ещё одного примера этого явления можно назвать пол. диал. *michał*, *michałek* ‘кадык’ [AGM 1.1: 98–99].

Мак. диал. *пачˈа* [Дрвошанов 2005: 93] демонстрирует перенос ‘холодец’ > ‘желудок’ (изначально данное слово заимствовано из тур. *paça* ‘голень животного; блюдо из бараньих ножек’).

Мак. диал. *paš’ńak* (ОЛА 87) ‘желудок’, как и болг. диал. *пáшник* ‘пищевод; толстая кишка’, *пáчник* ‘желудок; пищевод’, *пáчина* ‘кишки’ является производным от *паша* ‘корм для скота’ [БЕР 5: 113, 119].

Бел. диал. *éча* ‘пищевод’, *éчук* ‘желудок’, *ячýк* ‘id’ [ЧТС 2006: 198–199] сопоставляется с рус. диал. *éча* ‘еда’ и выводится из *ěťa, деривата от новой основы презенса глагола *ěsti ‘есть’, как и чеш. *jícen* ‘пищевод’ [SP 6: 159; Аникин 16: 85].

Мак. диал. *митра* заимствовано из греч. μίτρα ‘митра’ [Дрвошанов 2005: 93]. Перенос на желудок, возможно, основан на отдалённом сходстве формы желудка с головным убором православного священника.

Болг. диал. *udeˈnicə* ‘желудок домашней птицы’ (ОЛА 167) сравнивает птичий желудок с водяной мельницей (ср. болг. литер. *воденúца* ‘водяная мельница’). Аналогичным образом рус. диал. *žorˈnofka* ‘желудок курицы’ (ОЛА 642) основывается на сопоставлении с жёрновом. Это, безусловно, связано с тем, что птицы глотают камни для улучшения пищеварения.

В некоторых белорусских, украинских и русских говорах из сетки ОЛА засвидетельствованы формы *ko̯u̯b* (394), ˈ*ko̯u̯bak* (397, 439), ˈ*ko̯u̯b’ik* (390, 394, 396, 400), ˈ*ko̯u̯bыk* (387), ˈ*ko̯u̯bık* (426), ˈ*ko̯u̯byk* (440, 459, 471), *ka̯u̯ˈbux* (369, 378, 812), *kav*ˈ*bux* (797, 798), ˈ*k’eu̯bux* (392),

ˈ*c’el’bux* (395), ˈ*tel’bux* (426), обозначающие, как правило, желудок животного или конкретно свиньи. «Атлас животноводческой лексики в полесских диалектах» приводит формы *коўб*, ˈ*коўбик*, ˈ*коўб’ік*, ˈ*коблик*, ˈ*колб’ік* со значениями ‘свиной желудок’, ‘желудок’, ‘начинённый свиной желудок’, ‘рубец’, причём восточную и западную периферию ареала занимает ‘свиной желудок’ [Куриленко 2004: 62], что говорит в пользу исконности этого значения для данного слова. В этимологическом отношении его пытались вывести из литовского *kaũpas* ‘куча’ [ЭСБМ 5: 104, 105] или (на украинской почве) из *ковбасá* ‘колбаса’, видоизменённого под влиянием *ковбáн* ~ *кóвбик* ‘колода, чурбак’ [ЕСУМ 2: 479]. Альтернативный взгляд предполагает праславянскую праформу *kъlbъ без чётко очерченного круга континуантов и определённой семантики [ЭССЯ 13: 182–183; SP 10: 147–148].

Белорусское литературное *страўнік* – искусственный неологизм, вероятно, построенное на основе **страўны жалудак*, из пол. *strawny żołądek* ‘желудок, легко переваривающий пищу’ [ЭСБМ 12: 319]. Опоры в диалектах это слово не имеет, две фиксации *stˈraun̯’ik* в ОЛА (пункты 346, 400), в обоих случаях наряду с *žaˈłudak* [ОЛА ЛС 9/52], по всей видимости, объясняются влиянием литературного языка.

XVII.4. Заимствования

Болгарское литературное *стомáх* ‘желудок’ заимствовано из греческого στόμαχος ‘id’. Это же слово (в различных фонетических вариантах) обозначает желудок в некоторых македонских (ОЛА 106, 107, 110) и многих болгарских (116–118, 120, 122–124, 130, 132, 133, 136–138, 141, 144, 167, 851–853) говорах. К тому же источнику в конечном счёте (в качестве языка-посредника выступила латынь, а затем её потомки – итальянский и фриульский) восходят многие сербохорватские (022, 024, 025, 033, 036, 038, 040, 042–44а, 046–052, 054, 058, 059, 061, 063, 067, 070, 074–82, 084, 152, 168, 169) и некоторые словенские (001, 011) диалектные обозначения желудка. Укр. диал. *stoˈmak* (497) и рус. диал. *staˈmax* (с пометками «редк.» и «пасс.»; 527) [ОЛА ЛС 9/52], вероятно, усвоены информантом книжным путём из церковнославянских текстов, ср. рус. ц.-сл. **стомахъ** ‘желудок’ [СлРЯ XI–XVII 28: 90][15].

[15] А. А. Пичхадзе отмечает нехарактерность этого слова для восточнославянских переводов с греческого за исключением «Пчелы», где оно было употреблено переводчиком там, где в греческом оригинале нет слова στόμαχος [Пичхадзе 2007: 75].

Заимствованием из тюркского языка булгар является болг. литер. *коре́м* ‘живот’. Оно же отмечено в ряде македонских (108, 109, 112, 113а) и болгарских (122, 123, 128, 130, 133, 139, 140, 142, 143, 145) пунктов ОЛА в значении ‘желудок’. В виде *ˈkorəm* оно было заимствовано в сербохорватский переселенческий говор на территории Румынии (168, Клокотич) [ОЛА ЛС 9/52]. В македонских говорах отмечен также ряд дериватов этого слова (преимущественно в значении ‘желудок животного’): *кормушка*, *кормˈушка*, *кăрмушка*, *крмушка*, *крмˈушка*, *кормˈина* [Дрвошанов 2005: 93].

Турецкое *işkembe* ‘рубец (часть желудка жвачных)’ было заимствовано в балканские славянские языки: болг. *шкембе́* ‘желудок жвачного животного’, мак. *чкембе ~ шкембе* ‘рубец’, схр. *шкèмбе* ‘требуха’. ОЛА отмечает это слово в качестве обозначения желудка животного в болгарских (*škemˈb’ə* – 128, *škemˈbe* – 129, *škimˈb’ə* –137), сербохорватских (*шкèмбе* – 068, *šˈkembe* – 069) и одном украинском (*s’k’enˈbux* – 411) говоре. В значении ‘желудок человека’ оно отмечено в одном сербохорватском (*šˈkembe* – 085), одном македонском (*šˈќembe* – 104) и ряде болгарских (*škemˈbe* – 121, 125, 134; *šk’emˈbe* – 126, *škemˈb’a* – 135) говоров [ОЛА ЛС 9/52]. Довольно широко в македонских говорах его отмечает В. Дрвошанов [Дрвошанов 2005: 91–92].

Болг. диал. *ˈburtə* ‘желудок овцы’ (ОЛА 167) заимствовано из рум. *burtă* ‘живот’.

Схр. диал. *ˈđomra* (ОЛА 151) заимствовано из венг. *gyomor* ‘желудок’ или притяжательной формы *gyomra* ‘его/её желудок’.

В лужицких говорах очень широко распространён германизм *magan* / *magɛn* / *mɔgŋ* из нем. *Magen* ‘желудок’ [ОЛА ЛС 9/52; SSA 6/51].

Н.-луж. *kutlɔ* (236) ‘желудок (у коров и лошадей)’ заимствовано из нем. диал. *Kuttel* ‘требуха’ [ОЛА ЛС 9/52].

Ср.-в.-нем. *kaldūne* (> совр. нем. диал. *Kaldaune* ‘кишки, потроха, требуха; рубец’) было заимствовано в литературный польский как *kałdun* ‘брюхо’. В ряде говоров оно обозначает желудок, как правило, животного: *kou̯dọn* (248, 254), *kou̯dun* (258), *kau̯ọnt* (259), *kau̯dọn* (259, 269), *kau̯ynt* (269), *kau̯dun* (283), *kałdun* (287). Из польского оно было заимствовано в белорусский говор как *kalˈdun* (363) [ОЛА ЛС 9/52].

Нем. *Wagentuch* ‘полотняное накрытие повозки’ было заимствовано в польский как *wańtuch* ‘грубая ткань из конопли; мешок из такой ткани’. В некоторых говорах это слово перешло в область соматической лексики: *wantuch* ‘большое брюхо’ (а также вторичные формы

vancyš ‘живот, брюхо’, *vąnyš* ‘id’, *wancioch* ‘живот’) [Ożóg 1992: 212], *ventuχ* ‘желудок коровы’ (ОЛА 323) [ОЛА ЛС 9/52].

Украинское литературное *шлу́нок* – германизм, в качестве источника заимствования выступила некая немецкая форма, вероятно, предок современного *Geschlinge* ‘потроха, ливер’ [ЕСУМ 6: 440]. Это слово (с фонетическими вариантами) широко представлено и в украинских говорах. Укр. диал. *тру́нок ~ отру́нок ~ утру́нок* ‘желудок’, возможно, является результатом контаминации *шлу́нок* и *утро́ба* [ЕСУМ 5: 657].

Единично засвидетельствовано обозначение желудка животного *xl’ak* (пункт ОЛА 836), заимствованное из польского *flaki* ‘потроха, рубец (часть желудка)’, которое, в свою очередь, заимствовано из немецкого *Fleck* ‘рубец (часть желудка)’ [ОЛА ЛС 9/52].

Укр. диал. *bǫˈhun* (ОЛА 487), *бог* ‘желудок, рубец’, *богу́ня* ‘id’, *бо́жо́к* ‘свиной желудок’, *богу́к* ‘начинённый свиной желудок’, *бігун* ‘сальцесон, копчёная колбаса’, *бажо́к* ‘желудок’ [ЕСУМ 1: 219–220, 113] заимствовано из ст.-пол. *boch* ‘туловище освежёванной скотины’ < др.-чеш. *bóch* ‘id’ < др.-в.-нем. *bacho* ‘окорок’ [Аникин 3: 294].

Украинское литературное *ке́ндюх* ‘рубец, сычуг’ заимствовано из турецкого *kindik* ‘пупок’ [ЕСУМ 2: 423]. В ряде польских, белорусских и украинских говоров это слово стало обозначать желудок, как правило, животного: *k’iń̡uk* (287), *k’inˈʒ’uk* (345, 386), *k’in’ˈʒuk* (365), *k’inˈʒuk* (391), *kun’ˈʒ’uk* (355, 418), *ˈkan’d’ux* (406), *ˈkend’ux* (363, 374, 462, 463, 478, 481, 482, 490, 492, 500, 503, 510–512, 517), *ˈken’d’ux* (436, 474, 479, 489, 493, 495, 502, 519, 521), *kenˈd’ux* (363), *k’eź̡ej* (313) [ОЛА ЛС 9/52].

Укр. диал. *ˈgымbec* (ОЛА 467), *ˈʒembẹc* (484) ‘желудок животного’ [ОЛА ЛС 9/52] заимствовано из венг. *gömböc* ‘начинённый свиной желудок’ (дериват от *gömb* ‘шар’).

Укр. диал. *ˈrynʒa* (ОЛА 171) заимствовано из рум. *rânză* ‘птичий желудок; живот человека (пейор.)’.

Укр. диал. *бурдю́г*, *бордю́г*, *бордю́х* ‘рубец, сычуг; мочевой пузырь’ связано с укр. и рус. *бурдю́к* без консенсусной этимологии [Аникин 5: 159].

Бел. диал. экспр. *пілімо́ ~ пільмо́* ‘большой желудок’ пытались выводить из лит. *pýlimas* ‘насыпь, вал, дамба; выливание, наливание’ [ЭСБМ 9: 128], что убедительно в отношении формы, но неубедительно в плане семантики. Возможно, значение ‘большой желудок’ является результатом контаминации в процессе заимствования с лит. *pil̃vas* ‘живот’.

XVIII. КИШКА

XVIII.1. *ČERWO

В большинстве современных литературных славянских языков кишка обозначается континуантами слова *čerwo: болг. *черво́*, мак. *црево*, схр. *crijévo*, *crévo*, слвн. *črevọ̑*, чеш. *střevo*, слвц. *črevo*, в.-луж. *črjewo*, н.-луж. *crjowo*. Потомки *čerwo (с многочисленными фонетическими и морфологическими вариантами) являются единственным обозначением кишки в македонских говорах [Дрвошанов 2005: 94–96] и доминируют в словенских [SLA 1/55].

Однако в старославянских текстах семантика слова **чрѣво** значительно шире. Оно могло обозначать часть тела ниже груди, брюшную полость, а также живот беременной женщины[1]: **съвлъкъше и соуровами жилами биѣте и по чрѣвоу** (Супр., л. 79об); **і желаше насытити чрѣво свое отъ рожецъ** (Мар.); **ѣко во ѥ҃ѣ іона вь чрѣвѣ ѥ҃китовѣ** (Зогр., Мар.); **влгсвенъ плодъ чрѣва твоего** (Зогр., Асс., Савв.) [Gorazd]. Дериват *čerwьjь, обозначавший некий вид обуви (по-видимому, из кожи или меха с живота животного, ср. ст.-рус. *черевье* ‘мех с брюха животного’ [Срезневский 3: 1499]), также может указывать на то, что *čerwo обозначало и внешнюю часть живота [Вахрос 1959: 191–193][2]. Однако уже в старославянском видно, что слово **чрѣва** могло относиться и к внутренностям или кишкам: **повелѣ дърати · желѣзны ногъты дондеже чрѣва начънѫтъ хътѣти извалити сѧ на землѭ** (Супрасльская рукопись, л. 58–58об) [Gorazd].

Только в части словенских, украинских и белорусских говоров континуанты *čerwo сохраняют значение ‘живот’ [SLA 1/49; ОЛА ЛС 9/50].

---

[1] Впрочем, возможно и сравнение живота беременной женщины с кишкой, ср. рус. диал. *с кишкой ходить* ‘быть беременной’ [СРНГ 13: 250].

[2] В то же время в русских говорах записано шуточное обозначение *кишóчник* ~ *кишечник* ‘сапожник, изготовляющий лёгкую «выворотную» или детскую обувь’ [СРНГ 13: 249–250]. Похоже, что мягкая кожаная обувь в шутку сравнивалась с кишками.

Такой же сдвиг, от живота к кишкам, демонстрирует рус. диал. *брюхови́ца* ‘брюхо, живот; потроха, требуха, употребляемые в пищу; кишки, желудок животного’ [СРНГ 3: 225].

XVIII.2. *ELITO

Наилучшим кандидатом на роль праславянского обозначения кишки, на наш взгляд, является *elito, среди потомков которого схр. чак. диал. *jelito* (с различными ударениями) ‘колбаса в кишке’, *olito* ‘колбаса в кишке; кишка’, шток. диал. *jalito* ‘колбаса в кишке’ [Boryś 1999: 76–77], слвн. диал. (Бела Краина) *jelita* (f.) ‘разновидность колбасы’, *jeluta* ‘кровяная колбаса’, (Каринтия) *olito* ‘кишка, прямая кишка’ [Pleteršnik 1: 365, 820], др.-чеш. *jelito* ‘кишка (особенно прямая); колбаса’ [Gebauer 1: 628], чеш. и слвц. *jelito* ‘кровяная колбаса с крупой’ (также используется как оскорбление), слвц. диал. *jelito*, *jalito*, *elito*, *ľaľito*, *ľeľito* ‘id’ [SSN 1: 725; 2: 22, 45], в.-луж. диал. *jělito* ‘(коровьи) внутренности’, н.-луж. *jelito* ‘id’, н.-луж. диал. *jělito*, *jělto* ‘id’ [Schuster-Šewc 7: 453], пол. *jelito* ‘кишка’, ст.-бел. *елито* ~ *елето* ~ *ялито* ‘кишка’ [ГСБМ 9: 202], бел. устар. *ялиты* ‘testiculi’ [Носович 1870: 727], укр. диал. *ялúти* ‘внутренности’ [ЕСУМ 6: 544], рус. диал. *литóхá* ‘кишка с калом; большое брюхо; обжора’, *литóка* ‘книжка (третий желудок жвачных животных)’, *литóмия* ‘id’, *литóнья* ‘книжка; рубец; брюхо’, *литóшка* ‘малый желудок жвачных животных’, *литóшки* ‘не употребляемые в пищу части требухи и мяса животных’ [СРНГ 17: 73–74].

Данное слово является достоверно праславянским, среди семантики его потомков отчётливо видна связь с кишками. Что касается реконструкции семантики, то, скорее всего, это было самое общее обозначение кишки, не похоже, чтобы в праславянском имелись названия разных отделов кишечника.

Наиболее проблематично это слово в этимологическом плане. Были предложены следующие потенциальные родственники в других индоевропейских языках:

а) прус. *laitian* ‘колбаса’ [Matzenauer 1881: 28], которое вполне правдоподобно объясняется как производное от глагола ‘лить’, что связано с заливанием начинки при изготовлении кровяной колбасы, ср. лтш. *desas liet* ‘изготовлять колбасу’ (дословно ‘колбасы лить’) [Топоров ПС 5: 42–45]. Постулирование родства праславянского и прусского слов, каким бы заманчивым семантически оно ни было, требует для праславянского реконструкции уникальной приставки *e-;

б) лат. *īlia* ‘брюшная полость, живот; половые органы; (у животных) внутренности, кишки, потроха’ [Brückner 1985: 206]. М. де Ван считает это слово не имеющим надёжной этимологии [de Vaan 2008: 298]. Серьёзно ослабляет эту версию необходимость постулировать для праславянского межслоговую диссимиляцию гласных: *(j)ilito > *(j)elito [Sławski 1: 558];

в) нем. *Aal* ‘угорь’ < *ēla- [ЭССЯ 6: 22]. Очень привлекательно семантически, однако вокализм прагерманского слова не соответствует праславянскому. Прагерм. *ēla- ‘угорь’, возможно, родственно *ēlō- ‘шило’ < п.-и.-е. *h_1éh_1l-eh_2 [Kroonen 2013: 117];

г) санскр. *āliḥ* ‘полоса; линия, черта; ряд; строка’ [ЭССЯ 6: 22]. Следует, однако, помнить, что п.-и.-е. *l обычно давал в санскрите *r*;

д) др.-греч. λῑτός простой, гладкий, λεῖος гладкий, ровный [Berneker 1924: 453]. Данные дериваты от λίς ‘гладкая’ (< *lh_1i-t-) [Beekes, van Beek 1: 865] сложно сопоставлять с *elito, поскольку это, опять же, требует постулирования уникальной приставки *e-. Та же проблема у сопоставления с лат. *linō* ‘мазать, намазывать, обмазывать’ [Berneker 1924: 453].

Особняком стоит версия А. Баньковского, который с опорой на украинское и белорусское начальное *я-* и вопреки польскому *je-* реконструировал *jęlito и далее *ęlikto. Однако для белорусского характерно яканье, а украинскому известен переход *е* > *а* после мягких, ср. *яли́нка* ‘ёлка’, *яле́ць* ‘елец’, *Яре́ма* ‘Ерёма’, *Явдо́ха* ‘Евдокия’, *Явту́х* ‘Евтихий’, *Я́рош* ‘Ерофей’, *Явдоки́м* ‘Евдоким’, *Яри́на* ‘Ирина’ [Shevelov 1979: 147–148], таким образом, определяющими являются польские данные, которые указывают на *elito.

Морфологическое членение слова *elito представляет собой серьёзную проблему. В качестве аналога для выделения префикса *e- А. Матценауэр приводил чеш. *jesep* ‘песчаная отмель на реке’ [Matzenauer 1881: 28]. Однако, это, конечно, континуант *jьz-sъръ [ЭССЯ 9: 75–76]. Русские формы вроде *литóхá* совершенно не обязательно говорят в пользу выделения в *elito префикса, поскольку утеря начального гласного может быть вторичной, ср. рус. *рябúна*, при формах всех остальных славянских языков, указывающих на *erębь-, или укр. диал. *гу'рок*, *гі'рок*, *ги'рок* ‘огурец’ из *огу'рок*, *огі'рок*, *оги'рок* [АУМ 1/87; 2/126], а также укр. *горóд* из *огорóд*.

Проще ситуация с суффиксом *-it-. Он хоть и редок, но вполне надёжно реконструируется для праславянского состояния, в первую очередь в слове *olnita ‘щека’. Сюда же относится *ulь ‘улей’ > *ulita ‘улит-

ка’, давшее рус. *ули́тка* и болг. диал. *улитка* ‘id’ [БЕР 8: 632] (чеш. *ulita* ‘раковина’ – русизм [Rejzek 2001: 690]). Значительно шире распространён данный суффикс в составе прилагательных: *sьrditъ(jь), *očitъ(jь), *mastitъ(jь), *znamenitъ(jь), *jьmenitъ(jь). Обращает на себя внимание связь суффикса *-it- с основами на *-i- и согласный. Возможно, в основе *elito лежит несохранившаяся основа на согласный или *-i-.

Что касается корня, если верно сведение *olnita ‘щека’ и *olkъtь ‘локоть’ к одному корню *h$_3$el- ‘гнуть’ [ESJS 7: 402], то, возможно, дериватом от него же является и *elito. В отношении семантики следует обратить внимание на потенциальную параллель в виде *kǫtъ ‘угол’ > *kǫtьnica ‘прямая кишка’ (см. ниже).

Ещё одним потенциальным кандидатом на роль корня является п.-и.-е. *h$_2$el- ‘кормить’ [LIV 2001: 262], что весьма привлекательно в семантическом отношении.

В обоих случаях, конечно, ожидалось бы не *elito, а *olito, однако существует целый ряд до сих пор, кажется, не объяснённых дублетов на *e*- и *o*-, например, *emela / *omela ‘омела’, *elьxa / *olьxa ‘ольха’, *elbǫdь / *olbǫdь ‘лебедь’ и т. д. В этом контексте укажем на вышеупомянутые словенскую и сербохорватскую диалектную форму *olito*.

XVIII.3. *kyšьka

Отдельного комментария требуют формы, потенциально восходящие к *kyšьka: ст.-бел. *кишка* ‘кишка’ (с XVI в.) [ГСБМ 15: 96], бел. *кі́шка* ‘id’, ст.-укр. *кишка* (с XVI в.) ‘id’ [СУМ XVI–XVII 14: 105], укр. *ки́шка* ‘id’, ст.-рус. (с. XVI в.) *кишка* ‘кишка (часть кишечника); род колбасы; кожаный или парусиновый рукав’ [СлРЯ XI–XVII: 144–145], рус. *кишка́*, рус. диал. *кишка* ‘желудок, брюхо’, *сыта(я) кишка* ‘рыбий желудок, наполненный пищей’, *с кишко́й ходить* ‘быть беременной’ [СРНГ 13: 250], ст.-пол. *kiszka* ‘кишка; колбаса’ [SPXVI 10: 331], пол. *kiszka* ‘id’, слвц. шаришск. *kyška* ‘свиная кишка’ [SSN 1: 932][3]. Польское слово, по мнению А. Баньковского, является рутенизмом [Bańkowski 1: 682]. В словацком может быть полонизм. Румынское *chișcă* ‘кровяная колбаса’, видимо, заимствовано из украинского.

[3] Полаб. *jaiṣtə* ‘почки’ (в оригинальном написании *Jeissa*) [SEJDP 2: 209], неверно прочитанное как *ťáiṣə*, отнесено Бернекером [Berneker 1924: 679], Фасмером [Фасмер 2: 242] и Славским [Sławski 2: 174] к этому гнезду ошибочно.

Раньше всего это слово фиксируется как старорусский антропоним: Окинф Лодыга, брат его Кишка (Данная Акулины [Голтяевой] Троице-Сергиеву монастырю на село Тарбеевское и жребий озера Тарбеевского, в Кинельском стану Переяславского уезда, 1445 г.); Иван Кишка (Духовная Марии [Петелиной], 1440–1450 гг.) [НКРЯ].

Для датировки особо важно, что вокабула **кишька** ‘ventriculum’ фигурирует в словаре Срезневского на основании контекста из Второзакония 18:3 якобы «по сп. XIV в.» [Срезневский 1: 1211]. Со ссылкой на Срезневского (или даже без неё) появление слова *кишка* в памятниках письменности датируют именно XIV в.

Данный фрагмент (καὶ δώσει τῷ ἱερεῖ τὸν βραχίονα καὶ τὰ σιαγόνια καὶ τὸ ἔνυστρον) в древнейших церковнославянских рукописях переведён следующим образом: **да дастъ жерцю рамо і челюсть і оутробу** (Пятикнижие; РГБ, ф. 304.I, №1[4], кон. XIV – нач. XV в., л. 146об); **да дасть жерцоу рамо и челюстї и оутробоу** (Пятикнижие, РГБ, ф. 304.I, №44[5], XV в., л. 165об).

И только в так называемом «Правленном Пятикнижии», появившемся на западе восточнославянских земель во второй половине XV в., мы действительно находим **дасть жерцꙋ рáмо и̑ челюсти и̑ кишкꙋ роговꙋю** (Пятикнижие РГБ, ф. 113 №8, 1494 г.[6] [Грищенко 2018: 19], л. 342об). Таким образом, это ранняя фиксация слова *кишка*, но всё же не самая ранняя: антропонимы появляются на полвека раньше. Словосочетание *кишка роговая* было сопоставлено В. Ушинскене с рус. твер., псков. *роговéшка* ‘сычуг’ [Ушинскене 2013: 98–99].

Было выдвинуто несколько основных версий происхождения слова *кишка*:

а) родство с санскр. *kóṣṭhaḥ* ~ *kóṣṭham* ‘внутренности; нижняя часть живота; оболочка; кладовая; высокая ограда, стена; вал; огороженное пространство’, *kóṣaḥ* ~ *kóśaḥ* ‘бочка; ведро; ящик; сундук; шкаф; ножны; кладовая; сокровищница; словарь; сборник стихов; почка; бутон; чашечка (лотоса); кокон’, авест. *kusra-* ‘изогнувшийся; образующий свод; полый’ [Matzenauer 1882: 177; Berneker 1924: 679], др.-греч. κύστις ‘мочевой пузырь, пузырь, (кузнечный) мех’, κύσθος ‘pudenda muliebria’ и многими другими словами [Janzén 1938: 52–54]. В рамках современной индоевропеистики в качестве предка этой

[4] Рукопись доступна по ссылке: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-1.

[5] Рукопись доступна по ссылке: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-44.

[6] Рукопись доступна по ссылке: https://lib-fond.ru/lib-rgb/113/f-113-8.

группы слов реконструируется существительное *kusdʰ(h$_1$)- с этимологическим значением ‘нечто скрытое’ [NIL 2008: 448–449]. Важнейшим препятствием для включения славянского материала в это гнездо является то, что *kyšьka (во всяком случае как обозначение кишки) вообще проблематично постулировать для праславянского языка. Как было показано выше, потенциальные потомки этого слова обладают слишком скромным распределением – только польский и восточнославянские языки, что при наличии большого количества контактной лексики в этом ареале (ср., например, историю слова *спина* [Саенко 2022а: 83–84] или *бе́бехи* ниже) и конкуренции между *jelito* и *kiszka* в польском, говорит скорее об относительно позднем появлении и изначально только восточнославянском распространении слова *кишка*.

б) Связь с *кися́* ‘кошель, стягивающийся шнурком’ [Преображенский 1: 310]. Маловероятно, поскольку это тюркизм, причём довольно поздний, отмечаемый в памятниках письменности только с XVIII века [СлРЯ XVIII 10: 40]. Вдобавок, при деривации от *киса* не ожидалось бы чередования *с* / *ш*.

в) Деривация от глагола *кише́ть* [Brückner 1985: 231; Bańkowski 1: 682], что несколько проблематично семантически.

г) Связь с пол. *kieszeń* ‘карман’ [Brückner 1985: 231]. Однако весьма вероятно, что польское слово, как и укр. *кише́ня*, и бел. *кішэ́нь*, заимствованы из литовского *kišẽnė* ‘карман’ [Smoczyński 2007: 290–291].

д) Деривация от *kyta ‘связка, пучок’ при помощи форманта *-шка* с усечением основы (в терминологии Сигалова – дезинтегральная суффиксация), как *кот* > *кошка* [Сигалов 1989]. Поскольку в этом случае нужно было бы отделять восточнославянские названия кишки от значительно более широко распространённых названий простокваши (см. ниже), эта версия нам не кажется привлекательной.

е) Деривация от *kysati ‘киснуть’ или *kysiti ‘квасить’. По предположению А. Баньковского, слово *kyša первоначально могло обозначать содержимое кишок, склонное к закисанию [Bańkowski 1976: 46] (позднее польский учёный поменял мнение). О. Н. Трубачёв видел в качестве этимологического значения ‘портящаяся, прокисающая внутренность’ [ЭССЯ 13: 279]. Согласно В. В. Нимчуку, основой такой номинации послужило то, что выкинутые внутренности животных, портясь, набухают [Німчук 1992: 314]. По мнению авторов ЭСБМ, древний человек имел представление о наличии ферментационных процессов в кишечнике [ЭСБМ 5: 45].

В свете болг. диал. *ки́шка* ‘простокваша’ [БЕР 2: 408], чеш. диал. *kiška* ‘id’ [Malina 1946: 42], слвц. диал. *kyša*, *kýška* ‘id’ [SSN 1: 932], рус. диал. *киша* ‘закваска’ [СРНГ 13: 249] связь кишки с *kysiti кажется наиболее обоснованной как формально, так и семантически.

Отдельного комментария требует вопрос этимологического значения слова *кишка*: ‘то, что (быстро) киснет’ или ‘там где киснет (трава)’. Следует учесть, что при разделке животного требуха промывалась, а кишки ещё и освобождались от содержимого, поскольку после очистки служили в качестве оболочки для колбасы. Возможно, именно содержимое тонкого кишечника, ферментированная трава, и стало характеризующей чертой кишок.

Отметим, что А. Брюкнер предполагал родство между *kiszka* и др.-пол. *ksieniec* ‘рыбий желудок’ [Brückner 1985: 231]. Часть исследователей опосредованно принимает это сравнение, связывая *kъsenь, континуанты которого представлены в западно- и восточнославянских языках, с *kysati [ЭССЯ 13: 245–246; SP 11: 191], однако следует отметить, что корневой вокализм в этом случае требует особого объяснения.

XVIII.4. Прочие обозначения

Для прекмурских словенских говоров характерно обозначение кишок как ‘колбасы’ или ‘кровяной колбасы’: *kl̥bâse* (пункт SLA 398), *klobâse* (400, 404), *klóˈbȁːsi̯* (401), *kloˈbaːsẹ* (402), *klobâsẹ* (403), *kloˈbaːse* (404), *kəlˈbȁːsa* (sg.; 405); *kr̥vaï̯ce* (389, 390), *kr̥vaˈï̯ce* (392), *kr̥vaï̯cẹ* (392, 396), *krvaˈjice* (392, 395), *kr̥vaï̯cä* (393) [SLA 1/55]. С противоположной стороны Словении аналогичный дрейф произошёл в части приморских говоров со словом *mulica* (ср. чрновршское *mûlcẹ* ‘кровяные колбасы’ [Tominec 1964: 131], бовецкое *mù:lca* ‘кровяная колбаса’ [Ivančič Kutin 2007: 66]), заимствованным из фриульского *mule* ‘кровяная колбаса’. Значение ‘кишки’ появилось в резьянских (*mù̯lce*, *mûlice* (056), *mû̯li̯cẹ*; *mû̯li̯cẹ* (057), *mù̯lice*; *mù̯lice* (058), *mù̯li̯ce*; *mû̯li̯ce* (059)), обсошских (*mú:lice* (060), *múlẹcẹ* (061), *mú:ləce* (063)) и шавринских говорах (*mûlcẹ* (121), *mŷlcä* (122), *mŷlce* (123)) [SLA 1/55].

Болг. диал. *дя́до* (‘дед’ >) ‘толстая кишка животного’ [БЕР 1: 471], *ста́рец* ‘маленький свиной желудок, наполненный мелко нарезанным мясом, жиром, специями, и высушенный; толстая кишка свиньи, наполненная фаршем’ [БЕР 7: 434], *ба́ба* ‘колбаса из свиного мяса’ [Поп-

георгиев 1962: 207], а также слвц. диал. *dedo* ‘желудок или толстая кишка свиньи, наполненная мясом и крупами’, *baba* ‘толстая кишка свиньи, наполненная различной начинкой’ [SSN 1: 302, 77], *ujec* ~ *ujco* (дословно ‘дядька’) ‘id’, *tetka* ‘id’ [Habovštiak 1978: 76]. По предположению А. Габовштяка, эти номинации основаны на толщине, величине и неправильности формы колбасы в толстой кишке [Habovštiak 1978: 77]. Мы бы не исключали возможности того, в основу переноса легло сходство поверхности сушёного мясного изделия в желудке или кишке со сморщенной кожей старика.

Слвц. диал. *katarína* ~ *katerina* ~ *katriena* ‘толстая кишка свиньи, а также изделия из неё’ [SSN 1: 756], *katra* ‘id’ [SSN 1: 757] происходят от личного имени *Katarína*. В статье А. Габовштяка приводится большой ряд словацких диалектных обозначений колбасы в прямой кишке, происходящих от личных имён: (*Dorota* >) *dora*, *dorka*, *dorota*, *dorotka*, (*Katarína* >) *katarína*, *katerína*, *katra*, *katuša*, (*Barbora*) > *barbora*, (Eva >) *eva*, (*Alžbeta* >) *beta*, *betka*, (*Matej* >) *matej*, *maco*, (*Tomáš* >) *tomáš*, *tomas*, *tomko*, к которым следует добавить (*Benedikt* >) *benko* [SSN 1: 110]. Словацкий учёный предложил две модели для такого перехода: а) употребление распространённых имён как пейоративных обозначений человека, особенного толстого или глупого, а затем перенос на толстую колбасу неправильной формы; б) убой свиньи и изготовление колбасы в период, на который приходятся дни памяти этих святых [Habovštiak 1978: 76–78].

В случае слвц. диал. *droby* ‘кишки (человека); потроха’, *drobská* ‘кишки, потроха’, *drobec* ‘тонкие кишки, предназначенные для изготовления колбасы’ [SSN 1: 393, 394], а также словенского гапакса *dˈrọu̯ba* ‘кишки’ (SLA 392) [SLA 1/55] мы имеем дело с сужением значения ‘внутренности’ > ‘кишки’.

Пол. *bebechy* ‘внутренности’, диал. *bebåchy* ‘внутренности, кишки’, *bechy* ‘внутренности, кишки; подушки; старые тряпки’, *båchy* ‘кишки’, *bebećki* ‘внутренности, кишки’, *bećki* ‘id’, *båćki* ‘id’ [SGP 2: 251; 4: 9, 12, 16, 21], укр. *бе́бехи* ‘внутренности; подушки, пожитки’, рус. диал. *бе́бехи* ‘внутренности, кишки’, *бе́беки* ‘перины, подушки или другие предметы домашнего обихода; внутренности, расположенные в брюшной полости’ [СРНГ 2: 168][7], весьма вероятно, соотносятся со звукоподражательными глаголами вроде укр. *бебе́хнути* ‘кинуть с силой; сильно ударить; выстрелить; тяжело, с шумом упасть’

[7] Судя по географии, в русском – украинизмы.

[СУМ 1: 118], рус. диал. *бебе́хать* ‘ударять чем-либо тяжёлым; издавать сильный глухой звук; стрелять’ [СРНГ 2: 168], хотя, как справедливо отмечает А. Е. Аникин, в этом случае скорее ожидалось бы иное ударение – *бебе́хи [Аникин 3: 19–20][8]. С учётом почти аналогичной географии (восточнославянские языки + польский) слова *кишка*, в польском, вероятно, украинское заимствование.

Рус. смол. *канду́х* ‘кишки животного’ [СРНГ 13: 40] и дон. *келобухи* ‘кишки’ [СРНГ 13: 179] показывают сдвиг ‘желудок’ > ‘кишки’.

Болг. диал. *па́шник* ‘пищевод; толстая кишка’, *па́чник* ‘желудок; пищевод’, *па́чина* ‘кишки’ является производным от *паша* ‘корм для скота’ [БЕР 5: 113, 119].

Рус. калуж. *арши́нники* ‘кишки’ [СРНГ 1: 282] явно происходит от названия меры длины, аршина, и, видимо, основывается на приблизительной оценке длины толстой кишки. Впрочем, данное слово является гапаксом, и приводимого в СРНГ контекста («Иди есть аршинники») недостаточно, чтобы вообще сколько-нибудь точно определить семантику.

Названия прямой кишки в ряде случаев образованы от *gǫzъ ‘culus’: болг. *гъ́зно черво́*, мак. *газно црево*, хорв. *gûzno crijévo*[9] [SP 8: 176]; бел. диал. (восток и север Белоруссии) *гузно́*, *гузе́чніца*, *гузе́шніца*, *гузе́тніца*, *гудзе́чніца*, *гудзе́шніца*, *гузёшніца*, *гузётніца*, *гудзёшніца*, *гузённіца*, *гужэ́тніца*, *уздзе́шніца*, *гузе́шная кішка́*, *гузе́шнъя*, *гузе́шныя*, *вузе́шная кішка́*, *вужэ́ўніца*[10], *кужэ́чніца* [ЛАБНГ 1/28]; рус. влад., перм. *гу́зно* ‘прямая кишка (у человека и животных)’ [СРНГ 7: 208][11], псков., твер. *огузе́нная кишка* ‘прямая кишка’, *огузе́нница* ‘толстая кишка’, юж.-уральск. *огу́зок* ‘прямая кишка, которую при разделке туш выбрасывают’ [СРНГ 22: 360].

---

[8] Заманчиво было бы в качестве альтернативы рассмотреть версию о происхождении из «детской речи», ср. пол. диал. *bebe* ‘о чём-нибудь некрасивом, грязном, плохом’ [SGP 4: 9] и рус. *бе* ‘id’, однако наличие у слова *бе́бехи* значения ‘подушки’ убеждает в справедливости отглагольной версии, ср. оборот *взбивать подушки* [Аникин 3: 19].

[9] В литературных языках эти обозначения вытеснены кальками с латинского *rectum*: болг. *пра́во черво́*, мак. *право црево*, схр. *ravno crijevo*, *pravo crevo*.

[10] Формы на *в-* (включая также *вузе́чніца*) объясняются ложным переосмыслением *г-* как протезы и мены на альтернативную протезу *в-* [ЭСБМ 2: 216]. См. об этом явлении в [Саенко 2025а].

[11] Сюда же следует добавить псков. *гу́зка* ‘конец, отверстие прямой кишки у птиц, рыб’, орл. *гузни́ца* ‘отверстие прямой кишки’, забайк. *гузёнка* ‘конец прямой кишки, выпадающий при болезни’ [СРНГ 7: 207, 208].

Аналогичным образом слвц. диал. *odritník* ~ *odritnica* (с фонетическими вариантами), *ritnuo črevo*, *ritnia šrevo*, *ritní strevo*, *ritniak*, *ritnok* ‘прямая кишка свиньи’ [SSN 2: 553; 3: 616–618] образовано от *rit’* ‘culus’.

Сюда же, видимо примыкает бел. диал. *за́дняя кі́шка*, *за́днія кішка́*, *за́дня кішка́*, *за́дня кы́шка* ‘прямая кишка’ [ЛАБНГ 1/28].

Болг. диал. *дъ̀нек* ‘кишка животного’, *дъ̀няк* ‘слепая кишка’, *дъ̀нешник* ‘слепая кишка животного’ [БЕР 1: 457], схр. диал. *дни̏ца* ‘слепая кишка’ [РСКНЈ 4: 368] и слвн. *dánka* ‘прямая кишка’ – дериваты от *dъno ‘дно’. В.-луж. *deno* ‘рубец; прямая кишка’ – прямой континуант *dъno. В качестве семантической параллели к такому переносу служат литовский когнат праславянского слова, *dùgnas* ‘дно; culus’, его производное *dugnõlis* ‘прямая кишка’ и дериваты от той же основы с другим суффиксом – *dū̃bliai* ‘внутренности зарезанного животного’, *dūblỹs* ‘живот; внутренности’, *dūbliñgė* ‘слепая кишка; желудок’, а также ряд других образований. То же наблюдается в случае лат. *fundus* ‘дно’ > *fundulus* ‘слепая кишка’ и швед. *botten* ‘дно’ > швед. диал. *bottning* ‘слепая кишка у жвачных животных’ [Аникин 1998: 285].

Ряд обозначений прямой кишки образован от *kǫtъ ‘угол’, по-видимому, в связи с характерным углом, под которым прямая кишка находится по отношению к остальной части толстого кишечника: пол. *kątnica*, бел. диал. *ку́тніца*, *ку́тныця*, *ку́тныца*, *ку́тняя кішка*, *ку́тня кы́шка*, *кутава́я кішка́*, *ку́тня*, *ку́тна*, *кут*, *кутО́к*, *кутэ́цніца*, *кутэ́нь* [ЛАБНГ 1/28], рус. диал. (тамб., ряз.) *ку́тница* [СРНГ 16: 171]. Сюда же примыкает слвн. *kôtnica* ‘ободочная кишка’ (отмечено только у Плетершника) [Pleteršnik 1: 448]. Возможно, рус. диал. *кутЫ́рь* ‘желудок; желудок животного, птицы; желудок и кишки рыбы; рыбий плавательный пузырь; мочевой пузырь животного; брюшина; живот, брюхо; надутый воздухом мочевой пузырь (коровы, быка), употреблявшийся при плавании; мешок из шкуры животного для жидких и сыпучих тел; дождевой пузырь’ [СРНГ 16: 177] является результатом преобразования слова *ку́тница* ‘прямая кишка’ под влиянием *пузы́рь* и с расширением семантики.

Некоторые обозначения прямой кишки связаны с её участием в дефекации: *сяравА́я кішка́*, *серава́я кішка́*, *сірава́я кішка́*, *серама́я кішка́*, *сяро́мая*, *сра́чная кішка́*, *сра́чна кі́шка*, *сра́чня кі́шка*, *сяраЯ́нка*, *сярухá*; *прахо́дная кішка́*, *прахадна́я кішка́* [ЛАБНГ 1/28], рус. диал. *о́ход* ‘пищеварение и все к нему относящиеся отправления и части тела; желудок; живот; прямая кишка; задний проход; задняя часть тела, зад;

испражнения; кишка, выходящая у коров после отела; аппетит' [СРНГ 25: 43].

Рус. диал. *фандрон* 'прямая кишка (шутл.)' [СРНГ 49: 54], видимо, представляет собой искажённое *афедрон*.

Рус. диал. *ствол* 'прямая кишка' (с контекстом «ствол вышел у бычка, помазали (специальной мазью), все прошло») [СРНГ 41: 101], по-видимому, сравнивает торчащую наружу прямую кишку со стволом дерева или ружья, ср. *ствол* 'половой орган жеребца, быка, хряка; половой орган мужчины [СРНГ 41: 101].

Слвц. диал. *kĺk* 'толстая кишка свиньи перед своим концом' [SSN 1: 782] соотносится со слвц. литер. *klk* 'клок, ком; ворсинки на кишечнике' (< *klъkъ).

XVIII.5. Заимствованные названия

Болг. диал. *бу́мба́р* 'толстая кишка у млекопитающих' заимствовано из тур. *bumbar* 'толстая кишка для изготовления колбасы' [БЕР 1: 89].

Болг. диал. *фу́ска* '(мочевой) пузырь', *пу́шка* 'слепая кишка у скота; прямая кишка; толстая кишка животного, двенадцатиперстная кишка или любой пузырь, наполненный чем-либо', *пу́фка* 'толстая кишка' заимствованы из греч. φούσκα '(мочевой) пузырь' (< др.-греч. φύσκη 'набитая мясом кишка, колбаса') [БЕР 8: 861–862; 6: 21, 11].

Слвн. диал. *tríре* 'кишки' (пункт SLA 062), *tŕépę* (065) заимствовано из ит. *trippa* 'требуха, рубец' [SLA 1/55].

Слвн. диал. *bʲläkę* 'кишки' (SLA 404) заимствовано из нем. *Fleck* 'рубец' [SLA 1/55].

Слвц. диал. *bále* 'кишки (реже внутренности вообще) животных и (пейоративно) людей' [SSN 1: 90] заимствовано из венг. *bél* 'кишка'.

Слвц. диал. *hurka* ~ *húrka* 'кишка животного; кровяная колбаса', *húrik* '(свиная) кишка, предназначенная для изготовления кровяной колбасы' [SSN 1: 642] заимствованы из венг. *hurka* 'колбаса' [Králik 2015: 213].

Слвц. диал. *kutel'* (m.), *kutľa* (f.) 'кишка' [SSN 1: 916] заимствовано из нем. *Kuttel* 'требуха; рубец'.

Слвц. *bantel'* 'большой живот, брюхо; (pl.) кишки, внутренности' [SSN 1: 94], по-видимому, не следует отделять от *bampeľ* 'желудок животного; внутренности вообще; желудок, живот человека (экспр.); толстяк' [SSN 1: 92] и *vampeľ* 'живот' [Palkovič 1972: 239] < нем. *Wampe* 'брюхо'.

Слвц. диал. *bambúch* ~ *bambuch* ‘желудок животного (особенно коровий); кишка’ [SSN 1: 91] неотделимо от пол. диал. *bambuch* ‘живот; желудок животного; ребёнок с большим животом; неуклюжий, толстый человек’ [SGP 3: 338], укр. диал. *бáмбýх* ‘желудок; коровий желудок’, *бембух* ‘желудок’. Вероятно, контаминация пол. *bebechy* ‘внутренности’ и *bambuła* ‘неуклюжий, толстый человек’ [ЕСУМ 1: 131–132], распространившаяся из польского в украинский и словацкий.

XIX. МОЧЕВОЙ ПУЗЫРЬ

XIX.1. Праславянское название мочевого пузыря: *mĕxurъ или *mĕxyr'ь?

На первый взгляд, основным кандидатом на роль праславянского названия мочевого пузыря можно считать слово *mĕxurъ, хорошо представленное во всех трёх группах славянских языков. Оно является обозначением мочевого пузыря в ряде литературных языков: болг. *мехýр*, мак. *меур*, слвн. *mehúr*, схр. *m(j)ĕhūr*, слвц. *mechúr*, укр. *міхýр*. В литературном чешском дериват от того же корня с другим суффиксом – *měchýř*. При этом, если мы привлечём данные памятников и диалектов, окажется, что потенциальные континуанты *mĕxyr'ь довольно широко распространены и могут претендовать на праславянскую древность [ЭССЯ 18: 153–155, 159–160]. Стоит также помнить о том, что данные литературных языков не могут быть решающим аргументом в подобных вопросах. Так, все современные литературные славянские языки указывают на реконструкцию *bedro среднего рода, в то время как данные древнейших памятников говорят в пользу *bedra женского рода [Саенко, Szeptyński 2022].

Здесь можно предложить два сценария:

а) *mĕxurъ и *mĕxyr'ь являются параллельными дериватами от *mĕxъ 'мешок';

б) праславянским является только один из них, а остальные формы появились в результате смешения фонетически близких суффиксов.

Такое смешение регулярно наблюдается на материале отдельных языков, например[1]:

1) Слвн. *dihúr* 'хорёк' (при диал. *thộr*) из *dъxorь, восстанавливаемого на основе форм всех остальных языков [ЭССЯ 5: 177–178].

2) Слвн. *piškúr* 'речная минога' (при диал. *piškọ́r*, *piskọ́r*) из *piskorь, ср. схр. *pȉškor* 'вьюн (Misgurnus fossilis)', чеш. *piskoř* 'id', слвц.

[1] Здесь мы не касаемся вопроса смешения женских вариантов суффиксов, содержащих *-r-*, ср., например, *xmara и *xmura [ЭССЯ 8: 42–44], *peťera и *peťura [ЭССЯ 42: 41–43, 54], чеш. и слвц. *sekera* на месте праслав. *sěkyra и т. д.

диал. *piskor*, *piskur* ‘id’ [SSN 2: 803][2], в.-луж. *piskor* ‘id’, н.-луж. *piskoŕ* ‘id’, пол. *piskorz* ‘id’, укр. *пічку́р*, *піска́р* ‘пескарь’, бел. *пячку́р* ‘id’, рус. *писка́рь* ~ *песка́рь* ‘id’ [Фасмер 3: 267; Schuster-Šewc 14: 1068; Snoj 2016: 541–542]. Как мы видим, данное слово подвергалось народно-этимологическому влиянию: слова ‘песок’ в украинском и русском; *пе-че́ра* / *пячо́ра* ‘ямка в дне реки’ в украинском и белорусском [ЭСБМ 10: 323–324]. В восточнославянских языках также видна мена суффикса на *-ур* в украинском и белорусском и на *-арь* в украинском и русском.

3) Укр. *снігу́р* ‘снегирь’, диал. также *снігу́р* и *снігáр* [ЕСУМ 5: 335], рус. *снегу́рь*, бел. *снягíр*, слвн. *slegúr* (диал. *snegúr*) ‘пёстрый каменный дрозд’ [Snoj 2016: 690], болг. *сини́гер* ‘синица’, диал. также *сини́гир*, *сини́герь*, *сини́гъър*, *сини́гêр*, *цини́гър* (в части говоров обозначает воробья) [БЕР 6: 671].

4) Формы восходящие к *kosturъ ~ *kostura и потенциально также к *kostyr’ъ и обозначающие нож (вероятно, первоначально костяной) или дубину (вероятно, также первоначально костяную) [ЭССЯ 11: 165–166, 167; SP 10: 270].

5) Западнославянскому названию селезня, чеш. и слвц. *kačer*, в.-луж. *kačor*, н.-луж. *kacor*, пол. *kaczor*, соответствует укр. *ка́чу́р* с диалектными вариантами *ка́чор*, *ка́чер*, *ка́чир*, *ка́чір*, *ка́чар*, *ка́чър*, *ка́чурá* и т. д. [АУМ 1/322, 2/333, 3-1/111, 3-2/118], а также бел. *ка́чар* с диалектными вариантами *ка́чыр*, *ка́чэр*, *ка́чор*, *ка́чу́р* [ЛАБНГ 1: 59]. С учётом распространённости этого слова на западе, как Украины, так и Белоруссии, естественно подозревать в нём полонизм. И, как мы видим, в этом случае также не обошлось без мены суффиксов. При этом в словацких говорах также записан вариант *kačur* [SSN 1: 731].

6) Укр. диал. *зна́хур* ‘знахарь’ при укр. литер. *зна́хар* ‘id’, диал. *зна́хор* ‘id’, бел. *зна́хар* ‘id’, ст.-бел. *znachor* ‘id’, рус. *зна́харь* ‘id’, болг. диал. *знахáр* ‘id’, пол. *znachor* ‘id’ [Аникин 18: 261].

7) Болг. диал. *бáхур* ‘толстая кишка животного’ при пол. диал. *bachór* ‘брюхо; живот животного’, чеш., слвц. *bachor* ‘рубец (часть желудка); брюхо’, в.-луж. *bachor* ‘пухлый человек’, схр. диал. *bȁor* ‘желудок жвачных животных’, *bȁhor* ‘живот’ [SP 1: 181].

8) Болг. *ки́чур* ‘гроздь, кисть’ при *ки́чер* и формах прочих языков, восходящих к *kyčerъ [ЭССЯ 13: 249–250]. Поскольку суффикс *-urъ

[2] В литературном словацком *piskor* обозначает не рыбу, а грызуна, бурозубку. В говорах представлен ещё ряд форм и значений, связанных с писком [SSN 2: 803–804].

не вызывал палатализации предшествующего согласного, форма *ки́чур* является очевидно вторичной.

9) Укр. *сто́вбур* ‘ствол (дерева, шахты)’ (вокализм корня видоизменён под влиянием *stъlbъ ‘столб’ [ЕСУМ 5: 421–422]) при слвн. *stebȅr ~ stȅber* ‘столб’, диал. *stobor*, болг. *стобо́р* ‘забор’.

10) Укр. *бо́вдур* ‘дымовая труба; болван, чурбан, балда, дубина’ и бел. диал. (Западное Полесье) *боўдур* ‘дымоход’ соотносится с русским диалектным *бо́лдырь* ‘плетеная из хвороста, и обмазанная глиной дымовая труба, выведенная из сеней’, *булды́рь* ‘дымоход’. В русском слове подозревают заимствование из чувашского [Аникин 3: 334], что, кажется, в свете украинской и белорусской формы не очень вероятно, однако в любом случае соотношение суффиксов показательно.

11) Венгерское *hajcsár* ‘погонщик скота’ (< *hajt* ‘гнать’ [EWU 1993: 512]) заимствовано в словацкий как *hajčiar* ‘наёмный перегонщик скота’, однако в некоторых говорах оно отражено как *hajčúr* [SSN 1: 535] с вычленением в заимствовании суффикса и его заменой.

12) Название ящерицы для праславянского следует реконструировать как *aščerъ, однако в западно- и восточнославянских языках широко распространены формы на *-ur* [ЭССЯ 1: 87], которые, конечно, не могут восходить к праславянскому состоянию, поскольку перед суффиксом *-urъ не должно было происходить первой палатализации.

13) Ср.-в.-нем. *(wīn)koster* ‘дегустатор’ (> совр. нем. *Koster* ‘id’) было заимствовано в древнечешский как *koštéř*. В современном чешском это слово звучит как *koštýř* и обозначает уже ливер (инструмент для дегустации). В старословацкий оно перешло в виде *koštier*, но в словацких говорах может звучать и как *koštúr* [Villnow Komárková 2019: 75] с явной меной суффиксов.

Таблица 20 наглядно демонстрирует, что праславянское название хорька звучало как *dъxorь, в то время как словенское *dihúr* – локальная и вторичная инновация. Напротив, при выборе между *kosturъ и *kostyr'ъ предпочтение следует отдать первому. Куда запутаннее ситуация *těxurъ/*těxur'ъ. В этом случае нужно привлечь дополнительные аргументы.

В первую очередь следует учитывать данные письменных памятников. Так, выполненный в Болгарии и сохранившийся в восточнославянских списках перевод Диалогов Псевдо-Кесария предоставляет в наше распоряжение форму **ꙁлъчнаго мѣхыра** (Св. Сильвестра и преп.

Таблица 20

Сравнение некоторых слов со смешением *-r*-суффиксов

	dъxorъ	dъxurъ	piskorъ	piskurъ	sněgyrʹъ	sněgurъ	kostyrʹъ	kosturъ	měxyrʹъ	měxurъ
болг.					+			+	+	+
мак.								+		+
схр.	+		+					+	+	+
слвн.	+	+	+	+		+	+	+	+	+
чеш.	+		+						+	+
слвц.	+		+	+				+	+	+
в.-луж.	+		+							
н.-луж.	+		+							
пол.	+		+					+	+	+
бел.	+			+	+			+	+	
укр.	+			+	+	+	+	+	+	+
рус.	+				+		+	+	+	

Антония вопросы и ответы; РГБ, МДА Ф.173/I № 156, л. 199об; XV в.)[3]. Сербские церковнославянские рукописи (Номоканон XVI в.; Минея Михановича, XVI в.) также дают форму **мѣхꙋрь** [Miklosich 1: 393]. В старопольских текстах (XVI в.) представлены формы *miechierz*, *mechierz*, *miecherz*, *męchierz*, *mecherz*, *męcherz*, *męchyrz* [SPXVI 13: 403], отражающие польские переход *ir* / *yr* > *er* (ср. *perz* ‘пырей’) и восходящие к *měxuгъ. Старорусские памятники (XVII–XVIII вв.) также дают нам форму *михирь* ‘мужской половой орган’ [СлРЯ XI–XVII 9: 131]. То же в украинском памятнике XVII в. – *мѣхирѣ* (pl.) ‘пузыри’ [СУМ XVI–XVII 18: 263].

Кроме того, следует обратить внимание на продуктивность суффиксов: формы с менее продуктивным суффиксом будут вытесняться формами с более продуктивным.

В болгарском суффикс *-ур* проявляет некоторую продуктивность, в отличие от *-ир*, который практически не встречается: *бо́жи* ‘божий’ > *божу́р* ‘пион’; диал. *буте́я* ~ *боте́я* ‘буйно расти’ > диал. *буту́р* ‘мыт (болезнь лошадей)’, *боту́р* ‘пень, ствол’ [БЕР 1: 92, 93, 70]; *кост* ‘кость’ > *ко́стур* ‘окунь’; *жълт* ‘жёлтый’ > *жълту́р* ‘монголоид’ (пейор.); *močiti ‘мочить’ > *мочу́р* ‘трясина, болото’; *сладък* ‘сладкий’ > *сладу́р* ‘душечка’; *подлизу́р* ‘подлиза’.

[3] Рукопись доступна по адресу: https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173i-156.

В сербохорватском *-ur* также более продуктивен, чем *-ir*. Ср. примеры на *-ur* (частично пересекающиеся с болгарским): *bȍtūr* ‘рогоз’; *bòžūr* ‘пион’; *jéza* ‘озноб’ > *jèžūr* ‘id’; *kôst* ‘кость’ > *kȍstūr* ‘скелет’; *kotiti sę ‘катиться’ > *kȍtūr* ‘круг’; *tȁšt* ‘худой’ > *štûr* ‘id’; *táma* ‘тьма’ > *tmûr* ‘тёмный’. И лишь следующие примеры на *-ir*: *kòsīr* ~ *kòsijēr* ‘большой садовый нож’; *vòdīr* ~ *vòdijēr* ‘сосуд для воды’.

В словенском наблюдаются производные с обоими суффиксами, при этом *-ur* носит более экспрессивный характер: *božúr* ‘пион’; *čȅp* ‘затычка, втулка’ > диал. *čepúr* ‘футляр для точила косы’; *káča* ‘змея’ > *kačúr* ‘змеища’; *leskáti* ‘щёлкать’ > *leščúr* ‘моллюск Pinna nobilis’; *Nȇmec* ‘немец’ > *nemčúr* ‘сторонник германизации’; *plášč* ‘плащ, пальто’ > *plaščúr* ~ *plȃščar* ‘бродяга’. Дериваты с *-ir*: *drobīti* ‘дробить’ > *drobír* ‘осколки’; *hûd* ‘плохой’ > *hudír* ‘чёрт’; *kósa* ‘коса’ > *kosír* ‘тип ножа’; *kûrba* ‘meretrix’ > *kurbír* ‘развратник’; *ósa* ‘оса’ > диал. *osír* осиное гнездо; *skovīkati* ‘ухать’ > *skovír* ‘сыч’; *sóva* ‘сова’ > *sovír* ‘самец совы’; *vóda* ‘вода’ > диал. *vodír* ~ *vodȇr* ‘футляр для точила косы’. Как было отмечено выше, в словенском есть случаи экспансии *-ur*. При этом в словенских говорах присутствует как *mehir*, так и *mehur* [SLA 1/54]. Первое преимущественно на севере, второе преимущественно на юге (см. рис. 9). Если брать словенский ареал не изолированно, а вместе

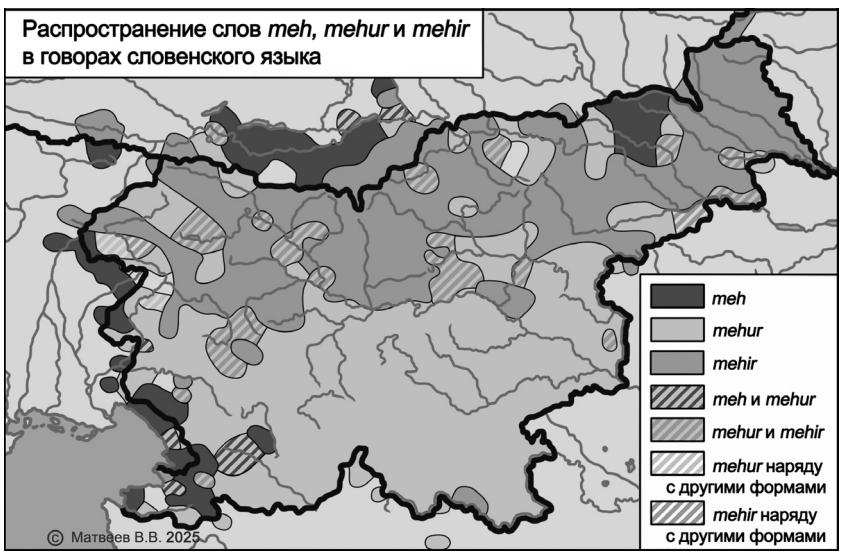

Рис. 9. Конкуренция *mehir* / *mehur* / *meh* в словенских говорах

с прочими южнославянскими языками, *mehir* на севере производит впечатление архаизма, сохранившегося на периферии.

В украинском также известен ряд образований на *-ур*. Помимо вышеупомянутых *ко́стур* ‘клюка; костыль’, *ка́чур* ‘селезень’, это диал. *жа́бур* ‘кладофора (водоросли)’, *ло́бур* ‘лоботряс’, *пічку́р* лежебока. Однако суффикс *-ир* также продуктивен: *гузи́* ‘зад’ > *гузи́р* ‘комель’[4]; *пузи́р* ‘пузырь’; *пусти́р* ‘пустырь’; *пухи́р* ‘пузырь’. При этом есть украинские диалектные формы, указывающие на *mĕхуг’ь: полесск. *м’іх’ір*, *мих’ір*, *мух’ір* ‘мочевой пузырь’ [Аркушин 1: 315; Куриленко 2004: 97] и лемк. *мі́хир* ‘кисет для табака’ [Дуда 2011: 162].

Бел. диал. *мыхі́р* ‘плавательный пузырь; мочевой пузырь’ также восходит к *mĕхуг’ь [ЭСБМ 7: 154].

В литературном словацком не столь много слов с суффиксом *-úr*[5]: *kocúr* ‘кот’, диал. ‘id’, *Nemčúr* ‘немчура’, *pazúr* ‘коготь’, *pinďúr* ‘коротышка; penis’, *visúr* ‘висюлька’. Однако в говорах этот суффикс весьма продуктивен: *dzivúr* ‘дикарь’ [SSN 1: 318]; *dráp* ‘коготь’ > *drapúr* ‘большой коготь’ [SSN 1: 381]; *hača* ‘жеребёнок’ > *hačúr* ‘жеребец-подросток’ [SSN 1: 530][6]; венг. *heves* ‘вспыльчивый, горячий, порывистый’ > *heveždžúr* ‘строптивый, упрямый человек‘ [SSN 1: 563]; *hvižďať* ‘свистеть’ > *hvižďúr* ‘понос’ [SSN 1: 648]; *jež* ‘ёж’ > *jendžúr* ‘id’ [SSN 1: 725]; *kandri* ‘кудри’ (полонизм) > *kandúr* ‘клуб пыли или дыма’ [SSN 1: 743]; *kaňa* ‘канюк’ > *kaňúr* ‘id’ [SSN 1: 745]; *kosť* ‘кость’ > *kostúr* ‘стойка для сушки сена; лохматый человек’ [SSN 1: 840]; *kvíkať* ‘визжать, пищать’ > *kvínkúr* ‘маленький ребёнок’ [SSN 1: 925]; *mačka* ‘кошка’ > *macúr* ‘кот’ [SSN 2: 105].

В чешских говорах в значении ‘высушенный свиной мочевой пузырь’ (чеш. литер. *měchuřina*) представлен ряд однокоренных обозначений. На большей части территории Богемии и в западной Моравии доминирует форма *mňechýř* (в пунктах 677, 755 – *mjechér*). В южной и юго-западной Богемии в основном записана форма *mňechuřina* (*mňekuřina* – 257, 503, 505; *mňechura* – 162; *mechura* – 162), выходящая и за пределы этого ареала. В небольшом островке на юге Богемии представлены также варианты *mňechařina* и *mňecheřina* [ČJA 1/126].

Польским говорам известна форма *miechur* (в значениях ‘мочевой пузырь’, ‘кисет’), однако, как показывают данные картотеки SGP, она

[4] Ср. однако южнославянские формы на *-ер* [ЭССЯ 7: 92].

[5] В отличие от разговорного чешского, где суффикс *-our* довольно продуктивен, см. [SAUČ 2016: 438–439].

[6] Об этимологии словацких слов, а также заимствованных из них укр. *га́чá* и *га́чу́р* см. [ЕСУМ 1: 483].

распространена или при границе со Словакией (Рогозьник, Хохолув, Чарны-Дунаец, Новотаргский повет; Зомб, Косцелиско, Татшаньский повет; Корбелюв, Живецкий повет), или Украиной (Тулигловы, Ярославский повет), или даже на территории современной Украины (Хута-Стара, Дулибы, в настоящее время Чортковский район). Таким образом, эти формы, возможно, являются результатом словацкого и украинского влияния. Показательно, что в подгальском говоре отмечена как форма *miechur* ‘мочевой пузырь’, так и *macherzyna* ‘id’ [Wrześniowski 2006: 204, 203]. То же в соседнем оравском говоре: *miechur* ‘кисет из заячьей шкуры или мошонки барана’, *macharina* ~ *macharzina* ~ *macherzina* ~ *machyrzina* ‘мочевой пузырь свиньи; кисет’ [Kąś 1: 571, 552].

В силезских говорах отмечены формы *maxežyna*, *maxežina*, *maxažyna*, *mˈaxaŕina* [AJŚ 4: 630], восходящие к *mĕxuŗ’ъ.

Таким образом, *mĕxuŗъ на первый взгляд располагает лучшим распределением и шире представлен в современных литературных языках, чем *mĕxuŗ’ъ, однако данные памятников и значительно большая продуктивность *-uŗъ в сравнении с *-uŗ’ъ ставят древность *mĕxuŗъ под вопрос.

Безусловно, формы на *-uŗ’ъ можно попытаться объяснить влиянием инновационных обозначений мочевого пузыря – рус. *пузы́рь*, пол. *pęcherz* и так далее. Однако это не работает в случае южнославянских языков, где такие обозначения не представлены. Кроме того, континуанты *mĕxuŗ’ъ в целом древнее и шире представлены, так что если и предполагать такое влияние, то скорее в обратную сторону: не на *mĕxuŗ’ъ, а со стороны *mĕxuŗ’ъ на инновационные названия.

Отдельно следует обговорить также словенское диалектное *meh* ‘мочевой пузырь’ (с фонетическими вариантами), представленное двумя ареалами, вытянувшимися вдоль северной и западной границ страны [SLA 1/54] (см. рис. 9), а также укр. диал. *м’іх* ‘мочевой пузырь’ [Куриленко 2004: 97]. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с переносом значения деривата на производящее слово (см. подробнее раздел IV.2.4).

XIX.2. Инновационные названия

XIX.2.1. Дериваты на -уг’ъ

В западно- и восточнославянских языках присутствуют образования от *puxnǫti ‘пухнуть’: пол. *pęcherz* (со вторичной назализацией) ‘пузырь; мочевой пузырь’, н.-луж. *puchoŕ* ‘id’, в.-луж. *pucher* ‘id’, чеш.

puchýř ‘волдырь’, чеш. диал. *puchýř* ‘высушенный свиной мочевой пузырь’, *pucheřina* ‘id’, *pukeřina* ‘id’, *pachařina* ‘id’ [ČJA 1/126], слвц. *puchor* ‘птичий желудок’, укр. *пухи́р* ‘пузырь, волдырь’ и бел. *пухі́р* ‘id’. В русских говорах записаны следующие формы: тул. *пуха́рь* ‘личинка – паразит насекомого, которая присасывается к стенке заднего прохода лошади’ и *пуха́рь* ‘мозоль или опухоль от ожога’ (Измаил) [СРНГ 33: 161]. Второе, скорее всего, украинизм, а первое может быть новым образованием от *пу́хнуть*.

Касательно рус. *пузы́рь*, бел. *пузы́р*, укр. *пузи́р* ‘пузырь’ (укр. диал. *пуˈзир*, *пуˈзер*, *пузˈу̱ир*, *пуˈз’ір*, *пуˈз’ур* ‘мочевой пузырь’ [Куриленко 2004: 97]) существуют два предположения: а) независимая от *puxуг’ь деривация от слова *пу́зо*; б) видоизменение *puxуг’ь под народно-этимологическим влиянием слова *пу́зо* [Фасмер 3: 403].

Однако мы бы не исключали и третьего варианта, с которым мы сталкивались выше в разделе IV.3.3.2, а именно образования от разных основ при помощи одного и того же суффикса синонимичных дериватов, причём семантика слова во многом определяется суффиксом, а не корнем. Помимо *měxуг’ь, *puxуг’ь и *пузы́рь* в рамках русского языка можно назвать *пупы́рь*, *волды́рь*, *булды́рь* ‘волдырь, нарыв, опухоль; нездоровое место на теле; мочевой пузырь животного’ [СРНГ 3: 270], *куты́рь* ‘желудок; желудок животного, птицы; желудок и кишки рыбы; рыбий плавательный пузырь; мочевой пузырь животного’ [СРНГ 16: 177], возможно, из *ку́тница* ‘прямая кишка’ (см. раздел XVIII.4)[7].

В белорусских говорах в значении ‘волдырь на коже’ представлены как *пухі́р*, так и *пузы́р*, причём создаётся впечатление, что *пузы́р* – это инновация, распространяющаяся с востока на запад [ЛАБНГ 3/82].

[7] В [ЭССЯ 13:141] *куты́рь* рассматривается как дериват от *kutiti, однако это сделано в рамках чрезвычайно хаотичной словарной статьи, пытающейся объединить ряд неродственных славянских слов. Так, болгарское *кутре́* ‘мизинец’ связывается с русским *куты́рь* через промежуточное звено в виде *куты́рка* ‘сустав на пальцах рук’ из словаря Элиасова, полного фальсификаций [Аникин 2015]. Элиасов, видимо, модифицировал фрагмент из словаря Даля: *кутырка* ‘в мере пяденью, перекинутые два последние сустава указательного или среднего пальца, перекувырка’. Однако это слово является производным от *кутыряться* ‘кувыркаться’ (при измерении пядью кисть как бы кувыркается, опираясь на конец указательного пальца). Болгарское же слово объясняется как перенос с *кутре́* ‘щенок’ [БЕР 3: 160]. Методологически неприемлема этимология В. Ушинскене, выводящая *куты́рь* из *kut- < п.-и.-е. *keu-t-/*kou-t- ‘гнутое, выпуклое’ [Ушинскене 2013: 61], поскольку автором не показана правомерность такой реконструкции ни для праславянского, ни для праиндоевропейского.

В значении ‘пузырь на воде’ *пухíр* отмечено только в одном пункте (20), а *пузы́р* отмечено преимущественно на востоке и севере страны [ЛАБНГ 2/31]. Как обозначение плавательного пузыря рыбы почти повсеместно доминирует форма *пузы́р*, а *пухíр* представлено только в нескольких пунктах (50, 59, 100, 111) [ЛАБНГ 1/326][8].

Таким образом, мы полагаем, что слово *пузы́рь* было образовано от *пузó*, однако не независимо от *пухи́рь*, а по его образу и подобию, и активно вытесняет свой образец в говорах и литературных языках.

Параллельный процесс произошёл в верхнелужицком языке, где обнаруживается слово *puzor* ‘пузырь на воде’.

XIX.2.2. Прочие обозначения

Перенос названий с других частей тела встречается сравнительно редко. Можно назвать следующие случаи: рус. новосиб. *разбóр* ‘пояснница’ > ‘мочевой пузырь’ [СРНГ 33: 268]; рус. новосиб. *требухá* ‘мочевой пузырь животного, который после обработки вставлялся в окна’ [СРНГ 45: 20]; рус. диал. *náюс* с переносом ‘паюс’ > ‘плавательный пузырь’, ‘мочевой пузырь’ [СРНГ 25: 309]; рус. диал. *пу́здря* ‘мошонка животного’ > ‘мочевой пузырь животного’ [СРНГ 33: 113–114].

Имеются обозначения, связанные с непосредственной физиологической функцией мочевого пузыря: в.-луж. *močiса* ‘мочевой пузырь’; рус. диал. *мочеви́на* ‘мочевой пузырь (у скота)’ [СРНГ 18: 317]. Укр. диал. *ˈпос’ух*, *ˈпоц’ух*, *ˈпос’ік*, *сц’ух*, *сциˈкун*, *сц’іˈкун* [Куриленко 2004: 97], рус. диал. *сся́ку́н* [СРНГ 40: 338] – дериваты от *sьcati ‘mingere’. Болг. диал. *пикáл’ник* ‘свиной мочевой пузырь’ [Керемидчиева, Василева 2022: 189] от *пúкам* ‘mingō’.

В словенских говорах представлены дериваты от глагола *prdę́ti* ‘pedere’: *pərtc* (SLA 069), *pə̀rtc*, *pə̀rc*, *pə̀rdc* (090), *pə̂rdec* (104), *pərdə̀x* (071), *pə́rdəx* (073), *pərdə̀x* (077), *pə̀rdix* (161) [SLA 1/54]. От того же корня образовано болг. диал. *пърдýхал’* ‘мочевой пузырь свиньи’ [Горов 1962: 133].

Слвн. диал. *bûbȁc* (SLA 123) образовано от *bȍb* ‘боб’ [SLA 1/54]. В основу деривации, видимо, легло внешнее сходство надутого мочевого пузыря животного с бобом.

Чеш. диал. *buben* демонстрирует дрейф ‘барабан’ > ‘высушенный свиной мочевой пузырь’ [ČJA 1/126].

[8] В пунктах 22 и 50 представлены полонизмы – *панхíр* и *паўхíр* соответственно.

Рус. твер. *папу́к* ‘мочевой пузырь; о ребёнке с животом, раздувшимся от большого количества выпитой жидкости’ [СРНГ 25: 209][9] М. Фасмер считал производным с приставкой *па-* от *пук* [Фасмер 3: 202]. Поскольку *пук* в русских говорах обозначает и другие округлые предметы, ‘поплавок, сделанный, связанный из рогожи или пучка травы’, ‘мяч из коровьей шерсти’, ‘выпуклая средняя часть бочки’ [СРНГ 33: 117–118], эта версия вполне обоснована. Когнатом русского слова является чеш. диал. *pouk* ‘высушенный свиной мочевой пузырь’ [ČJA 1/126].

Лексикографической ошибкой можно считать приписывание значения ‘мочевой пузырь’ русскому диалектном слову *утóрник* с контекстом «у дедушки уторник слаб» при том, что обычно данное слово означает ‘инструмент для вырезки пазов (уторов) в деревянной обручной посуде; нижняя часть внутренней стороны деревянной обручной посуды, в которой укрепляется дно’ [СРНГ 48: 191]. Поскольку существует выражение *на утóры* (*утóрах*) *слаб* (*слабый*) / *утóрами слаб* ‘о человеке, страдающем недержанием мочи’ при *утóр* ‘место соединения дна и стенки деревянной обручной посуды и т. д.’ [СРНГ 48: 188–189] можно говорить об эвфемистическом употреблении слова *утóрник*, то есть человека с недержанием в данном случае просто сравнивают с протекающей бочкой. Из этого, конечно, не следует, что *утóрник* является обозначением мочевого пузыря.

XIX.2.3. Заимствованные названия

Серб. *бѐшика* ‘мочевой пузырь’ (в диалектах представлены различные фонетические и морфологические варианты) заимствовано из рум. *băşică* ‘пузырь; волдырь’ (< лат. *vēsīca* ‘мочевой пузырь; волдырь’) [Skok 1: 141–142; EPCJ 3: 210]. Македонское диалектное *бишу́га* ‘волдырь’ [Пеев 2: 24], вероятно, является сербизмом, ср. серб. диал. *бѐшуга* [EPCJ 3: 210].

Лужицкое диалектное *bl'oza* (пункт AJŚ 1) [AJŚ 4: 630] заимствовано из нем. *Blase* ‘(мочевой) пузырь’. К тому же источнику, только в диалектной фонетике, восходит слвн. диал. *plǫ̑zn̥* (пункт SLA 019) [SLA 1/54].

Словенские диалектные формы *plû̯ątər* (SLA 004), *plǫ̑tər* (006), *plǫ́tər* (070) заимствованы из нем. диал. *plåter* ‘(мочевой) пузырь’ [SLA 1.2: 144].

Слвн. диал. *bù:fula* (063) заимствовано из фриульского *bufule* ‘(мочевой) пузырь’ [SLA 1.2: 144].

---

[9] Возможно, от этого слова не следует отделять перм. *папу́г* ‘живот; желудок’ [СРНГ 25: 209], где конечное *-г* могло быть записано гиперкорректно.

XX. ТЕСТИКУЛЫ

XX.1. Праславянское название тестикул

По всей видимости, праиндоевропейским названием мужских яичек было *$h_3$orǵ-[1], сохранившееся в хетт. *arki-* ‘тестикула’, авест. *ərəzi* ‘тестикулы’, др.-греч. ὄρχις ‘тестикула’, арм. *orjik‘* ‘тестикулы’, алб. *herdhe* ‘id’, ср.-ирл. *uirge* ‘тестикула’, др.-сканд. *argr* ‘трусливый’, лит. *aržùs*, *eržùs* ‘горячий; похотливый; пылкий; сладострастный’ [Kloekhorst 2008: 203; Matasović 2009: 300; Beekes, van Beek 2: 1116; Kroonen 2013: 34]. Предполагается, что это слово могло отразиться во второй части праслав. *kъrnorzъ ‘кабан’ [ЭССЯ 13: 233–235], а также в рус. *ёрзать*, бел. *ёрзаць*. Однако для *ёрзать* сложно постулировать праформу, которая могла бы быть выведена из *$h_3$orǵ-, кроме того, ограниченная география этого слова вообще заставляет сомневаться в его праславянской древности. Вполне возможно, это балтизм, связанный с вышеупомянутым литовским *eržùs* [ЭСБМ 3: 188].

Основным праславянским названием тестикул является без сомнения *mǫdó, чаще всего использовавшееся в двойственном числе (*mǫdě). Его прямыми потомками являются болг. *мъ́дó*, схр. *múdo*, слвн. *mọ̑do*, чеш. *moudí* (n.), в.-луж., н.-луж. *mud*, полаб. *mọ̑də* (du.) [SEJDP 3: 407], рус. *мудé* и т. д., см. [ЭССЯ 20: 123–124].

Было предложено большое количество потенциальных внешних родственников этого слова:

а) лат. *mendāx* ‘лживый, обманчивый’, *mendīcus* ‘нищий’ и дальше из п.-и.-е. *mend- ‘телесный изъян’ [Holub, Kopečný 1952: 231]. Далее эти латинские слова связываются с лат. *mendum* ‘физический недостаток, неправильность; ошибка, промах, погрешность’. В настоящее время этот корень разными авторами реконструируется как *mond-, *m(e)nd$^{(h)}$-o- или *men-d^{h}h_1u- (возможно, композит *men- ‘думать’ и

[1] Детали реконструкции в разных работах отличаются: *$h_4$órǵ^{h}is [Adams, Mallory 2006: 184], *h_3rǵ^{h}-o, *$h_3$órǵ^{h}-ei [Kloekhorst 2008: 203], *$h_1$orǵ^{h}i- [Matasović 2009: 300].

*d^{h}eh$_1$- ‘класть’[2]) и связывается с др.-ирл. *mennar* ‘изъян’, *mind* ‘знак’, ср.-валл. *mann* ‘место’; хетт. *mant-* ‘нечто злое’, лид. *mẽtli* ‘нечто плохое’ (значения анатолийских слов точно неизвестны), лик. *mẽte-* ‘вред’ [Kloekhorst 2008: 555; de Vaan 2008: 372; Matasović 2009: 264]. С семантической точки зрения сопоставление этого гнезда с праслав. *mǫdo довольно проблематично, обычно названия тестикул не связаны с изъянами и недостатками;

б) лат. *mentula* ‘membrum virile’ [Machek 1968: 376; ЭСБМ 7: 83]. Невозможно фонетически;

в) лат. *mūtō* ‘membrum virile’ [Machek 1968: 376; ЭСБМ 7: 83]. Невозможно фонетически. М. де Ван выводит латинское слово из п.-и.-е. *mHú-to- ‘силач’ [de Vaan 2008: 398];

г) лат. *mundus* ‘чистый, опрятный; изящный, элегантный’ [Bańkowski 2: 157]. Маловероятно семантически, а в случае, если латинское слово восходит к *mudn- [de Vaan 2008: 394], то и фонетически;

д) др.-греч. μήδεα, μέζεα ‘мужские половые органы’ [Johansson 1903: 334; Machek 1968: 376]. Для праславянского это означало бы необходимость постулировать носовой инфикс. Греческое слово в связи с колебаниями вокализма и консонантизма может являться субстратным заимствованием [Beekes, van Beek 2: 941];

е) санскр. *máṇḍalaḥ* ‘круглый’ [Uhlenbeck 1898/1899: 211; Mayrhofer 2: 294]. Ретрофлексный кластер *-ṇḍ-* указывает на заимствованное происхождение этого слова, хотя Т. Барроу считал, что ретрофлексные (в том числе в слове *máṇḍalaḥ*) могли спонтанно возникать из зубных [Burrow 1971: 543–544]. Мы, однако, полагаем, что методологически правильно отдавать предпочтение тем этимологиям, которые не требуют постулирования нестандартных фонетических изменений;

ж) санскр. *mándati* ‘радует, опьяняет’, *mádati* ‘веселится, пьянеет’ [Matzenauer 1884: 174]. Однако *mándati* считается вторичным (переосмысление перфектной основы с удвоением *ma-md-) по отношению к *mádati* [Mayrhofer 3: 580], с которым славянское слово сложно связывать уже чисто фонетически. В семантическом отношении эта этимология также оставляет желать лучшего;

з) д.-в.-н. *menden* ‘радоваться’ с параллелью в виде нем. *Geile* ‘семенник собаки’ из *geil* ‘похотливый’ [Matzenauer 1884: 174]. Однако современная германистика рассматривает д.-в.-н. *menden* и его родст-

[2] В семантическом отношении гипотеза о словосложении, мягко говоря, небезупречна, не говоря уже о том, что сложение этих же корней постулируется в случае других, семантически более подходящих образований, см. пункт з) ниже.

венников как континуанты прагерм. *mandi̯e/a- и далее как сложение п.-и.-е. *men- ‘думать’ и *d^{h}eh$_{1}$- ‘класть’ и когнаты праслав. *mǫdrъ ‘мудрый’ [EWA 6: 297–299], о котором подробнее см. ниже;

и) п.-и.-е. *meu̯- / *mou̯- ‘набухать’ (гипотеза Х. Петерссона) [Skok 2: 476]. Современная индоевропеистика, однако, такого корня уже не восстанавливает;

к) п.-и.-е. *man- ‘мужчина’ с суффиксом *-do как в *bьrdo, *čędo, *stado [Трубачёв 3: 63]. Спустя 15 лет после Трубачёва и, видимо, независимо от него Б. Чоп сравнил прауральское *muna ‘яйцо; тестикула’ с п.-и.-е. *man- ‘тестикула’ или ‘пенис’, реконструируемым на основании санскр. *mánuḥ* ‘человек’, гот. *manna* ‘мужчина, человек’, праслав. *mǫžь ‘мужчина’ и *mǫdo ‘тестикула’. Чоп также рассматривал возможность, что *mǫdo могло быть композитом со второй частью *d^{h}o- ‘класть’ и исходно имело значение ‘мошонка’ [Čop 1974: 36–38]. Ещё позже эта этимология в третий раз независимо была выдвинута В. Э. Орлом, считавшим, что п.-и.-е. *mon- или *man- означало ‘человек’ (> праслав. ‘мужчина’), а праслав. *-dъ (Орёл совершенно необоснованно исходит из формы мужского рода *mǫdъ) – или суффикс, или глагольный корень *d^{h}ē- ‘делать’ (*d^{h}eh$_{1}$- в современной реконструкции). Таким образом, праслав. *mǫd-, по мнению Орла, этимологически означало ‘делающий мужчиной’ [Orel 1996];

л) непосредственно праностр. *muña ‘яйцо’, в отличие от версии Чопа, без привлечения санскритского, германского и славянского обозначения человека/мужчины [Иллич-Свитыч 2: 72–73]. Эта же версия обнаруживается в словаре А. Глухака с реконструкцией праностратического слова в виде *muñ(d)ʌ [Gluhak 1993: 428]. Серьёзной проблемой для этой этимологии является то, что у *mǫdo нет надёжных когнатов за пределами славянских языков, то есть при выведении из праностратического обозначения яйца это слово должно было бы быть архаизмом, не сохранившимся в других индоевропейских языках;

м) П. Скок сравнивал *mǫdo с рум. *mânz* ‘жеребёнок’, алб. *mëz* ‘id’, ит. *manzo* ‘бычок; молодая говядина’ и нем. *Mann*, выводя все эти слова из доиндоевропейского субстрата [Skok 2: 476]. Немецкое слово, однако, вряд ли связано с романскими и албанским (см. пункт к), а субстратные заимствования праславянский разделяет скорее с прабалтийским и прагерманским, чем с албанским и романскими языками.

Попыток найти родственников *mǫdo внутри славянской группы языков сравнительно немного. Одна версия связывает это слово с *mǫdrъ ‘мудрый’ [Jakobson 1971: 635; Топоров 3-1: 99]. В. Э. Орёл в

качестве параллели приводил лат. *testis* ‘свидетель’ ~ *testiculus* ‘тестикула’ [Orel 2: 715], хотя ранее он же критиковал эту этимологию, указывая на восточнославянский дериват от *mǫdo – *мудáк*, связанный скорее с глупостью, нежели мудростью [Orel 1996: 155]. Впрочем, неверны как латинская параллель, так и апелляция к слову *мудак*. Переход ‘свидетель’ > ‘тестикула’ в латыни вряд ли может обосновывать связь между мудростью и тестикулами, если учесть, что речь, вероятно, идёт о (первоначально шуточной) персонификации части мужского репродуктивного аппарата, ср. шуточное употребление др.-греч. παραστάτης ‘сосед по строю; товарищ’ в значении ‘тестикула’ [Adams 1982: 67]. Восточнославянское же *мудáк* образовано от глагола *muditi ‘медлить’ [ЭСБМ 7: 79]. Что касается непосредственно связи *mǫdrъ и *mǫdo, она кажется маловероятной как формально, так и семантически. От прилагательного *mǫdrъ слово *mǫdo образовано быть не может, это требовало бы отбрасывания суффикса при деривации. Производящий глагол *mend^{h}h$_1$- (*men- ‘думать’ и *d^{h}eh$_1$- ‘класть’) в праславянском не сохранился и исходное его значение совершенно не обязательно было связано с мудростью, а не с какой-либо умственной активностью, ср. др.-греч. μανθάνω ‘учусь, замечаю, понимаю’, алб. *mund* ‘могу’, валл. *mynnu* ‘хотеть’, гот. *mundōn* ‘наблюдать’, лтш. *most* ‘разбудить’ [ESJS 8: 497]. В плане значения следует указать на то, что для славянских языков в целом не характерно связывание тестикул с мудростью или умственной активностью, см. ниже.

Кроме того, Х. Петерссон предлагал сопоставления с рус. диал. *мóня* ‘брюхо; желудок’ и чеш. *muňka* ‘брюшко’ [Фасмер 2: 670]. Однако оба этих слова проблематичны. Что касается чешского *muňka*, уже О. Гуйер в рецензии на работы Петерссона указывал на то, что в диалектах ему присущ широкий спектр значений, которые при этимологизировании непременно надо учитывать: ‘крыжовник; клоп; ушная раковина; куриный клещ; бородавки у овец на шее; вошь’ [Hujer 1919: 117]. Русское диалектное слово выглядит изолированным и поздним. В. Ушинскене предполагает, что оно может иметь тюркское происхождение, однако не указывает конкретного источника [Ушинскене 2013: 64]. Возможно, оно восходит к уменьшительному имени собственному *Мóня*, ср. пол. диал. *maćek* ‘желудок животного’ (< *Maciek* ‘Матвей’), *michał* ‘кадык’ (см. раздел XVII.3.2) или является вариантом слова *мамóня* ‘живот, брюхо’ [СРНГ 17: 352], и никак не связано с *mǫdo.

Как мы видим, в этимологической литературе *mǫdo удостоилось множества сопоставлений, к сожалению, преимущественно га-

дательных. На наш взгляд, наиболее правдоподобной является версия О. Н. Трубачёва, исходящая из п.-и.-е. корня *mon- ‘мужчина’. Хотя суффикс *-do в праславянском образовывал преимущественно девербативы (*-čęti > *čędo, *čuti > *čudo, *stati > *stado), существует пример слова *gowędo, где *-do, предположительно, выступает в роли расширителя атематической основы (см. также раздел XVII.1.2). Сам корень *mon- сохранился в праславянском в слове *mǫžь ‘мужчина’. Семантически деривация названия тестикулы от слова ‘мужчина’ выглядит привлекательно и имеет типологические параллели, ср. праурал. *koj(e)ra ‘самец’ > венг. *here* ‘тестикула’ [Rédei 1988: 168–169].

Ещё одним потенциальным кандидатом на роль праславянского обозначения тестикулы является *šulo, реконструируемое В. Борысем [Boryś 1999: 51; Boryś 2020: 24] на основе схр. чак. *šūjȁ* (n. pl.) ‘мошонка’ [Dulčić, Dulčić 1985: 685], каш. *šuląta* (n. pl.) ‘большие тестикулы, грыжа в мошонке’ [SEK 5: 121], рус. диал. *шуле́* ‘задняя часть человеческого тела’ [Миртов 1929: 370], *шуло́*, *шульно́*, *шулы́* (pl.), *шуля́* (pl.), *шуля́та* (pl.) ‘тестикулы’ [Даль 4: 1482], бел. диал. *шуля́ты* ‘тестикулы’ [Носович 1870: 719]. Сюда следует добавить также чеш. *šulín* ‘мужской половой орган’, рус. диал. *шу́льни* (pl.) наряду с *шуля́ты* (pl.) ‘семенники у самцов’ [ЯОС 10: 81–82], а также *шулнятка* в «Житии протопопа Аввакума»[3].

Уже Ф. Миклошич сравнивал русское и белорусское слова с схр. *šúljevi* (m. pl.) ‘геморрой’ [Miklosich 1886: 344]. Последнее может быть родственно *šûlj* ‘чурбан, колода’, но скорее связано с ономатопеическим глаголом *šúljati se* в значении ‘чесать’ [ERHJ 2: 441].

А. Г. Преображенский предложил сопоставление с рус. диал. *шулякú* ‘коржи’ [Преображенский 3: 110–111], что, вероятно, является заимствованием из укр. *шули́ки* ‘коржи (политые растёртым подслащённым маком)’ [ЕСУМ 6: 487–488].

В. Борысь сравнивал интересующее нас слово с чак. и кайк. *šûljak* ‘клубок шерсти’, чеш. диал. *šul’*, *šulek* ‘маленький круглый камень; узел’, укр. диал. *шули́к*, *шуля́к* ‘капуста, не сформировавшая кочана’, бел. диал. *шуля́к* ‘мягкий кочан капусты’ [Boryś 1999: 51].

Попытку В. И. Супруна добавить к сопоставлению чешское *šourek* ‘мошонка’ (самим Супруном ошибочно глоссированное как ‘тестику-

[3] И мои дѣтки, егда скорбели во младенчествѣ грыжною жъ болѣзнию, и я маслом помажу св[я]щ[е]нным с м[о]л[и]твою презвитерскою чювъства вся и, на руку масла положа, вытру скорбящему спину и шулнятка [НКРЯ].

лы’) [Супрун 2017: 267] следует отбросить как безосновательно предполагающее чередование *r*/*l*.

Выдвигались предположения о родстве этого слова с лит. *kūlỹs* ‘сноп’, санскр. *khōlakaḥ* ‘муравейник’, *śūnáḥ* ‘опухший, раздувшийся’, арм. *xoyl* ‘опухоль железы, шеи’, *soil* ‘пещера’, лат. *cōleus* ‘мошонка; яичко’, др.-сканд. *haull* ‘грыжа’. Все эти сопоставления были отвергнуты М. Фасмером как недостоверные [Фасмер 4: 486], в чём с ним сложно не согласиться.

Наиболее перспективными выглядят идеи Преображенского и Борыся. Следует учесть, что для континуантов корня *šul- известно множество значений, связанных с круглыми предметами. Помимо ‘кочан капусты’ это также ‘шишка’, ‘шишкообразное водное растение’, ‘пустой жёлудь’, ‘лесной орех без ядра’, ‘засохший плод’, ‘засохшая слива’, ‘дикие бобы, фасоль’, ‘сорт картофеля’, ‘маленький круглый камень’, ‘сучок, узелок’, ‘катышек из теста, грязи’, ‘продолговатые клёцки из картофельного теста’, ‘шарики (гемерское блюдо)’ и т. д. [Осипова 1994][4]. По всей вероятности, перенос на тестикулы происходил с каких-то из этих обозначений, причём выдвинутая Борысем реконструкция *šulo на самом деле произвольна, обозначения тестикул с корнем *šul- не сводятся к единому архетипу, что заставляет подозревать здесь поздние и независимые друг от друга семантические сдвиги.

XX.2. Инновационные названия

XX.2.1. Перенос с других частей тела

В праславянском языке слово *jьsto[5] было основным обозначением почки[6]. Однако уже в старославянском оно обозначало и тестику-

[4] Более старыми являются, вероятно, значения ‘пень’, ‘колода’, ‘столб’, с переносом значения ‘стебель (с утолщением)’ > ‘утолщение (нечто округлое)’. Наличие схр. и слвн. *šûlj* ‘чурбан, колода’ не позволяет считать все эти формы заимствованиями из д.-в.-н. *sūl* ‘столб’ и лит. *šùlas* ‘колода (дерева); столб’. Более вероятно родство славянского и литовского слов, а также греческого ξύλον ‘пень, столб, бревно, полено, дубина’, либо же связь праслав. *šul- с глаголом *sowati ‘совать’ [Осипова 1994].

[5] Ф. Славский восстанавливал также параллельную форму *ěsto на основании гапакса **ѥстѣсѣ** из Изборника 1073 г. [SP 6: 156–157]. Учитывая, что в этой же рукописи представлено и более распространённое **исто**, а также лёгкость, с которой можно перепутать **и** и **ѥ**, наиболее простым объяснением является всё же ошибка писца.

[6] Тот факт, что сдвиг ‘почка’ > ‘тестикула’, по всей видимости, является уже послепраславянским, является серьёзным аргументом против этимологической связи *jьsto и *jьstina (см. разбор этой версии в [Журавлёв 2016: 256–258]).

лы. Это видно по глоссе из Синайской псалтыри: ἔτι δὲ καὶ ἕως νυκτὸς ἐπαίδευσάν με οἱ νεφροί μου – **пакъı же и до ноштı показа мıѧ ѫтрова моѣ** с глоссой **истесѣ лıѧдвеінѣи** [Gorazd] «даже и ночью учит меня внутренность моя» (Пс 15:7).

Поскольку автору глоссы понадобилось уточнить, что νεφροί = **истесѣ** именно **лıѧдвеінѣи**, то есть ‘поясничные’, становится понятно, что под **истесѣ** могло пониматься и нечто иное. Древнерусские памятники подтверждают наличие у **исто** полисемии ‘почка; тестикула’ [СДЯ 4: 174].

Стоит отметить, что когнат праславянского *jьsto, древнескандинавское *eista* также приобрёл значение ‘тестикула’.

Абсолютно аналогичный сдвиг значения наблюдается в сербохорватских говорах: *бубре́зи* ‘почки; тестикулы’ [Динић 2008: 49], также с цветовой дифференциацией[7]: *бе̏ли бубре́зи* ‘тестикулы животных, используемые для приготовления блюд’ [Стојановић 2010: 57].

Основанием для переноса, вероятно, служило внешнее сходство почек и тестикул некоторых животных, которое нашло отражение в сербохорватском обороте *продавати муда под бубреге* ‘втюхивать кому-либо что-либо’ (дословно ‘продавать тестикулы вместо почек’).

Сдвиг ‘почка’ > ‘тестикула’ встречается и за пределами славянских языков. Среди примеров можно назвать д.-в.-н. *nioro* ‘почка; тестикула’ [EWA 6: 964–967], др.-греч. νεφρός ‘почка; тестикула (как эвфемизм)’ [Liddel, Scott 1996: 1172]. Возможен и обратный перенос, как в случае фин. *muna* ‘яйцо (куриное); тестикула’ > *munuainen* ‘почка’.

Есть случаи переноса названия с соседних частей тела. В первую очередь следует назвать схр. диал. *мо̀шње* (f. pl. t.) со сдвигом ‘мошонка’ > ‘тестикулы’ [Ћупић, Ћупић 1997: 234]. То же в случае польского устаревшего *moszenki* (f. pl.) [Wysocka 1994: 26]. Аналогичный пример – *жи̏вот* ‘тестикулы, мошонка’ у васоевичей (Черногория) [Стијовић 2014: 143][8]. По-видимому, сербским влиянием объясняется значение ‘тестикула’ у банатского болгарского *жувóт* [Стойков 1968: 80].

Возможно, сюда также примыкает слово *тъгáрко* ‘тестикула; женская грудь’ из болгарского тайного говора каменщиков. Это слово заимствовано из новогреческого ταγάρι ‘сумка’, которое, в свою очередь, пришло из турецкого *dağar*, *tağar* ‘кожаная сумка; глиняный сосуд’ [БЕР 7: 749]. Соматическое значение является собственно бол-

[7] Подробнее об этом явлении см. в разделе XII.4.

[8] К сожалению, оба приводимых в словаре контекста не позволяют понять, служит ли это слово обозначением тестикул отдельно от мошонки.

гарской инновацией, поэтому мы рассматриваем данное слово здесь, а не в разделе «Заимствования» ниже. Промежуточным звеном между ‘сумка’ и ‘тестикула’, вероятно, было ‘мошонка’.

Русское архангельское *петýх* ‘тестикула’ [СРНГ 26: 332] может являться примером переноса ‘мужской половой член’ > ‘тестикула’, однако отсутствие контекста в словаре не позволяет проверить, не возникло ли при записи этого слова путаницы, и не ограничивается ли его семантика обозначением только самого органа.

В торлакских говорах записаны формы *пелевéзи* (m. pl. t.) [Динић 2008: 563] и *патлавéзи* (m. pl.) [Јовановић 2004: 529]. Возможно, имеет смысл отталкиваться от изначального *петловез, продолжающего сложение вида *pětьlowęzъ от *pětьlъ ‘петух’ (в данном случае в значении ‘мужской половой орган’) и *węzati ‘вязать’, в таком случае этимологическое значение *петловез было бы ‘то, что привязано, прикреплено к мужскому половому органу’.

В старорусских памятниках у слова *лоно* засвидетельствованы следующие значения: ‘половые органы; матка, материнское чрево, лоно; яички как части мужских половых органов, заключённые в полость (мошонку); чрево вообще, проход из чрева; внутренность чего-либо, полость, пазуха; (перен.) владение, право или возможность распоряжаться чем-либо; грудь’ [СлРЯ XI–XVII 8: 281]. Форма **лонѣ** в значении ‘тестикулы’ обнаруживается и в сербском изводе церковнославянского: **Моужь нѣкоѡтори имѣ ѻ҃ве лонѣ своѥ҆ сѣлѡ҃ ѿтекше** (Пролог за сентябрь-декабрь, Национальная и университетская библиотека в Любляне, собрание Копитара, 18. Cod. Kop. 19[9], 1594 г., л. 191). Вероятнее всего, семантические сдвиги шли следующим путём: ‘матка’ > ‘женские половые органы’ > ‘половые органы вообще’ > ‘тестикулы’. Значение ‘яичко у человека и млекопитающих, мошонка’ даётся также для ст.-укр. *луно* в работе Тимченко [Тимченко 2002: 410], хотя из примеров не вполне очевидно, что определение было дано верно. Однако наличие такого значения у *луно́* подтверждается Белецким-Носенко – ‘шулята у животных млекопитающих’ [Білецький-Носенко 1966: 213]. Кроме того, близкие значения представлены у *лу́но́* в русских говорах – ‘нижняя часть живота; лобок; мошонка; половой орган жеребцов; половой орган животных’ [СРНГ 17: 196].

Для белорусских говоров записано *яли́ты* ‘яйца у самца животных’ [Носович 2: 727]. Исходно для белорусского *елито* / *елето* /

[9] Рукопись доступна по адресу https://kopitarjevazbirka.nuk.uni-lj.si/ImageBrowser.asp?Kodeks=18&Slika=1.

ялито было характерно значение ‘кишка’ [ГСБМ 9: 202], которое, вероятнее всего, следует восстанавливать и для праславянского *elito (см. раздел XVIII.2). Однако, поскольку материал Носовича не подтверждается более новыми словарями, сложно установить, каким мог бы быть семантический сдвиг в данном случае.

Ст.-рус. *ѧ́тра* ‘тестикулы’ (Евангелие учительное, РГБ, ф. 98 № 80, Псков, XVI в.) [Зализняк 2019: 522], позднее записанное как *я́тра* ‘ядра, яйца, шулята’ [Даль 4: 1587] и *я́тра* ‘яйца’ (ставропольское) [Водарский 1912: 406], возможно, пережило сдвиг ‘печень’ > ‘внутренности’ > ‘почки’ > ‘тестикулы’. Но нельзя исключать и вторичного влияния со стороны слова *ядра* (см. ниже)[10].

Нижнелужицкое *deno* (< праслав. *dьno ‘дно’) ‘говяжий желудок; живот человека (пейор.)’ у Хойнана записано также в значении ‘яичко собаки’ [Schuster-Šewc 3: 148].

Македонское диалектное (Велес) *мле́кци* ‘тестикулы заколотого барана’ [БЕР 4: 176] было перенесено с обозначения молок рыбы, ср. мак. литер. *млекца* (n. pl.) ‘молоки’, которое является дериватом от *млеко* ‘молоко’.

XX.2.2. Перенос с круглых предметов

Одними из самых распространённых в славянском мире обозначений тестикул являются континуанты *aje ‘яйцо’ (часто в диминутивных формах). Стоит назвать хотя бы болг. *яйцé*; болг. диал. *йайчé* [Стойков 1968: 101]; мак. разг. *јајце* и диал. (с фонетическими вариантами) [Дрвошанов 2005: 107]; схр. *јáје*, *јáјce*; слвн. *jájce*; чеш. диал. *vajco*[11] [Bělič 1954: 136]; слвц. *vajce*; пол. *jajo*; бел. *яйцó*; укр. *яйцé*, *яéчко*; рус. *яйцо*, *яичко*.

Аналогичный сдвиг можно наблюдать в случае схр. диал. *полóг* ‘яйцо, которое постоянно находится в гнезде, чтобы куры неслись именно там; гнездо, в котором несутся куры’ > ‘тестикула’ [Динић 2008: 606]. Ещё один пример – польское диалектное *białe raki* ‘куриные яйца’ (шутливо)[12] > ‘тестикулы’ [Karłowicz 1: 75]. Сюда же отно-

[10] Попытка фонетического объяснения со ссылкой на *drozdъ и *dřězga / *třeska [SP 6: 104] неубедительна.

[11] Литературное чешское *vejce* используется в этом значении, однако крайне редко.

[12] Обозначение, вероятно, обыгрывает тот факт, что съедобная часть яйца находится в скорлупе подобно раку в панцире.

сится русское просторечное *ко́ки* (pl.) от диал. *ко́ка* или *ко́ко* ‘куриное яйцо’, происходящее из «детской речи» [Фасмер 2: 281].

Такой перенос широко распространён в языках мира, ср. нем. *Ei* ‘яйцо; тестикула’, фин. *muna* ‘id’, тур. *yumurta* ‘id’.

Повторяемость переноса по модели ‘(куриное) яйцо’ > ‘тестикула’ заставляет усомниться в принципиальной решаемости вопроса о том, могло ли слово *aje обозначать тестикулы уже в праславянском. С одной стороны, его континуанты в этом значении известны почти во всём славянском мире, с другой – это может быть результатом поздних и независимых изменений.

Имеются примеры переноса ‘шар’ > ‘тестикула’. Таковы случаи чеш. разг. *koule*, *kulka* и пол. разг. *kula*, *kulka*, пол. диал. *gała*, *gałka* [Karłowicz 2: 50], а также собственно русского просторечного *шар* (особенно в составе выражения *шары подкатывать* ‘проявлять к женщине сексуальный интерес’). В польских говорах отмечено тавтологическое сложение *kulimądy* [Karłowicz 2: 520].

Болг. *мо́пка* (простореч. и диал.) [БЕР 7: 122], а также мак. диал. *топка* [Дрвошанов 2005: 107] демонстрируют сдвиг ‘мяч’ > ‘тестикула’[13]. В качестве полной параллели служат английское *ball* и итальянское *palla* ‘мяч’ > ‘тестикула’.

В польских говорах известен сдвиг ‘пузырь’ > ‘тестикула’ > ‘половой член’ у слова *bąbelek* [SGP 3: 455].

В южнославянских языках встречаются примеры переноса на тестикулы различных названий сортов слив и груш: болг. диал. *синьофка* ‘сорт синей сливы’ > *си́нюфка* ‘тестикула’ [БЕР 6: 677], схр. диал. *карама́нац* ‘сорт сладкой, сочной груши’ > ‘тестикула’ [Динић 2008: 326], *ме́павац* ‘сорт груши’ > ‘тестикула’ [Динић 2008: 808].

Сюда же примыкают польское подгальское *jagody* ‘ягоды’ > ‘тестикулы’ [Dembowski 1894: 361], пол. *frukta* ‘фрукты’ > ‘тестикулы’ [SGP 23: 632] и русское просторечное *помидо́ры*.

Сдвиг ‘ядро (ореха)’ > ‘тестикула’ можно наблюдать у континуантов *ędro в польском, верхнелужицком и восточнославянских языках. Помимо польского *jądro* ‘тестикула’ это древнерусское ꙗдро в том числе в памятниках южнославянского происхождения (Изборник 1073 г.) [Срезневский 3: 1640], бел. диал. *ядро́* ‘ядро ореха; яичко (животного, человека)’ [ТС 5: 360], *ядра* ‘яички самца’ [Шатэрнік 1929: 316], а

[13] В конечном счёте мы имеем дело с турцизмом (тур. *top* ‘мяч’), однако сам семантический сдвиг, похоже, осуществился уже на славянской почве.

также укр. устар. *ядро́* ‘тестикула’ [Грінченко 2: 1046]. Слово *я́дра* ‘(в животном) ятра, шулята в мошонке’ у Даля приводится без локализации [Даль 4: 1563] и не подтверждается более поздними диалектными словарями. Не исключено, что восточнославянские диалектные формы объясняются польским влиянием. Верхнелужицкое *jadro* ‘ядро; тестикула’ во втором значении фигурирует только в словаре Пфуля [Pfuhl 1866: 229], так что, возможно, его тоже следует признать полонизмом.

Есть близкие примеры переноса ‘зерно’ > ‘тестикула’: болг. диал. *зърно* [БЕР 1: 669], схр. диал. *зр̏но* [Петровић, Ћелић, Капустина 2013: 149].

В качестве частичной аналогии к вышеприведённым славянским примерам можно привести итальянское *marrone* ‘каштан’ > ‘тестикула’ и английское *nut* ‘орех’ > ‘тестикула’ (английское обозначение было скалькировано в польский в виде *orzeszek*).

Среди прочих случаев переноса названия с круглых объектов можно назвать болг. *макара́* ‘катушка, клубок’ > ‘тестикула’ (исходно это слово – турцизм, но семантический сдвиг является собственно болгарским), схр. диал. *кијáнац* ‘железный шар на безмене’ > ‘тестикула’ [Стојановић 2010: 363], схр. диал. *тȉtra* ‘голыш (камень)’ > ‘тестикула (шуточно)’ [Skok 3: 475].

Сложно сказать, какое значение было отправным в случае пол. диал. *buła*, *bułka* ‘тестикула’, поскольку эти слова обозначают целый ряд круглых и прочих объектов: *buła* ‘булка (аугм.); буханка хлеба; выпуклость на выпечке; утолщение, нарост на дереве; шишка на голове; вздутие, отёк; увеличившаяся в результате болезни железа; нарост на теле животного; грыжа; горб; выпуклость; тестикула, большая тестикула; пенис; глыба, ком; круглый корень, клубень; сбившаяся в кучу стая; гриб-трутовик, трюфель белый, трюфель съедобный; толкушка для картофеля; бубны (масть в картах); дуговая лампа в шахте; человек с различными физическими или психическими недостатками’ [SGP 7: 97–98]; *bułka* ‘булка (и некоторые разновидности этой выпечки); буханка хлеба; выпечка из остатков хлебного теста; кусок сырого теста, отложенный при предыдущем приготовлении выпечки и добавляемый в новое тесто для ускорения поднятия; глыба, комок; сбившаяся в кучу стая; утолщение нити на катушке прялки; сгорбленная спина; нарост на растении; тестикула; цветочная почка; мелкий круглый фрукт; конский кал’ [SGP 7: 102–104].

XX.2.3. Связь с деторождением

В контексте деторождения следует вспомнить о пол. устар. (XVIII в.) *rodniki* ‘тестикулы животного’ [Wysocka 1994: 62–63], ср. также пол. диал. *rodnica* ‘детородные органы коровы’ [Karłowicz 5: 29].

Пол. диал. *huki* ‘тестикулы хряка; яичники свиньи; железы’ [SGP 32: 110] является дериватом от первоначально звукоподражательного глагола *hukać* в значении ‘проявлять половое влечение (о свинье)’ [SGP 32: 112], от которого также *huk* в значении ‘хряк’ и ‘течка у свиньи’ [SGP 32: 110].

XX.2.4. Перенос с названий частей одежды

Перенос названий частей одежды и обуви на части тела, к которым они прилегают, встречается довольно часто. Нам удалось найти такие примеры и в случае тестикул.

Первый – ст.-пол. *podołek* ‘подол, нижняя часть одежды’ > ‘нижняя часть живота; гениталии; [лобковые волосы]; [яичко]’[14] [SPXVI 26: 29]. Позднее фиксируется также в форме *padołek* [Giedroyć 2: 3].

Ещё один случай – рус. диал. *гнездо́* ‘полоса ткани, вшиваемая в переднюю часть штанов, ширинка; задняя часть штанов, покрывающая ягодицы; передняя часть штанов (где семенники); семенники у мужчины’ [ЯОС 3: 82]. Вероятно, изначально часть штанов получила своё название как шутливое обозначение того места, где лежат мужские яички, а затем уже был осуществлён перенос на сами тестикулы.

XX.2.5. Звукосимволические обозначения

В случае таких обозначений, как русское просторечное *бубенцы́*, *колоко́льчики*, *висю́льки* а также болг. разг. *камба́ни* (дословно ‘колокола’) [БЕР 7: 817], вероятно, обыгрывается «подвешенность» тестикул на семенных канатиках. Возможно, с этим фактом связаны некоторые названия предположительно ономатопеического происхождения. В первую очередь это болг. *тарата́нец*, диалектно также *тарта́нец* и *тарату́нец*. Предположительно, изначально эти формы могли значить ‘погремушка’ или ‘колокольчик’ [БЕР 7: 817][15].

---

[14] Авторы словаря по непонятным причинам ограничились выделением только первых двух значений, однако примеры отчётливо демонстрируют также третье и четвёртое.

[15] Есть и альтернативное объяснение, выводящее эти формы из турецкого причастия *tartan* ‘взвешивающий’. В таком случае промежуточным звеном могло бы

В русских ярославских говорах обнаруживаются фонетически схожие формы – *тараны́* (pl.) ‘семенники у мужчин’ [ЯОС 9: 97] и яросл., псков., твер. *тананы́* (pl.) ‘мужские половые органы’ [ЯОС 9: 97; СРНГ 43: 261]. Можно предположить, что они связаны с такими словами как яросл. *тарана́* ‘тот, кто любит поговорить’ [СРНГ 43: 276] и псков., твер., калуж., ряз., тул. *тананы́кать* ‘тихо, невнятно, про себя напевать, мурлыкать; петь неразборчиво, тихо, себе под нос’ [СРНГ 43: 261].

XX.2.6. Прочие обозначения

Болгарское устаревшее *шаба́ри* (pl.), засвидетельствованное у П. Р. Славейкова [РРОДД 1974: 571], на наш взгляд, может быть связано с *шава́р* ‘камыш, рогоз’, возможно, на основании сходства продолговатых початков рогоза с половым членом, то есть можно было бы предложить перенос ‘рогоз’ > ‘пенис’ > ‘тестикула’. Само слово *шава́р* не имеет надёжной этимологии, конкурируют германская, тюркская и венгерская версии [ЕСУМ 6: 485].

Македонское диалектное *погани меса*, *поган'и-меса* [Дрвошанов 2005: 107], вероятно, относится к тестикулам животных, рассматриваемым как второсортная пища, ср. вышеупомянутый сербохорватский оборот *продавати муда под бубрег*е.

Совершенно особняком стоит мак. диал. *себ'j'äси*, которое, по мнению Дрвошанова, восходит к рефлексивному местоимению [Дрвошанов 2005: 107], то есть, соответствует мак. литер. *себе си*. Поскольку такая внутренняя форма для названий тестикул довольно необычна, а контекстом мы не располагаем, нельзя исключать, что речь идёт об ошибке собирателя.

Нет хорошей этимологии у чеш. *varle*. В. Махек полагал, что это заимствование из польского *warchlę* ‘поросёнок, молодой вепрь’ [Machek 1968: 677], однако как в фонетическом, так и в семантическом отношении эта версия сталкивается с определёнными трудностями. Мы со своей стороны можем осторожно предположить возможность родства с чешскими диалектными лексемами *varkule*, *varhule* ‘сливовый кнедлик’, *varmula* ‘дурак’, заимствованными из немецкого диалектного *Wargel*, обозначающего различные круглые предметы [Janko 1922]. Как было показано выше, перенос на тестикулы названий круглых

быть обозначение грузика безмена [БЕР 7: 817]. Однако в свете вариаций фонетического облика этого слова звукоподражательная версия кажется более вероятной.

предметов чрезвычайно распространён, так что сдвиг ‘кнедлик’ > ‘тестикула’ вполне соответствует этой модели.

Русское воронежское *ахихи́* ‘семенники у барана’ [СРНГ 1: 297] А. Ф. Журавлёв сопоставляет с вологодским *охохо́нюшки* ‘женские груди’ [СРНГ 25: 49], считая оба слова эвфемизмами (письменное сообщение, 24.02.2026).

XX.2.7. Кальки и заимствования

В среднепольской литературе встречаются обороты *świadek natury męskiej* или *świadek mężczykości* [Giedroyć 2: 377], калькирующие латинское *testis* ‘свидетель; яичко’ и одновременно содержащие в себе народно-этимологическое объяснение полисемии латинского слова.

В свою очередь в древнерусских памятниках можно встретить **близньца** (du. t.) [СДЯ 1: 231], кальку с греческого δίδυμοι ‘близнецы; тестикулы’. Это же слово в виде *didymi* и с дословным переводом – *bliźnięta* – попало и в польскую медицинскую литературу [Wysocka 1994: 82].

Такие формы как болг. *машáк* ‘тестикула’ (простореч.) и *тъшáк*, *тъшéк*, *тъшя́к* (диал.) ‘id’ [БЕР 8: 584], мак. *машак* ‘id’ (простореч.), в говорах также *машáк* ‘id’ [Дрвошанов 2005: 107], схр. диал. *tàšak* ‘баранья тестикула’ [Skok 3: 446] заимствованы из тур. *taşak* ‘тестикула’.

Неясна этимология схр. диал. *бо̑нте* (f. pl.) ‘тестикулы’ [Стијовић 2014: 43]. Можно осторожно предположить, что оно связано с албанским *bon* ‘совокупляется (о животных)’.

Древнечешское *nárok* заимствовано из д.-в.-н. *nioro* ‘почка; тестикула’ [Machek 1968: 390].

Нижнелужицкое *snjeło* ‘тестикула’ (только у Хойнана) взято из немецкого *Schnalle* ‘пряжка; половой орган самки (собак, волков, лис)’ [Schuster-Šewc 18: 1329].

Русское олонецкое *калкачи́* ‘тестикулы’, а также ‘мошонка’ [СРНГ 12: 362] заимствовано из карельского *kalkku* с тем же значением [Фасмер 2: 169; Мызников 2019: 232].

XXI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге рассмотрен ряд праславянских соматизмов (ударение указано там, где акцентуация восстанавливается сравнительно надёжно): *plь̑tь (f.) ‘мягкие ткани тела’, *čel̂nъ ‘сустав’, *ustа́ (n. pl.) ‘рот’, *gъtъ ‘морда животного’, *ęzýkъ ‘язык’, *dęsnа́ ‘десна’, *zǫ̑bъ ‘зуб’, *perdьnъ(jь) zǫbъ ‘резец’, *kъlъ ‘клык’, *černowъ(jь) zǫbъ ‘коренной зуб’, *kǫtьnъ(jь) zǫbъ ‘зуб мудрости’, *nȅbo ‘нёбо’, *mồzgъ ‘мозг’, *želzа́ ‘(воспалённый) лимфоузел’, *sь̑rdьce ‘сердце’, *pľuťe ‘лёгкое’, *ętrȍ ‘печень’, *jьsto ‘почка’, *selzenа́ ‘селезёнка’, *želǫdъkъ ‘желудок’, *slězъ ‘сычуг’, *elito ‘кишка’, *měxyґъ ‘мочевой пузырь’, *mǫdȍ ‘тестикула’.

Ряд обозначений, рассмотренных в книге, реконструируется без особых сложностей. Сюда относятся слова *usta ‘рот’, *ęzykъ ‘язык’, *zǫbъ ‘зуб’, *kъlъ ‘клык’, *nebo ‘нёбо’, *sьrdьce ‘сердце’, *ętro ‘печень’. Большинство из них унаследовано праславянским из праиндоевропейского, но только *ęzykъ ‘язык’ (< *dn̥ǵʰuh₂) и *sьrdьce ‘сердце (< *ḱerd) сохранили старое значение. Три слова демонстрируют дрейф семантики: *usta ‘губы’ > ‘рот’, *zǫbъ ‘зубы в совокупности (?)’ > ‘зуб’, *ętro ‘внутренности’ > ‘печень’. В одном случае семантика была расширена: *nebo ‘небо’ > ‘небо; нёбо’. Наконец, *kъlъ ‘клык’ – собственно праславянский девербатив от *kolti ‘колоть’.

Реконструкция ряда праславянских соматизмов сталкивается с формальными проблемами. Для названия лёгких необходимо объяснить вариативность между *pľuťe и *pluťe в славянских языках. По всей вероятности, форма *pľuťe древнее, а *pluťe объясняется диссимиляцией палатальных *l’–t’* > *l–t’* или влиянием производящего глагола *pluti.

Название селезёнки восстанавливается различными исследователями в более чем десятке вариантов: *selzena, *spelzena, *solzena, *sьlezena, *selezenь, *selzenь, *selzen’a, *selzina, *sl̂zena, *selzenȍ, *selzӓ. На наш взгляд, для позднего праславянского обоснованна только реконструкция *selzena, а остальные представляют собой архаизацию (*spelzena) или перенос на праязыковую почву поздних явлений отдельных языков или диалектов.

Аналогичным образом из всего разнообразия реконструкций названия десны: *dęsna, *dęsno, *dęsnь, *dęslo, *jasno, *jasna, *dǫslo, *dǫsna, *dę̌sьni, на наш взгляд, достоверно праславянской формой является только *dęsna.

В случае обозначений желудка и мочевого пузыря мы сталкиваемся с разными суффиксальными производными: *želǫdьkъ ~ *želǫdьcь и *mě̆xyr'ь ~ *mě̆xurъ соответственно. Предположительно, древнéе формы *želǫdьkъ и *mě̆xyr'ь, а послепраславянские варианты *želǫdьcь и *mě̆xurъ возникли как результат мены суффиксов.

Для части праславянских соматизмов сложно восстановить точную семантику. Сюда относятся *plъtь 'мягкие ткани тела', *čelnъ 'состав', *gъtъ 'морда животного', *černowъ(jь) zǫbъ 'коренной зуб', *kǫtьnъ(jь) zǫbъ 'зуб мудрости', *želza '(воспалённый) лимфоузел', *jьsto 'почка', *elito 'кишка'.

Многие соматизмы проблематичны в этимологическом отношении. В настоящей работе приняты или поддержаны следующие решения:

а) *plъtь 'мягкие ткани тела' образовано от п.-и.-е. *pleu̯- 'плыть' и первоначально оно могло обозначать плавающую корку, корочку, например, на поверхности болота или молока;

б) *čelnъ 'состав' в праславянском входило в число дериватов на *-nu- и, скорее всего, образовано от глагольного корня *$k^{w}elh_{1}$- 'вращаться';

в) *gъtъ 'морда животного' является собственно праславянским дериватом от *ryti 'рыть', построенным по образцу модели *plyti 'плыть' : *plъtъ 'плот';

г) коллокация *černowъ(jь) zǫbъ 'коренной зуб' образована от *černъ 'рукоятка (инструмента)', и этимологическим значением этой коллокации было 'основной зуб';

д) для слова *mozgъ 'мозг' предпочтительна традиционная этимология, связывающая его с большим количеством внешних родственников: лит. *smẽgenys*, лит. диал. *smãgenys* 'мозг; костный мозг; десна', лтш. *smadzenes* 'id', прус. *musgeno 'костный мозг', санскр. *majján*- 'костный мозг', авест. *mazga*- 'головной мозг; костный мозг', прагерм. *mazga- 'костный мозг', пракельт. *mezga- 'сыворотка'. Прочие версии нами рассматриваются как сомнительные;

е) *želza '(воспалённый) лимфоузел' родственно лит. *gẽležuonys*, *gẽležuonės*, *gẽležūnes* 'мыт (у лошадей)' и арм. *geljk'* 'железы'. Как и в предыдущем случае, прочие версии сомнительны;

ж) *selzena ‘селезёнка’ продолжает праиндоевропейское обозначение этого органа. Объяснения требует утрата *-p-* в праславянском (т. е. *selzena вместо ожидаемого *spelzena). Латинское *liēn* позволяет думать, что такая утрата может быть довольно древним явлением. Наиболее вероятная причина исчезновения *-p-* – действие народной этимологии. Мы полагаем, что в качестве потенциальных кандидатов на роль слова, повлиявшего на *selzena, стоит рассмотривать *selǵ- ‘отпускать, посылать’ и *sel- ‘ускоряться, прыгать’;

з) *želǫdъkъ ‘желудок’ следует сопоставлять с др.-греч. χολάς ‘подбрюшье; кишки, внутренности’. Оба слова могут восходить к атематической основе с аблаутными чередованиями и расширенной суффиксом *-d-. Прочие этимологии неубедительны;

и) *elito ‘кишка’ может быть дериватом от п.-и.-е. *$h_3$el- ‘гнуть’ или *$h_2$el- ‘кормить’;

к) *mǫdo ‘тестикула’, вероятно, является дериватом от п.-и.-е. *mon- ‘мужчина’.

Некоторые праславянские слова (*dęsna, *želza, *mozgъ, *selzena) в отдельных славянских идиомах претерпели большое количество вторичных фонетических и морфологических преобразований, что подробно разобрано в настоящей книге.

Нами также была произведена попытка проанализировать принципы номинации некоторых частей тела, что важно не только для типологии, но и в ряде случаев для этимологии.

Названия суставов в славянских идиомах часто образованы от глаголов, соответствующих функции сустава (‘ставить, составлять’, ‘гнуть’, ‘скреплять’, ‘склепать, соединить’, ‘связать’, ‘спаять’). Реже встречаются переносы с существительных, связанные со сходством (‘клубок’, ‘ключ’) и функцией (‘стык’, ‘петля (двери)’, ‘способ соединения деревянных элементов’). Имеются случаи расширения значения (‘сустав’ < ‘щиколотка’, ‘колено’, ‘запястье’) и переноса с названий частей тела животного (‘место между позвонками, где отрезается голова животного при забое’, ‘большая кость животного без мяса’).

Обозначения рта, часто пейоративные, образуются от глаголов, в первую очередь речи (‘сказать’, ‘болтать’, ‘кричать’, ‘ругать’, ‘говорить необдуманно’), хотя и не обязательно (‘жевать’, ‘хлебать’, ‘плевать’, ‘наплакаться’, ‘хлопать’, ‘раскрывать’, ‘проткнуть’). Часты переносы названий с других частей тела, в том числе животных: ‘губа’, ‘зубы’, ‘челюсть’, ‘кадык’, ‘горло’, ‘живот’, ‘морда’, ‘пасть’, ‘клюв’,

‘жабры’. Встречаются метафорические переносы, включая весьма необычные: ‘сарай’, ‘станок для мятья льна’, ‘поддувало печи’, ‘верша’, ‘форма для запекания’, ‘яма’, ‘пространство между двумя рядками растений’, ‘конный ворот’, ‘задвижка дымохода’, ‘бутылка’.

Для дёсен более характерны метонимические переносы (‘клыки’, ‘коренные зубы’, ‘нёбо’, ‘челюсть’), чем метафорические (‘корона’).

Названия резца образуются от характерных глаголов (‘резать’, ‘рубить’, ‘грызть’, ‘прикусить’), переносятся с инструментов (‘тесло’, ‘лопата’) или функционируют как коллокации (‘передний зуб’, ‘мелкий зуб’).

Для клыка в большей степени характерны коллокации или универбаты на их основе (‘собачий зуб’, ‘ослиный зуб’, ‘свиной зуб’, ‘глазной зуб’, ‘передний зуб’, ‘средний зуб’, ‘угловой зуб’), реже представлены перенос с различных острых объектов (‘кол’, ‘охотничий нож’, ‘межевой камень’) или деривация от глаголов (‘колоть’, ‘резать’).

Среди обозначений коренных зубов также много коллокаций (‘жерновой зуб’, ‘корневатый зуб’, ‘пеньковый зуб’, ‘основной зуб’, ‘задний зуб’, ‘височный зуб’), но распространены и девербативы (от глаголов ‘жевать’, ‘разгрызть’, ‘растирать’, ‘молоть’) и переносы с существительных (‘табуретка’, ‘короткий брусок, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней’, ‘родитель’).

Для нёба характерны переносы с соседних частей тела (‘десна’, ‘челюсть’, ‘темя’), а также метафорические обозначения как верхней части рта (‘небо’, ‘потолок’, ‘купол’, ‘этаж’, ‘карниз’).

На почки переносятся названия круглых или продолговатых объектов (‘почка растения’, ‘выпечка круглой формы’, ‘клубок’, ‘точильный брусок’, ‘фасоль’, ‘стручок’), названия маленьких живых существ (‘человечки’, ‘мыши’, ‘рыбки’, ‘мотылёк’) и некоторые другие (‘селезёнка’, ‘жарко́е’, ‘половинка’), представлена также деривация от слов ‘поясница’, ‘округлый’, ‘замша’.

Довольно разнородны случаи семантических дрейфов и деривации названий в случае селезёнки: ‘толстая кишка’, ‘внутренности рыбы’, ‘ворона’, ‘коса’, ‘зима’, ‘болезнь селезёнки’, ‘селезёночник очереднолистный’, ‘колотить’, ‘защищать птенцов крыльями’.

На желудок переносятся названия соседних частей тела (‘живот’, ‘кишка’, ‘сердце’, ‘толстая кишка’, ‘требуха’, ‘рубец (отдел желудка жвачного)’). Часть обозначений соотносится с пищей, как в связи с функцией желудка, так и в связи со съедобностью его самого: ‘еда’, ‘корм для скота’, ‘колбасное изделие в желудке’, ‘холодец’.

Названия кишок в значительной степени перекликаются с обозначениями желудка: ‘внутренности’, ‘желудок’, ‘колбаса’, ‘колбасное изделие в кишке’, ‘корм для скота’. Названия прямой кишки демонстрируют перенос с ‘дно’, ‘ствол’, ‘ворсинки на кишечнике’, а также деривацию от ‘culus’ и ‘cacare’.

Для обозначений мочевого пузыря характерны: перенос с других соматизмов (‘поясница’, ‘требуха’, ‘паюс’), деривация или перенос по сходству (‘мешок’, ‘боб’, ‘пучок’, ‘барабан’), а также деривация по функции (‘моча’, ‘пухнуть’, ‘mingere’, ‘pedere’).

Для обозначений тестикул характерен в первую очередь перенос с обозначений других круглых предметов (‘почка’, ‘яйцо’, ‘шар’, ‘мяч’, ‘пузырь’, ‘сорт сливы’, ‘сорт груши’, ‘ягода’, ‘фрукт’, ‘помидор’, ‘ядро (ореха)’, ‘зерно’, ‘клубок’, ‘железный шар на безмене’, ‘голыш (камень)’), в меньшей мере с соседних частей тела (‘мошонка’, ‘мужской половой член’), названий частей одежды (‘нижняя часть одежды’, ‘передняя часть штанов’) или отглагольная деривация (‘рожать’, ‘проявлять половое влечение (о свинье)’).

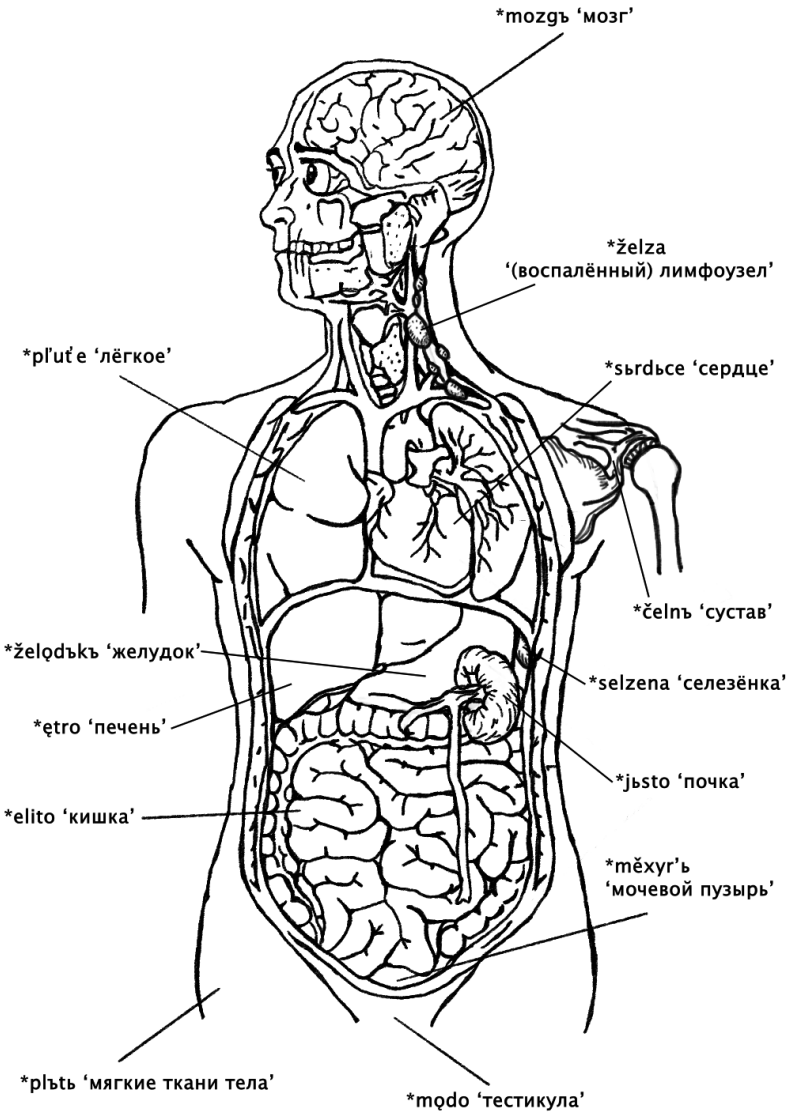

Рис. 10. Праславянские обозначения внутренних органов

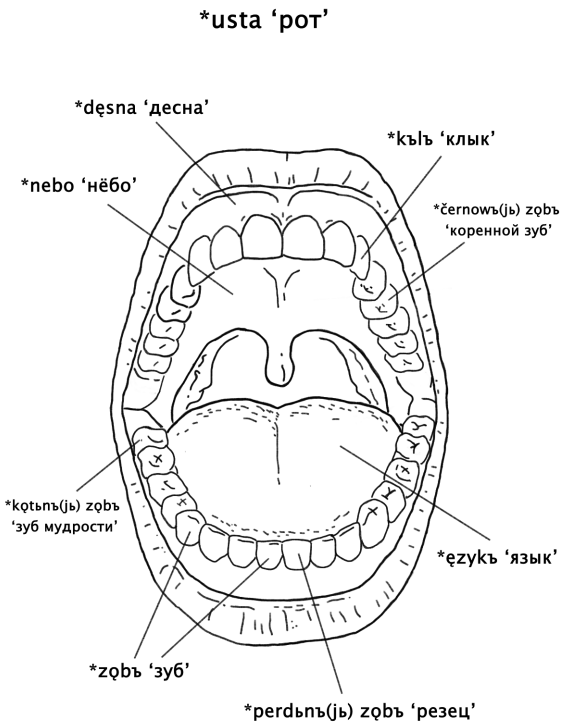

Рис. 11. Праславянские обозначения частей рта

Таблица 21

Праславянские соматизмы, описанные в [Саенко 2022а] и в настоящей работе, а также их семантические эквиваленты в литературных славянских языках (в упрощённом виде)[1]

	праслав.	болг.	мак.	схр.	слвн.	чеш.	слвц.
1	*tělo ‘тело’	*тя́ло*	*тело*; *снага*	*t(ij)ềlo*	*telǫ̑*	*tělo*	*telo*
2	*plъtь ‘мягкие ткани’	*плът*	*плот*	–	–	–	–
3	*čelnъ ‘сустав’	*ста́ва*	*зглоб*	*zglȍb*	*sklȅp*	*kloub*	*kĺb*; *zhyb*
4	*usta ‘рот’	*уста́*	*уста*	*ústa*	*ústa*	*ústa*	*ústa*
5	*zǫbъ ‘зуб’	*зъб*	*заб*	*zȗb*	*zǫ̑b*	*zub*	*zub*
6	*perdьnъ(jь) zǫbъ	*резе́ц*	*резец*; *секач*	*s(j)ekȕtić*; *prȅdnjāk*	*sekâlec*	*řezák*	*rezák*
7	*kъlъ ‘клык’	*ку́чешки зъб*	*кучешки заб*; *песјак*; *очник*	*ȍčnjāk*; *pȁsjāk*	*podǫ̑čnik*	*špičák*	*očný zub*
8	*černowъ(jь) zǫbъ ‘коренной зуб’	*кы́тник*	*катник*	*kûtnjāk*	*kǫ̑čnik*	*třenový zub*; *stolička*	*črenový zub*; *stolička*
9	*dęsna ‘десна’	*вене́ц*	*венци*	*dêsni*	*dlę̑sen*	*dáseň*	*ďasno*
10	*nebo ‘нёбо’	*небце́*	*непце*	*nèpce*	*nebǫ̑*	*patro*	*podnebie*
11	*ęzykъ ‘язык’	*ези́к*	*јазик*	*jèzik*	*jézik*	*jazyk*	*jazyk*
12	*mozgъ ‘мозг’	*мо́зък*	*мозок*	*mȍzak*	*možgâni*	*mozek*	*mozog*
13	*pьrsi ‘грудь’	*гърди́*	*гради*	*pr̋sa*	*pr̄si*	*prsa*; *hruď*	*prsia*; *hruď*
14	*grǫdь ‘грудина’	*гръ́дна кост*	*градна коска*	*prsna kôst*; *grudna kôst*	*pr̂snica*; *grǫ̑dnica*	*hrudní kost*	*hrudná kosť*

[1] В таблицу не включены слова *гътъ, *pyskъ, *želza, *korkъ. Также преимущественно не были включены коллокации вроде пол. *grzbiet stopy* или рус. *тазобедренный сустав*.

в.-луж.	н.-луж.	пол.	бел.	укр.	рус.	праслав.	
ćěło	*šěło*	*ciało*	*цéла*	*тíло*	*тéло*	*tělo ‘тело’	1
–	–	–	*плоць*	*плоть*	*плоть*	*plъtь ‘мягкие ‘ткани’	2
zhibadło; *zhibowadło*	*zgibadło*	*staw*	*сустáў*	*суглóб*	*сустáв*	*čelnъ ‘сустав’	3
huba	*guba*	*usta*	*рот*	*рот*	*рот*	*usta ‘рот’	4
zub	*zub*	*ząb*	*зуб*	*зуб*	*зуб*	*zǫbъ ‘зуб’	5
krajak	*prěžny zub*; *rězak*	*siekacz*	*разéц*	*різéць*	*резéц*	*perdьnъ(jь) zǫbъ	6
różkowy zub; *měznik*	*špicaŕ*	*kieł*	*ікóл*	*íкло*	*клык*	*kъlъ ‘клык’	7
čronowc, čronak; *mlějacy zub*, *mlějak*; *zadni zub*	*crjonak*; *mlejny zub*	*ząb trzonowy*	*карэ́нны зуб*; *кýтні зуб*	*кýтній зуб*	*коренно́й зуб*	*černowъ(jь) zǫbъ ‘коренной зуб’	8
dźasna	*źěsna*	*dziąsło*	*дзясна́*	*я́сна*	*десна́*	*dęsna ‘десна’	9
njebjeska	*njebjo*	*podniebienie*	*падня-бéнне*	*підне-бíння*	*нёбо*	*nebo ‘нёбо’	10
jazyk	*jězyk*	*język*	*языкъ*	*язúк*	*язык*	*ęzykъ ‘язык’	11
mozy	*mórzgi*	*mózg*	*мозг*	*мóзок*	*мозг*	*mozgъ ‘мозг’	12
hrudź	*gruź*	*pierś*	*грýдзі*	*грýди*	*грудь*	*pьrsi ‘грудь’	13
hrudźna kósć, *hrudźowka*	*gruźina kósć*	*mostek*	*грудзíна*	*грудúна*, *грудни́на*	*грудúна*	*grǫdь ‘грудина’	14

	праслав.	болг.	мак.	схр.	слвн.	чеш.	слвц.
15	*хгьbьtъ ‘спина’	*гръб*	*грб*	*léđa*	*hŕbet*	*záda*	*chrbát*
16	*pľuťe ‘лёгкое’	*бял дроб*	*бел дроб*	*plúće*	*pljúče*	*plíce*	*pľúca*
17	*sьrdьce ‘сердце’	*сърцé*	*срце*	*sr̋ce*	*srcę̂*	*srdce*	*srdce*
18	*ętro ‘печень’	*чéрен дроб*	*црн дроб*; *џигер*	*jẽtra*	*jętra*	*játra*	*pečeň*
19	*selzena ‘селезёнка’	*далáк*	*слезина*	*slezèna, slezìna*	*vránica*	*slezina*	*slezina*
20	*jьsto ‘почка’	*бъ́брек*	*бубрег*	*bùbreg*	*ledvíca*	*ledvina*	*oblička*
21	*želǫdъkъ ‘желудок’	*стомáх*	*желудник*; *стомак*	*žèludac*	*želǫ̑dec*	*žaludek*	*žalúdok*
22	*elito ‘кишка’	*чéрво*	*црево*	*cr(ij)évo*	*črevǫ̑*	*střevo*	*črevo*
23	*měхуг’ь ‘мочевой пузырь’	*пúкочен мехýр*	*мочен меур*	*mòkraćnī mjȅhūr*; *mòkraćna bèšika*	*sę̑čni mehúr*	*močový měchýř*	*močový mechúr*
24	*mǫdo ‘тестикула’	*мъ́дó*; *яйцé*	*јајце*; *ташак*; *маде*	*múdo*; *jáje*	*mǫ̑do*; *jájce*	*varle*; *koule*	*vajce*; *guľa*
25	*noga ‘нога’	*крак*	*нога*	*nòga*	*nóga*	*noha*	*noha*
26	*lapa ‘лапа’	*лáпа*	*шепа*	*šápa*	*šápa*	*tlapa*	*tlapa*
27	*kъlkъ ‘тазобедренный сустав’	–	*колк*	*kȕk*	*kǫ̑lk*	*kyčel*	*bedro*
28	*bedra ‘боковая поверхность таза’	*бедрó*; *кълка*; *бут*		*bèdro*; *stégno*	*bédro*; *stégno*	*stehno*	*stehno*
29	*stegno ‘бедро’		*бут*				
30	*kolěno ‘колено’	*коля́но*	*колено*	*kòl(j)eno*	*kolę́no*	*koleno*	*koleno*

в.-луж.	н.-луж.	пол.	бел.	укр.	рус.	праслав.	
chribjet	*kśebjat*	*plecy*	*спі́на*	*спи́на*	*спина́*	*хrъbьtъ ‘спина’	15
płuca (pl.)	*płuca lažke* (pl.)	*płuco*	*лёгкае*	*легéня*	*лёгкое*	*pľuťe ‘лёгкое’	16
wutroba	*wutšoba*	*serce*	*сэ́рца*	*сéрце*	*сéрдце*	*sьrdьce ‘сердце’	17
jatra	*jětša*	*wątroba*	*пе́чань*	*печі́нка*	*пе́чень*	*ętro ‘печень’	18
słozyna	*słozyna*	*śledziona*	*селязёнка*	*селезі́нка*	*селезёнка*	*selzena ‘селезёнка’	19
jěrcheń	*nerka*	*nerka*	*ны́рка*	*ни́рка*	*по́чка*	*jьsto ‘почка’	20
žołdk	*žołdk*	*żołądek*	*стра́ўнік*	*шлу́нок*	*желу́док*	*želǫdьkъ ‘желудок’	21
črjewo	*crjowo*	*jelito*; *kiszka*	*кі́шка*	*ки́шка*	*кишка́*	*elito ‘кишка’	22
pucher; *močica*	*puchoŕ*	*pęcherz moczowy*	*мачавы́ пузы́р*	*сечови́й міху́р*	*мочево́й пузы́рь*	*měхуг’ь ‘мочевой пузырь’	23
mudo	*jajo*	*jądro*	*яйцо́*	*яйце́*	*яйцо́*	*mǫdo ‘тестикула’	24
noha	*noga*	*noga*	*нага́*	*нога́*	*нога́*	*noga ‘нога’	25
paca; *pazora*	*capa*; *paca*	*łapa*	*ла́па*	*ла́па*	*ла́па*	*lapa ‘лапа’	26
–	–	–	–	–	–	*kъlkъ ‘тазобедренный сустав’	27
bjedro	*kłud*	*biodro*	*клуб*	*стегно́*	*бедро́*; *ля́жка*	*bedra ‘боковая поверхность таза’	28
nadkoleno; *śćehno*	*śćogno*	*udo*	*сцягно́*			*stegno ‘бедро’	29
koleno	*kóleno*	*kolano*	*кале́на*	*коліно*	*коле́но*	*kolěno ‘колено’	30

	праслав.	болг.	мак.	схр.	слвн.	чеш.	слвц.
31	*lystь, *lytъka ʻголень’	*пищя́л*	*потколе-ница*	*pòtko-l(j)enica*	*golẹ̑n*	*bérec*	*pred-kolenie*
32	*golěnь ʻпередняя часть голени’					*holeň*	*holeň*
33	*jьkro ʻикра’	*прасе́ц*	*лист*	*lîst*	*mẹ́ča*	*lýtko*	*lýtko*
34	*gleznъ ʻщиколотка’	*гле́зен*	*глужд*	*glẽžanj*	*glẹ́ženj*	*kotník*	*členok*
35	*stopa ʻстопа’	*стъпа́ло*; *ходи́ло*	*стапало*	*stòpalo*	*stopálo*	*chodidlo*	*chodidlo*
36	*kopyto ʻкопыто’	*копи́то*	*копито*	*kòpito*	*kopíto*	*kopyto*	*kopyto*
37	*plesno ʻподъём, верх стопы’	–	–	*rîst*	*nârt*	*nárt*	*priehla-vok*
38	*pęta ʻпятка’	*пета́*	*пета*	*péta*	*péta*	*pata*	*päta*

в.-луж.	н.-луж.	пол.	бел.	укр.	рус.	праслав.	
podkoleno	*spódna noga*	*goleń*; *podudzie*	*галёнка*	*гоми́лка*	*го́лень*	*lystь, *lytъka ʻголень’	31
						*golěnь ʻпередняя часть голени’	32
bristwo	*brjuško*	*łydka*	*лы́тка*	*ли́тка*	*икра́*	*jьkro ʻикра’	33
kulka	*glozonk*; *kóstka*	*kostka*	*шчы́калатка*	*щи́колотка*; *кі́сточка*	*щи́колотка*; *лоды́жка*	*gleznъ ʻщиколотка’	34
stopa	*stopa*	*stopa*	*ступня́*	*стопа́*; *ступня́*	*стопа́*; *ступня́*	*stopa ʻстопа’	35
kopyto	*kopyto*	*kopyto*	*капы́т*	*копи́то*	*копы́то*	*kopyto ʻкопыто’	36
narć	–	–	*пад’ём; усхо́д*	*підйо́м*	*подъём*	*plesno ʻподъём, верх стопы’	37
pěta	*pjata*	*pięta*	*пя́тка*	*п’ята́, п’я́тка*	*пя́тка*	*pęta ʻпятка’	38

Summary

The following Proto-Slavic somatisms are examined: *plъ̑tь (f.) ‘soft body tissue’, *čel̄nъ ‘joint’, *ustá (n. pl.) ‘mouth’, *rъ̑tъ ‘animal snout’, *ęzýkъ ‘tongue’, *dęsná ‘gum’, *zo̱bъ ‘tooth’, *perdьnъ(jь) zǫbъ ‘incisor’, *kъlъ ‘canine’, *černowъ(jь) zǫbъ ‘molar’, *kǫtьnъ(jь) zǫbъ ‘wisdom tooth’, *nëbo ‘palate’, *môzgъ ‘brain’, *želzá ‘(inflamed) lymph node’, *sə̂rdьce ‘heart’, *pľuťe ‘lung’, *ętró ‘liver’, *jьsto ‘kidney’, *selzená ‘spleen’, *želǫdьkъ ‘stomach’, *slězъ ‘abomasum’, *elito ‘intestine’, *měxyr’ъ ‘urinary bladder’, *mǫdó ‘testicle’.

Several of the designations examined in the book can be reconstructed without significant difficulty. These include *usta ‘mouth’, *ęzykъ ‘tongue’, *zǫbъ ‘tooth’, *kъlъ ‘canine’, *nebo ‘palate’, *sьrdьce ‘heart’, and *ętro ‘liver’. Most were inherited from Proto-Indo-European, though only *ęzykъ ‘tongue’ (< *dn̥ǵʰuh₂) and *sьrdьce ‘heart’ (< *ḱerd) retain the original meaning. Three words exhibit semantic shift: *usta ‘lips’ > ‘mouth’, *zǫbъ ‘set of teeth (?)’ > ‘tooth’, *ętro ‘entrails’ > ‘liver’. In one instance the meaning was broadened: *nebo ‘sky’ > ‘sky; palate’. Finally, *kъlъ ‘canine’ is a Proto-Slavic deverbal formation from *kolti ‘to stab, to sting’.

The reconstruction of several other Proto-Slavic somatisms is complicated by formal issues. Concerning the term for ‘lung’, the variation between *pľuťe and *pluťe across the Slavic languages requires explanation. In all likelihood, the form *pľuťe is older, with *pluťe resulting either from the dissimilation of the palatals *l’–t’* > *l–t’* or from the analogical influence of the base verb *pluti.

The name for the spleen has been reconstructed by various scholars in over a dozen variants: *selzena, *spelzena, *solzena, *sьlezena, *selezenь, *selzenь, *selzen’a, *selzina, *sə̂lzena, *selzenö, *selzä. In our view, only *selzena can be justified for late Proto-Slavic. The remaining forms represent either an archaism (*spelzena) or the projection of late, language-specific or dialectal developments onto the proto-language.

Similarly, among the full range of reconstructions proposed for the word for ‘gum’ – *dęsna, *dęsno, *dęsnь, *dęslo, *jasno, *jasna, *dǫslo, *dǫsna, *dę̂sьni – we consider only *dęsna to be a reliably Proto-Slavic form.

The designations for the stomach and the urinary bladder each present competing suffixal derivatives: *želǫdъkъ ~ *želǫdьcь and *měxyr'ь ~ *měxurъ respectively. The forms *želǫdъkъ and *měxyr'ь are presumably older, while the post-Proto-Slavic variants *želǫdьcь and *měxurъ arose through suffix substitution.

For a subset of Proto-Slavic somatisms, it is difficult to establish the precise original semantics. These include *plъtь 'soft body tissue', *čelnъ 'joint', *gъbъ 'animal snout', *černowъ(jь) zǫbъ 'molar', *kǫtьnъ(jь) zǫbъ 'wisdom tooth', *želza '(inflamed) lymph node', *jьsto 'kidney', and *elito 'intestine'.

Many of these somatisms are etymologically problematic. The present study adopts or endorses the following solutions:

(a) *plъtь 'soft body tissue' derives from PIE *pleu̯- 'to float' and may originally have denoted a floating crust or film — for instance, on the surface of a bog or of milk;

(b) *čelnъ 'joint' belonged in Proto-Slavic to the class of *-nu- derivatives and was most likely formed from the verbal root *k^{w}elh$_{1}$- 'to turn, revolve';

(c) *gъbъ 'animal snout' is a Proto-Slavic derivative from *ryti 'to dig', formed on the analogy of the pattern *plyti 'to swim' : *plъtь 'raft';

(d) the collocation *černowъ(jь) zǫbъ 'molar' is formed from *černъ 'handle (of a tool)', with the etymological meaning 'principal tooth';

(e) for *mozgъ 'brain', the traditional etymology is preferred, which connects it to a substantial number of external cognates: Lith. *smẽgenys*, Lith. dial. *smãgenys* 'brain; bone marrow; gum', Latv. *smadzenes* 'id.', Pruss. *musgeno 'bone marrow', Skt. *majján-* 'bone marrow', Avest. *mazga-* 'brain; bone marrow', PGmc. *mazga- 'bone marrow', PCelt. *mezga- 'whey'. Alternative proposals are considered doubtful;

(f) *želza '(inflamed) lymph node' is cognate with Lith. *gẽležuonys*, *gẽležuonės*, *gẽležūnes* 'strangles (in horses)' and Arm. *geljk'* 'glands'. As in the preceding case, alternative proposals are considered doubtful;

(g) *selzena 'spleen' continues the Proto-Indo-European designation for this organ. The loss of *-p- in Proto-Slavic (i.e. *selzena rather than the expected *spelzena) requires explanation. Lat. liēn suggests that such loss may be a relatively ancient development. The most likely trigger for the disappearance of *-p- is folk etymology. We suggest that *selǵ- 'to release, send' and *sel- 'to accelerate, leap' should be considered as potential sources of this folk-etymological influence;

(h) *želǫdъkъ 'stomach' should be compared with Ancient Greek χολάς 'lower belly; intestines, entrails'. Both words may descend from an

athematic stem with ablaut alternations, extended by the suffix *-d-. Other proposed etymologies are unconvincing;

(i) *elito ‘intestine’ may be a derivative of PIE *$h_3$el- ‘to bend’ or *$h_2$el- ‘to nourish’;

(j) *mǫdo ‘testicle’ is probably a derivative of PIE *mon- ‘man’.

Several Proto-Slavic words (*dęsna, *želza, *mozgъ, *selzena) underwent extensive secondary phonetic and morphological transformations in individual Slavic varieties, which are discussed in detail in the present volume.

We have also undertaken an analysis of the naming strategies used for certain body parts — a matter of significance not only for lexical typology but, in some cases, for etymology as well.

Names for joints in Slavic varieties are frequently derived from verbs denoting the function of a joint (‘to set, assemble’, ‘to bend’, ‘to fasten’, ‘to rivet, connect’, ‘to bind’, ‘to solder’). Less common are transfers from nouns motivated by resemblance (‘ball of yarn’, ‘key’) or function (‘junction’, ‘door hinge’, ‘method of joining wooden elements’). There are also instances of semantic broadening (‘joint’ < ‘ankle’, ‘knee’, ‘wrist’) and transfer from animal anatomy (‘the point between vertebrae where the head is severed during slaughter’, ‘large stripped animal bone’).

Designations for the mouth, often pejorative, are typically derived from verbs — above all verbs of speech (‘to say’, ‘to chatter’, ‘to shout’, ‘to scold’, ‘to speak rashly’), though also from other semantic domains (‘to chew’, ‘to slurp’, ‘to spit’, ‘to weep copiously’, ‘to slam’, ‘to open wide’, ‘to pierce’). Transfers from other body-part terms, including those of animals, are common: ‘lip’, ‘teeth’, ‘jaw’, ‘Adam’s apple’, ‘throat’, ‘belly’, ‘snout’, ‘maw’, ‘beak’, ‘gills’. Metaphorical transfers also occur, some of them highly unusual: ‘barn’, ‘flax-breaking frame’, ‘furnace draught opening’, ‘fish trap’, ‘baking mould’, ‘pit’, ‘space between two rows of plants’, ‘horse-driven winch’, ‘chimney damper’, ‘bottle’.

For gums, metonymic transfers (‘canine teeth’, ‘molars’, ‘palate’, ‘jaw’) are more typical than metaphorical ones (‘crown’).

Names for incisors are formed from semantically apt verbs (‘to cut’, ‘to chop’, ‘to gnaw’, ‘to bite’), transferred from tools (‘adze’, ‘shovel’), or realised as collocations (‘front tooth’, ‘small tooth’).

For canines, collocations or their univerbated reflexes predominate (‘dog tooth’, ‘donkey tooth’, ‘pig tooth’, ‘eye tooth’, ‘front tooth’, ‘middle tooth’, ‘corner tooth’); less frequently attested are transfers from various pointed objects (‘stake’, ‘hunting knife’, ‘boundary stone’) or deverbal formations (‘to stab, sting’, ‘to cut’).

Among the designations for molars, collocations are likewise abundant (‘millstone tooth’, ‘root tooth’, ‘stump tooth’, ‘principal tooth’, ‘back tooth’, ‘temple tooth’), but deverbal formations (from ‘to chew’, ‘to crack’, ‘to grind’, ‘to mill’) and nominal transfers (‘stool’, ‘short block inserted into sled runners to support the body of the sled’, ‘parent’) are also well attested.

For the palate, transfers from adjacent body parts are characteristic (‘gum’, ‘jaw’, ‘crown of the head’), alongside metaphorical designations reflecting its position as the upper surface of the mouth (‘sky’, ‘ceiling’, ‘dome’, ‘storey’, ‘cornice’).

For kidneys, names are transferred from round or oblong objects (‘plant bud’, ‘round pastry’, ‘ball of yarn’, ‘whetstone’, ‘bean’, ‘pod’), from small living creatures (‘little people’, ‘mice’, ‘little fish’, ‘moth’), and from miscellaneous other sources (‘spleen’, ‘roast’, ‘half’); derivation from ‘lower back’, ‘rounded’, and ‘chamois leather’ is also attested.

The semantic shifts and derivational patterns observed in the case of the spleen are quite heterogeneous: ‘large intestine’, ‘fish entrails’, ‘crow’, ‘scythe’, ‘winter’, ‘disease of the spleen’, ‘alternate-leaved spleenwort’, ‘to beat’, ‘to shelter chicks under the wings’.

For the stomach, names of adjacent body parts are transferred (‘belly’, ‘intestine’, ‘heart’, ‘large intestine’, ‘tripe’, ‘rumen’). A further set of designations relates to food, reflecting both the organ’s function and its own edibility: ‘food’, ‘livestock fodder’, ‘sausage product prepared in the stomach’, ‘aspic’.

Names for the intestines overlap considerably with those for the stomach: ‘entrails’, ‘stomach’, ‘sausage’, ‘sausage product prepared in the intestine’, ‘livestock fodder’. Names for the rectum additionally show transfer from ‘bottom’, ‘trunk’, ‘intestinal villi’, as well as derivation from ‘culus’ and ‘cacare’.

Designations for the urinary bladder characteristically involve transfer from other somatisms (‘lower back’, ‘tripe’, ‘roe sac’), derivation or transfer based on resemblance (‘sack’, ‘bean’, ‘bundle’, ‘drum’), and derivation motivated by function (‘urine’, ‘to swell’, ‘mingere’, ‘pedere’).

Designations for the testicles are characterised primarily by transfer from terms for other round objects (‘kidney’, ‘egg’, ‘sphere’, ‘ball’, ‘bubble’, ‘a variety of plum’, ‘a variety of pear’, ‘berry’, ‘fruit’, ‘tomato’, ‘kernel’, ‘grain’, ‘ball of yarn’, ‘iron weight on a steelyard’, ‘smooth pebble’), and to a lesser extent from adjacent body parts (‘scrotum’, ‘penis’), from parts of clothing (‘lower part of a garment’, ‘front of the trousers’), or through deverbal derivation (‘to give birth’, ‘to exhibit sexual drive [of a pig]’).

Библиография

Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. Т. 1–2. Воронеж, 2008, 2012.

Агапкина Т. А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 103–150.

Аникин А. Е. Об и.-е. *pl̥g’h(ē)- // Этимология 1981. М., 1983. С. 131–140.

Аникин А. Е. Анализ омонимов в славянской этимологии и балтийские соответствия славянской лексики // Славяноведение. 1994. № 2. С. 81–93.

Аникин А. Е. К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 54–90.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000.

Аникин А. Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–19. М.; СПб., 2007–2025.

Аникин А. Е. Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 129–137.

Аникин А. Е. Из заимствованной русской лексики // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. СПб.; М., 2021. С. 189–198.

Антропов Н. П. Дифтонгические сочетания модели *telt: вновь о восточнославянских отражениях // Gwary Dziś. 2020. T. 12. S. 95–107.

Антропов Н. П. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели *telt // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб., 2021. С. 413–431.

Антропов Н. П. К этимологии русск. *селезень* // Этимология как образ жизни: коллективная монография к 70-летию академика А. Е. Аникина. СПб., 2023. С. 136–165.

АОС 1–24 – Архангельский областной словарь. Т. 1–24. М., 1980–2023.

Аркушин Г. Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк, 2000.

АС 1–6 – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.

АУМ 1–3 — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.

Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Турья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München, 2005.

Баранкова Г. С. Анатомические термины в русских списках переводных памятников // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С. 79–90.

Баранкова Г. С. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. М., 1998.

Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001.

БДА 1–6 – Български диалектен атлас. Т. 1–6. София, 1964–1986.

БЕР 1–8 – Български етимологичен речник. Т. 1–8. София, 1971–2017.

Березович Е. Л. К интерпретации некоторых диалектных дериватов рус. *жаба*, *лягушка* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003. С. 112–122.

Білецький-Носенко П. Словник української мови. Київ, 1966.

БКРС 1–4 – Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М., 1983–1984.

БМД 1–2 – Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи БАН, собр. И. И. Срезневского, II. 75 (24.4.28). Т. 2: Исследования и материалы. СПб., 2020.

Богдановић Н. Земљописна и њој сродна лексика југоисточне Србије // Српски дијалектолошки зборник. 2008. Књ. 55. С. 429–518.

Бојанић М., Тривунац Р. Рјечник дубровачког говора. Београд, 2002.

Бојковска С. Радовишкиот говор. Скопје, 2003.

Бояджиев А. За средновековния южнославянски текст на Притчи Соломонови. Издание на преписа от ръкопис Щукин 507 // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». 2019. Т. 104. С. 5–58.

Брандт Р. Ф. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник. 1889. Т. 21, №2. С. 207–221.

БТСДК 2003 – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Буга К. Славянско-балтийские этимологии // Русский филологический вестник. 1912. Т. 67. № 1–2. С. 232–250.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.

Бурлак С. А. Происхождение языка. М., 2021.

Бялькевіч І. К. Краевы слоўнік усходняй Магілеўшчыны. Мінск, 1970.

Вайан А. Славянское название селезенки // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 66–67.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2007.

Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещёры. Т. 1–2. Воронеж, 1983.

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования, до петровской эпохи. Хельсинки, 1959.

Верхратський І. Говір батюків. У Львові, 1912.

Вершинин К. В. Малоизученный славянский перевод творений Евагрия Понтийского // Текстология и историко-литературный процесс: VI Международная конференция молодых исследователей. М., 2018. С. 5–16.

Виноградов В. В. История слов. М., 1999.

Вілкул Т. Л., Ніколаєв С. Л. Книга Буття. Давньослов'янський четій текст за списками XIV–XVI століть. Львів, 2020.

Водарский В. Список некоторых областных слов // Русский филологический вестник. 1912. Т. 68. №2. С. 398–406.

ВС 1–7 – Вершининский словарь. Т. 1–7. Томск, 1998–2002.

Въгленов М. Малки бележки – допълнения към материали, обнародвани в сп. Български език // Български език. 1975. Бр. 25/3. С. 251–254.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.

Гаравалова И. Семантична мотивация на названията за кътен зъб в родопските говори // Български език. 2016. Т. 63. Бр. 2. С. 94–104.

ГГ 1997 – Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997.

Георгиев М. Анатомо-физиологични понятия и представи в старобългарската книжнина // Palaeobulgarica. 1990. Т. 14. Бр. 2. С. 23–38.

Геров Н. Речник на българския език. Т. 1–5. Пловдив, 1894–1904.

Горбач О. Перший рукописний українсько-латинський словник Арсенія Корецького-Сатановського та Єпіфанія Славинецького. Рим, 1968.

Горов Г. Странджанският говор // Българска диалектология 1. София, 1962. С. 13–164.

Горощак Я. Перший лемківсько-польскій словник. Легніца, 1993.

Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018.

Грінченко Б. Словарь української мови. Т. 1–2. Берлін, 1924.

ГРМС 1973 – Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Громик Ю. В. «Наша байка зусьом нача»: поліська говірка с. Липне. Луцьк, 2023.

ГСБМ 1–37 – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–37. Мінск, 1982–2017.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909.

ДАРЯ 1–3 – Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Карты. Вып. 1–3. М., 1986–1996.

Дейкова Х. Об этимологизации группы глаголов румынского происхождения в одном болгарском говоре // Этимология 2009–2011. М., 2012. С. 78–89.

Дзендзелівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ч. 1–3. Ужгород, 1958–1993.

Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.

Домосилецкая М. В. Анатомические названия (соматизмы) в Малом диалектологическом атласе балканских языков (МДАБЯ) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2011. Т. 7. № 1. С. 64–100.

Дрвошанов В. Анатомска лексика за човекот во македонските говори. Скопје, 2005.

ДС 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Дуда І. Лемківський словник. Тернопіль, 2011.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

ЕСУМ 1–6 – Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

ЕРСЈ 1–4 – Етимолошки речник српског језика. Св. 1–4. Београд, 2003–2023.

Желехівський Є. Малоруско-німецкий словар. Т. 1–2. Львів, 1886.

Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. III, 1: БАН 31.7.2 // Russian Linguistics. 2011. Vol. 35. P. 361–380.

Жугић Р. Речник говора јабланичког краја. Београд, 2005.

Журавлёв А. Ф. Эволюции смыслов. М., 2016.

Журавлев А. Ф. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации) // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 44–61.

Зайка А. Ф. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім, 2011.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М., 2019.

Златковић Д. Допуна речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник. 2017. Књ. 64. С. 603–993.

Зобеница С. Из лексике источне Лике (Доњи Лапац и Јошан) // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Књ. 63. С. 735–838.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Иванова Т. А. Старославянское реть – Супр. р. 400.16 // Славяноведение. 1992. № 6. С. 75–77.

ИГРЯ 2020 – Историческая грамматика русского языка. М., 2020.

ИДРБЕ 1–2 – Идеографски диалектен речник на българския език. Т. 1–2. София, 2012, 2021.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском: судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. Т. 1–3. М., 1971–1984.

Иткин И. Б. Русская морфонология. М., 2007.

Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. 2004. Књ. 51. С. 313–688.

Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. К проблеме румыно-албанских лексических параллелей. М., 2001.

Картотека SGP – Картотека Słownika gwar polskich. Хранится в Научном архиве ПАН и ПАЗ в Кракове (Archiwum Nauki PAN i PAU).

Касьпяровіч М. І. Віцебскі краевы слоўнік. Менск, 2011.

Керемидчиева С., Василева Л. Речник на един архаичен родопски говор – говора на Ропката. София, 2022.

Керча И. Русинско-русский словарь. Т. 1–2. Ужгород, 2007.

Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. М., 2003.

Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987.

Костоловский И. В. Из поверий Ярославского края // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. XCVI–XCVII. № 1–2. С. 248–252.

Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь. М., 2006.

КрЭС 1975 – *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. М., 2007. С. 126–184.

Куриленко В. М. Атлас лексики тваринництва у поліських діалектах. Глухів, 2004.

Куркина Л. В. Заметки по этимологии славянских слов // Этимология 2009–2011. М., 2012. С. 178–188.

Куркина Л. В. Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.

Куркина Л. В. К методике этимологического анализа соматической лексики // Slavia. 2025. Roč. 94. Seš. 3. S. 354–364.

Кучук І. М., Малюк А. К. Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён. Мазыр, 2000.

Кънчев И. Говорът на село Смолско, Пирдопско // Българска диалектология 4. София, 1968. С. 5–160.

ЛАБНГ 1–5 – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.

Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.

Лесюк М. Мовний світ сучасного галицького села (Ковалівка Коломийського району). Івано-Франківськ, 2008.

Лилич Г. А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII — начало XIX века). СПб.; Грайфсвальд; Гейдельберг, 2016.

Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.

Матіїв М. Д. Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.

МДА 2008 – Македонски дијалектен атлас. Пролегомена. Скопје, 2008.

МДА 2024 – Македонски дијалектен атлас: од ризницата на картотеката – лексички материјали. Скопје, 2024.

Мельничук А. С. О сущности беглого *s-* // Этимология 1984. М., 1986. С. 137–146.

Милетић Б. Црмнички говор // Српски дијалектолошки зборник. 1940. Књ. 9. С. 209–663.

Минлос Ф. Р. Рефлексы слав. *CelC в восточнославянских языках // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 198–203.

Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

Мирчева Е. Рать и *реть* в старобългарската книжнина и в историята на българския език // Palaeobulgarica. 2018. Т. 61. Бр. 1. С. 3–22.

Младенов М. Из българската диалектна лексика [1] // Български език. 1974. Бр. 24/2. С. 182–186.

Младенова О. М. Этимология и текст // Studia Etymologica Brunensia 6. Praha, 2009. S. 239–245.

Младеновић Р. Говор шарпланинске жупе Гора // Српски дијалектолошки зборник. 2001. Књ. 48. С. 1–606.

Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.

МСММГ 1977 – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск, 1977.

МСРСГП 1963 – Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Мызников С. А. Русские говоры среднего Поволжья. СПб., 2005.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.

Назарова Т. В. Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.

Неґрич М. Скарби гуцульського говору: Березови. Львів, 2008.

Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Нещименко Г. П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку: Вопросы словообразования и грамматики. М., 1963. С. 105–158.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.

Николаев С. Л. К акцентуации праславянских *o-* и u-основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М., 2025. С. 5–148.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

Німчук В. В. Давньоруська спадщина в лексиці української мови. Київ, 1992.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru

НОС 2010 – Новгородский областной словарь. СПб., 2010.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

НРС 1987 – Нидерландско-русский словарь. М., 1987.

ОДРМЈ – Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: https://makedonski.gov.mk

ОКДА 4 – Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львів, 1993.

ОЛА БМ 2015 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Болгарские материалы. София, 2015.

ОЛА ЛС – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1–4, 6, 8–10, 12, 13. Москва; Warszawa; Мінск; Bratislava; Kraków; Санкт-Петербург, 1988–2024.

ОЛА ФГ – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–6, 9. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Praha, 1988–2019.

Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Т. 1–2. Київ, 1984.

ОСВГ 1–8 – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8. Киров, 2012.

Осипова М. А. Укр. *шуляк* ‘капуста, не выросшая в кочан; початок кукурузы’ и др. < слав. *šul- // Этимология 1991–1993. М., 1994. С. 75–79.

Патера А., Срезневский И. И. Чешские глоссы в Mater verborum. СПб., 1878.

Пеев К. Кукушкиот говор. Кн. 1–2. Скопје, 1987, 1988.

ПЕРСЈ 1 – Приручни етимолошки речник српског језика. Т. 1. Београд, 2023.

Петлева И. П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. 1996. Вып. 6. С. 31–38.

Петровић Д., Капустина Ј. Из лексике Качера // Српски дијалектолошки зборник. 2011. Књ. 58. С. 1–336.

Петровић Д., Ћелић И., Капустина Ј. Речник Куча // Српски дијалектолошки зборник. 2013. Књ. 60. С. 1–461.

Пискунов Ф. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австрийско-Венгерской империи. Киев, 1882.

Пичхадзе А. А. О функционировании греческих книжных заимствований в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 73–84.

Піпаш Ю. О., Галас Б. К. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області). Ужгород, 2005.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.

Попгеоргиев С. Из лексиката на с. Чешнегирово, Пловдивско // Българска диалектология 1. София, 1962. С. 207–218.

Попруженко М. Г. Козма Пресвитер, болгарский писатель X века. София, 1936.

ПОС 1–28 – Псковский областной словарь. Вып. 1–28. Л., СПб., 1967–2020.

Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М., 1910–1949.

Рамић Н. Ливањско-дувањски говорни тип // Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књ. 46. С. 263–426.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

РБЕ – Речник на българския език. URL: https://ibl.bas.bg/rbe/

РРОДД 1974 – Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.

РСВ 1–2 – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Т. 1–2. Віцебск, 2012, 2014.

РСКНЈ 1–21 – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–21. Београд, 1959–2019.

Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.

Саенко М. Н. Праславянское *pepelъ/*popelъ: исходная форма и этимология // Slovenski jezik. 2017. Let. 11. S. 19–34.

Саенко 2019а – *Саенко М. Н.* Чёрная печень, белые лёгкие: к истории и ареалу одной коллокации // Slovenski jezik. 2019. Let. 12. S. 31–51.

Саенко 2019б – *Саенко М. Н.* Судьба гетероклитических основ в праславянском языке // Славяноведение. 2019. № 2. С. 55–68.

Саенко 2019в – *Саенко М. Н.* Формант *-ъtь и склонение слов типа *nogъtь, *olkъtь, *degъtь, *desętь и *dьnь в праславянском // Rossica Olomucensia. 2019. Roč. 58. Č. 1. S. 5–24.

Саенко 2019г – *Саенко М. Н.* Периодизация истории праславянского субстантивного склонения // Балто-славянские исследования XX. М., 2019. С. 92–121.

Саенко М. Н. Праславянское *kъrkъ: семантика и этимология // Slověne. 2020. Vol. 9. № 2. С. 39–62.

Саенко 2022а – *Саенко М. Н.* Очерки по славянской соматической лексике. М., 2022.

Саенко 2022б – *Саенко М. Н.* История семантики континуантов праслав. *plъtь // Славяноведение. 2022. № 5. С. 132–144.

Саенко 2022в – *Саенко М. Н.* Праславянское название легких: *pluťa или *pľuťa? // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 101–124.

Саенко 2023а – *Саенко М. Н.* Праславянское *čelnъ: семантика и этимология // Slověne. 2023. Vol. 12. № 1. С. 121–154.

Саенко 2023б – *Саенко М. Н.* Праславянское название селезёнки: проблемы этимологии // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1. С. 160–179.

Саенко 2023в – *Саенко М. Н.* Праславянские «редуцированные» и гласные u и i в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. М., 2023. С. 5–39.

Саенко 2023г – *Саенко М. Н.* Праслав. *čerěnъ и *černъ. I. Свод печи // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 246–268.

Саенко 2024а – *Саенко М. Н.* Праслав. *čerěnъ и *černъ. II. Рукоять и коренной зуб // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 154–184.

Саенко 2024б – *Саенко М. Н.* Праславянское *gъtъ: реконструкция семантики и этимология // Славяноведение. 2024. № 5. С. 92–110.

Саенко 2024в – *Саенко М. Н.* Праславянское название десны: сложности реконструкции // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19, № 1–2. С. 105–131.

Саенко 2025а – *Саенко М. Н.* Праславянское *(w)o̯sъ ‘ус’: проблемы реконструкции // Jezikoslovni zapiski. 2025. Let. 32. Št. 2. S. 133–151.

Саенко 2025б – *Саенко М. Н.* Праславянское *lędwьj-: реконструкция семантики и формы // Палеославистика – 6. М., 2025. С. 283–311.

Саенко М. Н., Szeptyński R. Как бедра бедром стала. Реконструкция праславянского названия бедра (на материале памятников XI–XIV вв.) // Slavia. 2022. Roč. 91. Seš. 2. S. 129–149.

СБГ 2005 – Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.

СВГ 1–12 – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СГЦРБ 1 – Слоунік гаворак цэнтральных раёнау Беларусі. Т. 1. Мінск, 1990.

СДЯ 1–12 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–13. М.: Русский язык, 1988–2023.

Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Петроград, 1922.

Сигалов П. Об этимологии слова *кишка* // Russian Linguistics. 1989. Vol. 13. P. 311–317.

СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Москва, 2006.

Скляренко В. Г. Праслов’янська акцентологія. Київ, 1998.

СлРЯ XI–XVII 1–32 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М.; СПб., 1975–2023.

СлРЯ XVIII 1–23 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–23. СПб., 1984–2024.

СМСПГ 1 – Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1. Минск, 2017.

СОГ 1–11 – Словарь орловских говоров. Вып. 1–11. Орёл, 1989–2000.

СОС 1–11 – Смоленский областной словарь. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СПГ 1–2 – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000, 2002.

СПЗБ 1–5 – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СПнГ 2019 – Словарь пинежских говоров. Вып 1. СПб., 2019.

СР 1–2 – Старобългарски речник. Т. 1–2. София, 1999, 2009.

СРГБ 2008 – Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 2008.

СРГК 1–6 – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРГНП 1–2 – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2003, 2005.

СРГС 1–5 – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.

СРГСУ 1–7 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.

СРГСУД 1996 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

СРНГ 1–52 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М.; СПб., 1965–2021.

ССКГК 2009 – Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.

ССМ XIV–XV 1–2 – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

Станчев Д. Речник на странджанския говор. Бургас, 1999.

Статєєва В. І. Старицький Михайло Петрович // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004. С. 639.

Стијовић Р. Речник Васојевића. Београд, 2014.

Стойков С. Лексиката на банатския говор. София, 1968.

Стојановић Р. Црнотравски речник. Београд, 2010.

СтСл 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

СУГО 2010 – Словник українських говорів Одещини. Одеса, 2010.

СУМ 1–11 – Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.

СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–18. Львів, 1994–2022.

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.

Супрун В. И. Донские диалекты на инославянском фоне // Текст в языке, речи, культуре. Минск, 2017. С. 257–271.

Сцяцко П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна, 2005.

Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Сцяшковіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

Тимченко Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. Київ, Нью-Йорк, 2002.

Толстой Н.И. Об изучении полесской лексики // Лексика Полесья. М., 1968. С. 3–19.

Томић М. Говор Свиничана // Српски дијалектолошки зборник. 1984. Књ. 30. С. 7–265.

Томић М. Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. 1989. Књ. 35. С. 1–174.

Топоров ПС 1–5 – *Топоров В.Н.* Прусский словарь. Т. 1–5. М., 1975–1990.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1–4. М., 2004–2010.

ТРС 2001 – Табасаранско-русский словарь. М., 2001.

Трубачёв О.Н. Труды по этимологии. Т. 1–4. Москва, 2004–2009.

ТС 1–5 – Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.

ТСБМ 1–5 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.

Турчин Є.Д. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.

Ћупић Д., Ћупић Ж. Речник говора Загарача. Београд, 1997.

Ужченко В., Ужченко Д. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу. Луганськ, 2013.

Умленски И. Кюстендилският говор. София, 1965.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

УС 1971 – Успенский сборник XII–XIII в. М., 1971.

Ушинскене В. Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов. Вильнюс, 2013.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Хабиянец С. Генетическая принадлежность загорских говоров с точки зрения фонологического развития // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 21–22. М., 2020. С. 78–90.

Хонселаар З. Говор деревни Островцы Псковской области. Amsterdam; Atlanta, 2001.

Цветановски Г. Македонски етимолошки речник. Т. 1. Скопје, 2025.

Цейтлин Р.М. Из заметок по древнеболгарской лексикологии (др.-болг. *реть*) // Изследвания върху историята и диалектите на българския език. София, 1979. С. 374–376.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1999.

ЧТС 2006 – Чалавек. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.

Шалаева Т. В. О возможных дериватах и.-е. *pleu̯- / *plou̯- в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. М., 2016. С. 214–221.

Шалаева Т. В. К этимологии славянских названий крапивы (Urtica): деривaты корней *kopr- и *krop- // Studia etymologica Brunensia 22. Praha, 2017. S. 371–382.

Шалаева Т. В. К этимологии лексики севернорусских говоров (*плоть* ‘вранье, враки’, *ша́ки, векша́рь*/*вешка́рь*) // Севернорусские говоры. Вып. 20. СПб, 2021. С. 123–142.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.

Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.

Шатэрнік М. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. Менск, 1929.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915.

Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк, 2008.

Шклифов Б. Речник на костурския говор // Българска диалектология 8. София, 1977. С. 201–328.

Шпакоўскі І. С. З лексікі паўднёвай Піншчыны // Народная лексіка. Мінск, 1977. С. 104–119.

Эккерт Р. Основы на -ŭ- в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. 27. М., 1963. С. 3–133.

ЭСБМ 1–14 – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Мінск, 1978–2017.

ЭСИЯ 1–6 – Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6. М., 2000–2020.

ЭССЯ 1–42 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42. М., 1974–2022.

ЭСТЯ 1–7 – Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1–7. М., 1974–2003.

Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.

Янкоўскі Ф. Дыялектны слоўнік. Выпуск 2. Мінск, 1960.

ЯОС 1–10 – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Adams D. Q., Mallory J. P. Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

Adams D. Q., Mallory J. P. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.

Adams J. N. The Latin sexual vocabulary. London, 1982.

AGB 1–7 – Atlas gwar bojkowskich. T. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980–1991.

AGM 1–8 – Atlas gwar mazowieckich. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971–1987.

AGWB 1–10 – Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. 1–10. Wrocław; Warszawa, 1980–2012.

Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. 1–7. Graz, 1958–1975.

AJDŁ 1–8 – Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. T. 1–8. Łodź, 1956–1964.

AJŚ 1–8 – Atlas językowy Śląska. T. 1–8. Krakow, 1969–1996.

ALAR 1 – Atlasul lingvistic al dialectului aromân. Volumul 1. Bucureşti, 2014.

ALE 1 – Atlas Linguarum Europae. Volume 1.9. Bucureşti, 2015.

ALF – Atlas linguistique de la France. URL: https://lig-tdcge.imag.fr/cartodialect5

AMNA 3 – A Magyar Nyelvjárások Atlasza. Rész III. Budapest, 1973.

Ananiewa N. O zasadach opisu leksykograficznego gwar kresowych // Gwary dziś 2. Poznań, 2003. S. 57–64.

ASJ 1–10 – Atlas slovenského jazyka. URL: https://digiasj4.juls.savba.sk

AUGN 1–2 – Atlas ukraińskich gwar nadsańskich. T. 1–2. Warszawa, 2017.

Babik Z. Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne). Przyczynki do krytyki akcentologii post-Illicz-Swityczowskiej. Krakow, 2012.

Bachmannová J. Slovník podkrkonošského nářečí. Praha, 2016.

Bańkowski A. Uwagi do niektórych haseł Słownika etymologicznego języka polskiego prof. F. Sławskiego // Język Polski. 1976. Rocz. 56. Zesz. 1. S. 44–47.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–3. Warszawa, 2000; Częstochowa, 2014.

Barbić A. Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb, 2011.

Bartoš F. Dialektický slovník moravský. V Praze, 1906.

Bauer J., Lamprecht A., Šlosar D. Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.

Beekes R., van Beek L. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden; Boston, 2010.

Benčić R. Rječnik govora grada Hvara. Hvar, 2014.

Berneker E. Etymologisches // Indogermanische Forschungen. 1898, Bd. 9. S. 360–364.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.

Bernolák A. Slowár Slowenskí Češko-Laťinsko-Ňemecko-Uherskí seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum. T. 1–5. Budae, 1825.

Besedje 16 – Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. Ljubljana, 2011.

Bezlaj 1–5 – *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana, 1977–2005.

Bezlaj ZJS – *Bezlaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi. Zv. 1–2. Ljubljana, 2003.

Bezzenberger A. Miscellen // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1878, Bd. 2. S. 123–161.

Bělič J. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954.

Bičovský J. Praindoevropština. D. 1–2. Praha, 2017.

BLA 1 – Bosanskohercegovački lingvistički atlas 1: Fonetika. Sarajevo, 2020.

Blažek V. Mapping Indo-European Anatomical Terminology II: Latvian gaļa ‘meat’ // Acta Linguistica Lithuanica. 2023. Vol. 89. P. 27–38.

Boryś W. Czakawskie studia leksykalne dziedzictwo prasłowiańskie w słownictwie czakawskim. Warszawa, 1999.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa, 2007.

Boryś W. Warstwy chronologiczne leksyki prasłowiańskiej na przykładzie słownictwa anatomicznego // Rocznik Slawistyczny. 2020. T. 67. S. 3–28.

Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Teil 1. Strassburg, 1892.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

Burrow T. Spontaneous cerebrals in Sansktit // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1971, Vol. 34. Issue 3. P. 538–559.

Būga K. Rinktiniai raštai. T. 1–4. Vilnius, 1958–1962.

Cioranescu A. Diccionario etimologico rumano. San Cristobal de La Laguna, 1966.

Codex Suprasliensis. URL: http://suprasliensis.obdurodon.org

Comrie B., Khalilov M. Списки лексики в проекте The Intercontinental Dictionary Series. URL: https://ids.clld.org

CSWD 1998 – The Collins Spurrell Welsh Dictionary. Glasgow, 1998.

Černá A. Staročeské knihy lékařské. Brno, 2006.

Černý E. Latinská mluvnica dľa D-ra F. Schultza. Pešť, 1865.

Čižmárová L., Šipková M. Názvy jater v dialektech evropských jazyků // Studia Etymologica Brunensia 6. Praha, 2009. S. 67–76.

ČJA 1–5 – Český jazykový atlas. D. 1–5. Praha, 1992–2005.

Čop B. Indouralica I. Ljubljana, 1974.

Čujec Stres H. Slovar zatolminskega govora. D. 1–2. Zatolmin, 2011.

Decurtins A. Niev vocabulari romontsch: surslivan-tudestg. URL: http://www.vocabularisursilvan.ch

Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

Dembowski B. Słownik gwary podhalskiej // Sprawozdania Komisyi Językowéj Akademii Umiejętności. 1894, T. 5. S. 339–444.

Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.

Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2015.

DILF 2001 – Dizionario Italiano – Ladino Fassano. Vigo di Fassa, 2001.

DLF 2010 – Dictionary of Louisiana French. Jackson, 2010.

Długosz-Kurczabowa K. Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego. Warszawa, 2008.

Doroszewski W. Monografje słowotwórcze. IV. Formacje z podstawowem *-n-* w części sufiksalnej // Prace Filologiczne. 1931. T. 15/2. S. 423–436.

DRG – Dicziunari Rumantsch Grischun. URL: http://online.drg.ch

Dulčić J., Dulčić P. Rječnik bruškoga govora. Zagreb, 1985.

Dybo V. A. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law // Studia linguarum 3/2. Moscow, 2002. P. 295–515.

Eckert R. Zu einigen Reflexen der indoeuropäischen Heteroklita. Zeitschrift für slawische Philologie. 1979. Bd. 24 (1). S. 17–23.

EI 1997 – The Encyclopaedia of Islam. Volume IV. Leiden, 1997.

Erben K. Saličetova Ranná lékařství. V Praze, 1867.

ERHJ 1–2 – Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1–2. Zagreb, 2016–2021.

ESJS 1–19 – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. D. 1–19. Praha; Brno, 1989–2018.

EWA 1–6 – Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. 1–6. Göttingen; Zürich, 1988–2017.

EWU 1993 – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.

Fałowski A. Z polskich drobiazgów słownikowych Tadeusza Szymańskiego: japa // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica. 2023. Vol. 18. S. 73–78.

Fecht R. Lit. pláuti: aksl. pluti – eine Frage der Morphonologie // Beiträge zur Morphologie. Germanisch, Baltisch, Ostseefinnisch. Odense, 2007. S. 383–393.

Fick A. Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen, 1909.

Flajšhans V. Mammotrekt klementinský (Mam. A.) // Listy filologické. 1893. Č. 20/3. S. 216–234.

Flajšhans V. Klaret a jeho družina. D. 1–2. Praha, 1926–1928.

FO 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

Forni M. et al. Dizionario italiano-ladino gardenese. San Martin de Tor, 2013. URL: http://forniita.ladinternet.it

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg; Göttingen, 1962.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1960, 1970.

Furlan M. Praslovanské **lalokъ* *'ústní dutina ...' a chetitské *lāla-* 'jazyk' // Slavia. 2010. Roč. 79. Seš. 1. S. 41–50.

Furlan M. Proto-Slavic **laloka* and **oskъrda* in Slovenian dialect mill terminology: Deviation of the phonemic composition of a lexeme // Studia Etymologica Brunensia 15. Praha, 2012. S. 79–87.

Gartner Th. Ladinische Wörter aus den Dolomitentälern. Halle, 1923.

Gebauer J. Žaltář Wittenberský. V Praze, 1880.

Gebauer J. Slovník staročeský. Díl 1. V Praze, 1903.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl 1: Hláskosloví. Praha, 1963.

Giedroyć F. Polski słownik lekarski. T. 1–2. Warszawa, 1931, 1933.

GJP 1923 – *Benni T., Łoś J., Nitsch K., Rozwadowski J., Ułaszyn H.* Gramatyka języka polskiego. W Krakowie, 1923.

Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik, Zagreb, 1993.

Gołąb Z. The Aromanian dialect of Kruševo in SR Macedonia SFR Yugoslavia. Skopje, 1984.

Gorazd – Gorazd: Digitální portál staroslověnštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: https://gulliver.gorazd.org/catalog/default/

Gregor A. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha, Brno, 1959.

Gregorič J. Kostelski slovar. Ljubljana, 2014.

Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.

Greń Z., Krasowska H. Słownik górali polskich na Bukowinie. Warszawa, 2008.

Gusić I., Gusić F. Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine. Zagreb, 2004.

Habovštiak A. O názvoch jaternice v slovenských nárečiach // Kultúra slova. 1978. Č. 12 (3). S. 75–78.

Hamp E. dêsni // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956). Zagreb, 1985. S. 193–195.

Hamp E. IE 'spleen' // Journal of Indo-European Studies. 2002. Vol. 30. P. 145–150.

Hirt H. Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg, 1900.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Horečka F. Nářečí na Frenštátsku. Frenštát pod Radhoštěm, 1941.

Houtzagers H. The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres. Amsterdam, 1985.

Hruška J. Dialekticky slovník chodský. V Praze, 1907.

HSSJ 1–7 – Historický slovník slovenského jazyka. D. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Hujer O. Herbert Petersson. Zur slavischen und vergleichenden Wortforschung. N. F. Afd. 1, Bd. 11. Baltisches und Slavisches. Ibid. Bd. 12 // Listy filologické. 1919, roč. 46, č. 2. P. 114–118.

Itkin I. On Tocharian A cognates of the Tocharian B words meaning ‘spleen’ and ‘liver’ // Journal of Language Relationship. 2022. № 20/3–4. P. 177–180.

Ivančič Kutin B. Slovar bovškega govora, Ljubljana, 2007.

Ivančić-Dusper Đ., Bašić M. Rječnik crikveničkoga govora, Crikvenica, 2013.

Jagić V. Psalterium Bononiense. Vindobonae, Berolini, Petropoli, 1907.

Jakobson R. While Reading Vasmer’s Dictionary // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. Word and Language. The Hague, Paris, 1971. P. 620–649.

Jakop T. Izrazi za sani in smuči (po gradivu za Slovenski lingvistični atlas) // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 24. Zagreb, 2020. S. 107–142.

Jakšić M. Rječnik govorā slavonskih, baranjskih i srijemskih. Zagreb, 2015.

Janko J. Varkule, varhule // Naše řeč. 1922. Roč. 6. Č. 3. S. 76–78.

Janów J. Słownik huculski. Kraków, 2001.

Janzén A. Die etymologische Sippe von slav. kyšьka // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1938. Vol. 15. No. 1/2. S. 49–60.

Japunčić M. Taslak: rječnik sv. Roka. Zagreb, 1998.

Jarnik U. Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart in Inner-Österreich. Klagenfurt, 1832.

Johansson K. F. Arische Beiträge // Indogermanische Forschungen. 1903. Bd. 14. Heft 1. S. 265–339.

Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1–5. Praha, 1989–1990.

Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. D. 1–2. Zagreb, 1966, 1973.

Kalsbeek J. The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria. Amsterdam, Atlanta, 1998.

Kapović M. Naglasak praslavenske riječi *sьrdьce // Croatica et Slavica Iadertina. 2005. Vol. 1. No. 1. S. 125–133.

Kapović M. Povijest hrvatske akcentuacije. Zagreb, 2015.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.

Karničar L. Der Obir-Dialekt in Kärnten. Graz, 1986.

Kassian A. Annotated Swadesh wordlists for the Lezgian group (North Caucasian family). URL: http://starling.rinet.ru/new100/lez.pdf

Kąś J. Słownik gwary orawskiej. T. 1–2. Kraków, 2011.

Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. 1–3. Heidelberg, 1963–1975.

Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden, 1982.

Klein E. A Compehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Jerusalem, 1987.

Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 1989.

Kobylińska J. Słownik gwary gorczańskiej (zagórzańskiej). Kraków, 2001.

Komárek M. Historická mluvnice česká. Hláskosloví, Praha, 1969.

Komenský J. A. Dvéře jazyků odevřené. Lešno, 1633.

Kott F. Dodatky k Bartošovu dialektickému slovníku moravskému. V Praze, 1910.

KP XVI – Korpus polszczyzny XVI wieku. URL: https://spxvi.edu.pl/korpus/

Králik Ľ. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.

Kucała M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Kukučín M. Sobrané spisy. D. 13. Bratislava, 1958.

Kyas V. Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. D. 1–5. Praha, 1981–2009.

Kyriazis D. K. Aspects of Inter-Linguistic Isosemy in the Pastoral Terminology of the Pindos Mountain Region // Balkanismen heute – Balkanisms Today – Балканизмы сегодня. Wien, 2012. S. 137–150.

Lamprecht A. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963.

Lamprecht A. Praslovanština. Brno, 1987.

Lane G. Two Slavic Etymologies // The American Journal of Philology. 1933, Vol. 54, Issue 1. P. 64–65.

LDHBČ – *Nejedlý P. et al.* Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny. URL: madla.ujc.cas.cz

Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.

Lehr-Spławiński T. O mieszaniu prasłowiańskich połączeń telt z tolt w językach północnosłowiańskich // Lehr-Spławiński T. Studia i szkice wybrane. Część 1. Warszawa, 1957. S. 219–230.

Leskien A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis II // Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1910. Bd. 28. S. 3–26.

Liddel H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

Ligorio O. Body Parts // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. 2022. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035813

Lipljin T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora, Varaždin, 2013.

LIV 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.

LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. URL: http://lkz.lt

Lorentz 1–2 – *Lorentz F.* Slovinzisches Worterbuch. Bd. 1–2. St. Petersburg, 1908, 1912.

Lorentz PW 1–5 – *Lorentz F.* Pomoranisches Wörterbuch. Bd. 1–5. Berlin, 1958–1983.

Lubotsky A. The Indo-Iranian Laryngeal Accent Shift and its Relative Chronology // Rekonstruktion und relative Chronologie. Insbruck, 1992. S. 261–269.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.

MAGP – Mały atlas gwar polskich. T. 1–13. Wrocław, Kraków, 1957–1970.

Malina I. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946.

Malnar S. Rječnik govora Čabarskog kraja. Čabar, 2008.

Maresić J. Govor i rječnik Molvi // Hrvatski dijalektološki zbornik. 2010. Knj. 16. S. 1–124.

Maresić J., Miholek V. Opis i rječnik đurđevečkoga govora. Đurđevac, 2011.

Mareš F. V. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty // Slavia, 1956, roč. 25. S. 443–495.

Martirosyan H. K. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden, 2010.

Matasović R. Gender in Indo-European. Heidelberg, 2004.

Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.

Matasović R. Substratum words in Balto-Slavic // Filologija. 2013, Vol. 60. S. 75–101.

Matasović R. Slavic Nominal Word-Formation. Heidelberg, 2014.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1880. Roč. 7. Č. 1/2. S. 1–48.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1881. Roč. 8. Č. 1/2. S. 1–48.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1882. Roč. 9. Č. 3/4. S. 177–224.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1884. Roč. 11. Č. 3/4. S. 161–194.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické. 1890. Roč. 17. Č. 3/4. S. 161–200.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické. 1892. Roč. 19. Č. 4. S. 241–256.

Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. 1–3. Heidelberg, 1992–2001.

Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–4. Vilnius, 1988–1997.

MBP 1–4 – Materijal bosanskohercegovačkih punktova za općeslavenski lingvistički atlas. D. 1–4. Sarajevo, 2010.

Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. P. 1–2. Paris, 1902, 1905.

Meillet A. Les alternances vocaliques en vieux slave (suite) // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1907. Vol. 14/4. P. 332–390.

Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. B. 1–2. Strassburg, 1891.

Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911.

Mikkola J. Etymologische beiträge // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1886, Bd. 21. S. 219–225.

Mikkola J. Slavica II // Indogermanische Forschungen. 1898. Bd. 8. S. 302–304.

Mikkola J. Urslavische Grammatik. Teile 1–3. Heidelberg, 1913–1950.

Miklosich F. Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Aalen, 1977.

Moszyński L. Najstarsze zróżnicowanie dialektyczne prasłowiańszczyzny // Slavia Orientalis. 1980. Rocz. 29. Zesz. 1/2. S. 195–200.

Mráz F. Úplná theoreticko-praktická mluvnica maďarského jazyka. Viedeň, 1866.

MSGP 2010 – Mały słownik gwar polskich. Kraków, 2010.

Mumm P. A. Deutsch *Kamm*, *Kimme* und die Bedeutung von idg. *ǵomb^{h}o-, *ǵemb^{h}- // Grippe, Kamm und Eulenspiegel. Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag. Berlin; New York, 1999. S. 295–312.

Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bd. 1–4. Riga, 1923–1932.

Nagy L. Cvičenia umu a reči. Budín, 1870.

NALR 1967 – Noul atlas lingvistic român pe regiuni. Oltenia. Bucureşti, 1967.

NALR 1969 – Atlas lingvistic român pe regiuni. Maramureş. Bucureşti, 1969.

NALR 1980 – Noul atlas lingvistic român pe regiuni. Banat. Bucureşti, 1980.

NALR 1987 – Noul atlas lingvistic al României. Moldova şi Bucovina. Bucureşti, 1987.

NALR 1992 – Atlas lingvistic român pe regiuni. Transilvania. Bucureşti, 1992.

NALR 1996 – Atlas lingvistic român pe regiuni. Muntenia şi Dobrogea. Bucureşti, 1996.

Narten J. Ai. jámbha-, gr. γόμφος und Verwandtes // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1965, Bd. 79, Heft 3/4. S. 255–264.

NIL 2008 – Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.

Novak F. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1996.

Novak V. Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2006.

Orel V. Slavic *mǫdo ‘Testicle’ // Journal of Slavic Linguistics. 1996. Vol. 4, No. 1. P. 154–158.

Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.

Orel V. Russian Etymological Dictionary. Vol. 1–4. Calgary, 2007–2011.

Orlovský J. Gemerský nárečný slovník. Rimavská Sobota, 1982.

Osten-Sacken W. Etymologien // Indogermanische Forschungen. 1909. Bd. 24. S. 238–248.

Ostrowski B. Plośna ‘stopa’ – gwarowy archaizm leksykalny? // Język Polski. 1991. Rocz. 71. Zesz. 3–5. S. 239–242.

Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. T. 1–3. Warszawa, 1956–1965.

Ożóg J. B. Słownik gwary wsi Nienadówka i okolicy w Rzeszowskiem // Studia historycznojęzykowe i dialektologiczne. Kraków, 1992. S. 181–218.

PAC 1877 – *Chabrand J.-A., de Rochas d'Aiglun A.* Patois des Alpes Cottiennes (Briançonnais et Vallées Vaudoises) et en particulier du Queyras. Grenoble; Paris, 1877.

Palkovič K. Nárečové expresíva označujúce časti tela // Kultúra slova. 1972. Roč. 6. Č. 7. S. 237–243.

Pallioppi Z., Pallioppi E. Dizionari dels idioms romauntschs d'Engiadin' ota e bassa, della Val Müstair, da Bravuogen e Filisur. Samedan, 1895.

Patera A. Žaltář Klementinský. V Praze, 1890.

Patera A. Žaltář Poděbradský. V Praze, 1899.

PDS 1–2 – Psalterium Demetrii Sinaitici et Folia Medicinalia (Monasterii sanctae Catharinae codex slavicus NF 3). Bd. 1–2. Wien, 2012, 2021.

Pedersen H. Die nasalpräsentia und der Slavische akzent // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1905, Bd. 38, Heft 3. S. 297–421.

Persson P. Etymologisches // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1895. Bd. 33. Heft 2. S. 284–294.

Petersson H. Die indogermanischen Wörter für Milz // Indogermanische Forschungen. 1908/1909, Bd. 23. S. 158–160.

Pfuhl K. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. 1–2. V Ljubljani, 1894, 1895.

Pogwizd S. O pochodzeniu i rozwoju semantycznym leksemu pluta jako przykładzie zbieżności polsko-wschodniosłowackich w leksyce meteorologicznej // Język Polski. 2021. Rocz. 101. Zesz. 3. S. 113–121.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Procházka S. Color terms // Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. 2011. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopediaof-arabic-language-and-linguistics/*-EALL_SIM_000001

Pronk T. The Slovene Dialect of Egg and Potschach in the Gailtal, Austria. Amsterdam; New York, 2009.

Pronk T. Singulative n-stems in Indo-European // Transactions of the Philological Society. 2015, Vol. 113/3. P. 327–348.

Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. Konzonantizem. Ljubljana, 1924.

Ramułt S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.

Razpet M. Kako se reče po cerkljansko. Ljubljana, 2006.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Budapest, 1988.

Reichelt H. Der sekundäre ablaut // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1906. Bd. 39. Heft 1. S. 1–80.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Voznice, 2001.

RHiSJ 1–23 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.

Ribarić J. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri // Српски дијалектолошки зборник. 1940. Књ. 9. С. 1–208.

Rieger J. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Brasławszczyźnie. Warszawa, 2014.

Rippl E. Der alttschechische Kapitelpsalter. Praha, 1928.

ROMLEX – Romani lexicon. URL: http://romani.uni-graz.at/romlex/

Rosa V. Thesaurus linguae Bohemicae. URL: https://vokabular.ujc.cas.cz/nezapojene.aspx?idz=eRosaThesN

Rovai F. Between Feminine Singular and Neuter Plural: Re-Analysis Patterns // Transactions of the Philological Society. 2012. Vol. 110. Iss. 1. P. 94–121.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Saenko M. N. History of the Taxonomy of Slavic Languages // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. DOI: 10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036398

SAUČ 2016 – Slovník afixů užívaných v češtině. Praha: Karolinum, 2016.

Schaarschmidt G. A Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages. Heidelberg, 1998.

Schrijver P. The reflexes of Proto-Indo-European laryngeals in Latin. Amsterdam, Atlanta, 1991.

Schuchardt H. Zu den romanischen Benennungen der Milz // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1917. Heft 8. S. 156–170.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24. Bautzen, 1978–1989.

Schwyzer E. Die Bezeichnungen des Zahnfl eisches in den indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1930, Bd. 57, Heft 3/4. S. 256–275.

Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd. 1. München, 1977.

SEJDP 1–6 – Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.

SEK 1–6 – Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–6. Warszawa, 1994–2010.

Seldeslachts H. Études de morphologie historique du verbe latin et indo-européen. Louvain, 2001.

SGM 1–2 – Słownik gwar małopolskich. T. 1–2. Kraków, 2016, 2017.

SGP 1–34 – Słownik gwar polskich. Zesz. 1–34. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979–2021.

SGOWM 1–9 – Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. T. 1–9. Warszawa; Kraków, 1987–2023.

Shevelov G. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.

Shevelov G. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.

Siatkowski J. Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012.

SJP 1–8 – Słownik języka polskiego. T. 1–8. Warszawa, 1900–1927.

SJP – Słownik języka polskiego PWN. URL: https://sjp.pwn.pl

SJS 1–4 – Slovník jazyka staroslověnského. D. 1–4. Praha, 1958–1983.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb, 1971–1973.

Skurzewska A. Матеріялы до рускаго словаря – rękopiśmienny dziewiętnastowieczny słownik ukraińsko-polski Josyfa Skomorowskiego // Linguistica Copernicana, 2020, nr. 17. S. 259–270.

SLA 1–3 – Slovenski lingvistični atlas. D. 1–3. Ljubljana, 2011–2023.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków, 1952–1982.

Sławski F. Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska. Kraków, 2011.

Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.

SNČJ – Slovník nářečí českého jazyka. URL: https://sncj.ujc.cas.cz

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.

Sochová Z. Lašská slovní zásoba. Praha, 2001.

SP 1–8, 10, 11 – Słownik prasłowiański. T. 1–8, 10, 11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2024.

SPJ – Slovar Pohlinova jezika URL: https://www.fran.si/215/slovar_pohlinovega_jezika

SPXVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–39. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966–2021.

SSA 1–15 – Sorbischer Sprachatlas. Bd. 1–15. Bautzen, 1965–1996.

SSJ 1–6 – Slovník slovenského jazyka. D. 1–6. Bratislava, 1959–1968.

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. URL: https://ssjc.ujc.cas.cz

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja. URL: http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2

SSL – Slovník středověké latiny v českých zemích: elektronická verse 2.0. URL: http://lb.ics.cas.cz/

SSN 1–3 – Slovník slovenských nárečí. Zv. 1–3. Bratislava, 1994–2021.

SStp 1–11 – Słownik staropolski. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

StčS 1996 – Staročeský slovník. Paběničský – pravý. Praha, 1996.

StčTB – Staročeská textová banka. URL: http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB

Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia: San Giorgo. Amsterdam; Atlanta, 1992.

Stieber Z. Kaszubski retk ‘przylądek’ // Język Polski. 1958. Rocz. 38. Zesz. 4. S. 284–285.

StřTB – Středněčeská textová banka. URL: https://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=SDTB

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. 1–7. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1967–1976.

Synková P. Popis staročeské apelativní deklinace (se zřetelem k automatické morfologické analýze textů Staročeské textové banky). Disertační práce. Praha, 2017.

Szulc A. Leksykalne i słowotwórcze zróżnicowanie cerkiewnosłowiańskich psałterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku. Cz. 1–2. Toruń, 2000, 2001.

Szulc A. Psałterz warszawskiego sbornika Boz. 86 wobec cerkiewnosłowiańskiej tradycji rękopiśmiennej. Toruń, 2006.

Szymański T. Polskie drobiazgi słownikowe. 6. Gwarowe bączal, japa // Język Polski. 1983, rocz. 63. S. 96–101.

Šatović F., Kalinski I. Riječnik hrvatskŏga kajkavskŏga prigŏrskŏga govŏra zagrebečkŏga Cerja. Zagreb, 2012.

Šaur V. J před zadními vokály v staroslověnštině // Slavia. 1988. Roč. 57. Seš. 2. S. 250–263.

Šekli M. Tipologija lingvogenez slovanskih jezikov. Ljubljana, 2018.

Šimečková M. Co se nedostalo do Českého jazykového atlasu: nářeční pojmenování střenky // Naše řeč. 2021. Č. 1. S. 52–63.

Šimunović P. Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.

Šujanský F. Niečo zo stariny slovenskej // Slovensé pohľady. 1893. Roč. 13. S. 52–11.

TLFI – Le Trésor de la Langue Française informatisé. URL: https://www.cnrtl.fr/

Tominec I. Črnovrški dialekt. Ljubljana, 1964.

Torbiörnsson T. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala, 1901.

Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

TSVK 1–7 – Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten. Bd. 1–7. Wien, 1982–2011.

Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898/1899.

Urban M. Red, black, and white hearts: ‘heart’, ‘liver’, and ‘lungs’ in typological and areal perspective // Linguistic Typology. 2022. Vol. 26. Issue 2. P. 349–374.

de Vaan M. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 1–5. Lyon; Paris, 1950–1977.

Vajs J. Psalterivm palaeoslovenicvm croatico-glagoliticvm. Pragae, 1916.

Varłyha A. Krajovy słoŭnik Łahojščyny. New York, 1970.

Villnow Komárková J. Projekt Etymologického slovníku české a slovenské vinohradnické a vinařské terminologie // Slavia Centralis. 2019. Let. 12. Št. 2. S. 70–84.

Voleková K., Kreisingerová H. Palaeoslovenisms in the second translation of the Old Czech Psalter // Studia etymologica Brunensia 25. Praha, 2021. S. 179–191.

Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. 1, 2. Göttingen, 1924, 1928.

Vranić S., Oštarić I. Rječnik govora Novalje na otoku Pagu. Novalja, 2016.

VW – Vokabulař webovy. URL: https://vokabular.ujc.cas.cz

Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Bd. 2. Teil 2. Göttingen, 1954.

Walde A. Zu den indogerm. Wörtern für ‘Milz’ // Indogermanische Forschungen. 1909. Bd. 25. S. 160–166.

Waniakowa J. Zróżnicowanie dialektalne Słowiańszczyzny na przykładzie nazw ‘ust’ i ‘warg’ // Rocznik Slawistyczny. 2008. T. 57. S. 127–136.

Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985.

Weiss P. Govori zadrecke doline. Poskusni zvezek (A–H). Ljubljana, 1998.

van Wijk M. O stosunkach pokrewieństwa językowego // Prace Filologiczne 1927. T. 11. S. 1–16.

Wirth P. Slavische Wörter und Sachen. 1. Russ. legkoje, pl. legkija ‘Lunge’ // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1939. Bd. 16. Heft 1/2. S. 93–97.

Wrześniowski A. Spis wyrazów podhalskich // Studia Dialektologiczne III. Kraków, 2006. S. 185–232.

Wysocka F. Polska terminologia lekarska do roku 1838. T. II. Kraków, 1994.

Young R. W., Morgan W. The Navajo Language. A Grammar and Colloquial Dictionary. Albuquerque, 1987.

Zauner A. Die romanischen Namen der Körperteile. Erlangen, 1902.

Zubatý J. Slavische Etymologien // Archiv für slavische Philologie. 1894. Bd. 16. S. 385–425.

Zupitza E. Etymologien // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1899. Bd. 25. S. 89–105.

Принятые сокращения

а. п. – акцентная парадигма
авест. – авестийский
австр. – австрийский
азерб. – азербайджанский
алб. – албанский
англ. – английский
араб. – арабский
арам. – арамейский
арм. – армянский
арх. – архангельский
архаич. – архаический
астрах. – астраханский
атт. – аттический
банат. – банатский
баскск. – баскский
бел. – белорусский
болг. – болгарский
брянск. – брянский
бурят. – бурятский
в.-луж. – верхнелужицкий
валл. – валлийский
венг. – венгерский
влад. – владимирский
волог. – вологодский
вост.-сл. – восточнославянский
вьет. – вьетнамский
вят. – вятский
гот. – готский
греч. – греческий
гуцул. – гуцульский
д.-в.-н. – древневерхненемецкий
диал. – диалектный
дон. – донской
др.-англ. – древнеанглийский
др.-греч. – древнегреческий
др.-ирл. – древнеирландский
др.-рус. – древнерусский
др.-сканд. – древнескандинавский
др.-чеш. – древнечешский
др.-швед. – древнешведский
ивр. – иврит
ион. – ионический
иркут. – иркутский
исп. – испанский
ит. – итальянский
каз. – казахский
кайк. – кайкавский
калуж. – калужский
карел. – карельский
карп. – карпатский
каш. – кашубский
кипр. – кипрский
киров. – кировский
кит. – китайский
колым. – колымский
лат. – латинский
латв. – латвийский
лемк. – лемковский
лид. – лидийский
лик. – ликийский
лит. – литовский
литер. – литературный
лтш. – латышский
мак. – македонский
мегл.-рум. – мегленорумынский
морав. – моравский
н.-луж. – нижнелужицкий
нем. – немецкий
нидерл. – нидерландский
нижегор. – нижегородский
новосиб. – новосибирский
олон. – олонецкий

онеж. – онежский
орлов. – орловский
п.-и.-е. – праиндоевропейский
пейор. – пейоративный
перм. – пермский
перс. – персидский
петерб. – петербургский
пинеж. – пинежский
пол. – польский
полаб. – полабский
полесск. – полесский
прабалт. – прабалтийский
прагерм. – прагерманский
пракельт. – пракельтский
праностр. – праностратический
праслав. – праславянский
праурал. – прауральский
прус. – прусский
псков. – псковский
разг. – разговорный
родоп. – родопский
рум. – румынский
руманш. – руманшский
рус. – русский
ряз. – рязанский
санскр. – санскритский
сев.-двин. – северодвинский
слвн. – словенский
слвц. – словацкий
словин. – словинский
смол. – смоленский
ср.-бав. – среднебаварский
ср.-в.-нем. – средневерхнемецкий
ср.-н.-нем. – средненижненемецкий
ср.-валл. – средневаллийский
ср.-ирл. – среднеирландский
ср.-нем. – средненемецкий
ст.-бел. – старобелорусский
ст.-пол. – старопольский
ст.-рус. – старорусский
ст.-сл. – старославянский
ст.-укр. – староукраинский
схр. – сербохорватский
тат. – татарский
твер. – тверской
терск. – терский
тирол. – тирольский
тох. A – тохарский A
тох. B – тохарский B
тул. – тульский
тур. – турецкий
узб. – узбекский
укр. – украинский
устар. – устаревший
фин. – финский
фр. – французский
халадж. – халаджский
хетт. – хеттский
холмог. – холмогорский
хорв. – хорватский
ц.-сл. – церковнославянский
чак. – чакавский
чеш. – чешский
шаришск. – шаришский
швед. – шведский
эст. – эстонский
южн. – южный
яп. – японский
яросл. – ярославский
acc. – винительный падеж
dat. – дательный падеж
du. – двойственное число
f. – женский род
gen. – родительный падеж
ins. – творительный падеж
loc. – местный падеж
m. – мужской род
n. – средний род
nom. – именительный падеж
pl. – множественное число
pl. t. – слово без единственного числа
praes. – настоящее время
sg. – единственное число
voc. – звательный падеж

Регистр семантических дрейфов и дериватов

Регистр составлен по обеим частям монографии (часть обозначена римской цифрой, после неё идёт страница). В случае, когда примеров на тот или иной дрейф слишком много, конкретные формы не указываются.

1. Переносы

1.1. Переносы с других частей тела

1.1.1. Переносы по смежности

живот > мужские половые органы – схр. диал. *žìvot* I.40.

живот > матка; женские половые органы – др.-пол. *żywot*, рус. диал. *живо́т* I.48–49.

живот > сердце – полаб. *zaịvət* I.47.

живот > прямая кишка – рус. диал. *живо́т* I.49.

голень > бедро – пол. диал. *łydka*, бел. диал., рус. диал. *лы́тка*, слвн. диал. *lîtka*, бел. диал. *галёнка*, укр. диал. *hoˈl’onka ~ hoˈl’enka*, рус. диал. *го́л’эн’ ~ гал’а́шка* I.136.

щиколотка > бедро – рус. диал. *лоды́жка* I.136.

поясница > бедро – рус. диал. *ля́двея* I.137.

бедро > икра ноги – пол. диал., слвн. диал., рус. диал. I.170.

голень > икра ноги – схр. диал., пол. диал., бел. диал., укр. диал., рус. диал. I.171.

берцовая кость > икра ноги – слвн. диал. *pəšˈčiːəlo*, мак. диал. *писка* I.172.

подколенное сухожилие > икра ноги – укр. диал. *ˈžižka*, *ˈžyžka*, рус. диал. *ˈžyžkạ*, *поджы́лки*, *по́джилки*, *поджы́лочька*, бел. диал. *ця́глы* I.172.

голень > щиколотка – слвн. диал. *gulẹ̀ːˀna*, рус. диал. *лы́тка* I.189.

лодыжка > стопа – рус. диал. *łoˈdyška* I.207.

голень > стопа – мак. диал. *лис* I.207.

сустав пальца > фаланга пальца II.61.

фаланга пальца > ноготь II.61.

губа / губы > рот – праслав. *usta; в.-луж. *huba*, н.-луж. *guba*, пол. *gęba*, чеш., слвц. *huba*; пол. диал. *var’g’i*, *varg’i*; мак. диал. *бу́за* II.76, 99.

челюсть > рот – бел. диал. *вы́лыц’и*, рус. диал. *ви́лы*, слвц. диал. *škraňa ~ žgraňa* II.99, 100.

кадык > рот – рус. диал. *кады́к* II.100.
горло > рот – схр. диал. *gȇ̯.lo*, слвн. диал. *hə̀rlo*, бел. диал. *го́рла*, пол. диал. *garu̯o* II.100.
клыки > дёсны – рус. диал. *клыки́* II.130.
коренные зубы > дёсны – укр. диал. *черін'а* II.130.
нёбо > десна – мак. диал. *непце*, *немце* II.130.
челюсть > дёсны – мак. диал. *вилици* II.130.
десна > нёбо – слвн. диал., в.-луж. диал., мак. диал. II.160.
челюсть > нёбо – слвн. диал. *čẹ̑lûst* II.160.
лёгкие > печень – пол. диал. *dudy*, луж. диал. *puca* / *pluca* II.218, 219.
селезёнка > почка – слвн. диал. *slezánə*, *slezán* II.224.
бок > селезёнка – болг. диал. *слабинъ* II.245.
толстая кишка > селезёнка – слвн. устар. *čmâr* II.245.
кишка > желудок – рус. диал. *кишка* II.259.
толстая кишка > желудок – схр. диал. *čmə̏̀:r*, слвн. диал. *čoˈmə̏:r*; рус. диал. *кутырь*, бел. диал. *kuˈtɨr'* II.259, 260.
сердце > желудок – болг. диал., мак. диал., схр. диал. II.259.
желудок > кишки – рус. диал. *кандю́х*, *келобухи* II.273.
поясница > мочевой пузырь – рус. диал. *разбо́р* II.285.
мошонка > тестикулы – схр. диал. *мо̀шње*, *жѝвот*; болг. диал. *тъга́рко* II.293.
мужской половой член > тестикула – ст.-рус. *лоно* II.294.

1.1.2. Переносы по сходству

тазобедренный сустав > щиколотка – болг. диал. *къ́льчек*, рус. диал. *ко́лки*, рус. диал. *мосла́к*, рус. диал. *хо́лка* I.131, 132, 189–190.
животик > икра ноги – луж. диал., пол. диал., бел. диал., рус. диал. I.173.
коленце > щиколотка – слвн. диал. *kolence* I.189.
пятка > щиколотка – слвн. диал. *pîᵉta* I.189.
горло > щиколотка – слвн. диал. *grlo* I.190.
запястье > щиколотка – болг. диал. *ки́тка* I.190.
сустав пальца > щиколотка – слвн. диал., схр. диал., мак. диал., слвц., чеш. диал., рус. диал. I.192–193, II.61.
железа > щиколотка – слвн. диал. *žliᵊza* I.193.
ладонь > стопа – мак. диал. *длан*, *блана* I.207.
сустав > позвонок II.61.
сустав пальца > запястье II.61.
колено > сустав пальца – слвн. диал., схр. диал., бел. диал., укр. диал., рус. диал. II.67.
живот > рот – слвн. диал. II.101–102.
темя > нёбо – слвн. диал. *tẹ̑mence*, болг. диал. *ˈtemi*, *ˈt'emi* II.160.
почка > тестикула – ст.-сл. **истъ**; схр. диал. *бубре́зи*; ст.-рус. *ѧ́тра* II.292–293, 295.

1.1.3. Сужения значения

тело > женская грудь – схр. диал. *žìvot* I.40.

тело > живот – схр. диал. *žìvot*, др.-чеш., слвц. *život*, в.-луж. *život*, н.-луж. *žywot*, полаб. *zaɟìvət*, др.-пол. *żywot*, бел. *жывóт*, укр. *живíт*, рус. *живóт* I.40, 45, 47, 49.

тело > нижняя часть спины – схр. диал. *žìvot* I.40.

тело > спина – мак. диал. *снага* I.93.

тело > талия – схр. диал. *žìvot* I.40.

живот > грудь – рус. диал. *живóт* I.49, 80.

туловище > спина – рус. диал. *стан* I.94.

кость > бедро – рус. диал. *булды́шка* I.140.

часть тела > бедро – пол. *udo* I.140.

нога > икра ноги – пол. диал. *giczal*, чеш. диал. *hnat* I.172.

мышца > икра – слвн. диал. *mišica*, пол. диал. пол. *mięśnie* I.174, 175.

косточка > щиколотка – болг. диал., мак. диал., схр. диал., слвн. диал., чеш. диал., пол., рус. диал. I.190–192.

сустав > щиколотка – мак. диал., слвн. диал., чеш. диал. I.192, 193.

мягкие ткани тела > мужской половой орган II.40.

сустав > сустав пальца II.61.

часть тела > конечность II.61.

часть тела > половой орган II.61.

половой орган > крайняя плоть II.61.

внутренности > печень – праслав. *ętro; пол. *wątroba*, схр. диал. *utˈrobica* II.215–217.

живот > желудок – мак. диал. *meˈšina*; пол. диал. *břux ~ bžux*, бел. диал. *brux* II.258.

внутренности > кишки – слвц. диал. *droby*, *drobská*, *drobec*, слвн. диал. *dˈrǫu̯ba* II.272.

1.1.4. Расширения значения

грудина > грудь – континуанты *grǫdь I.75–77.

ребро > грудь – слвн. диал. *rebro* I.80.

ребро > бок – рус. диал. *ребро́* I.137.

лёгкие > грудь – рус. диал. *вздýхи* I.80.

плечи (верхняя часть спины) > спина – польск. *plecy* I.84.

поясница > спина – схр. *léđa*, рус. диал. *поясни́ца*, слвн. диал. *ɔrí:š*, хорв. диал. *kˈri:ža*, пол. диал. *krzyż*, бел. диал. *сярэ́дзіна*, рус. диал. *серéдина*, укр. диал. *poˈperek* I.85, 93, 94.

крестец > спина – болг. диал. *кръс*, схр. диал. *kr̥sˈtinɛ* I.93.

затылок > спина – рус. диал. *тыл* I.95.

тазобедренный сустав > бедро – болг. диал. *кълк* / *кълка*, слвн. диал. *sklíp*, *hù:j*, пол. диал. *pšygub'e* I.130, 133, 137.
пятка > стопа – слвн. диал., рус. диал., бел. диал. I.206.
подошва ноги > стопа – слвн. диал., схр. диал., бел. диал., укр. диал., рус. диал. I.206.
плюсна > стопа – бел. диал., рус. диал. I.206.
сустав > часть тела II.61.
часть тела > тело II.61.
щиколотка > сустав – мак. диал., схр. диал., рус. диал. II.72.
колено > сустав – мак. диал. *кул'ено*, укр. диал. *кол'інце* II.72.
запястье > сустав – рус. диал. *забои́* II.73.
зубы > рот – схр. диал. II.98.

1.2. Переносы с частей тела животных на части тела человека

туша > тело – рус. диал. *ту́ша* I.36.
грива > спина – хорв. диал. *grì:ne*, схр. диал. *kičma* I.93–94.
копыто > нога – праслав. *noga I.98.
нога животного > нога человека – болг. *крак* I.104–105.
окорок > бедро – чеш. диал., слвц. диал., пол. диал. *kyta I.140.
икра рыбы > икра ноги – праслав. *jьkro I.163–164.
цевка (птичья кость) > икра ноги – бел. диал. *'ceu̯ka* I.172.
нога животного > щиколотка – слвн. диал. *k'rek* I.190.
лапа > стопа – рус. диал., укр. диал., пол. диал., чеш. диал., мак. диал. I.205–206.
место между позвонками, где отрезается голова животного при забое > сустав – болг. диал. *за́колак* II.73.
большая кость животного без мяса > сустав на руке или ноге человека – схр. диал. *глога́ањ* II.74.
морда животного > рот – *гъtъ II. (рис. 3), *pyskъ, схр. диал. *гӱбᵘца*; рус. диал. *ры́ло*; укр. диал. *ри́йка*; слвц. диал. *chráp*; рус. разг. и диал. *мурло́* II.84–89, 100, 101, 105.
морда животного > губа – *гъtъ II. (рис. 3), *pyskъ II.89, 95–97.
пасть животного > рот – чеш., слвц. *tlama*, рус. диал. *хра́на* II.100, 101.
клюв > рот – схр. диал. *кљуни́ца*, чеш., слвц. *zobák*, слвц. диал. *pizák*, пол. *dzióbˈ*, укр. диал. *дзю́бок*, *дзю́бок ~ дзьо́бок* II.101.
жабры > рот – укр. диал. *дзя́бри* II.101.
внутренности рыбы > селезёнка – рус. диал. *сенёк* II.245–246.
требуха > желудок – схр. диал., болг. диал., бел. диал., рус. диал. II.259.
рубец (отдел желудка жвачного) > желудок – чеш. и слвц. *bachor* II.260.
требуха > мочевой пузырь – рус. диал. *требуха́* II.285.
паюс > мочевой пузырь – рус. диал. *па́юс* II.285.

1.3. Переносы с названий животных

поросёнок > икра ноги – болг., мак. диал., схр. диал., пол. диал., слвц. диал., укр. диал. I.175–176.
лягушка > икра ноги – болг. диал., мак. диал. I.176.
рябчик > икра ноги – мак. диал. *ја̨ра̨б'иц̨а* I.176.
рыба > икра ноги – слвн. диал., схр. диал., пол. диал. I.176.
мыши > почки – слвн. диал. *miši* II.223.
рыбки > почки – слвн. диал. *ribice*, рус. диал. *ры́бки* II.223.
мотылёк > почки – рус. диал. мотылёк II.223.

1.4. Переносы с имён собственных

Maciek (Maciej) > желудок животного – пол. диал. *maćek* II.261.
Michał > кадык – пол. диал. *michał*, *michałek* II.261.

1.5. Переносы с названий одежды и обуви

часть одежды, закрывающая грудь > грудь – рус. диал. *пе́лька* ʻгрудь', бел. диал. *пе́лькі* (pl.) I.81.
кошёлка > заплечье > спина – рус. диал. *кошлы* I.95.
лямка > спина – рус. диал. *ля́мка* I.95.
изнанка > спина – рус. диал. *изна́чка* I.95.
седло > спина лошади > спина человека – рус. диал. *седёлка* I.95.
штаны > бёдра – рус. диал. *гач*, *га́ча* I.140.
оборка > щиколотка – рус. диал. *убо́рина*, *у́борник* I.194.
штанина > бедро – рус. диал. *соł'ра* I.207.
башмак > стопа – схр. диал. *post͡ʒo̯l* I.207.
подошва обуви > подошва ноги > стопа – схр. диал. *bedn* / *bedno* I.207.
верхняя часть обуви > стопа – слвн. диал., схр. диал. I.207–208.
передняя часть обуви > стопа – укр. диал., рус. диал. I.208.
лапоть > стопа – рус. диал. *ла́поть* I.208.
кожаная обувь > стопа – рус. диал. *ko'tыška* I.208.
верхняя часть обуви > подъём ноги II.87–89.
нижняя часть одежды > тестикула – ст.-пол. *podołek* II.298.
*передняя часть штанов > тестикул*а – рус. диал. *гнездо́* II.298.

1.6. Переносы с прочих объектов

падаль > тело – мак. *мрша*, болг. диал. *мъ́рша* / *мръ́ша* I.35.
*остов > *позвоночник > спина* – рус. диал. *о́стов* I.95.
сила > тело – болг. *снага́*, мак. *снага*, схр. диал. *snága* I.35–36.
характер > тело – схр. *nárav* I.36.

изделие из луба > туловище, тело – схр. *lùbina* I.36.
душа > грудь > тело – рус. диал. *душá* I.36, 81.
жизнь > туловище, тело – схр. диал. *žìvot*, слвн. *žívȍt*, др.-чеш., слвц. *život*, в.-луж. *žiwot*, н.-луж. *žywot*, полаб. *zaịvət*, др.-пол. *żywot*, бел. *жывóт*, укр. *живі́т*, рус. *живóт* I.39–41, 45–49.
пазуха > грудь – укр. разг. *пáзуха* I.81.
короб > грудь – рус. диал. *бурáк*, *турúк* I.81–82.
доска > грудь – рус. диал. *доскá* I.82.
задняя часть > спина – чеш. *záda* I.85.
горб > спина – болг. *гръб*, мак. *грб* I.85–86.
шишка > горб > спина – рус. диал. *хохря́к* I.95.
выпуклая сторона бабки > спина – рус. диал. *жох* I.96.
толщина > бедро – болг. диал. *debeli ˈnə*, *debeł ˈta* I.139.
дудка > берцовая кость > бедро – рус. диал. *сопúлка* I.139.
свирель > берцовая кость > икра ноги – мак. диал. *сворци*, рус. диал. *бирю́лька*; *дýтка*; *сапúлка* I.172.
мякоть > икра ноги – слвн., схр. диал., бел. диал., укр. диал., рус. диал. I.173.
подушечка > икра ноги – бел. диал. *падýшычка* I.174.
пучок > икра ноги – слвн. диал. *kẹ́:ta*, бел. диал. *пучóк* I.174, 175.
бутылка > икра ноги – рус. диал. *buˈtылka*, *buˈтыłka*, *buˈтыłkə* I.175.
яблоко > икра ноги – мак. диал. *јабукце* I.177.
тыква > икра ноги – слвн. диал. *bù:ča* I.177.
стебель > кость ноги > щиколотка – рус. *лодыжка* I.192.
сучок > щиколотка – мак. *глужд* I.193.
шишка > щиколотка – слвн. диал. I.193.
мисочка > щиколотка – слвн. диал. *sklę̑čke* I.194.
пучок > щиколотка – слвн. диал. *ˈki:čica*, *ˈkị:čịca*, схр. диал. *kȉčica* I.194.
шарик > щиколотка – в.-луж. *kulka*, пол. диал. *kulʹka* I.194.
след > стопа – мак. диал., рус. диал. I.208.
ширина > подъём стопы – праслав. *plesno I.225–226.
цвет лица > кожа лица II.40.
клубок > сустав – чеш., слвц., пол. диал. II.71–72.
ключ > сустав – болг. диал., мак. диал., схр. диал., укр. диал. II.72.
стык > сустав – рус. диал. *ýзóг* II.73.
яблоко > сустав – мак. диал. *јаболко* II.74.
петля (двери) > сустав – пол. диал. *zovʹasy*, *zvʲůzy*, *zåvʹasy* II.74.
способ соединения деревянных элементов > сустав – пол. диал *tap*, укр. диал. *зáмок* II.74.
сарай > рот – схр. диал. *плéвња* II.107.
станок для мятья льна > рот – рус. диал. *мя́лица*, *мя́лка*, бел. диал. *мя́лка* II.107.
поддувало печи > рот – укр. диал. *піддувáйло* II.107.

верша > рот – укр. диал. *ве́рша* II.107.
форма для запекания > рот – слвц. *pekáče* II.107.
яма > рот – пол. диал. *jama* II.107.
пространство между двумя рядками растений > рот – слвц. диал. *pavka* II.107.
конный ворот > рот – слвц. диал. *gépľe*, *gáfľe* II.107–108.
задвижка дымохода > рот – бел. диал. *ю́ха*, *ю́шка* II.108.
бутылка > рот – пол. диал. *butla* II.108.
корона > десна – болг. *вене́ц*, мак. *венци* II.131.
гингивит > десна – мак. диал. *нузла*, болг. диал. *нижси́т* II.132.
тесло > резец – ст.-пол. *cieśla* II.135.
лопата > резец – чеш. *lopata*; каш. *šëfla* II.135.
кол > клык – рус. диал. *кол* II.137.
охотничий нож > клык – чеш. *tesák* II.137.
межевой камень > клык – в.-луж. *měznik* II.138.
табуретка > коренной зуб – чеш., слвц. *stolička* II.157.
короткий брусок, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней > коренной зуб – рус. диал. *копыл* II.157.
родители > коренные зубы – бел. диал. *бацькí* II.158.
небо > нёбо – праслав. *nebo II.160.
потолок > нёбо – рус. диал., чеш. диал., схр. диал. II.161.
купол > нёбо – мак. диал. *ˈkube* и *kuˈbe* II.161.
этаж > нёбо – чеш. *patro* II.161.
карниз > нёбо – мак. диал. *сажак* II.161.
память > мозг – слвн. диал. II.165.
разум > мозг – луж. диал. *rɔzum*, *rɔzɔm*, *rɔzym*, *rɔzɛm* II.165.
дыхание > лёгкое – пол. диал. *tchy* II.213–214.
воздух > лёгкое – бел. диал. *вазду́хі* II.214.
волынка > лёгкие – чеш. *dudy*, пол. диал. *dudy* II.214.
скрипка > лёгкие – пол. диал. *huśle ~ huśla* II.214.
жарко́е > печень – слвц., укр., бел., рус. II.218.
косточка плода > почка растения > почка человека или животного – рус., укр. диал., бел. диал. *по́чка* II.221–222.
человечки > почки – слвн. диал. *možeki* II.223.
точильный брусок > почка – слвн. диал. *oslice* II.222.
фасоль > почка – слвн. диал. *fižol* II.222.
стручок > почка – слвн. диал. *stročke* II.222.
выпечка круглой формы > почка – укр. диал., слвц. диал. II.223.
клубок > почка – пол. диал. *kłęmby* II.223.
жарко́е > почка – др.-чеш. *pečenka* II.224.
половинка > почка – рус. диал. *paławšk'i* II.224.
коса (инструмент) > селезёнка – бел., укр. диал., рус. диал., пол. диал. II.246–247.

зима > селезёнка – укр. диал. *зима́* II.248.
болезнь селезёнки > селезёнка – рус. ц.-слав. ѓастъ, укр. диал. *дити́нєц* II.248.
селезёночник очерёднолистный > селезёнка – бел. диал. *мінӯшка* II.248.
колбасное изделие в желудке > желудок – мак. диал. *дедо́т*; мак. диал. ˈ*baba*, болг. диал. ˈ*babičkʌ*, ˈ*babə* II.260.
холодец > желудок – мак. диал. *пачˈа* II.261.
корм для скота > желудок – мак. диал. *paščˈńak*, болг. диал. *пáчник* II.261.
еда > желудок – бел. диал. *е́чук* ‘желудок’, *ячӯ́к* II.261.
митра > желудок – мак. диал. *митра* II.261.
водяная мельница > желудок домашней птицы – болг. диал. *udeˈnicə* II.261.
колбаса > кишка – слвн. диал. II.271.
колбасное изделие в кишке > кишка – болг. диал. *дя́до*, *ста́рец*; слвц. диал. *katarína ~ katerina ~ katriena* II.272.
корм для скота > толстая кишка – болг. диал. *пáшник* II.273.
дно > прямая кишка – в.-луж. *deno* II.274.
ствол > прямая кишка – рус. диал. *ствол* II.275.
ворсинки на кишечнике > толстая кишка – слвц. диал. *kĺk* II.275.
барабан > мочевой пузырь – чеш. диал. *buben* II.285.
яйцо > тестикула – болг., мак., схр., слвн., чеш., слвц., пол., бел., укр., рус. II.295.
шар > тестикула – чеш. разг., пол. разг., пол. диал. II.296.
мяч > тестикула – болг. *мóпка*, мак. диал. *топка* II.296.
пузырь > тестикула – пол. диал. *bąbelek* II.296.
сорт сливы > тестикула – болг. диал. *сúнюфка* II.296.
сорт груши > тестикула – схр. диал. *карамáнац*, *тéпавац* II.296.
ягоды > тестикулы – пол. диал. *jagody* II.296.
фрукты > тестикулы – пол. диал. *frukta* II.296.
помидоры > тестикулы – рус. прост. *помидóры* II.296.
ядро (ореха) > тестикула – пол., в.-луж., вост.-слав. II.296–297.
зерно > тестикула – болг. диал. *зърно*, схр. диал. *зˈрно* II.297.
клубок > тестикула – болг. *макарá* II.297.
железный шар на безмене > тестикула – схр. диал. *кијáнац* II.297.
голыш (камень) > тестикула – схр. диал. *tȉtra* II.297.
колокольчик > тестикула – рус. прост. *бубенцы́*, *колоко́льчики*; болг. разг. *камбáни* II.298.

2. Дериваты

2.1. Дериваты от глаголов

тлеть > тело – праслав. *tělo I.28–35.
кряхтеть > грудь – рус. диал. *кре́шки* I.81.
ёкать > сердце > грудь – рус. диал. *ёчки* I.81.

копать > копыто – праслав. *kopyto I.107–108.
бить > бедро – праслав. *bedra I.128.
стегать > бедро – праслав. *stegno I.130.
прыгнуть > бедро – слвн. диал. *skok* I.141.
лягать > бедро – рус. *ля́жка* I.142.
хромать > бедро – рус. диал. *кулуа́* I.142.
ходить > бедро – рус. диал. *ходи́ло* I.142.
пятиться > бедро – рус. диал. *кэрач'и́нэ* I.142.
становиться голым > передняя, немясистая, часть голени – праслав. *golěnь I.167–169.
бродить, шляться > голень – *lystь I.169–170.
обрезать > икра – пол. диал. *obrzazka* I.177.
скрипеть > щиколотка – слвн. диал. *škrípc*, *škr̈ipc* I.194.
прыгнуть > щиколотка – слвн. диал. *skuə́k* I.194.
ступать > стопа – праслав. *stopa I.203–204.
ходить > стопа – чеш., слвц. *chodidlo*, болг. *ходи́ло*, мак. диал. *худи́ло* I.205.
ползти > стопа – слвн. диал. *pǫ̑lš*, *pôlš* I.209.
топать > стопа – чеш. *šlapa*, *šlapka*, *šlapadlo* I.209.
вихлять > стопа – рус. диал. *вихле́ц* I.209.
идти с трудом > стопа – рус. диал. *тя́пка* I.209.
тянуть > пятка – праслав. *pęta I.228–229.
вращаться > сустав – праслав. *čelnъ II.42–67.
ставить, составлять > сустав – болг., схр. диал., др.-чеш., слвц., пол., бел., укр. диал., рус. II.68–70.
гнуть > сустав – слвц., в.-луж., н.-луж., болг. диал., схр. диал., пол. диал., укр. диал. II.70.
скреплять > сустав – болг., мак., схр., слвн. II.70–71.
склепать, соединить > сустав – слвн. *sklȅp*, *sklênek* II.75.
связать > сустав – рус. диал. *связь* II.75.
спаять > сустав – рус. диал. *спай* II.75.
плевать > рот – болг. разг. *плюва́лник* II.103.
жевать > рот – схр. разг. *žvȁla* II.103.
есть > рот – слвн. диал. *hȁtmę*, *hȁ:mi*, пол. диал. *ham*, рус. диал. *хам*, *ха́мник*; слвц. диал. *papuľa*; пол. диал. *jadaczka*, *jadaka*, *jadło*; рус. диал. *еда́ло*, *е́жево*; *жра́ло*; *ха́вало*, *ха́валка*, *ха́вальник*, *ха́вело*, *ха́вка*, укр. диал. *chawk'a*, *ха́вка*; рус. диал. *жа́ба* II.103–107.
хлопать > рот – чеш. разг., слвц. диал. *klapačka* II.103.
болтать > рот – слвц. диал. *bľabotačka*, *ľapotačka*, *chlapajzeň*, *chňapta*, *mlatoveň ~ mlatovňa*; н.-луж. диал. *prampa*, рус. диал. *трепа́ло* II.103–104.
сказать > рот – слвц. диал. *povedačka* II.103.

хлебать > рот – рус. диал. *хлеба́ло*, *хлеба́лка*, *хлеба́льник*, *хлеба́вня*, *хле́бово*, *хле́бово* II.103–104.
кричать > рот – рус. диал. *базло́*, *пазло́*; *га́йло́*; *зева́ло ~ зёвало*, *зевло́*; *зепло́*; *ха́зина*; *халя́ва*, *халя́вка*; *ад*, *а́ди́ще* II.104–106.
ругать(ся) > рот – рус. диал. *хайло́*, *ха́йка*, *ха́йна*; *халда́*; *ха́лка*; *ха́ба́ло*, *ха́бальник* II.104–105.
раскрывать > рот – рус. диал. *разга́й*; *расхлебе́ня* II.104.
наплакаться > рот – рус. диал. *у́рево*, *у́ревь* II.104.
проткнуть > рот – рус. диал. *про́тка* II.104.
резать > резец – болг., рус. *резе́ц*, мак. *резец*, бел. *разе́ц*, укр. *різе́ць*, чеш. *řezák*, слвц. *rezák*; схр. *s(j)ekùtić*, слвн. *sekâlec*, пол. *siekacz*; в.-луж. *krajak* II.135.
грызть > резец – каш. *ugris*, бел. диал. *грызуне́ц* II.135.
прикусить > резец – бел. диал. *прыку́сы* II.135.
рубить > резец – рус. диал. *руба́к* II.135.
колоть > клык – праслав. *kъlъ II.137.
резать > клык – мак. диал. *секачи* II.138.
жевать > коренной зуб – рус. разг. *жева́тельный зуб* II.157.
разгрызть > коренной зуб – каш. *rozgrəzńik* II.157.
растирать > коренной зуб – рус. диал. *растира́льник* II.157.
молоть > коренной зуб – в.-луж. *mlějacy zub*, *mlějak*, н.-луж. *mlejny zub* II.157.
дышать > лёгкое – болг. диал. *диха́лка*, луж. устар. *dychadło*, *dychawa*, бел. диал. *ды́хала*, рус. диал. *ˈдыхэ́ты* II.213.
колотить > селезёнка – рус. диал. *бу́хало* II.247.
защищать птенцов крыльями > селезёнка – болг. диал. *пудлу́пка* II.248.
cacare > прямая кишка – бел. диал. II.274.
пухнуть > мочевой пузырь – пол. *pęcherz*, н.-луж. *puchoŕ*, в.-луж. *pucher* II.283–285.
mingere > мочевой пузырь – укр. диал., рус. диал., болг. диал. II.285.
pedere > мочевой пузырь – слвн. диал., болг. диал. II.285.
рожать > тестикулы – пол. устар. *rodniki* II.298.
проявлять половое влечение (о свинье) > тестикулы – пол. диал. *huki* II.298.

2.2. Дериваты от прилагательных

босой > стопа – рус. диал. *босва́*, *бо́совь* I.209.
лёгкий > лёгкое II.212–213.
правый > печень – рус. ц.-сл. **десньць** II.219.
округлый > почка – слвц. *obličка* II.223.

2.3. Дериваты от существительных

бок человека > бедро – рус. диал. *костречи́ще* I.137.
culus > бедро – рус. диал. *жо́пина* I.137.
погача (круглый хлеб) > коленная чашечка – слвн. *pogáčica* I.146.
репа > коленная чашечка – пол. *rzepka* I.146.
яблоко > коленная чашечка – слвц. *jabĺčko* I.146.
хлеб > рот – чеш. разг. *chlebárna*, слвц. разг. *chlebáreň* II.108.
зубы > десна – рус. диал. *зуби́ща*; рус. диал. *назу́бица*; слвн. диал. *ˈzabərni*, *ˈza:bərna*; *ˈza:bərn̥* II.130.
выбоина > десна – чеш. диал. *klouteň* II.131.
жёлоб, паз > десна – болг. диал., мак. диал. II.131–132.
ярмарка > резец – бел. диал. *кірмашо́вікі* II.136.
волк > клык – бел. диал. *ваўча́к* II.137.
коренной зуб > клык – мак. диал. *докутњаци* II.138.
остриё > клык – чеш. *špičák*, н.-луж. *špicaŕ* II.137.
кол > клык – мак. диал. *колник*, *колац*, *колуви* II.137.
десна > коренные зубы – рус. диал. *нала́ки* II.158.
зуб > нёбо – слвн. диал. *nə̑zbica* II.161.
поясница > почка – слвн. *ledvíca*, чеш. *ledvina* II.221.
замша > почка – в.-луж. *jěrcheń* II.224.
ворона > селезёнка – слвн. *vranica* II.239.
аршин > кишки – рус. диал. *аршѝнники* II.273.
угол > прямая кишка – пол., бел. диал., рус. диал. II.274.
culus > прямая кишка – болг., мак., хорв., бел. диал., рус. диал., слвц. II.273.
мешок > мочевой пузырь – праслав. **měxyrʼь* II.277.
моча > мочевой пузырь – в.-луж. *močica*, рус. диал. *мочеви́на* II.285.
боб > мочевой пузырь – слвн. диал. *bûbȁc* II.285.
пучок > мочевой пузырь – рус. диал. *папу́к* II.286.

3. Коллокации

толстое мясо > бедро – болг. диал., мак. диал., схр. диал., слвн. диал., слвц. диал., луж. диал. I.135, 139.
толстое тело > бедро – слвц. диал. *hrube celo*, *hrubi celo* I.139.
толстая нога > бедро – луж. диал. I.139.
толстая голень > бедро – схр. диал., слвн. диал., пол. диал. I.139.
верхняя нога > бедро – луж. *hər'ɛšna nɔha* и т. д. I.138.
нога над коленом > бедро – в.-луж. диал., пол. диал., слвн. диал. I.138–139.
кость ноги > бедро – слвн. диал. I.139.
длинная кость > бедро – слвн. диал. I.139.

мягкое мясо > икра – слвн. диал. I.174.
толстое мясо > икра – болг. диал., мак. диал., слвн. диал., схр. диал., слвц. диал., пол. диал. I.174.
толстая нога > икра – пол. диал. *gruba noga*, бел. диал. *мóўстыя ныгá* I.174.
толстое тело > икра – пол. диал. *grube ciało* I.174.
задняя мякоть > икра – слвн. диал. *zǫ̑dnę mę̑čę* I.175.
заднее мясо > икра – слвн. диал. *to mîso ta zât* I.175.
задняя мышца > икра – слвн. диал. ˈ*za:gja* ˈ*mi:šica* I.175.
[нога] под коленом > икра – мак. диал., слвн. диал., пол. диал. I.175.
мясо под коленом > икра – слвн. диал. *mesû pot kolénəm* I.175.
кость под коленом > икра – слвн. диал. *čǫ̑ntå pǫ̑t kulę̑nun* I.175.
подколенная мышца > икра – слвц. диал. *potkoĺeni sval* I.175.
передний зуб > резец – схр., н.-луж., слвн. диал., др.-чеш., ст.-пол., бел. диал., рус. диал. II.136.
мелкий зуб > резец – укр. диал. *drimni* II.136.
собачий зуб > клык – болг. *кýчешки зъб*, болг. диал. *кýчешляк*, болг. диал. *пéсяк*, мак. *кучешки заб*, *песјак*, схр. *pȁsjāk*, слвн. *pesják* II.137.
ослиный зуб > клык – мак. диал. *магаре́шки зᵃ̨мби* II.137.
свиной зуб > клык – мак. диал. *свински зуп* II.137.
глазной зуб > клык – мак. *очник*, схр. *ȍčnjāk*, слвн. *podǫ̑čnik*, слвц. *očný zub*, бел. диал. *глазны́ зýб* II.138.
средний зуб > клык – мак. диал. *стреден (зап)* II.138.
передний зуб > клык – мак. диал. *преден зȁ̆б*, *прéјен зȁ̆б*, *преден*, *предњи заби*, *предњи зуби*, ст.-пол. *przednie zęby* II.138.
угловой зуб > клык – в.-луж. *rózkowy zub* II.138.
жерновой зуб > клык – рус. диал. *жерновóй зуб* II.157.
корневатый зуб > коренной зуб – рус. диал. *корневáтый*, *корневáтик*, *корновáтник*, *корновáтик*, *кореновóй зуб*, *корневóй зуб*, *корневáстик*, схр. диал. *кóрњак* II.157.
пеньковый зуб > коренной зуб – пол. диал. *pieńki*, *pniaki*, *pieńkowe zęby* II.157.
основной зуб > коренной зуб – рус. *коренно́й зуб*, бел. *карэ́нны зуб* II.158.
задний зуб > коренной зуб – в.-луж. *zadni zub*, рус. диал. *зáдней зуб* II.158.
височный зуб > коренной зуб – рус. диал. *косúчный зуб* II.158.
мирный зуб > зуб мудрости – болг. диал. *мúрен зъ̀n*, *мúр'ен зȍn*, *мúрнийę̀ зȍn*, *мúрę̀н зȍn*, *мирéн*, *мúрник*, *мирýшка* II.158.
белая печень > лёгкое II.183–191.
задняя кишка > прямая кишка – бел. диал. *зáдняя кíшка*, *зáднія кішкá*, *зáдня кішкá*, *зáдня кы́шка* II.274.

Словоуказатели

Праславянский
(включая недостоверные реконструкции)

*agnędъ 254
*aje 295, 296
*aščerъ 279
*basnь 124
*baxati 260
*bedra 19, 24, 25, 126, 127, 277, 310
*běda 123
*blěskъ 97
*bliznьcь, *bliznъkъ 62
*bokъ 18
*bolnь 211
*borda 21
*bornь 242
*borti 242
*bǫbъrěti 225
*bratrъ, *bratъ 208, 211
*brat(r)ьja 211
*bry 21, 126
*br'uxo 17
*byti 91
*bytъ 91
*bьbrъ 207
*bьrdo 289
*cěna 123
*cěpъ 23
*čelnъ 12, 16, 42, 43, 46, 48, 49, 54–58, 60–62, 64–67, 143, 155, 302, 308, 309, *čělnъ 65, *čel̂nъ 65, 301
*čelnъkъ 42, 43, 46, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62
*čelo 16, 24, 66, 126
*čel'adь 66
*čel'ustь 16
*čerenъ, *čerenь, *čerěnъ, *čerěnь 139, 155, *čer(j)ěnъ, *čeranъ 139, *čьranъ 139, 155
*černowъ(jь) zǫbъ 139, 152, 153, 154, 301, 302
*černъ 62, 64–66, 139–141, 143, 152–155, 302, *čef̂nъ 65
*čersla 18, 122
*čerslo 121
*čersti 121
*čersъ 141
*čerwo 17, 265
*čerwьjь 265
*česati 65
*česnъ 62, 64–66, 143, česnь́, *česnъ̑, *česnъ̀ 65
*česnъkъ 62
*čędo 289, 291
*-čęti 291
*činiti 62
*činъ 62, 64–66, 143, *čînъ 62, 65
*čislo 122
*čisti 122
*čudo 291
*čuti 291
*čuxati 205
*čuxnǫti 205
*čьlnъ 66
*čьlnъkъ, *čьlnьcь 62

*čьněti 109
*čьnoba 108
*čьranъ, *čьr(j)ěnъ 139
*danь 242
*dati 242
*datь, *daťa 211
*deg- 204
*degъtь 204
*delbto, *dolbto 209, *del(b)to, *delto, *dolto 233
*dernъ 154
*derwo 205
*desnica 18
*dělo 23
*děža 123
*dęsna 17, 25, 114, 121–125, 127, 129, 133, 301–303, 308, 309, *dęsnȧ 123, 301, *dęsno 114, 120–123, 125, 127, 301, *dęsnь 114, 115, 121–124, 301, *dę̂sьni 114, 302, 314, *dęslo 114, 115, 120–122, 301, *dǫslo 114, 301, *dǫsna 114, 302, *jasno, *jasna 114, 301
*dętelъ, *dętelь 124
*dolnь 18
*domъ 252
*domъkъ 252
*drobъ 217, 259
*drozdъ 204, 295
*drъwa 205
*duxъ 205
*dworъ 205
*dwьrъ 205
*dъxorь 277, 279
*dъno 274, 295
*elbǫdь, *olbǫdь 268
*elito 20, 266–268, 295, 301–303, 310, *jęlito, *ęlikto 267
*elьxa, *olьxa 268
*emela, *omela 268
*erębь- 267
*esenь 237
*ěpa 98
*ěsli 122
*ěsti 122, 129, 261
*ěsto 292
*ěťa 261
*ęčьmy, *ęčьmykъ 112
*ędro 296
*ętro 19, 184, 215–217, 301, 310, *ętrȯ 215, 301, *ętra 178, 179, 191, 217
*ęzykъ 17, 113, 129, 301, 308, 309, *ęzýkъ 112, 301
*gleznъ 19, 60, 312
*gliza 169
*globiti 70
*gluda 165
*golěnь 19, 126, 127, 242, 310
*golěti 242
*golwa 16, 169
*golъ 242
*gonitwa 27
*gowędo 254, 291
*gǫba 14, 17, 99
*gǫsli 122
*gǫsti 122
*gǫzъ 273
*grati 102
*gręda 123
*gromъ 208
*groznъ 62, 64, 65
*grǫdь 20, 308, 309
*grysti 135
*grьměti 208
*gwězda 123
*gъrčelъ 173
*gъrdlo 17
*gъrnъkъ, *gъrnьcь 62
*gъrtanь 17
*gybati 70, 93

*xmara, *xmura 277
*xrъbьtъ 18, 160, 308, 309
*xujь 20
*jasna, *jasno *см.* *dęsna
*jьkra 23, 254, *jьkro 19, 23, 312
*jьmenitъ(jь) 268
*jьstina 292
*jьsto 20, 220, 292, 293, 301, 302, 310
*jьz-sъръ 267
*kamy 112, *kamykъ 113
*kazati 242
*kaznь 242
*klętwa 27
*klǫbъ 71, 72
*klъkъ 275
*kľučь 72
*koléno 19, 66, 67, 127, 204, 310
*kolo 67
*kolti 137, 301
*konьcь 23
*kopyto 126, 312
*kory, *korę 154
*kosturъ 278, 279, *kostura 278
*kostyr'ъ 278, 279
*kostь 20, 40
*kotiti sę 281
*kozvonъ(kъ) 74
*koža 16
*kǫtъ 268, 274
*kǫtьnica 260, 268
*kǫtьnъ(jь) zǫbъ 145, 152, 155–157, 301, 302
*kremy, *kremykъ 112
*krosno 125
*krъtъ 76, 90
*kry 20, 40
*kuna 204
*kura 27
*kury 27
*kъlbъ 262
*kъlkъ 16, 66, 310
*kъlъ 17, 137, 301, 308, 309, *kъlъkъ, *kъlykъ 137
*kъrkolъ 138
*kъrkъ 17
*kъrnorzъ 287
*kъrnъ(jь) 143
*kъsenь 246, 271
*kъznь, *kyznь 92
*kyčerъ 278
*kysati 270, 271
*kysiti 270, 271
*kyša 270
*kyšьka 268, 270
*kyta 270
*kyznь 92
*lalokъ 131
*ledowъ(jь) 153
*ledьnъ(jь) 153
*lěxa 123
*lędwьję / *lędwьjě 221
*lice 16
*listьje 211
*lono 125
*ložesno 20
*luna 125
*lupina 205
*luska 97, 205
*luspa 205
*lъbъ 20
*lъžьka, *lyžьka 92
*lystь 19, 310
*lytъka 19, 92, 310, *lъtъka 92
*lyža 88
*lьgъkъ(jь) 212
*maslo 122
*mastitъ(jь) 268
*mazati 122
*medowъ(jь) 153
*medьnъ(jь) 153

*měsęcь 230
*měxъ 165, 277
*měxyr'ь 20, 277, 279, 280, 282–284, 301, 302, 310, *měxurъ 277, 279, 283, 302
*mězga 164, *mězgȁ 123, *mezga 164
*mězinьcь 18
*męso 23, 125
*męta 123
*mimo 207
*moča 20
*močiti 280
*modlitwa 26
*morwь 211
*mor'e 210
*mošьna 114
*motyka 27
*mozgъ 19, 162–165, 230, 302, 303, 308, 309, *môzgъ 162, 301, *mòzgъ, *mözgъ 162, *mozgy 163
*možženь 163
*mǫdo 20, 288–290, 303, 310, *mǫdȍ 287, 301
*mǫdrъ 289, 290
*mǫžь 289, 291
*muditi 290
*muxa 165
*mura 105
*muriti 105, 106
*mъxъ 165
*mъšica 165
*mъzga 165
*myslь 122
*myti 91
*mytъ 91
*mьstь 165
*narъtъ 84, 87–89
*nebo 17, 125, 160, 301, 308, 309, *nëbo 160, 301
*noga 19, 310
*nogъtь 18, 206
*nosъ 17
*nozdri 17
*nožь 208
*o(b)prěsnъkъ 62
*obrъtь 83, 84, 88
*očitъ(jь) 268
*oko 16
*olbǫdь *см.* *elbǫdь
*olkъtь 18, 268
*olnita 16, 267, 268
*olьxa *см.* *elьxa
*omela *см.* *emela
*ormo 18, 24, 126
*orzumъ 165
*osъtъ 90
*ǫsъ 21
*ǫtroba 19, 175, 185, 217
*ǫzgъ 73
*ǫzъkъ(jь) 73, 113
*palьcь 18
*pamętь 165
*paščeka 101
*pazuxa 18
*pečenь 218, 237
*pelena 229, *pel(e)na 230
*perdьnъ(jь) zǫbъ 136, 301
*peť'era, *peť'ura 277
*peť'i 218, 222
*pěsnь 124, 204
*pěstъ 93, 95
*pětьlowęzъ 294
*pětьlъ 294
*pęstь 18
*pęta 19, 312, *pętȁ 123
*pętero 124
*pętъjь 124
*pęťь 124
*piskorъ 277

*pizda 20
*plesno 19, 125, 126, 312
*pleso 125
*pleťe 18, 194, 210
*plěsnь 124
*pluta 92, 212
*plyti 92, 95, 302
*plъtъ 76, 92, 212, 302
*plъty 92, 212
*plъtь 12, 16, 29, 34, 35, 39–41, 92, 125, 212, 302, 308, 309
*pľuťe 19, 194, 195, 197–206, 208, 209, 211, 301, 310, *pluťe 194, 195, 197–206, 208, 209, 301, *plūt̓ā̆ 203
*pnutje 194
*počьka *см.* *pръťьka
*pokrǫtka 223
*polmy, *polmykъ 113
*potъ 20
*powerslo 121
*powersti 121
*pǫďati 242
*pǫpъ 17
*přěsk-nŭ 62
*prędeno 25, 237
*prędťa 123
*pręslo 121
*pręsti 121
*prisęga 123
*proraziti 258
*puxnǫti 97, 283
*puxyr'ь 284
*pusťati 242
*pyxati 97
*pyskъ 95–97, 308, 309, *pъsk- 97
*pъrpati
*pъťьka 97, 222, *počьka 222
*pьxati 93
*pьrsi 17, 126, 308, 309
*pьrstъ 18
*pьšeno 25, 237
*rebro 20
*remy, *remykъ 113
*retęzь 206
*rěka 123
*rězati 135
*ręsa 21
*ritь 18
*rǫka 18
*rypati 91–95
*ryti 90–95, 302, *rýti 93
*гър- 93–95
*гътati (sę) 88
*гътъ 12, 76–78, 83–93, 95, 96, 301, 302, 308, 309, *гъ̑тъ, *гъ̀тъ 76, *rŭpt- 89
*гъwati 90, 92
*selzena 20, 25, 124, 126, 228–231, 233, 237, 238, 243, 244, 246, 301–303, 310, *selzenȧ 229, 301, *spelzena 228, 235, 301, 303, *solzena 228, 233, 234, 301, *sьlezena 228, 233, 235, 301, *selezenь 228, 301, *selzen'a 228, 301, *selzina 228, 301, *sb̑lzena 228, 301, *selzenö 228, 301, *selzä 228, 231, 301, *selzenъka 229, 236
*selzenь 124, 228, 237, 301, *selzьńь 240, 241, 243
*serbro *см.* *sьrebro
*serda 174, 205, *serdȧ 123
*sernъ 235
*sědati 257
*sěkyra 277
*sěťi 135
*skornь 16, 100, 154
*slězъ 231, 244, 254, 301
*slina 20

*slizь 235, 244
*sloboda *см.* *swoboda
*slьza 20, 244, *slьzinъka 234
*soldъkъ(jь) 232, 234, 244
*solzena *см.* *selzena
*sowati 292
*sǫglobъ 70
*sǫstawiti, *sъstawiti 68
*sǫstawъ 60
*spelzena *см.* *selzena
*stado 289, 291
*stanъ 62, 64–66, 143, *stânъ 65, *stanъkъ 62
*stati 65, 291
*stawa, *stawъ 69
*stawiti 68, 70
*stegno 19, 25, 127, 310
*stěna 123
*stopa 19, 312
*struga 164
*strumy 203
*strьženь 163, 165
*studenь 237
*stьlbъ 279
*stьlęžь 206
*suti 93
*swěťa 123
*swętiti 124
*swętъjь 124
*swoboda 14, 206, 207, *sloboda 14, 206, 207
*swьržь 163
*synъ 62, 64–66, 143, *sŷnъ 62, 65, *synъkъ 62
*sypati 93
*syrišče 256, 257
*syrъ 257
*sytъ 93
*sъčęstьje 124
*sъčęstьnъjь 124
*sъglobъ 70
*sъlnьko 121, 174
*sъrętťa 123
*sъstawiti *см.* *sǫstawiti
*sъsъ 17
*sътъ 76, 93, 95
*sьcati 285
*sьčь 20
*sьrati 236
*sьrditъ(jь) 268
*sьrdьce 19, 174, 205, 301
*sьrebro 235, 236, *serbro 235
*sьrstь 232
*šarъpati 94
*ščeka 101
*šujьca 18
*šulo 291, 292
*šьja 14, 17
*šьwъ 209
*telę 251
*tělo 16, 126, 308, 309
*těmę 16
*topolь 208
*trěsnъ 62
*trьbuxъ 254, 259
*tuxnǫti 204
*tukъ 16
*tušiti 204
*tylъ 16, 160
*tьrnъ 62, 64, 65
*ťuďъ 206
*udъ 16
*uxo 17
*ulita 267
*ulь 267
*usta 17, 25, 76, 84, 127, 301, 308, 309, *ustà 76, 301
*wasnь 124
*werteno 25, 237
*weslo 122

*westi 122
*wěko 17
*węzati 73, 294
*węzьnь 124
*witęʒь 206
*wolsъ 21
*woskъ 230
*wъja 14, 17
*wъnьziti 208
*wьгxowъ(jь) 153
*wьгxъńь(jь) 153
*zajęcь 230
*zapęstьje 18, 60
*zemь 211
*zěnica 17
*znamenitъ(jь) 268
*zǫbъ 17, 133, 301, 308, 309, *zǫ̂bъ 133, 301, *zǫbi 98
*zweno 25, 237
*zwonъ 209
*zwьněti 209
*zьlčь 20, 172
*želězo 169, 204
*želǫdьkъ 20, 250–254, 301–303, 310, *želǫdьcь 250–252, 302, *želǫdъ 250, 252, *želǫdь 169, 250, 252, 253
*želǫdъ ‘желудок’ 250, 252
*žely 167, 169
*želza 20, 167–172, 204, 243, 245, 302, 303, 308, 309, *želzȁ 167, 301, *želzda 171, *želzьna 171
*žeťi 204
*ževl-akъ 173
*žila 16
*životъ 175, 258
*životьkъ 175
*žьlza 172
*žьwati 103

Праиндоевропейский
(включая недостоверные реконструкции)

*bselinǵʰo *см.* *spl̥ǵʰen-
*bʰl̥ǵʰen- *см.* *spl̥ǵʰen-
*bʰudʰno- 258
*deḱ- 115
*d(é)nǵʰ-uh₂ 112
*denḱ-tlo-m 115
*dn̥ǵʰuh₂ 112, 301, *d(é)nǵʰ-uh₂ 112
*dn̥t- 112
*dʰeh₁- 288–290
*dʰeu̯s- 205
*en 112, 215
*geu̯l- 173
*g(u̯)eu̯bʰ- 93
*gʰelǵʰ-, *gʰelǵʰa, *g(ʷ)ʰelǵʰ-, *gʰelǵʰ-eh₂, *gʰel(e)ǵʰ-, *gʰlǵʰ-eh₂, *ghelǵheh$_a$- 170
*gʰoln̥d- 253
*ǵembʰ- 133
*ǵombʰos 133
*ǵʰeAw- 112
*ǵʰeu̯- 112
*ǵʰū- 112
*g(ʷ)el- 253
*gʷl̥h₂- 254
*(H$_e$)dn̥t-ni- 115
*Hru-, *HruH- *см.* *ruH-

*h₁donts 114, 133
*h₁ed- 133
*h₁éh₁l-eh₂ 267
*h₁entero- 215
*h₁lm̥gʷʰ- 178
*h₂eid- 220
*h₂el- 268, 303
*h₂er- 60
*h₂r̥tos 60, 61
*h₃el- 268, 303
*h₃er- 90
*h₃meiǵʰ- 164
*h₃óh₁s 76
*h₃orǵ-, *h₄órǵʰis, *h₃rǵʰ-o, *h₃órǵʰ-ei, *h₁orǵʰi- 287
*h₃óusto- 76
*h₃peus- 97
*iekʷr̥ 180, 215
*kelH-, *kel- 66, 67
*kelh₂- 67
*kusdʰ(h₁)- 269
*ḱerd 174, 301
*ḱr̥no- 143
*kʷei- 65
*kʷelh₁- 66, 67, 302, *kʷel- 66
*kʷer- 65, 143
*kʷerpH- 67
*legʰ- 125
*lh₁i-t- 267
*louksneh₂ 125
*man- 289, *mon- 289, 291, 303
*mastrigen- 165
*men- 287, 289, 290
*mend-, *mond-, *m(e)nd(ʰ)-o-, *men-dʰh₁u- 287
*mendʰh₁- 290
*meu- / *mou- 289
*mHú-to- 288
*mozgos 164
*muHdʰ- 122
*n̥ 112
*pelH- 41
*pleu- 41, 194, 212, 302
*pleumon- 194
*reup- 93
*ruH- 90, 95, *HruH-, *Hru- 91, *rutós 95
*selǵ- 241, 242, 245, 303
*seup- 93
*(s)kel- 66, 67
*(s)kelh₁- 67
*spl̥ǵʰen-, *splēi, *bselinǵho, *splēigh, *spleǵh- / *splĕiǵh-, *bhl̥ǵhen-, *sp(h)elǵh(en, -ā), *splenǵʰ-, *splĕǵh-, *spl̥hgʰen-, *sp-el/l̥/lī-ǵh-en-, *sp(h)elǵh / *sp(h)elǵh-en / *sp(h)elǵh-en-ā, *(s)plǵh / *(s)pli(h)ǵh, *spl̥ǵhen-, *sp[h]elǵ[h]-, *spelgh-, *spl̥gh(e)n-, *spĕlgʰōn / *spelǵʰ-ā, *spelǵh-, *sploiǵH₂-ḗn, *spelHǵhōn, *(s)pl̥ǵʰ-ni-, *splǵʰ-ēn, *spl(ē)ǵʰ-n-, *splegʰ-n-, *spleǵʰ-eh₂, *spl̥ǵh-ē- 238
*teh₂g- 115
*teus- 204

Прабалтийский

*duu̯ai̯ 90
*mazgenā 164
*smeg- / *smag- 164
*suu̯- 90
*u̯ekeras 90
*u̯eserā 90
*žuu̯is 90

Прагерманский

*ēla- 267
*ēlō- 267
*instra- 221
*kelka(n)- 170
*kelōn- 170
*mandiie̯/a- 289
*maska- 164
*mazga- 163, 164, 302

Пракельтский

*kernā 153
*mezga- 163, 302

Праностратический

*muña 289
*muñ(d)ʌ 289

Пратюркский

*bog- 61
*bogum 61
*böɣür, *böɣrek 225

Прауральский

*koj(e)ra 291
*muna 289

Saenko Mikhail N.
On Slavic Somatic Lexis. Part II. – Moscow: Indrik Publ., 2026. – 366 p.

The book is devoted to Slavic designations for internal organs – the brain, liver, lungs, kidneys, spleen, stomach, intestines, urinary bladder, glands, and testicles. It also examines the names for flesh, joints, the mouth, tongue, gums, palate, and teeth (including incisors, canines, and molars). Proto-Slavic designations have been reconstructed and a catalogue of semantic shifts compiled for cases involving innovative designations. The Proto-Slavic forms have been subjected to careful formal reconstruction, correcting inaccuracies found in the existing scholarly literature; their semantics have been established and their etymologies analysed, with new solutions proposed in several cases.

ISBN 978-5-7576-0541-8 **DOI: 10.31168/7576-0541-8**

Reviewers:
Dr Alexander E. Anikin, Doctor of Philology, Member of the Russian Academy of Sciences
Dr Anatoly F. Zhuravlev, Doctor of Philology

Managing editor
Marfa N. Tolstaya

Научное издание

Михаил Николаевич Саенко

ОЧЕРКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
Часть II

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 2 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 31.03.2026)

Корректор: И. С. Пекунова

Оригинал-макет: М. Н. Толстая

Дизайн обложки: А. Р. Анютина, М. Н. Толстая

В оформлении обложки использована
иллюстрация к Босковицкой Библии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик» обращайтесь по тел.:
+7 (977) 905-58-01
www.indrik.ru
market@indrik.ru
INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
www.indrik.ru

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 17.08.2026. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 23 п. л. Заказ № 101. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13